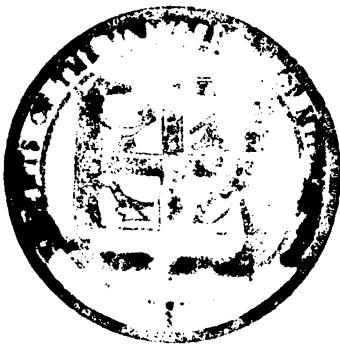

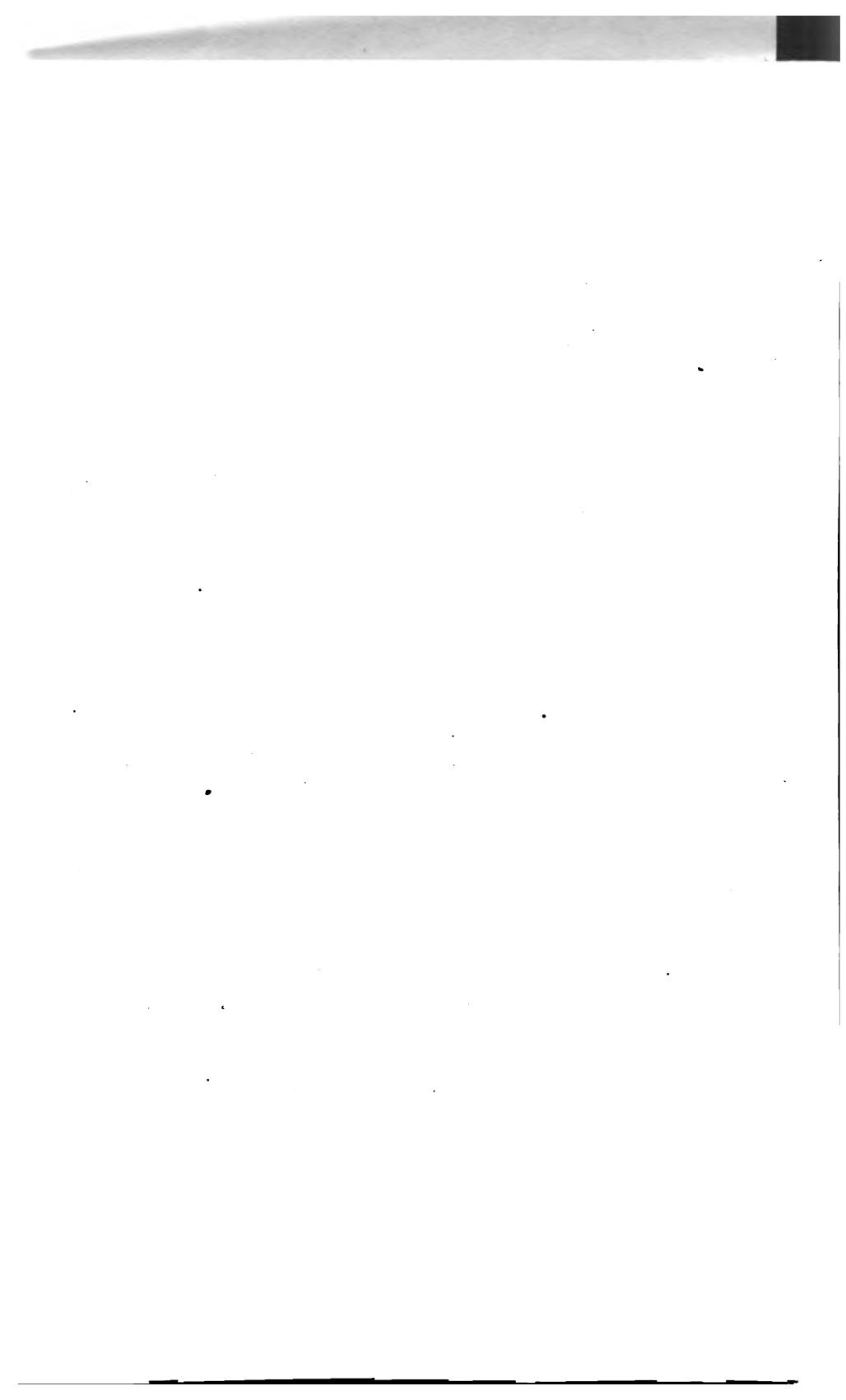

Twin Cities Campus

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ
МАТЕРИАЛЫ
ПО СРЕДНЕЙ АЗИИ
И ОРЕНБУРГСКОМУ КРАЮ.**

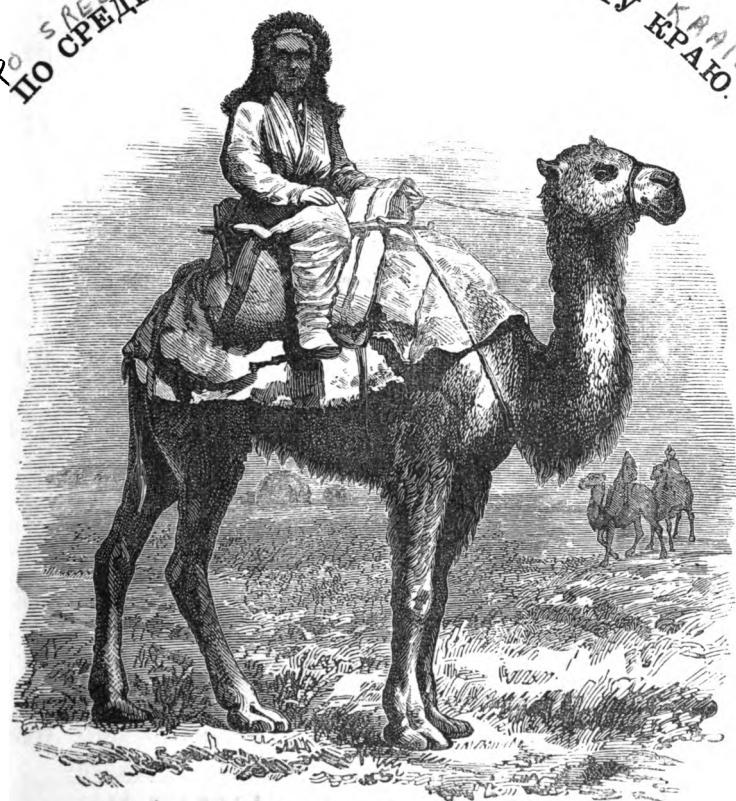

М. Н. ГАЛКИНА.

M. N GALKIN

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
ÉTHNOGRAPHIČESKIE I ISTORIČESKIE MATERIALY

PO SREDNEJ ASII I ORENBURGSKOMU KRAIU.
ПО СРЕДНЕЙ АЗИИ И ОРЕНБУРГСКОМУ КРАЮ.

ИЗДАНИЕ Я. А. ИСАКОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1868.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 20 Июня 1868 г.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГОГЕНФЕЛЬДЕНА И Ко
(Вас. Остр., 3 л., № 4).

958
G 134

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стран.
I. Предисловие отъ издателя	III
II. Введеніе.	V
III. О Туркменахъ восточнаго прибрежья Каспийскаго моря	1
IV Журналъ экспедиціи, снаряженной для обозрѣнія восточнаго берега Каспійскаго моря, въ 1859 году.	49
V. Обозрѣніе сношеній Россіи съ Хивою	150
VI. Выдержки изъ дневника слѣдованія, въ 1858 году, изъ Оренбурга въ Хиву Киргизскою степью и Аму-Дарьею	164
VII Объ историческихъ правахъ Россіи на города Туркестанъ и Ташкентъ	190
VIII. Распросрочная свѣдѣнія о Шегри-Сабзѣ и Мервѣ.	199
IX. Нѣсколько словъ о Самаркандѣ	207
X О военныхъ силахъ Бухарскаго Эмира.	210
XI. Показанія Русскихъ плѣнныхъ, возвращенныхъ изъ Бухары въ 1858—59 гг.	213
XII. Показанія Авганцевъ и Туркменъ, сопровождавшихъ въ 1840 году Англійскихъ путешественниковъ Аббота и Шекснира изъ Герата въ Хиву и оттуда на Каспійское море.	243
XIII. Штурмовой журналъ переводчика, Армянина Турпаева, посланного въ 1834 году изъ Ново-Александровскаго укрѣпленія въ Хиву	264
XIV. Извлеченіе изъ дѣла Московскаго сенатскаго архива объ отправленіи лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капитана князя Бековича-Чер-	

1481716

	Стран.
касского на Каспийское море и въ Хиву, въ 1714—1717 гг.	286
XV. О караванной дорогѣ изъ Мангышлака въ Хиву.	301
XVI Нѣсколько дорожниковъ черезъ наши Киргиз- скія степи въ среднюю Азію и между Бухарой, Кокономъ, Шегри-Сабсомъ, Чарджуемъ, Таш- кентомъ и проч.	305
XVII. Свѣдѣнія о мѣстахъ расположенія Киргизскихъ родовъ Оренбургскаго края	329

ПРИЛОЖЕНИЯ.

РИСУНКИ:

- Александровскій фортъ.
Портретъ Туркменскаго старшины Мамбетъ-Сафы Кулуева.
Видъ Кува-Дагской долины.
Стоянка на Красноводскомъ заливѣ.
Портретъ Салихъ-Хана.
Видъ Серебряного бугра.
Островъ Ашуръ-Адѣ.
Развалы дворца въ Ашрефѣ (въ окрестностяхъ Астрabadы).
Дворецъ Шахъ-Абаза
Городъ Баку.
Городъ Хива.
Ханское загородное помѣщеніе подъ Хивою.

ПЛАНЫ:

- Бѣлаго бугра и
Чикишлярскаго аула.

КАРТА:

Средне-Азіатскихъ владѣній съ пограничными частями Россійской
имперіи.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Возрастающее для нась съ каждымъ днемъ зна-
ченіе Средне-Азіятскихъ владѣній побуждаетъ нась,
съ согласія автора, издать настоящіе материалы,
касающіеся сихъ владѣній и сопредѣльныхъ съ ними
Киргизскихъ степей Оренбургскаго края.

Разбросанныя до сего по разнымъ повремен-
нымъ, а также ученымъ изданіямъ какъ нашего,
такъ и Парижскаго географическихъ обществъ,
означенные материалы издаются нынѣ съ нѣкото-
рыми дополненіями, въ общей связи и къ нимъ
присоединяются свѣдѣнія, относящіяся до Хивин-
скаго ханства, а равно нѣсколько видовъ, плановъ
и карта.

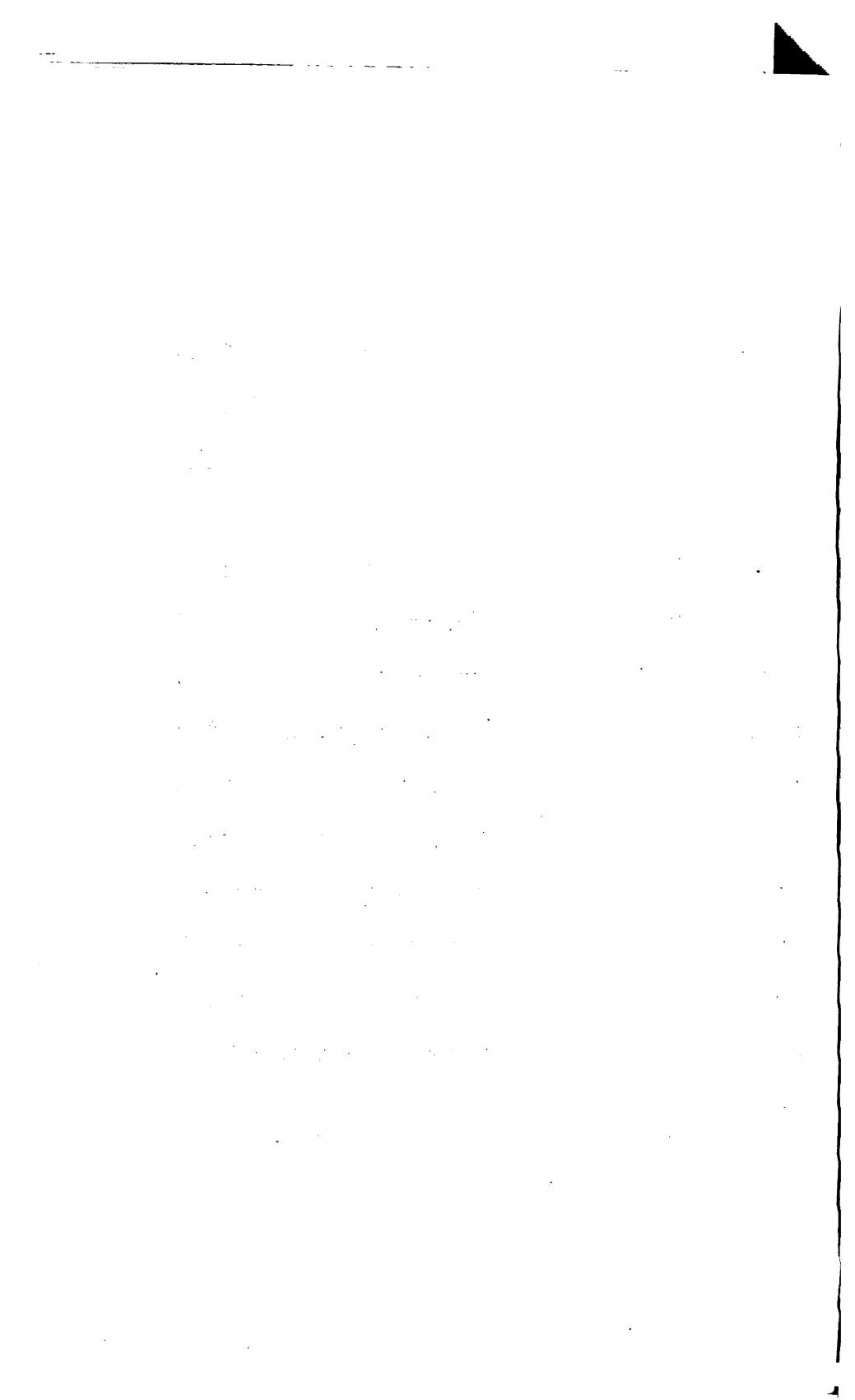

В В Е Д Е Н И Е.

Въ продолженіе нашей службы въ Оренбургскомъ краѣ, объѣхавъ значительную часть Киргизскихъ степей, на пространствѣ отъ Урала до Тобола и до средняго теченія Сырь-Дарьи, находясь при миссіи, слѣдовавшей въ Хиву въ 1858 году и участвовавъ въ экспедиціі, снаряженной въ 1859 году, для обозрѣнія Туркменскихъ степей вдоль восточного берега Каспійскаго моря, мы имѣли возможность ознакомиться съ посѣщенными нами мѣстностями и собрать свѣдѣнія о прилежащихъ къ нимъ странахъ, — согласно чemu и составлена нами большая часть помѣщенныхъ въ настоящей книгѣ статей; остальныя-же извлечены нами изъ архивныхъ дѣлъ и другихъ переписокъ Оренбургскаго края.

М. Галкинъ.

С.-Петербургъ, Іюнь 1868 г.

О ТУРКМЕНАХЪ восточного прибрежья Каспийского моря¹⁾.

Предлагаемыя свѣдѣнія основаны на личномъ обозрѣніи лѣтомъ 1859 г. нѣкоторыхъ мѣстностей, занимаемыхъ Туркменами, и также на распросахъ туземцевъ.

Руководствомъ, при подобныхъ распросахъ, служили какъ прежде извѣстныя о Туркменахъ свѣдѣнія по печатнымъ сочиненіямъ, такъ и извлеченные изъ переписокъ и архивныхъ дѣлъ Оренбургскаго края.

Эти-же свѣдѣнія, вмѣстѣ съ нѣкоторыми данными, полученными въ Астраханскомъ нашемъ консульствѣ, послужили къ составленію исторического обозрѣнія отношений Туркменъ къ сосѣднимъ народамъ.

Настоящія свѣдѣнія изложены въ слѣдующемъ порядке:

1) Очертаніе земель, занимаемыхъ Туркменами; 2) Общая характеристика послѣднихъ, происхожденіе ихъ и дѣление на роды; 3) Расположеніе Туркменскихъ кочевокъ и численность народа; 4) Взаимные отношения Туркменъ и отношения ихъ къ сосѣднимъ государствамъ: Россіи, Хивѣ и Персіи и 5) Мѣстное управление, занятія и торговля.

Топографическія данные, основанныя на съемкахъ и распросахъ, не имѣютъ здѣсь мѣста. Вообще, при состав-

¹⁾ Статья эта удостоена И. Русск. Геогр. Общ. награжд. сер. медалью; въ извлеченіи была сообщена авторомъ Парижскому Географическому Обществу, въ засѣданіи 20 Ноября 1863 года.

лениі предлагаемаго обзора, имѣлись преимущественно въ виду историческая, этнографическая и статистическая свѣдѣнія, на сколько доступны и возможны они въ отношеніи Туркменъ.

Топографія страны, какъ было сказано, не составляетъ предмета этой статьи. Тѣмъ не менѣе, говоря о народѣ, трудно обойти совершеннымъ молчаніемъ земли, занимаемыи имъ. Почему и здѣсь, прежде всего, предстоитъ сообщить, хотя въ общихъ чертахъ, обозрѣніе Туркменскихъ степей, идущихъ далеко на востокъ отъ Каспійскаго моря.

Это послѣднее служитъ единственной, опредѣлительной границей Туркменскихъ владѣній. Будучи народомъ кочевымъ, переходя съ мѣста на мѣсто, соприкасаясь съ народами, одинаково кочевыми, и перемѣшиваясь съ ихъ кочевьями, — Туркмены обусловливаются, согласно тому, предѣлами своихъ земель лишь крайними своими кочевьями. Такимъ образомъ, точное указаніе границъ съ остальныхъ 3-хъ сторонъ, особенно съ сѣверной и юго-восточной, весьма затруднительно. Вообще-же принято считать за границы: съ сѣвера полуостровъ Мангышлакъ, съ прилегающими къ нему степями Киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства, съ востока Аму-Дарью, съ Хивинскими и Бухарскими владѣніями, и съ юга Альбурскія горы, съ Черною рѣчкою, впадающею въ Каспійское море и отдѣляющею Туркменію отъ Астрabadской области Персіи.

Таковы границы. Что- же сказать о пространствѣ, окаймляемомъ ими? Если судить по личному впечатлѣнію, то оно было одинаково безотрадно вдоль всего Туркменскаго прибрежья. Сначала отъ Тюкъ-Карагана идутъ не высокія, голыя, обрывистыя скалы, теряющіяся въ пустынныхъ пескахъ у Кара-Бугаза. Потомъ возникаютъ подобныя - же горы у Красноводскаго залива. Это послѣдніе отроги горъ Балханскихъ. Они идутъ отъ нихъ изъ глуби степи и то-

нуть въ водахъ залива. По формѣ своей они нѣсколько разнообразнѣе Тюкъ-Караганскихъ возвышеностей, но столь же голы и бесплодны. Ихъ смыняетъ низкій, отлогій, совершенно ровный берегъ, неизмѣнно тянувшійся до Персидскихъ границъ. Встрѣчные бугры: Зеленый, Бѣлый и Себеряній слишкомъ незначительны и не измѣняютъ общаго однообразія. На всемъ этомъ пространствѣ природа производить только гребенщики, нѣкоторыя травы, употребляемыя верблюдами и рѣдко гдѣ аксаялю (родъ оржаника). Воздѣланныя почвы даютъ одни арбузы, дыни и кое-какіе коренья. Хлѣбопашество возможно лишь по берегамъ Атрека и Гургени, благодаря искусственному орошенію почвы; вообщѣ же оно весьма незначительно, и такъ какъ начинается на довольно большомъ разстояніи отъ устьевъ, то и здѣсь встрѣчаешь вдоль берега одинаковую дикость природы; къ тому-же камышъ почти запружаетъ устья рѣкъ, и внизъ отъ нихъ, почти сплошь, окаймляетъ берегъ до самой Персидской границы. Но за то какую противоположность представляеть послѣдняя, богатствомъ природы своей, со столь непривольными Туркменскими степями! Одинъ ужъ Альбурзскій хребетъ, съ вѣчно зеленою лѣсовъ, и эти обильныя пажити и пашни, которыя находишь въ Астрabadской области, поражаютъ путника, лишь переступить онъ черезъ пограничную Черную рѣчку. Но не такъ думаютъ Туркмены. Не разъ и ни отъ одного слышалъ я, какъ восхваляли они преимущества своей голой степи передъ лѣсами и горами Астрabadскими. Имъ и дышится привольнѣе въ степи, и манить она ихъ своей безпредѣльностью, отсутствиемъ всякихъ преградъ: бѣги, скачи куда хочешь, ничто не остановить быстраго бѣга коней. Таковъ взглядъ Туркменъ на свою отчизну и таковы вообще мѣста вдоль восточнаго Каспійскаго прибрежья.

Чѣмъ далѣе въ глубь, тѣмъ еще бесплоднѣе становится степь, и по серединѣ ея, согласно показанію Туркменъ, не представляется даже возможности къ лѣтнему кочеванію;

только нѣкоторыя бѣдныя семейства перекочевываютъ туда, съ наступленіемъ холодають, но на самое короткое время, для пастьбы немногочисленныхъ своихъ стадъ; вообще-же Туркмены сосредоточиваются на границахъ, по окрайнѣ, такъ-сказать, своей степи. Въ этомъ случаѣ только старое ложе Аму-Дары служить исключеніемъ: вдоль него кочуютъ и лѣтомъ и зимой нѣкоторые аулы. Здѣсь будетъ кстати замѣтить, по поводу извѣстныхъ предположеній о прежнемъ теченіи Аму въ Каспій, что, по показаніямъ Туркменъ, по всему предполагаемому старому руслу рѣки отъ Балханскаго залива до плотины, устроенной у Хивинскаго города Куна-Ургенча, есть вездѣ, на разстояніи переходовъ, прѣсная вода и что въ половодье Аму, или когда прорывается означенная плотина, воды ея протекаютъ по означеному руслу, на разстояніи верстъ 150, до озера Сары-Камышъ, представляющаго видъ обширнаго разлива.

Туркменскій народъ, населяющей указаннія мѣста, чуждъ всякаго образованія и нераздѣльныхъ съ нимъ понятій о чести, благородствѣ и уваженіи къ праву и посторонней собственности: онъ основываетъ все на удальствѣ и грабежѣ, къ чему побуждается еще крайнею бѣдностью большинства. Наиболѣе отважный изъ Туркменъ пользуется и уваженіемъ и вліяніемъ; власти-же вообще Туркмены не признаютъ и не по принципу, конечно, но по невозможности ея при совершенномъ отсутствіи единодушія и томъ разъединеніи, которымъ вскоренились между Туркменскими племенами. Чтобы возбудить первое и уничтожить послѣднее, необходима благоразумная, твердая воля, дѣйствующая сть извѣстной, опредѣленной цѣлью, а этого нельзѧ ожидать ни отъ одного самаго умнаго и хитраго Туркменина.

Все образованіе Туркменъ ограничивается начальными правилами религіи. Объ исторіи своей они и не думаютъ, и вся сказанія древности и разныя предавія, общія всѣмъ народамъ, для нихъ какъ-будто и не существуютъ. А потому излишнѣ было-бы ожидать, чтобы они могли попол-

нить и разъяснить сохранившіяся о нихъ въ исторіи дан-
ныхъ. Все еще, что можно отъ нихъ требовать, на ряду по-
добныхъ познаній, это перечень различныхъ Туркменскихъ
поколѣній, съ ихъ подраздѣленіями; но и перечень эту,
служащую за генеалогическую таблицу, не возводятъ Турк-
мены выше основателей существующихъ главнѣйшихъ Турк-
менскихъ родовъ, да и по поводу сихъ лицъ теряются они
въ различныхъ показаніяхъ: такъ подраздѣляя себя на
13 поколѣній: 1) Ессенъ-Или, 2) Гокланъ, 3) Теке, 4) Ямудъ
5) Ерсары, 6) Салоръ, 7) Саррыкъ, 8) Сакаръ, 9) Уи, 10)
Аймакъ, 11) Кара-Дашли, 12) Аль-Или и 13) Амръ-Или,—
нѣкоторые изъ наиболѣе срѣдущихъ Туркменъ показывали,
что основателемъ всѣхъ этихъ поколѣній былъ нѣкто Сеюнъ-
ханъ, имѣвшій 13 сыновей, давшихъ имена означенными
родамъ и что имя этого хана служить и до сихъ поръ
военнымъ крикомъ «урономъ» — въ тѣхъ случаяхъ, когда всѣ
роды соединяются, для отраженія чужеземного, общаго имъ
всѣмъ непріятеля, также какъ при междоусобныхъ браняхъ
служать урономъ названія самыхъ поколѣній и даже ихъ
мельчайшихъ подраздѣленій. Другіе, напротивъ, говорили,
что Туркмены происходятъ отъ Узъ-хана, имѣвшаго двухъ
означенныхъ сыновей, Ессена и Сеюнъ-хана, что отъ перваго
изъ нихъ произошли Гокланы, вмѣстѣ съ другими
Ессеневскими подотдѣленіями, о которыхъ будетъ говорено
ниже; а отъ втораго всѣ остальные 11 поколѣній. Изъ по-
слѣднаго показанія выходитъ, что Гокланы и нѣкоторыя
еще Ессеневскія дѣленія получили свои названія отъ род-
ныхъ братьевъ, дѣтей Ессена; между-тѣмъ были показанія,
которыя, напротивъ, утверждали, что Гокланы не происхо-
дятъ отъ Ессена и находятся съ нимъ въ двоюродномъ
родствѣ, со всѣми- же другими — въ болѣе отдаленномъ.
Таковы различные показанія, одинаково распространенный
между Туркменами.

Что касается до послѣдующаго родословія означенныхъ
13-ти родовъ, то, по тому-же встрѣченному мню затруд-

ненію въ соглашениі разнородныхъ показаній, я не рѣшаюсь привести здѣсь родословія всѣхъ 13-ти родовъ, а ограничусь лишь свѣдѣніями, болѣе провѣренными, о родословіи 6-ти изъ нихъ.

А) Ессенъ-Или имѣлъ двухъ сыновей Игдыра и Чайдура и трехъ приемныхъ: Абдаллу, Бурунчука и Бузачи. Всѣ они дали начало отдѣльнымъ родамъ, носящимъ ихъ названія и подраздѣляющимся, въ свою очередь, на другія подраздѣленія:

а) Игдыръ имѣть таковыхъ 2: Кумлы и Кулъ-Даглы. Послѣднее дѣлится опять на 2: Карап Сары. Отъ Сары произошли: Бектемиръ, Удомишъ, Гечи-Кюсъ, Чака и Акъ-Билекъ. Бектемиръ даль начало Адаку, Ярыму, Тархану и Абдуллѣ. Отъ Адака пошли, Удокъ и Чаканъ, а отъ Ярыма: Акъ-Ярымъ и Карап Ярымъ. Къ Удоку и Чакану присоединились, по малочисленности, изъ означенныхъ Бектемировыхъ — къ первому Абдулла, а ко второму Тарханъ. Отъ Чакана идутъ Марка-Чаканъ и Курфе-Чаканъ. Дальнѣйшее же родословіе Удока слѣдующее: Анна-Сейдъ, Миришъ, Сары и Куся. У Анны-Сейда было три сына: Багъ-Бекъ, Кушъ-Ніязъ и Удо-Ніязъ. Отъ втораго изъ нихъ произошелъ Ханъ-Кулы и отъ него нынѣшній старшинна Удоковцевъ — Мамедъ-Сафа. Наконецъ семья Мириша раздѣлилась на: Дейрикъ, Ходжа-Кулы и Халлага.

б) Чайдуръ дѣлится на Калымъ и Учакъ-Онъ. Первый подраздѣляется на Хамай, Миреке, Милешъ, Хадыръ-Казакъ, Джучуль-Дукъ и Аладжа-Башъ; а 2-й на Дашкы, Егренни, Саарпъ, Сефи, Сейдъ, Суки и Хэмъ.

в) Абдалла имѣть 4 подраздѣленія: Дэли, Курбанъ, Угры и Менглы-Ходжа. Всѣ онѣ дѣлятся въ свою очередь: Дэли на Гоктей, Карлаукъ и Исламъ; Курбанъ на Оганишъ, Кызляръ-Генекъ, Чекарь-Бай и Чалбаръ; Угры на Кугушъ, Мурадекъ, Алнышъ и Дуйлатъ;

Менглы-Ходжа на Токмакъ, Акъ-Дуглатъ, Еаринчиъ и Юсупъ.

Б. Гокланы. Всѣ распросы объ этомъ племени, въ отношеніи дальниѣшихъ подраздѣленій его, привели къ двумъ показаніямъ, нѣсколько разнствующимъ между собою. Въ 1-хъ, что оно дѣлится на 7 родовъ: Кой, Баатъ, Кыррыкъ, Карапалканъ, Боендири, Янгакъ и Сенгрикъ, во 2-хъ на 8-ть: Бокгача, Кыррыкъ, Карапалканъ, Кета, Сенгрикъ, Кызылъ, Янгакъ и Боендири. Въ первомъ показаніи есть Кой и Баатъ, взамѣнъ которыхъ во второмъ приведены Бокгача, Кета и Кызылъ. Оба эти показанія отличаются также отъ сообщаемаго барономъ Боде въ его очеркахъ Туркменской земли и юго-восточнаго прибрежья Каспійскаго моря¹⁾. Онъ дѣлить Гоклановъ на 9 тире (отдѣленій), въ числѣ которыхъ находятся изъ вышеупомянутыхъ Кой, Кыррикъ (Керрихъ), Карапалканъ, Боендири (Боиндерь), Янгакъ и Сенгрикъ (Сангрикъ), и сверхъ того три не встрѣчаемыхъ въ вышеприденныхъ показаніяхъ, именно: Чекеръ-Бегдели, Аркекли и Айдервишъ. Этимъ послѣднимъ свѣдѣніямъ остается, безъ сомнѣнія, дать большее вѣроятіе, такъ какъ баронъ Боде провелъ нѣкоторое время между Гокланами и имѣль возможность собрать свѣдѣнія и повѣрить ихъ на мѣстѣ, тогда какъ я, не встрѣтивъ ни одного Гоклана, долженъ былъ ограничиться распросами объ этомъ родѣ у Туркменъ другихъ родовъ, именно: Ессент-Или, Ямудъ, Теке и Ерсары.

Изъ мельчайшихъ подраздѣлій Гокланова рода известны миѣ таковыя Янгака и Сенгрика. 1-е дѣлится на собственно Янгакъ и Кюты; а 2-е на Ахъ-Шуръ, Карапалканъ и Кушчей.

В. Теке дѣлится на два главныхъ отдѣленія: Утомишъ и Токтамышъ. Первое Утомишъ подраздѣ-

¹⁾ Стр. 92.

ляется, въ свою очередь, на Сычмазъ и Дашъ-Аякъ. Отъ Сычмаза происходятъ: 1) Акъ-Суфи, 2) Ходжа-Суфи, 3) Арабъ, 4) Кызылъ-Гюзъ, 5) Кыръ, 6) Богаджа, 7) Нерренъ, 8) Кара-Ахматъ, 9) Букуръ-Дагъ, 10) Кышакъ, 11) Асыкъ, 12) Шефиль, 13) Тюмень, 14) Аладжа, 15) Кюрь, 16) Сагры, 17) Кель, 18) Мюлькаманъ, 19) Берляръ, 20) Кюмси и 21) Серкеляръ. Отъ Дашъ-Аяка: 1) Багши, 2) Салахлы, 3) Миршъ, 4) Челтекъ, 5) Шу, 6) Каинидчикъ, 7) Минча, 8) Метерь, 9) Курджи, 10) Бурказъ, 11) Султанъ-Азисъ, 12) Туфазъ, 13) Акташъ-Аякъ, 14) Карадашъ-Аякъ и 15) Яланть. Затѣмъ второе отдѣление Теке-Токтамышъ раздробляется на 64 части: 1) Бекъ, 2) Векиль, 3) Алаша, 4) Кюкча, 5) Харь, 6) Кунгуръ, 7) Акъ-Кунгуръ, 8) Кара-Кунгуръ, 9) Акъ-Кюкча, 10) Кара-Кюкча, 11) Еръ-Кюкча, 12) Угланларъ, 13) Шейхларъ, 14) Канджыкъ, 15) Юсупъ, 16) Кагшалъ, 17) Бюкри, 18) Кара, 19) Халиль, 20) Харинъ, 21) Ярыкъ, 22) Караджа, 23) Акъ-Юсупъ, 24) Кара-Юсупъ, 25) Тельки, 26) Кара-Юрьме, 27) Дэли, 28) Кефель, 29) Кюрь, 30) Тенгъ, 31) Туклы, 32) Фарь, 33) Кара-Дамакъ, 34) Чаль, 35) Асакъ, 36) Уразъ-Мамедъ, 37) Катыларъ, 38) Келясенъ, 39) Аимъ, 40) Багши, 41) Дукчача-Ага, 42) Чалтазъ, 43) Кюфекларъ, 44) Керларъ, 45) Чарыкляръ, 46) Кюселиръ, 47) Мергекляръ, 48) Байсуфи, 49) Гаръ-Учмекъ, 50) Бегляръ, 51) Даналаръ, 52) Ходжикъ, 53) Тершеляръ, 54) Уфакъ, 55) Дюлхляръ, 56) Тугалакъ, 57) Чапланъ, 58) Джугулдукъ, 59) Девляръ, 60) Арлангларъ, 61) Тюраларъ, 62) Мукарребъ, 63) Чубяларъ и 64) Чал-фарляръ.

Г. Ямудъ дѣлится на четыре главныхъ отдѣла: Чуни, Шеребъ, Кучакъ-Татаръ и Байрамъ-Шали, которые, въ свою очередь, подраздѣляются въ слѣдующемъ порядке:

а) Чуни:

- 1) А къ.
- 2) А та бай.
- 3) Да зъ.
- 4) Бат ракъ.
- 5) Машрыкъ.
- 6) Канъ-Юкмазъ.
- 7) Икдиръ.
- 8) Кучакъ.
- 9) Эймиръ.
- 10) Кенгирме.

б) Кучакъ-Татаръ:

- 1) Данрыкъ.
- 2) Хейведи.
- 3) Кяке.
- 4) Керрыкъ.
- 5) Акъ-Кыррынъ.

6) Кызылъ.

- 7) Куруме.
- 8) Мегреме.

в) Шеребъ:

- 1) Джаджи.
- 2) Бага.
- 3) Елгай.
- 4) Дюаджи.

г) Вайрамъ-Шали:

- 1) Салокъ.
- 2) Ушакъ.
- 3) Укузъ.
- 4) Урусь-Күпчы.
- 5) Карап-Ходжа.
- 6) Джю-Неидъ.

Изъ отдельній Чуни и Шереба, иѣкоторыя имѣютъ еще и свои подраздѣленія, именно: А къ дѣлится на Саръ-Джали и Гокъ-Джали; А табай на Даинчи, Сагие, Соки и Тапа; Карапай на Беглеке, Кулакъ, Ельма и Япанъ; на конецъ Джаджи дѣлится, въ свою очередь, на 2 главныхъ отдельнія: Яръ-Али и Нуръ-Али, и каждое изъ этихъ послѣднихъ имѣеть по 5 дѣленій, называемыхъ Оилуками, именно:

а) Яръ-Али:

- 1) Ири-Тумаджъ.
- 2) Унычъ-Тумаджъ.
- 3) Кызылъ и Саккалы.
- 4) Арыкъ, Кусели и Кель.
- 5) Чукканъ и Бурказъ.

б) Нуръ-Али:

- 1) Ессе пъ-Кули-Кюръ и Кюртъ.
- 2) Кызыли-Кюръ (Турашлы-Кюръ).
- 3) Кельте и Караджа.
- 4) Каинджикъ.
- 5) Пантъ и Кютекъ.

Изъ этихъ дѣлений Ессенъ-Кулы-Кюрь и Кызылы-Кюрь подраздѣляются еще на мельчайшія: 1-е на восемь, а 2-е на четыре.

Къ Джарбаевскимъ дѣлениямъ сопричисляется еще осо-
бый родъ Огурджалы, который, подраздѣляясь на 4
вѣтви, составляетъ 2 Онлука: 1) Герай и Недимъ;
2) Терекме и Семядинъ.

Ямуды считаютъ Огурджалинцевъ пришельцами; даль-
нейшія-же сказанія объ ихъ происхожденіи и откуда взяли
они настоящее свое название, крайне сбивчивы.

Приведенное название «онлукъ» значить собственно де-
сятокъ; но, по отношенію этого названія къ роду Джар-
баи и присвоенію его каждому изъ 10-ти родовыхъ под-
отдѣленій, не подраздѣляющихся на 10-ть мельчайшихъ,—
следуетъ, кажется, понимать слово «онлукъ» въ смыслѣ
 $\frac{1}{10}$, т. е. десятой части рода Джарбаи. Дѣление-же на
онлуки Огурджалинцевъ, не объясняемое смысломъ назва-
нія, произошло, вѣроятно, безсознательно, по одному лишь
примѣру подобного дѣления Джарбаевъ, къ которымъ они
сопричисляются; а подраздѣление ихъ на два онлука имѣть,
безъ сомнѣнія, въ основаніи или сравнительно равную чи-
слительность съ Джарбаевскими онлуками, или то, что
Герай и Недимъ состоять въ родствѣ, а Терекме и Семя-
динъ считаются, въ отношеніи къ первымъ, приемными,
набранными.

Приемными-же, или добавочными собственно, какъ назы-
ваютъ Туркмены,— что указываетъ, какъ-будто на уравне-
ніе онлуковъ,— считаются, въ свою очередь, въ онлукахъ
Яръ-Али: Саккалы, Кюсели, Кель и Бурказъ; а въ Нуръ-
Алинскихъ: Кюртъ, Кураджа и Кютекъ.

Сами Туркмены не объясняютъ ни собственного значенія
названія «онлукъ», ни понятія, сопряженаго съ раздѣле-
ніемъ на онлуки Джарбаевъ, у которыхъ оно существуетъ.

Не произошло-ли оно отъ обложенія Джарбаевъ въ
прежнія времена податью, подобно тому, какъ теперь со-

бираютъ Персіяне пошлину съ Гоклановъ, не по кибиточно и не со скота, а по отдѣленіямъ, съ каждого по опредѣленной суммѣ, что предупреждаетъ уменьшеніе сбора, вслѣдствіе откочевокъ?

Д. Ерсары имѣть 4 вѣтви: Укъ, Алачъ, Карапузы-Букеуль. Отъ Ука происходитъ: 1) Инерь-Башъ, 2) Агырь-Башъ, 3) Акъ, 4) Агырь, 5) Девлетша-Кукюмъ, 6) Сагырь, 7) Куюнли, 8) Кызыль-Аякъ, 9) Дэнъ-Аджи, 10) Каичиръ и 11) Бакырь. Отъ остальныхъ-же трехъ происходятъ, между прочимъ, отъ Алача: 1) Карапузы и 2) Чекикъ; отъ Карапузы: 1) Эрекъ и 2) Чупъ-Башъ; отъ Букеуль: 1) Кыръ и 2) Гаръ.

Е. Саррыкъ дѣлится на: 1) Биръ-Ашъ, 2) Баданенъ, 3) Алача, 4) Барзаки, 5) Кызыль-Маратъ, 6) Доячи, 7) Кача-Али, 8) Сахты и 9) Канли-Башъ.

Среди всѣхъ означенныхъ Туркменскихъ родовъ, съ ихъ подотдѣленіями, разсѣяны еще четыре совершенно отдѣльные отъ нихъ, производящіе себя отъ первыхъ четырехъ калифовъ: Ходжа, Ата, Шейхъ (Шихъ) и Махтумъ.

Всѣ означенные Туркменскіе роды живутъ преимущественно отдѣльно другъ отъ друга, занимая опредѣленныя зимнія и лѣтнія кочевья. Такъ Ямуды, отдѣленій Кучакъ-Татаръ и Байрамъ-Шали, кочуютъ по восточной границѣ степи, у южныхъ предѣловъ Айбугира, въ окрестностяхъ Хивинскаго г. Куня-Ургенча и вообще по всему протяженію рукава Лаудана. Въ окрестностяхъ Хивинскихъ-же городовъ Ильяды, Ташауса, Порсу и Казавата и также на самой Аму-Дарьѣ, у городовъ Ходжейли и Кипчака, располагаются большинство Игдырцевъ, Чаудурцевъ и Абдальцевъ, всѣ принадлежащіе къ остальнымъ отдѣленіямъ Ессенъ-Или къ Бузачи и Бурунчуку и, въ незначительномъ числѣ, Гокланы, Ерсары и Карапашли. Здѣсь Туркменскія владѣнія имѣютъ видъ черезполоснаго пользованія совмѣстно съ Сартами, Узбеками и другими осѣдлыми и кочевыми племенами Хивинскаго ханства.

Подвигаясь на югъ, встрѣчаешь первоначально Ерсарин-цевъ и Сахарцевъ, располагающихся по обонь берегамъ Аму; затѣмъ въ направлениі къ Мерву, по верховьямъ р. Мургаба, находишь Сарыковцевъ. Южнѣе же Мерва, въ Сераксѣ и окрестностяхъ располагаются Салорцы, и тутъ-же, нѣсколько восточнѣе, находишь Туркменъ родовъ Уи, Аймака, Кара-Дашли, Аль-Или и Амръ-Или. Всѣ эти кочевья довольно значительны, но за то и разбросаны они на большомъ разстояніи. Только въ болѣе опредѣленныхъ предѣлахъ Туркменскихъ степей, по сѣвернымъ покатостямъ Альбурзскихъ отроговъ, заселенія Туркменъ представляютъ характеръ болѣе учащенный, имѣющій даже видъ цѣлой укрѣпленной линіи. Я разумѣю многочисленныя кочевья Туркменъ-Теке. Каждый ручей или горная рѣчка, низпадающая съ Альбурзскихъ горъ, служить притономъ для ихъ ауловъ, которые, сверхъ того, на случай защиты, имѣютъ еще по крѣпостцѣ. Такихъ крѣпостницъ насчитывается до 47-ми. Названія ихъ слѣдующія: 1) Казылъ - Арбадъ, 2) Кучъ - Ата, 3) Зау, 4) Дженги, 5) Бashi, 6) Бюрме, 7) Арчманъ, 8) Сюпча, 9) Мурджа, 10) Бегрезенъ, 11) Дуранъ, 12) Караганъ, 13) Акъ-Тюпе, 14) Мегинъ, 15) Яраджи, 16) Каризъ, 17) Келеть, 18) Яны - Кала, 19) Акъ - Кала, 20) Гюкъ - Тюпе, 21) Урта - Яйла, 22) Кюмять - Яйла, 23) Эзганть, 24) Хурмендъ, 25) Шуртъ - Кала, 26) Келячара, 27) Баба - Арабъ, 28) Акташъ-Аякъ, 29) Карадашъ-Аякъ, 30) Салаклы, 31) Багши, 32) Келекъ, 33) Гюрекъ, 34) Кипчакъ, 35) Кюгча, 36) Багыръ, 37) Куша, 38) Ишкабадъ, 39) Каджакъ, 40) Ану, 41) Гевярдъ, 42) Нухуръ, 43) Багла, 44) Нузи, 45) Мерве, 46) Неве и 47) Фарисъ.

На юго-западъ отъ Теке, отъ самыхъ верховьевъ Гюргени до средняго примѣрно теченія ея,—до минарета Гумбединкауса,—живутъ Гокланы; а еще западнѣе этой башни, въ нѣсколькоихъ верстахъ отъ нея, начинаются кочевья Ямудовъ, какъ по правую и лѣвую сторонамъ Гюргени, до бе-

реговъ Кара-Су, такъ и параллельно по р. Атреку, и за-тѣмъ, вдоль всего морскаго прибрежья до Кара-Бугазскаго пролива, — откуда, далѣе на сѣверъ, идутъ незначительныя кочевья Чандуровъ, Игдыровъ и Абдалловъ. По Гюргени располагаются сначала Ямуды отдѣленія Кучакъ - Татаръ, потомъ идутъ Байрамъ - Шалинцы и наконецъ разныя под-отдѣленія Чуни и Шереба, безъ всякой послѣдовательности, оканчиваясь къ морю кочевьями Джрафбаевъ, которые и занимаютъ преимущественно все указанное пространство, вдоль морскаго берега. Главнѣйшия аулы ихъ на этомъ про-тоженіи суть слѣдующіе:

1) Кара-Сингерскій лежитъ почти насупротивъ занятаго наим остр. Ашуръ - Аде (у входа въ Астрабадскій заливъ), въ 4-хъ верстахъ отъ берега; въ немъ до 300 кибитокъ.

2) Серебряно-бугорскій или Гюмишъ-Тюпе, расположень при устьѣ Гюргени, въ немъ собирается до 500 кибитокъ, которая, на время лѣтнихъ жаровъ и бывающихъ въ это время лихорадокъ откочевываютъ въ лежащіе сѣвернѣе — Гассанъ - Кулинскій и всего чаще въ Чикишлярскій аулы, гдѣ климатъ здоровѣе; а осенью, къ зимѣ, и изъ этихъ ауловъ уходятъ болѣе зажиточные Туркмены гораздо сѣвернѣе, ближе къ Балханамъ.

3) Гассанъ - Кулинскій лежитъ на берегу образуемаго р. Атрекомъ залива Гассанъ - Кули. Кибитокъ здѣсь до 300.

4) Атрекскій расположень выше устья рѣки, но по бе-регамъ-же ея, верстахъ въ 20-ти отъ устья, имѣть болѣе 300 кибитокъ.

5) Чикишлярскій ¹⁾) расположень у самаго моря верстахъ въ 15-ти сѣвернѣе отъ предыдущаго. Имѣть слишкомъ 200 кибитокъ постоянныхъ жителей.

¹⁾ Всѣ поименованные аулы получили названія отъ мѣстностей, ими занимаемыхъ. По нимъ, обыкновенно, даются названія ауламъ. Только когда сойдутся на одномъ мѣстѣ два аула, то другой носить название или именіи своего, или старѣйшини въ ауле — аксакала.

Далѣе, чѣмъ съвернѣе, тѣмъ позначительнѣе становятся прибрежные аулы. Такъ у Зеленаго бугра было насчитано всего 30 кибитокъ, на Красноводской косѣ, на всѣмъ ея протяженіи, найдено ихъ 59, а на берегу Красноводскаго залива, у прѣснаго колодца Балкую, всего 12 кибитокъ, которая переплыли потомъ на полуостровъ Дарджу. За то въ лежащихъ отсюда на востокъ Балхапскихъ горахъ сосредоточивается до 1,000 кибитокъ и еще на прибрежныхъ островахъ, Челекени и Огурчинскомъ, находится ихъ до 300. Такимъ образомъ всѣхъ кибитокъ па указанномъ пространствѣ не болѣе 3,000. Изъ нихъ 400 принадлежать обопимъ онкуламъ Огурджалинскимъ, кибитокъ со 100 Шейкамъ и Махтумамъ, 30 Ерсаринцамъ (20 кочуютъ на Огурчинскомъ, а 10 у Гассанъ-Кали и у Серебрянаго бугра), 20 Игдырамъ располагающимся въ числѣ 15-ти кибитокъ на Челекени и 5-ти по южную сторону Кара-Бугазскаго пролива. Наконецъ всѣ остальныя принадлежать собственно Джадарбаямъ и изъ нихъ Яръ-Али располагаются южнѣ Гюргени, а Нуры-Али, и преимущественно принадлежащія къ подотдѣленію Ессенъ - Кули - Кюре занимаютъ все пространство съвернѣе. Кочевья-же 3-хъ племенъ Ессенъ-Или, располагающіяся по съверную сторону Кара-Бугазскаго пролива до Манышлака включительно, простираются всего до 180 кибитокъ: Игдыровъ отѣденія Куль-Даглы, подотдѣленій Удокъ и Чаканъ 150, Чаудуровъ одна семья Сары-Ишана, въ числѣ 10 кибитокъ, и Абдалловъ отѣленій Угры и Менглы - Ходжа 20 кибитокъ. Изъ нихъ Игдыры кочуютъ у Александровскаго форта и при заливахъ Александръ - Байскомъ и Киндерлинскомъ и отъ послѣдняго до Кара-Бугаза въ 4-хъ пунктахъ. На этомъ послѣднемъ пространствѣ сосредоточивается ихъ до 100 кибитокъ. Чаудоры кочуютъ у Александръ-Байского залива, а Абдаллы у Александровскаго форта, въ 6—7 верстахъ. У форта же и у Александръ-Баякочуютъ еще Ходжи, въ числѣ 80 кибитокъ. Они живутъ здѣсь съ давнихъ временъ и о нихъ ходитъ слѣдующая легенда: двое братьевъ

выѣхали изъ Мекки въ Хиву, обсемѣянились и стали известны за ходжей, и одинъ изъ нихъ, искавъ богатствъ въ торговлѣ, зашелъ на Мангышлакъ; богатства ему не дались, но взамѣнъ нашелъ онъ молодую красивую Киргизску, которая научила его цѣнить и беззаботность жизни, и безпрѣдѣльность здѣшнихъ степей. Отъ нихъ-то и пошли Мангышлаксіе ходжи. Но каково-бы ни было ихъ происхожденіе, они, какъ видно, расплодились очень мало; да и вообще всѣ мѣста сѣвериѣ Кара-Бугаза такъ рѣдко заселены, что на всемъ этомъ пространствѣ не насчитывается и 300 кибитокъ. Между-тѣмъ встрѣчаемые здѣсь и вокругъ Кара-Бугазскаго залива во многихъ мѣстахъ и въ значительномъ числѣ колодцы, обложенные крупнымъ камнемъ и при нихъ, высѣченныя изъ камня-же, корыта для пойла скота, свидѣтельствуютъ о значительности и о довольствѣ бывшихъ тутъ кочевокъ. Число такихъ колодцевъ доходитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ 50 до 60. Это настоящее царство колодцевъ (Даулети-Чокъ), какъ справедливо прозвали Туркмены.

Откладывая до послѣдующаго изложенія объясненіе причинъ настоящаго опустѣнія здѣшнихъ мѣсть, обращусь собственно къ вопросу о числительности Туркменъ.

Приведенная выше цифра Джадарбаевскихъ кибитокъ доходитъ приблизительно до 2,500. Округляя ее до 3,000 и даже до 4,000, какъ потому, что нѣкоторые незначительные аулы не вошли въ исчисленіе, такъ еще и въ томъ предположеніи, что нѣсколько Джадарбаевскихъ кибитокъ, хотя въ видѣ исключенія, могли примѣщаться къ другимъ Ямудовскимъ дѣленіямъ, — всетаки, и при такой надбавкѣ, слишкомъ достаточной, далеко не получится еще цифра 12,000 кибитокъ, до которой позводятъ себя Джадарбай. Между-тѣмъ, по показанію-же ихъ самихъ, они нигдѣ болѣе, кроме указанныхъ пространства и мѣсть, не кочуютъ. Столь явное преувеличеніе числа Джадарбаевъ на двѣ по-крайней-мѣрѣ трети, невольно наводитъ на мысль и о соразмѣрномъ

увеличениі и даже о произвольномъ показаніі числительности всѣхъ остальныхъ туркменскихъ родовъ. Замѣчательно, что Туркмены не измѣняютъ въ настоящемъ случаѣ своихъ показаній: тѣ-же, которые сообщили въ 1819 году Н. Н. Муравьеву, дали они и въ 1836 году и наконецъ въ 1859 г. Такимъ образомъ не остается-ли воспользоваться мыслью Артура Конолли, что неопрятная жизнь Туркменъ, крайности въ климатѣ, отсутствіе медицинскихъ пособій и проч.— содѣйствуютъ тому, что народонаселеніе ихъ не умножается¹⁾; принявъ-же во вниманіе приведенный примѣръ несравненно меньшаго въ дѣйствительности числа Джадарбаевъ, останется провести эту мысль до того крайняго предѣла, что народонаселеніе ихъ постепенно и значительно уменьшается. Съ своей стороны, я не менѣе того убѣжденъ, что Туркмены постоянно преувеличивали свои показанія, какъ по среднему Азіятцамъ хвастовству, такъ и по отсутствію яснаго понятія о самой числительности, трудно примѣняемой къ кочевымъ народамъ,— почему и склоняюсь охотно на сторону свѣдѣній, сокращающихъ туркменскія цифры.

Достаточно сослаться на А. Борнса²⁾ и г. Ферье, который въ описаніи своего странствія³⁾ чрезъ Персію въ Гератъ упоминаетъ также о числительности нѣкоторыхъ туркменскихъ родовъ. Оба они значительно сокращаютъ туркменскія показанія, именно:

Согласно показанію Туркменъ, Ферье, Борнса:

Гокланъ . . .	40,000.	12,000.	9,000.
Теке . . .	50,000.	35,000.	40,000.
Ямудъ. . .	40,000.	25,000.	20,000.

¹⁾ Conolly: Journey to the north of India, overland from England, through Russia, Persia and Affghanistaun. Vol. I. p. 162. Second edition. 1838.

²⁾ Путешествіе въ Бухару и пр. въ 1831, 32 и 33 гг.

³⁾ Англійское изданіе Дэнби-Сеймура.

Соразмѣрное сокращеніе слѣдуетъ распространить и на всѣ остальные туркменскіе роды. Въ общемъ-же числѣ народонаселеніе свое возводятъ Туркмены до 350,000 кибитокъ или до 1.750,000 душъ обоего пола, такъ какъ на каждую кибитку принято обыкновенно считать по пяти душъ обоего пола.

Я имѣлъ уже случай говорить выше о расположениіи туркменскихъ кочевокъ, разбросанныхъ по границамъ степи. Этимъ самымъ обусловливается и непрѣбѣжность, и близость отношеній ихъ къ сосѣднимъ государствамъ. Многіе туркменскіе роды живутъ гораздо отдаленнѣе другъ отъ друга. Эти послѣдніе только и дружны между собою; всѣ-же остальные, соприкасающіеся въ своихъ кочевкахъ, находятся въ постоянній враждѣ. Такъ мнѣ указывали на пріязнь Ессеневцевъ и Гоклановъ и на постоянную междуобщу послѣднихъ съ ихъ сосѣдями Теке и Ямудами. Туркменинъ завистливъ: увидить гдѣ-нибудь, по близости своихъ мѣстъ, красивую лошадь, хорошихъ верблюдовъ, стадо овецъ или другаго скота, и ему не терпится, онъ только и думаетъ, какъ-бы забрать скорѣе то и другое въ свои руки. Тутъ выходятъ на сцену всѣ удалцы, имъ помогаетъ цѣлый ауль, на него возстаетъ другой; наконецъ за аулами слѣдуютъ роды, и такъ идетъ нескончаемая вражда, лишающая пародъ всякой правильной жизни. Въ настоящее время Теке воюютъ съ Саррыковцами. Не надѣясь на успѣхъ, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ Текинскихъ хановъ, кочующій у Кызылъ-Арбата, близъ границъ Шерсидскихъ, Нуръ-Берды, обращался къ прикаспійскимъ Ямудамъ, съ предложеніемъ мира и прошбой о помощи. Не получивъ-же ея, не оставилъ, конечно, отмстить ближайшимъ Ямудовскимъ ауламъ. Такимъ образомъ и не перестаютъ разноситься по степи тѣ обычные военные крики Туркменъ, которыми сзываютъ они своихъ родовичей и одноаульцевъ, для отраженія общаго пимъ непріятеля. И эти крики, именуемые ураномъ, доходя до са-

мнхъ отдаленныхъ ауловъ, возбуждаютъ и въ нихъ желаніе подобной отваги.

Таковы въ общихъ чертахъ отношенія Туркменскихъ родовъ между собою.

Несравненно сложнѣе отношенія ихъ къ сосѣднимъ государствамъ.

Въ началѣ минувшаго столѣтія, когда собственно начались прямая и постоянная сношенія Туркменъ съ Россіей, кочевавши на Мангышлакъ и по сю строну Кара-Бугаза Туркмены находились съ сѣвера въ сосѣдствѣ съ Калмыками, значеніе которыхъ при управлявшемъ тогда имп ханѣ Аюкѣ постепенно усиливалось.

При тѣхъ условіяхъ, при которыхъ отношенія Туркменскихъ родовъ между собою оказываются далекими всякой пріязни, трудно предположить совершенно мирныхъ отношенія ихъ къ народамъ иного происхожденія. Въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, можетъ имѣть преимущество одна сила. Калмыки оказались сильнѣе Туркменъ, и послѣдніе должны были смириться передъ ханомъ Аюкою, принявшимъ передъ тѣмъ подданство Россії. Къ тому удачное ограбленіе Калмыками двухъ, трехъ Туркменскихъ каравановъ,шедшихъ изъ Хивы съ хлѣбомъ, заставило Туркменъ искать и непосредственно, помимо Аюки-хана, покровительства нашего отечества, съ цѣллю получать изъ Астрахани хлѣбъ для продовольствія. Въ этихъ, по-крайней-мѣрѣ, впадахъ посылали они, въ царствованіе Петра Великаго, въ Астрахань ходжу Нефеса. Онъ-же, какъ извѣстно, предлагалъ завоевывать Хиву, съ помощью Туркменъ, и распространять толки о золотомъ искуствѣ по Аму-Дарьѣ и о возможности направить воды ея, по-прежнему, въ Каспійское море. Хивинскій посланецъ, въ свою очередь, предлагалъ въ это время устроить укрѣпленіе у старого устья Аму.

«Всѣ сіи объявленія — говоритъ Голиковъ — казались поучительному о благѣ отечества Государю весьма важными. Проницаніе Его видѣло, что если и не найдется искомое зо-

лото, то по-крайней-мѣрѣ, найденъ будетъ способъ къ полученію онаго, посредствомъ торговли, чрезъ тѣ страны, съ самою Индіею.» Такимъ образомъ и были снаряжены отъ насъ 2 экспедиціи на восточный берегъ Каспійскаго моря, одна за другой, подъ начальствомъ князя Бековича-Черкасскаго. Во все продолженіе ихъ Туркмены вели себя съ возможной предупредительностью: доставляли необходимыя перевозочныя средства, содѣствовали возведенію нами на берегу двухъ укрѣплений, участвовали въ розысканіи старого русла Аму и проч. Самъ-же Аюка-ханъ, во время поѣздки Бековича съ восточнаго прибрежья въ Хиву, услышавъ о неблаговидныхъ замыслахъ тамошняго правительства противъ Россіи, не разъ предупреждалъ объ этомъ, прося довести до свѣдѣнія Государя и говоря «какъ-бы худа какого не было»¹); когда- же «худо» это постигло Бековича, то Туркмены не могли устоять отъ искушенія и хотѣли было взять возведенную нами въ Красноводскѣ крѣпостцу, сдѣлавъ нападеніе на нее и съ суши, и съ моря²). Тогда ужъ стало ослабѣвать вліяніе Аюки-хана, тѣснишаго въ свою очередь, съ востока Киргизами Малой-Орды, которые наконецъ и заняли кочевья Калмыковъ, перешедшихъ въ Астраханскую губернію, а также мѣста тѣхъ иѣсколькихъ сотень кибитокъ Туркменскихъ родовъ Игдыръ и Чаудуръ, которые, перебравшись на западный берегъ Каспія, поселены были на Кавказско-Астраханскихъ степяхъ. Новые кочевники эти — подкочевавшіе Киргизы — наслѣдовали, своимъ предшественникамъ, Калмыкамъ, въ преобладающей силѣ надъ Туркменами. Сохранившіяся извѣстія указываютъ, по-крайней-мѣрѣ, на опредѣленіе нашимъ правительствомъ въ ханы Туркменъ, по просьбѣ послѣднихъ, одного Кир-

¹) Попова: сношенія Россіи съ Хивой и Бухарой при Петре Великомъ, стр. 1—22.

²) Дѣло Московскаго Сенатскаго архива объ отправленіи князя Бековича-Черкасскаго на Каспійское море и въ Хиву.

гизского султана Ширь-Гали Нурадіева¹⁾ и на то, что Туркмены держались въ то время вообще въ отношении хановъ Малой Орды въ изъявлении, какъ-будто, подчиненіи, напр., поздравляя султана Нураділа со вступленіемъ на ханство, по смерти Абуль-Хайра, обѣщались быть ему послушными и вѣрными Ея Императорскому Величеству²⁾.

Обстоятельство это относится къ 40-мъ годамъ минувшаго столѣтія, и съ этихъ поръ начинается цѣлый рядъ постоянныхъ и дѣятельныхъ сношеній Туркменъ съ нашимъ правительствомъ.

Не стану пересчитывать здѣсь всѣхъ бывшихъ Туркменскихъ депутатій съ изъявлениемъ подданства Россіи и ходатайствомъ объ устройствѣ укрѣплений, доставленіи хлѣба, вообще о заведеніи торговли и проч.³⁾ Не буду говорить и о мѣрахъ, принимавшихся съ нашей стороны втеченіи цѣлаго почти столѣтія: всѣ онѣ имѣли болѣе или менѣе общиі характеръ изслѣдованія разныхъ береговыхъ мѣстностей. Упомяну только о двукратной командировкѣ въ край въ 1819 и 1821 гг. Н. Н. Муравьевса (Карского), издавшаго замѣчательное описание первого своего путешествія. Затѣмъ, въ 1833 году, было возведено нами укрѣпленіе въ заливѣ Мертвомъ-Култукѣ, которое впослѣдствіи, въ 1855 году, было переведено на Манышлакский полуостровъ. Изслѣдованія-же остального восточнаго Каспійскаго

¹⁾ Дѣло пограничного отдѣленія канцеляріи Оренбургскаго и Самарскаго генераль-губернатора по просьбѣ Туркменъ о принятіи ихъ подъ покровительство Россіи (1833 г.).

²⁾ Вельяминова-Зернова: Историческія извѣстія о Киргизъ-Кайсакахъ Томъ 1, стр. 6.

³⁾ Подробныя обѣ этомъ свѣдѣнія находятся у г. Бларамберга въ запискѣ о Туркменскихъ поколѣніяхъ со времени вступленія ихъ въ сношеніе съ Русскимъ правительствомъ (записки И. Р. Географ. Общества, кн. IV, стр. 96—103). Дополненіемъ къ ней могутъ еще служить стр. 27, 28 и 29 1-й части путешествія по востоку г. Березина.

прибрежья заключились экспедициою 1859 года, въ которой я имѣлъ честь участвовать.

Между тѣмъ, впродолженіи столь долгаго времени, произошли значительныя перемѣны въ судьбѣ Мангышлакскихъ и ближайшихъ къ Кара-Бугазу Туркменъ.

Въ ожиданіи какихъ-либо рѣшительныхъ съ нашей стороны мѣръ, междуусобицы сосѣднихъ Киргизъ и Туркменъ, выражавшаяся барантами и уводомъ людей въ неволю, продолжались съ одинаковымъ съ обѣихъ сторонъ ожесточениемъ. Когда ослабѣвала одна сторона, этаимъ постоянно пользовалась другая и наоборотъ. Наконецъ Туркмены признали за лучшее удалиться къ хивинскимъ предѣламъ. Затруднительность -ли доставать оттуда хлѣбъ, при объясненномъ положеніи дѣлъ, отсутствіе -ли возможности отдаленнѣйшимъ отъ форта нашего на Мангышлакѣ продовольствоваться изъ Астрахани, или вообще сознаніе въ безсиліи своеемъ передъ Киргизами побудили къ этому Туркменъ — нельзя сказать утвердительно; но дѣло въ томъ, что всѣ мѣста до Кара-Бугаза и вокругъ его опустѣли почти совершенно и только у самаго форта и отъ него вдоль берега до Кара-Бугаза осталось до 260 Туркменскихъ кибитокъ. Впрочемъ послѣ принятыхъ въ 1858 г. мѣръ къ примиренію Киргизъ - Адаевцевъ и Чумичлы - Табынцевъ съ Туркменами, есть надежда, какъ сказывали мнѣ оставшиеся на означенныхъ мѣстахъ Туркмены, что значительная часть изъ кочевавшихъ тутъ возвратится на свои прежнія родныя мѣста. Нѣкоторые изъ нихъ уже присыпали развѣдать отъ соплеменниковъ о возможности вернуться на родину.

Вслѣдствіе этихъ-же мѣръ, ханъ Туркменъ, кочующихъ на хивинской границѣ, Ата-Муратъ, мехтеръ его и 32 человѣка почетнѣйшихъ лицъ присыпали лѣтомъ 1858 года письма къ султану - правителю западной части Киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства, съ изложеніемъ съ своей стороны желанія прекратить вражду и съ предложеніемъ возвратиться въ совершенное подданство Россіи, съ тѣмъ, чтобы

имъ были отведены мѣста по отдаленіи отъ Хивы, по берегу Каспійскаго моря, такъ какъ, убывъ трехъ хивинскихъ хановъ, они не надѣялись жить въ хорошихъ отношеніяхъ съ Хивою ¹⁾.

Тоже самое подтвердили и посланные отъ Ата-Мурата, представлявшіеся главному начальнику края, Александру Андреевичу Катенину, лѣтомъ того-же 1858 года, на р. Эмбѣ.

Внослѣдствіи, весной 1859 года, предлагалъ Ата-Муратъ, совмѣстно съ отложившимся отъ Хивы Узбекомъ Мухаммедъ-Фапою занятый имъ хивинской городъ Кунградъ и устья Аму во власть нашего отечества.

Дальнѣйшія подробности, какъ по этому обстоятельству, такъ и по объясненному убѣйству 3-хъ хивинскихъ хановъ, найдутъ себѣ мѣсто при обозрѣніи отношеній Туркменъ къ Хивѣ.

Что-же касается собственно до Туркменъ, кочующихъ нынѣ на пространствѣ отъ нашего Александровскаго форта до Кара-Бугаза, то они считаютъ себя Русскими подданными и довольно покорно повинуются коменданту форта.

Занимаясь почти исключительно рыболовствомъ и не имѣя своего хлѣба, они получаютъ его и пѣкотрия другія домашнія надобности, въ обмѣнъ на рыбу, отъ Армянъ Александровскаго форта. Рыбу эту Туркмены никуда, кроме Россіи, сбывать не могутъ, другихъ-же прібыльныхъ занятій не имѣютъ, и одно уже это обстоятельство, при ихъ всесобщей бѣдности, служило и служить достаточнымъ ручательствомъ покорности ихъ намъ. Какъ и злоупотребляютъ въ торговлѣ съ ними означенные Армяне, Туркмены принуждены брать хлѣбъ по какой-бы то ни было цѣнѣ, отдавая взамѣнъ рыбу по самой дешевой.

Кочующіе южнѣе Кара-Бугаза, Туркмены-Ямуды не по-

¹⁾ Дѣло канцеляріи Оренбургскаго и Самарскаго Генераль-Губернатора о примиреніи Киргизъ съ Туркменами.

ставлены въ эту необходимость, имѣя своими житницами Атрекъ и Гюргенъ и возможность добыть всегда хлѣбъ изъ Персіи и даже изъ Хивы, по кратчайшему съ ней изъ Красноводска сообщенію, не опасаясь въ этомъ случаѣ столкновенія съ Киргизами, такъ далеко не заходящими. Настоящее обстоятельство ставить этихъ Туркменъ въ независимое положеніе, и торговля съ нами не составляетъ насущной для нихъ потребности. Между тѣмъ наши торговцы сознавая какъ выгодно закупать у нихъ рыбу, по отличному ея качеству и изобилію, а равно и разныя мѣстные произведенія, рѣшились не разъ заводить съ ними торговлю. Я не буду говорить о безуспѣшныхъ стараніяхъ Дженкінсона, бывшаго на восточномъ берегу Каспія и ходившаго оттуда въ Бухару въ 1855—61 годахъ, ни о Высочайше разрѣшенной въ 1759 году ¹⁾ компаніи графа Воронцова, для торговли на восточномъ берегу Каспійскаго моря и съ Хивой, и Бутарой, послѣдствія которой мы неизвѣстны, а переду къ ближайшимъ временамъ. Въ настоящемъ столѣтіи, наши торговцы открыли было торговлю сначала въ Красноводскомъ заливѣ, откуда надѣялись торговаться съ Хивою; потомъ пытались въ Астрabadскомъ заливѣ, гдѣ кромѣ Туркменъ, сбыть нашъ могли пріобрѣтать и Персіяне; но всѣ эти попытки нашихъ купцовъ завести выгодную торговлю, безъ содѣствія нашего правительства, были безуспѣшны: не нуждаясь въ насущномъ, мѣстные жители не дѣлали запасовъ ни рыбы, ни своихъ произведеній, а только имѣли въ виду, какъ-бы ограбить нашихъ купцовъ и овладѣть всѣмъ имуществомъ ихъ даромъ, чтѣ и удавалось имъ перѣдко. Только втечениіи послѣднихъ пятнадцати лѣтъ ²⁾, со времени устройства на островѣ Ашуръ-Адѣ, въ Астрabadскомъ заливѣ, нашей морской станціи, а также консульства въ Астрabadѣ

¹⁾ Полное Собрание Законовъ, Т. XV, № 11.046.

²⁾ Писано въ 1859 г.

торговия сношениј наши стали иѣсколько устраиваться: въ иѣкоторыхъ Туркменахъ явилась потребность обиѣживать свои произведения на русскія, они привыкли видѣть и наши суда въ прибрежныхъ заливахъ, освоились и съ носредничествомъ нашимъ при разборѣ возникающихъ недоразумѣній между ими и русскими торговцами, но при томъ, къ сожалѣнію, съялись они и съ военными силами станціи, такъ что ближайшиe только и покорны ей болѣе или менѣе, а располагающіеся иѣсколько отдаленнѣе отъ нея и отъ берега, извѣстные подъ названіемъ стенихъ, сдѣлались еще болѣе дерзкими и предпріимчивыми. Въ подтвержденіе этихъ словъ, я могъ-бы привести иѣсколько примѣровъ нападеній ихъ на берегу и въ открытомъ морѣ, но всѣ они имѣютъ офиціальную извѣстность и къ большему уясненію дѣла не ведутъ. Так же умолчу о всѣхъ предположеніяхъ на счетъ возможности усиленія настоящей дерзости и предпріимчивости Туркменъ, о постороннемъ, замѣчаемомъ вліяніи на нихъ и наконецъ о возможныхъ послѣствіяхъ такого порядка для нашего исключительного пользованія Каспіемъ.

Междудѣмъ восточный берегъ Каспійского моря обращаетъ на себя тѣмъ большее вниманіе, что удобные, совершенно закрытые заливы его, тихіе обыкновенно вѣтра, дующіе вдоль берега, даютъ ему огромное преимущество передъ западнымъ, почему наши морскія суда, казепныя и торговыя, слѣдя на Ашуръ-Адѣ и обратно, пзбираются обыкновенно этотъ путь. При сильной-же непогодѣ, какомъ-либо несчастії, или при необходимости наливаться водою, суда эти пзгдѣ между Тюкъ-Караганскимъ и Астрабадскимъ заливами не могутъ найти безопаснаго пристанища. Для паровыхъ судовъ, по одинаковой причинѣ, не можетъ быть сдѣлано склада пужнаго топлива на всемъ этомъ пространствѣ. Наконецъ остается припомнить, что сюда-же выходитъ старое ложе Аму, а вдоль него, какъ сказано выше, имѣются вездѣ на разстояніи переходовъ, прѣсные колодцы, да и вообще сообщеніе отсюда съ Хивою самое кратчайшее и мо-

жеть имѣть со временемъ, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, несомнѣнное значеніе не только для сношеній собственно съ Хивою, но и для всего нашего При-Сырь-Дарьинскаго края.

Обращаясь собственно къ сношеніямъ съ Туркменами, я долженъ еще сказать, что прежде, какъ извѣстно, встрѣчались между прибрежными Ямудами нѣкоторыя лица, имѣвшія вліяніе на своихъ соплеменниковъ и дѣйствительно искашившія, хотя болѣе изъ личныхъ интересовъ, дружественныхъ сношеній съ Россіей; но въ настоящее время иѣть изъ такихъ ни одного. Кіатъ-бекъ, или Кіатъ-ханъ, какъ называлъ онъ себя, столь извѣстный по двумъ поѣздкамъ въ Туркмению Николая Николаевича Муравьевъ, умеръ, а семейные его и старшій сынъ Кадыръ-ханъ не наследовали отцовскаго значенія. Впрочемъ, по поводу преданности тѣхъ или другихъ Туркменъ-Ямудовъ, о которой нерѣдко слышалъ я, позволю себѣ замѣтить, что всякий изъ такъ называемыхъ вполнѣ намъ преданныхъ Туркменъ, не можетъ дѣйствовать иначе, какъ среди двухъ искушеній: боязни своихъ родичей и желанія служить намъ. Какъ ни преступно подобное поведеніе, нельзя, однако, винить за него Туркменъ въ той мѣрѣ, какъ-бы следовало: все покровительство наше въ отношеніи предавшихъ и искашившихъ подданства Туркменъ, ограничивалось постоянно одними подарками, большую частью весьма незначительными, которые возбуждали только тицеславіе, тогда какъ жизнь и имущество этихъ Туркменъ оставались въ рукахъ ихъ соплеменниковъ безъ всякой нашей защиты. Поэтому, пока не будетъ здѣсь прочного заселенія нашего, которое могло-бы держать въ страхѣ мѣстныхъ обитателей, врядъ-ли возможно расчитывать на безкорыстную преданность Русскимъ кого-бы то ни было изъ нихъ.

Приведенные выше обстоятельства переселенія Мангышлакскихъ и Кара-Бугазскихъ Туркменъ на хивинскую границу объясняютъ уже отчасти отношенія въ которыя были они поставлены къ Хивѣ. Между-тѣмъ Мухаметъ-Рахимъ-ханъ

властвовавшій тамъ въ началѣ настоящаго столѣтія и отли-
чавшійся энергіей и способностями, желая упрочить свою
власть надъ Туркменамъ, началъ съ того, что ближайшихъ
изъ нихъ посыпалъ между разными городами ханства, обло-
жилъ податью, поставилъ надъ ними отдельныхъ начальни-
ковъ, а отдаленійшихъ держалъ въ страхѣ походами, пред-
принимавшимися противъ нихъ, отъ времени до времени.
Кочующіе у Мерва и Серахса были ему покорны и только
прикаспійскіе Ямуды избѣгали еще нѣсколько его вліянія,
но и они, если не видѣли въ Хивѣ исключительнаго для
нихъ хлѣбнаго рынка, то находили для себя выгоднымъ сбы-
вать туда Персидскихъ плѣнныхъ, а, бывая въ Хивѣ и не
дѣля подарковъ Хану, они рисковали остаться въ качествѣ
аманатовъ.

Такъ продолжалось и послѣ Мухаметъ-Рахимъ-хана, при-
сынѣ его, державшемся той-же системы поселенія Туркменъ
среди хивинскихъ городовъ въ отношеніи тѣхъ изъ означен-
ныхъ Мангышлакскихъ Туркменъ, которые постепенно пере-
кочевывали при немъ въ Хиву.

Наслѣдовавшій ему Мухаметъ-Аминъ не умѣлъ сохра-
нить приобрѣтенаго вліянія на этотъ народъ: Мервскіе и
Сerahскіе Туркмены начали ему сопротивляться. Нѣсколько
походовъ, одинъ за другимъ, предпринималъ ханъ противъ
нихъ, но все безуспѣшино, а послѣдній, въ 1855 году, кон-
чился убийствомъ его самого и конечнымъ почти истребле-
ніемъ хивинскаго войска.

Лишь только вернулись остатки послѣдняго въ Хиву, какъ
провозгласилъ себя ханомъ двоюродный братъ покойнаго, Аб-
дулла; но соперничествовавшіе съ нимъ родственники его нача-
ли подкупать противъ новаго хана кочевавшихъ въ окрест-
ностяхъ города Хивы Ямудовъ. Послѣдніе, избравъ для себя
предлогомъ, будто Туркмены-Теке ограбили принадлежавшій
имъ караванъ и захватили изъ имущество и людей, напали на
одну хивинскую крѣпость, въ которой обитало до 1,000
семействъ Текинцевъ. Абдулла-ханъ, узнавъ между-тѣмъ, что

виновниками этого восстания были его двоюродные братья, схватили ихъ и казнилъ; а къ Ямудамъ написалъ, что если они дѣйствительно имѣютъ справедливыя жалобы на Текинцевъ, то явились бы къ нему для разбирательства. Ямуды, какъ и надо было ожидать, разорвали ханское посланіе и пришли еще въ большее движение: раззорили въ Хивѣ базарь и завязали новое дѣло съ Текинцами. Тогда вышелъ съ войскомъ Абдулла-хана. Три раза начиналась борьба, и наконецъ Ямуды, съ помощью другихъ еще Туркменскихъ родовъ, взяли верхъ и убили хана. Послѣ сего они избрали себѣ въ ханы Ата-Мурата, который еще болѣе возбудилъ ихъ противъ Теке и Хивинцевъ. Послѣдніе, такимъ образомъ, лишились двухъ еще хановъ, убитыхъ Ямудами. Не довольствуясь этимъ и желая овладѣть хивинскимъ ханствомъ, домогался Ата-Муратъ получить отъ насть свинецъ и порохъ¹⁾. Не получивъ-же ни того, ни другаго, успѣлъ самъ овладѣть всей почти сѣверной частію ханства; но и тутъ, какъ было сказано, не надѣясь удержать Кунградъ въ своихъ рукахъ, предлагалъ его во власть Россіи.

Кунградъ дѣйствительно возвратили себѣ Хивинцы, но тѣмъ не менѣе Туркмены держать и до-сихъ-поръ свѣ сѣверные города ханства въ постоянной осадѣ.

Какъ исключеніе изъ столь тревожнаго состоянія Хивы можетъ быть приведено лѣто 1858 года, время, проведенное тамъ нашимъ миссію. Несомнѣнно причиною тому были внушенія, полученные Туркменами изъ Оренбурга, что если они дѣйствительно ищутъ покровительства Россіи то доказали бы искренность своихъ намѣреній, какъ отстраненіемъ всякихъ недоразумѣній съ Хивинцами, при встрѣчѣ и сопровожденіи послѣдними миссіи, такъ и содѣйствіемъ къ спокойному пребыванію ея тамъ. Могли быть и другія, неизвѣст-

¹⁾ Дѣло канцеляріи Оренбургскаго и Самарскаго Генералъ Губернатора о слухахъ и событияхъ въ областяхъ средней Азіи за 1856 г.

ныя ми^й причины, по дѣло въ томъ, что въ это время не было въ Хивѣ никакихъ междуусобицъ, и Туркмены не заводили съ Хивинцами обычныхъ своихъ ссоръ. Доказательствомъ можетъ отчасти служить командированіе меня начальникомъ миссіи изъ г. Хивы въ Кунградъ, и оттуда въ устье Аму, съ однимъ только урядникомъ-толмачемъ, въ сопровожденіи 2-хъ хивинскихъ чиновниковъ и одного бывшаго со мною человѣка для прислуги.

Объясненія обстоятельства касаются собственно ближайшихъ къ Хивѣ Туркменъ. Кочующіе-же у Мерва и Серахса, начавъ еще сопротивляться при Мухаметѣ-Аминѣ, совсѣмъ отложились отъ Хивы со смертью его. Прикаспійскіе-же Туркмены-ямуды, располагающіеся южнѣе Кара-Бугаза, и всегда мало подчинялись Хивѣ, а теперь, сбывая туда персидскихъ плѣнныхъ и забирая тамъ нѣкоторыя домашнія надобности, не боятся, какъ прежде, быть задержанными ханомъ: до того ослабло вліяніе послѣдняго на туркменскіе роды.

Хива такимъ образомъ имѣла, но утратила вліяніе на Туркменъ; Персія-же никогда собственно и не имѣла на нихъ прочнаго вліянія. Владѣніе Гургенской долиной Надиръ-Шахомъ было непродолжительно и окончилось съ его смертью;¹⁾ послѣ-же Туркмены никогда не оставляли безпокоить Персію набѣгами, грабежами и уводомъ людей въ неволю, чemu содѣйствуютъ, конечно, и ничѣмъ не защищенные берега астрabadского залива. Также не мѣшаеть сему и возрастающая необходимость взаимныхъ торговыхъ сношеній этихъ народовъ: торговля и грабежи продолжаютъ идти рука объ руку.

Туркмены рѣшительно одолѣваютъ Персію и съ суши, и съ моря. Не имѣя своихъ судовъ на Каспійскомъ морѣ для

¹⁾) Барона Боде; Очерки туркменской земли и юго-восточного прибрежья Каспійского моря, стр. 77.

наказанія, при случаѣ, Туркменъ, персидское правительство обращалось къ русскому, съ просьбою о содѣйствіи, и капитанъ Путятинъ (нынѣ графъ Путятинъ) ходилъ въ 1842 году, для наказанія Туркменъ, къ юго-восточнымъ берегамъ Каспійскаго моря, на пароходѣ «Кама», былъ въ Гассанъ-Кули и сжегъ тамъ пѣсколько десятковъ туркменскихъ лодокъ. Съ моря ограждается теперь Персію наша Ашуръ-Адинская морская станція; но, для большаго успѣха ея дѣйствій, недостаетъ ей, между прочимъ, доброй воли со стороны самой-же Персіи: всѣ берега Астрabadскаго залива и юго-восточного прибрежья покрыты густымъ, высокимъ камышемъ, растущимъ въ водѣ; въ немъ-то укрываются Туркмены въ своихъ легкихъ куласахъ (родъ нашихъ бударъ) и, за прикрытиемъ его, выходятъ на берегъ и опустошаютъ персидскія деревни. Какъ ни казалось-бы необходимымъ уничтожить камышъ, которымъ вообще ни для чего не пользуются Персіяне, но всѣ доводы начальника станціи остаются безуспѣшными: и камышъ продолжаетъ существовать, и, по-прежнему, продаютъ Персіяне Туркменамъ тѣ куласы, на которыхъ подбираются они къ ихъ берегамъ.

Вообще персидское правительство поступаетъ въ этомъ случаѣ совершенно своеобразно: въ Мазандеранской, напр., области, где представляется болѣе удобствъ къ огражденію ея, мѣстная персидскія власти пользуются этимъ и постоянно притѣсняютъ Туркменъ, приходящихъ туда единственно для торговли, и несправедливыми, незаслуженными оскорблениями усиливаютъ ненависть ихъ къ Персіянамъ и желаніе отмстить имъ; въ Астрabadской-же области, напротивъ, при сознаніи совершенного отсутствія собственной власти, персидское правительство опасается усиленія значенія нашей станціи.

Дерзость свою въ отношеніи къ Персіи доказали Туркмены лучше всего втечениі 1856—57—58 г. въ управление Астрabadской областью недавно умершаго Джафаръ-Кулихана, который двумя необыкновенно удачными военными поб

ходами противъ Текинцевъ въ началѣ 1856 года, озадачилъ было всѣхъ ближайшихъ Туркменъ, но не прошло и мѣсяца послѣ того, какъ Астрabadскія земли были во многихъ мѣстахъ ограблены тѣми-же самыми Туркменами, и, не смотря на угрозы Джадаръ-хана, они снова, какъ и прежде, начали смѣяться надъ военными силами Персіи.

И такъ не временный страхъ, а постоянный нуженъ Туркменамъ.

Подробности означенныхъ походовъ астрabadского губернатора разсказываютъ слѣдующимъ образомъ: вышедши изъ Астрабада 2-го марта, съ войскомъ въ 4,000 человѣкъ, Джадаръ-ханъ подошелъ, 16-го числа, къ текинскимъ ауламъ, лежащимъ въ 40 фарсангахъ отъ города къ ОНО и началь на нихъ въ расплохъ. Въ нѣсколько часовъ было истреблено пять ауловъ, убито около 170 человѣкъ мужчинъ, взято въ плѣнъ 350 женщинъ и дѣтей и разграблено все ихъ имущество. Пройдя послѣ того въ Буджнурдъ и отдохнувъ тамъ немногого, онъ направился противъ другихъ текинскихъ ауловъ, къ NO, фарсангахъ въ 70-ти. Только-что одержанная побѣда и главное обѣщаніе сдать занимаемую этими аулами крѣпостцу Нукуръ, у склона Альбурзскаго хребта, до того обнадежили хана, что онъ взялъ съ собою всего 600 человѣкъ. Между-тѣмъ Нукурцы обманули, и лишь только Джадаръ-Кули-ханъ вышелъ изъ тѣснаго горнаго ущелья, ведущаго изъ Буджнурда къ Нукуру и подступилъ къ этой крѣпости, какъ его окружили, сверхъ ожиданія, до 5,000 вооруженныхъ Текинцевъ. Отступить было трудно, и онъ нашелся вынужденнымъ пойти въ неравный бой. Текинцы заранѣе благословляли свою судьбу, и, сверхъ ожиданія она измѣнила имъ на этотъ разъ: Аллахъ помогъ не имъ, а Джадару, и онъ одержалъ блестящую побѣду. Убитыхъ и не считали, а плѣнныхъ было взято 350 человѣкъ и кромѣ того 800 лошадей, 400 верблюдовъ и проч. Головы многихъ изъ убитыхъ Текинцевъ были отправлены къ шаху въ Тегеранъ.

И такие победы— скажу здѣсь опять— не навели на Туркменъ страха: они продолжаютъ, по-прежнему, беспокоить Персію своими набѣгами и грабежами.

Таковы вообще отношенія Персіи къ Туркменамъ. Въ частности-же она предъявляетъ свои права на Гоклановъ, располагающихся по верховьямъ Гюргени, въ числѣ 3,000 семействъ; а такъ какъ они ведутъ болѣе осѣдлую, чѣмъ кочевую жизнь, то и не убѣгаютъ отъ преслѣдованій Персіи, а платятъ ей постоянную подать, доходящую, будто-бы, до 6,000 тумановъ¹⁾. Изъ сосѣднихъ-же къ Персіи Ямудовъ, только Джадарбай, отдѣленія Яръ-Али, кочующіе у Кара-Су, платятъ нѣкоторую сумму за право пасти скотъ по ту сторону рѣки, на персидскихъ земляхъ, но собственно платить никакой не вносятъ, и персидскія власти лишь изрѣдка посылаютъ къ нимъ, и не далѣе Гюргени, собирать дань, по 3 сабкарана²⁾ съ кибитки, но обыкновенно осенью, когда болѣе зажиточные перекочевываютъ ближе къ Балханамъ и остаются тутъ одни самые бѣдные, въ числѣ не болѣе 200 кибитокъ.

Предшествовавшія свѣдѣнія могутъ уже служить общимъ указаниемъ, на сколько непримѣнно къ Туркменамъ вообще значеніе, соединяемое со словомъ « управление », но какъ и въ благоустроенныхъ государствахъ укрываются иногда подъ этимъ именемъ однѣ только формы власти, то да не поставится мнѣ въ укоризну, если я подъ этимъ названиемъ буду разумѣть и Туркменскую неурядицу.

Въ Туркменіи, какъ въ странѣ мусульманской, въ основаніи частной жизни лежитъ естественно коранъ. Истолкователями его могутъ быть, какъ известно, только духовныя лица и именно кази, на обязанности которыхъ лежитъ разборъ и рѣшеніе судебныхъ дѣлъ по правиламъ, наложеннымъ

¹⁾ Туманъ = 3 руб. сер.

²⁾ Сабкарэн = 30 з. сер.

въ тѣхъ или другихъ сборникахъ магометанскихъ законоположеній. Поэтому у каждого изъ Туркменскихъ племенъ есть свой кази, посвящаемый въ эту обязанность хивинскимъ ханомъ, какъ ближайшимъ мусульманскимъ владѣльцемъ; но существованіе такой должности у Туркменъ можно объяснить развѣ общемусульманскимъ фанатизмомъ, потому что, при вкоренившемся между ними личномъ произволѣ, возможна еще тамъ одна военная власть, значеніе «батыря», молодца; гражданская-же, соединяемая съ званіемъ кази, ни съ чѣмъ несообразна. Отсутствіе, за рѣдкими исключеніями, поземельной частной собственности, присвоенныя съ давнихъ временъ мѣстности подъ кочевья разныхъ отдѣлений, накопецъ вошедшія въ народные обычаи мѣры возмездія за убийства и разныя увѣчья, а также существующія, для раздѣла имущества, оставляютъ возможность существенныхъ недоразумѣній только въ дѣлахъ кражи и баранты; но и въ этомъ случаѣ обыкновенно прибѣгаютъ Туркмены къ суду своихъ аульныхъ старшинъ — кетхуда, такъ что значеніе кази, повторюю, можетъ быть рассматриваемо у большинства Туркменъ съ одной религіозной стороны, съ точки удовлетворенія мусульманского фанатизма или со стороны злоупотребленія религіею, когда тѣмъ или другимъ произвольнымъ истолкованіемъ словъ корана разрѣшаются безнравственные поступки правовѣрныхъ.

Приведенные обстоятельства вызываютъ на подробности касательно установившихся обычаяевъ въ отношеніи возмездія за убийства и разныя увѣчья; а равно по поводу раздѣла имущества и обращенія къ суду и разбирательству старшинъ.

Означенные обычай довольно опредѣленны и далеки отъ всякихъ отг҃никовъ, именно, въ возмездіе за убийство требуютъ смерти убийцы, что называется канъ-каналы. Если-же мистеръ согласенъ взять выкупъ, то онъ полагается въ 1,000 тилль, 2,500 р. сер.. на наши деньги, обыкновенно-же зависитъ отъ средствъ и соглашенія тяжущихся. Подобная сумма

уплачивается за отсъченіе обѣихъ рукъ или ногъ. За поврежденіе одного изъ этихъ членовъ взыскивается 500 тилль, что называется хупъ. За незначительное поврежденіе виновный подвергается таковому же самъ, или прощается, что случается, впрочемъ, не часто. По поводу обычасъ, оставалось-бы привести еще существующіе для раздѣла имущества, если-бы не сложились они по известнымъ мусульманскимъ правиламъ вообще и преимущественно по фероизамъ¹⁾. Я укажу здѣсь на одно только исключеніе, относительно незаконорожденныхъ дѣтей, которые имѣютъ одинаковое право на наслѣдство съ законорожденными.

Болѣе рѣзкое изъятіе изъ мусульманскихъ постановленій вообще, не касаясь болѣе раздѣла имущества, составляетъ недопущеніе развода (теллокъ) у Туркменъ, располагающіхся съвериѣ Кара-Бугаза. Былъ даже случай, за время Хивинскаго хана Мухамедъ-Рахима, что одна женщина-туркменка, жалуясь на побои мужа, просила о разводѣ и получила было ханское разрѣшеніе; но всѣ туркменскіе старшины единогласно вынудили хана отказаться отъ данного позволенія.

Переходя къ тѣмъ случаямъ, при которыхъ Туркмены обращаются къ старшинамъ за разбирательствомъ, я долженъ сказать, что всѣ они до того однобразны, что могутъ быть подведены подъ слѣдующій примѣръ: когда есть улика и виновный укрывается, то истецъ всегда просить суда и, по опредѣленію его, возвращается истцу родными виновнаго стоянность похищенаго, если дѣло шло о кражѣ, или уплачиваются приведенные вознагражденія, если касалось до изувѣченія и пр. Иначе-же, въ присутствіи виновнаго, никогда истецъ не допустить и мысли о разбирательствѣ, а по произволу раздѣляется съ нимъ, стараясь обыкновенно отмстить тѣмъ-же самимъ. Судъ большую частію дорогъ вездѣ, рас-

¹⁾ Торнау: о мусульманской законодѣлії, стр. 899—926.

правиться-же своею властію такъ легко Туркменину. Было когда-то время, что обыкновенное туркменское выражение «Туркменчиликъ» обозначало простоту, патріархальность нравовъ; теперь-же пріобрѣло оно иное значеніе: оно выражаетъ удальство и обманъ, и эти свойства, не краснѣя, придаютъ Туркмены другъ другу, говоря о своихъ разбояхъ.

Таковъ общій характеръ управления у всѣхъ вообще Туркменъ. Обращаясь-же собственно къ существующему у приморскихъ—прикаспийскихъ, я нахожу, что оно представляеть нѣкоторыя особенности. Такъ у Туркменъ, располагающихся на пространствѣ отъ Александровскаго форта до Кара-Бугазскаго залива, гораздо менѣе произвола въ управлениі. Причиною тому конечно, не болѣе нравственныхъ понятія самихъ Туркменъ, сколько незначительность ихъ по числу, бѣдность и наконецъ возможность найти судъ и расправу у коменданта нашего форта.

Изъ этихъ Туркменъ, Игдыры, Абдаллы и Ходжи имѣютъ своихъ отдельныхъ старшинъ. У Игдыровъ ихъ два: Удѣковскимъ отдельніемъ завѣдуетъ Маметъ (Мухаметъ)-Сафа Кулуевъ, человѣкъ вліятельный, не глупый и готовый на услуги, а Чаканскимъ Кара-Бахчъ. На мѣсто-же казн имѣютъ они Нуръ-Мухамета Биктурліева ишана, т. е. духовное-же лицо, стоящее выше муллъ. Званіе это присвоилъ себѣ Нуръ-Мухаметъ по происхожденію отъ отца своего Биктурли-ишана, признаваемаго Туркменами за святаго. Нуръ-Мухаметъ-ишанъ имѣть русскую золотую медаль, полученнюю за дѣло по примиренію Туркменъ съ Киргизами. Сынъ его, ханъ-Мамбетъ (Мухаметъ) находился при нашей экспедиціи, отличаясь готовностью, служить Россіи и не менѣе желаніемъ выказать передъ другими Туркменами свою важность и значеніе между Русскими.

Упомянувъ здѣсь о 3-хъ лицахъ, которыя всѣ называются Мухаметами, кстати будеть замѣтить, что Туркмены очень любятъ включать въ свои имена, преимущественно мусульманскія, имя своего пророка, сокращая сю въ Махметъ,

Мамбетъ и Маметь. Приведенныя къ этому имени прибавленія Нуръ, означаетъ въ переводе свѣтъ, а ханъ, служа собственнымъ именемъ, взято изъ подражанія титулу хана. Туркмены любятъ также давать разныя прозвища по примѣтамъ, причемъ собственное имя остается часто неизвѣстнымъ: означенный Нуръ-Мухамедъ-ишанъ извѣстенъ напр. за сары-ишана, рыжеволосаго ишана. Подобная прозвища дали Туркмены и всѣмъ намъ, участвовавшимъ въ послѣдней экспедиціи, именно: сары-сакаль — рыже-бородый, кызыль-буинъ — красно-шейный, узунъ-буили-акъ-чигитъ — длинно-блѣлый молодецъ. Изъ прозваний-же, данныхъ Туркменами бывшимъ, въ послѣдней экспедиціи, 1836 года сохранилось и до сихъ-поръ одно: кутъ-кызыль, потому что получивший его носиль, будто-бы, красные шаровары.

Кромѣ описанного ишана, собственно мулль нѣть у этихъ Туркменъ и въ нихъ, какъ говорили мнѣ сами Туркмены, не имѣется особенной надобности, такъ какъ, за отсутствиемъ настоящихъ мечтей, они не могли бы совершать праздничныхъ моленій, а обыкновенные, дневные можетъ дѣлать всякий мусульманинъ безъ муллы. Для этого устраиваютъ отдельныя на зиму кибитки; а лѣтомъ вырываютъ круглую большую яму, въ которой сходятся молящіеся, оставляя верхнюю обувь у спуска въ нее, или за насыпью, которую окружаютъ подобныя молельни.

Впрочемъ, въ послѣднее время пріѣхалъ въ Александръ-Бай одинъ мулла изъ Хивы и началъ между прочимъ учить дѣтей грамотѣ и правиламъ своей вѣры. Число учащихся у него простирается до 10-ти. За каждого условились платить мулль по 4 тумана въ годъ. Подобные примѣры обученія дѣтей бывали и прежде, и лучшихъ учениковъ отправляли отцы доучиваться въ хивинскія медресе (училища).

Туркмены, вочующіе на означенномъ пространствѣ, оказываются вообще особенное уваженіе духовнымъ, и родственники ихъ, въ отличіе отъ другихъ, прибавляютъ обыкновенно къ своему имени слово махзумъ.

При азіятскомъ честолюбіи Туркменъ, это объясняется отчасти отсутствиемъ у этихъ кочевниковъ всякихъ другихъ привилегированныхъ лицъ. Именующихся напр. ханами несть вовсе въ этой части Туркмениі; но за то они встрѣчаются въ огромномъ числѣ за Кара-Бугазомъ, далѣе на югъ, и тамъ уже тщеславятся родствомъ не съ муллами, а съ ханами.

Какъ меньшій произволъ, при отсутствіи настоящаго кази, у располагающихся ѿвериѣ Кара-Бугазскаго залива, такъ, напротивъ, болѣшій произволъ, при отсутствіи старшинъ, у кочующихъ южнѣе залива — служать отличiemъ тѣхъ и другихъ отъ объясненной выше характеристики туркменского управления вообще.

У послѣднихъ изъ поименованныхъ Туркменъ, всякий аулъ существуетъ самъ по себѣ, по отношеніямъ, установленнымъ временемъ, и безъ аульного начальника, и только у Огурджалинцевъ осталось еще четверо старшинъ, сохранившихъ наслѣдственное званіе старшинъ и вмѣстѣ хановъ. Впрочемъ въ этой части степи всякий побогаче называетъ себя ханомъ и знать никого не хочетъ. Дѣти его, хотя бы обѣднѣли, также сохраняютъ это званіе, и такимъ образомъ, оно утратило обыкновенный свой смыслъ, объясняющей личное значеніе или происхожденіе. Одинъ изъ внуковъ Кіата, семейство которого считаетъ себя настоящими ханскими, на вопросъ, откуда взялись означенные ханы, объяснилъ мнѣ, что сначала называла ихъ такъ наемная прислуга, изъ подобострастія, за дѣтьми-же званіе установилось и сдѣжалось достояніемъ всего рода.

Отсутствіе у этихъ Туркменъ старшинъ, казалось, должно было бы служить къ большему сближенію ихъ съ кази, но на дѣль оно служитъ только къ усиленію личного произвола. Отдаленность отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ кочевья, занимаемаго кази, у колодцевъ Бугдайлы, по близости къ Зеленому бугру,—представляется также не малой тому причиной; но больше опасаются эти Туркмены разбирательства

своего кази, по известному его корыстолюбию. Кази этотъ, по имени Мухаметъ-Ниязъ Кылычевъ, наслѣдовалъ въ свое званіе отцу и имѣть, какъ выражаются Туркмены, печать на власть кази отъ Хивинскаго хана. Сынъ его Ярали-мулла, который прочится въ преемники отцу, хотя собственно, по мусульманскимъ правиламъ, не имѣть на то права, будучи незаконнорожденнымъ, отличается тѣми же качествами корыстолюбія, а не правосудія, и по этому трудно надѣяться, чтобы онъ съумѣлъ, со временемъ, пріобрѣсти утраченное уже уваженіе.

Какъ бы то ни было, но, ради почета, наиболѣе за�иточные Туркмены обыкновенно обращаются къ кази за дозвolenіемъ жениться и даютъ ему при этомъ по пѣсколько тумановъ.

Лѣта для женитьбы въ расчетъ не принимаются. Бываютъ женихи и менѣе 12 лѣтъ, а невѣсты менѣе 9-ти, только бракъ въ этомъ случаѣ получаетъ видъ одного соговора; послѣ чего молодыхъ разъединяютъ, до-тѣхъ-поръ, пока невѣста не подростеть и не свыкнется съ хозяйствомъ.

Кромѣ 4-хъ законныхъ женъ, Туркмены допускаютъ еще столько-же незаконныхъ, согласно расколу аземи, но часто и превышаютъ это число. Однъ Туркменинъ говорилъ мнѣ про своего отца, имѣвшаго уже восемь женъ и хотѣвшаго взять еще одну, Астраханскую татарку, что онъ не посмотрѣть ни на какой законъ, и этими словами желалъ, повидимому, выказать всю важность отца.

Въ калымъ даютъ Огруджалицы по 35 тумановъ, а Ямуды по 10—15 верблюдовъ, причемъ обыкновенно тестъ возвращаетъ половину ихъ, а иногда и болѣе.

У этихъ Туркменъ-Ямудовъ довольно много мулль, которыми называются произвольно всѣ знающіе грамотѣ не изъ хановъ и учившіеся въ Хивѣ правиламъ своей религіи. Ёздившій доучиваться въ Бухару величаетъ себя ахуномъ.

Всѣ они отличаются молчаливою важностию и любостяжаниемъ.

Каждому муллѣ приято давать ежегодно, при перечетѣ денегъ, (Туркмены, торгующіе и ничѣмъ не занимающіеся имѣютъ обыкновеніе повѣрять свое состояніе разъ въ годъ) по 1 съ 40. Здѣсь муллы также учатъ дѣтей и берутъ за каждого отъ 1 до 3 сабкарановъ въ мѣсяцъ. На 100 кибитокъ приходилось по 10 учащихся.

Обращаюсь къ домашнему быту Туркменъ. Всѣ они живутъ въ обыкновенныхъ, сдѣланныхъ изъ жердей кибиткахъ, покрытыхъ кошмами. Жилища эти большею частію грязны до отвращенія. Рѣдкія убраны вдоль стѣнъ ковровыми мѣшками и устланы коврами. Питаются, по преимуществу, однимъ хлѣбомъ, и лишь по праздникамъ, бараниной и пилавомъ. Одеждой служать имъ обыкновенно самые простые бумажные халаты, надѣваемые одинъ на другой, и высокія мерлушичьи шапки. Только южнѣе Кара-Бугаза, ближе къ Персіи, одѣяніе ихъ нѣсколько разнообразнѣе и представляетъ смѣсь Персидскаго съ Туркменскимъ. Изъ этого видно, какъ незначительны потребности Туркменъ. Всѧ работа по хозяйству лежитъ на обязанности женъ, у которыхъ и руки гораздо развитѣе и грубѣе мужнинъ, и только немногое зарабатывается уже самъ Туркменинъ. Дѣнь съ нимъ неразлучна, а ею естественно руководить и то отсутствіе всякихъ требованій, и та бѣдность, въ которыхъ онъ выросъ. Всѣмъ этимъ-же обусловливается и самая производительность Туркменъ.

Разматривая хозяйство и торговлю ихъ, я нахожусь вынужденнымъ разграничить прибрежныхъ Туркменъ тѣмъ же заливомъ, Кара-Бугазскимъ, который служилъ и прежде границею между Ямудамъ и племенами Ессеневскими, такъ какъ и въ хозяйственныхъ, и торговыхъ занятіяхъ тѣхъ и другихъ встрѣчаются свои мѣстныя особенности.

Главнѣйшее занятіе Ессеневцевъ, располагающихся съ вершие Кара-Бугаза, заключается въ рыболовствѣ, которымъ

занимаются они въ Александръ-Байскомъ и Киндерлинскомъ заливахъ и южнѣе, вдоль берега, вплоть до самаго Кара-Бугаза. По этому берегу ловятъ рыбу крючьями, баграми и тоже бываютъ острогой. Въ Киндерли, гдѣ самый лучшій промыселъ, по тишинѣ, прозрачности воды и меньшей глубинѣ, сходятся лодокъ числомъ до 50-ти. Всѣ Туркмены, отъ Александровскаго форта до Кара-Бугаза, приезжаютъ туда къ началу апрѣля. Втеченіи этого мѣсяца и еще въ маѣ и юнѣ производится тамъ самая обильная ловля рыбы; ловъ-же вообще, менѣе обильный, продолжается до начала сентября. Лучшій ловецъ въ Киндерли вылавливаетъ до 100 и даже до 150 штукъ красной рыбы, а дурной до 30—40 въ ночь.

Кромѣ Киндерли, возможно еще одинаково-значительное рыболовство у острова Аде-Кара, на глубинѣ 3—4 саж. Но какъ на островѣ нѣть воды, то рыболовы, принужденные брать съ собою воду въ турсукахъ, заходятъ туда рѣдко.

Рыбу сбываютъ Туркмены, какъ уже было упомянуто выше, Армянамъ Александровскаго форта. Осетръ и севрюга продаются на мѣру. 3 севрюги, длиною отъ хвоста до головы въ 4 четверти и 3 осетра въ пять четвертей идуть не дороже 1 руб. сер. Бѣлугу продаютъ обыкновенно на взглядъ, примѣняясь къ осетрамъ. Армяне, въ свою очередь, сбываютъ Туркменамъ муку, самую дурную, цѣнною на деньги отъ 3 до 5 рублей сер. за мѣшокъ въ 7 пудъ, а на рыбу за 12—15 штукъ осетровъ или севрюгъ. Когда же мука берется въ долгъ, то условія бывають несравненно тягостнѣе. На каждую Туркменскую кибитку нужно приблизительно до 5 мѣшковъ муки въ годъ. Такимъ образомъ на все число кибитокъ до Кара-Бугаза приходится ихъ до 1,300, и рыбы, для уплаты за нихъ, нужно примерно до 20,000 штукъ. Вообще-же уловъ ея полагаютъ Туркмены въ 100,000 штукъ.

Остальное количество обменивают Туркмены на разные другие надобности: платье, желзо, чугунные произведения, какъ напр. таганы и пр. Вещи эти приобрѣтаются ими, равнымъ образомъ, у Армянъ Александровскаго форта.

Рыба обыкновенно продается съ клеемъ и вязигой, и только изъ употребляемой для себя Туркмены вынимаютъ то и другое и продаютъ отдельно: клей по 1 руб. 70 коп. сер., а вязигу по 10—15 и рѣдко по 20 коп. сер. за фунтъ.

Икраю рыбы ловится очень мало на этомъ пространствѣ. Добытая икра очищается дурно и продается всего по 10 коп. за фунтъ.

Для собственнаго употребленія, Туркмены просаливаютъ и высушиваютъ рыбу; чаще же употребляютъ ее слѣдующимъ образомъ: разрѣзываютъ на части, проваливаютъ, потомъ крошатъ и варятъ въ котлахъ, въ рыбьемъ жирѣ, до тѣхъ поръ, пока не покраснѣетъ. Приготовленную, такимъ образомъ, рыбу сохраняютъ на зиму въ рыбныхъ нузирахъ, зарывая ихъ въ землю.

Кромѣ рыболовства, кочующіе у форта и Александръ-Бая Туркмены занимаются еще разведеніемъ арбузныхъ и дынныхъ бахчей. Прежде съяли они мѣстами и хлѣбъ, но теперь, по отзывамъ ихъ, не достаетъ имъ на это рабочихъ рукъ. Для бахчей землю они упаковываютъ и навозъ берутъ съ зимовокъ Киргизовъ, которые приходятъ на зиму не только въ Киндерли, но пробираются иногда и къ Карабугазу. Бахчи свои, на этихъ мѣстахъ, рѣдко поливаютъ Туркмены, потому что вода лежить отъ поверхности на разстояніи не болѣе аршина, и при вспашкѣ, просачиваясь, увлажняетъ землю.

Скотоводство у этихъ Туркменъ весьма незначительно, особенно у Игдырцевъ, кочующихъ на пространствѣ отъ Киндерли до Карабугаза. Богаче другихъ — Ходжи. Самымъ богатымъ изъ нихъ считается, имѣющій до 40 верблюдовъ и до 300—400 барановъ; но такихъ между ними всего 2 или 3 человѣка.

Отсутствіе скотоводства обуславливаетъ и домашнія работы, исключительное достояніе женщинъ, какъ дѣланіе ковровъ, кошемъ и армячинъ. Произведеній этихъ мало, п въ продажу они почти не идутъ. Довольно оригинально, что въ узоръ ковровъ, какъ у этихъ, такъ и у всѣхъ прибрежныхъ Туркменъ, входитъ непремѣнно изображеніе якорей большой и малой величины. Краски для ковровъ берутъ на Челекени, гдѣ получаются и Персидскій, или дѣланный мѣстными жителями порохъ. Настоящими двумя продуктами и ограничиваются торговыя сношенія этихъ Туркменъ съ За-Кара-Бугазскими своими сосѣдами, Ямудами. Нефть-же съ Челекени они не берутъ, потому что для освѣщенія употребляютъ рыбій жиръ и баранье сало; равнымъ образомъ не нуждаются они и въ челеекенской соли, имѣя ее у себя въ достаточномъ количествѣ.

Занятія и торговыя сношенія Туркменъ, располагающихся за Кара-Бугазомъ, дающе на югъ, представляютъ болѣе разнообразія. Къ рыболовству, которое между ними сравнительно менѣе распространено, слѣдуетъ причислить, какъ наиболѣе прибыльные промыслы: солеводство, добычу нефти и нефтагиля, хлѣбопашество и скотоводство.

Соль добываютъ Туркмены на Красноводской косѣ, па островѣ Челекени, на полуостровѣ Дарджѣ въ 3-хъ мѣстахъ, на уроцищѣ Гарямъ (неподалеку отъ Зеленаго бугра) и еще на иѣкоторыхъ другихъ береговыхъ мѣстностяхъ. Красноводское мѣсторожденіе соли занимаетъ въ окружности сажень 60; соль самосадочная; солевые кристаллы, толщиною вершка въ $4\frac{1}{2}$, покрываютъ поверхность почти сплошь; вода просачивается лишь мѣстами. Подъ этими кристаллами лежитъ слой воды вершка въ 2, и подъ ней находится грязь, смѣшанная съ солью. Принадлежатъ эти кристаллы Менглы-Дурды-хану. На нихъ добывается ежегодно до 20,000 пудъ чистой соли, которая идетъ въ продажу Инзелинскимъ купцамъ, приходящимъ за нею на своихъ лодкахъ, называемыхъ бакинками. Кроме того, мѣстные кочевники пользуются солью даромъ. Самой лучшей солью считается Даргинская-Сарай-

ская. Добываемую тут соль продаютъ Туркмены частью на мѣстѣ Инзелинскими купцами; большую же частью сплавляютъ сами на Ашуръ-Адѣ. Средняя цифра лодокъ съ солью, приходившихъ на Ашуръ въ послѣдніе три года равнялась 145, а по среднему выводу подсчитанного ими груза, можно положить количество годового сплава соли на Ашуръ въ 120,000 пудъ; съ продаваемой же на мѣстѣ, количество ежегодного отпуска ея, доходить приблизительно до 200,000 пудъ. Обыкновенная цѣна на соль не превышаетъ 7—8—10 коп. сер. за пудъ.

Добыча нефти и нефтагиля составляетъ исключительную принадлежность острова Челекени. Нефть получается еще изъ колодцевъ, лежащихъ у Балханского залива, но дурнаго качества, въ незначительномъ числѣ и не идетъ въ продажу.

На Челекени пространство, занимаемое мѣсторожденіемъ нефтагиля и нефтяными колодцами простирается до 2 верстъ въ окружности. Мѣстность эта представляется въ видѣ цѣпи невысокихъ горъ-холмовъ, идущихъ отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Нефтяные колодцы, въ числѣ слишкомъ 200, лежать преимущественно въ узкихъ лощинахъ между горъ, также по склону ихъ и въ долинѣ, примыкающей къ горамъ. Я видѣлъ нѣсколько такихъ колодцевъ. Есть глубинаю отъ 7 до 20 и болѣе ханскихъ аршинъ (1 арш. 6 вершковъ). Даютъ нефть черную, густую и жидкую, и зеленоватую (блѣдную). Земля до того пропитана нефтью, что послѣдняя просачивается сквозь нее и въ нѣкоторые колодцы, или въ резервуары, сведены одни жалоба, по которымъ нефть стекаетъ тонкой струей, а въ другихъ проходить она въ щели, оставляемыя между досокъ, которыми забраны колодцы. Полученіе нефти производится здѣсь съ давнихъ временъ. На этихъ-же мѣстахъ получается и нефтагиль блѣдный и черный. Перваго сравнительно меньше. Нефтагиль лежитъ въ горахъ жилами и большую частію надъ нефтяными источниками, такъ что, по истощеніи нефтагилевыхъ жилъ, показывается обыкновенно нефть. Такимъ образомъ, по отзывамъ мѣстныхъ

жителей, добывался прежде одинъ нефтагиль, и потомъ уже показались ключи нефти. Нефтагилевая разработка началась, какъ видно, съ вершины горы, что доказывается насыпями, образовавшимися на краяхъ обширной ямы. Нефтагиль очищается отъ земли и сора кипяченiemъ въ котлахъ. Топливомъ служить окружающая пріиски земля, которая, отъ большои примѣси нефти, горитъ прекрасно.

Туркмены употребляютъ нефтагиль для освѣщенія. Для той-же цѣли продавали они его Хивинцамъ и Бухарцамъ, но въ маломъ количествѣ. Правильная торговля имъ началась собственно съ 1858 года, когда Туркмены продали егоЗакаспійскому торговому товариществу и нѣкоторымъ Русскимъ промышленникамъ, для выдѣлки парафина, до 50,000 пудъ, по 60 коп. сер. за каждый. Нефть продается Инзелинскимъ и Бакинскимъ Персіянамъ по 20 коп. сер. за пудъ. Продаютъ ее на мѣстѣ или сплавляютъ на Ашуръ-Адѣ. По такому-же расчёту, который былъ принятъ въ отношеніи соли, оказывается, что количество ежегодного привоза туда нефти доходитъ до 115,000 пудъ.

Означенные пріиски называются «Мошадъ». Они считаются принадлежностю семейства Кіатова. На нихъ работаетъ постоянно до 150 человѣкъ, и каждому изъ нихъ, по словамъ завѣдывающаго пріисками, племянника Кадыръ-хана, Ана-Хассана, платятъ по 30 коп. въ день. Если это и дѣйствительно соблюдается, то вѣроятно, по отношенію къ однимъ свободнымъ рабочимъ, а не къ плѣннымъ Персіянамъ.

Влѣво отъ этихъ пріисковъ лежитъ еще нефтяное озеро Кары-Ситля (черный моловщикъ). Вода въ немъ теплая, сѣрно-соленая, и нефть выбрасывается въ довольно большомъ количествѣ изъ глубины на поверхность. Отъ этого озера, лежащаго на вершинѣ одного бугра, проведены канавы, для стока воды, съ невысокими запрудами изъ досокъ, не достающихъ до дна канавы. Вода проходить подъ доски, а нефть, какъ вещество легчайшее, удерживается запрудами и потомъ счерпывается. Вокругъ озера лежать еще до 10 ко-

лодцевъ, изъ которыхъ нефть достается кувшинами, пополамъ съ водою. Эти приски, менѣе обширные, чѣмъ Мощадскіе, принадлежатъ Огурджалинскимъ старшинамъ.

Добыча нефти и нефтагилья, разработка соли и рыболовство составляютъ главные четыре промысла островитянъ; но кроме того находятся еще на Челекени, въ долинѣ, прилегающей къ колодцамъ, двѣ краски: красная, кызыль-буя, и желтая, превращающаяся при варкѣ въ черную, почему и называется кара-буя. По признакамъ — это нечистый купоросъ. Краски эти почти не идутъ въ продажу и употребляются Туркменами на крашеніе шерсти. По отзывамъ мѣстныхъ жителей, красокъ этихъ довольно много на островѣ. Онѣ лежать гнѣздами, подъ очень тонкимъ слоемъ песку, такъ, что вѣтеръ, смѣтая послѣдній, обнаруживаетъ полосы то красные, то желтые.

Какъ нефть и нефтагиль составляютъ принадлежность только Челекени, такъ и хлѣбопашество существуетъ въ Туркменіи по однимъ берегамъ Атрека и Гюргени. Къ тому оно такъ мало сродно Туркменамъ, что имъ занимаются лишь самые бѣдные изъ нихъ, называемые чомурами, въ отличие отъ чорвовъ, т. е. зажиточныхъ, занимающихся скотоводствомъ, или вѣриѣ, не дѣлающихъ ничего, потому что пастьба скота лежитъ на прислугѣ. Не надо думать, однако, чтобы чорвы, или прислуга ихъ, совсѣмъ не брались за соху: землю по Атреку и Гюргени заставляютъ также хлѣбъ, но исключительно для себя, а не для продажи, какъ дѣлаютъ чомуры, и, по сборѣ хлѣба, немедленно откочевываютъ далѣе на сѣверъ, къ чему побуждаются мѣстными сильными жарами, доходившими лѣтомъ 1859 года до 54°, и цѣлыми тучами комаровъ, которыхъ не выносить верблюды; чомуры-же рѣдко уходятъ далѣе 2—3 верстъ.

Землей пользуются всѣ Туркмены одинаково и могутъ распахивать ее, гдѣ пожелають, за исключеніемъ нѣкоторыхъ наслѣдственныхъ участковъ. Земли по Гюргени считаются самыми плодородными, и чѣмъ выше по рѣкѣ, тѣмъ

дѣлаются еще лучше. По берегамъ ея иѣть ирригационныхъ каналъ: и самая мѣстность нѣсколько препятствуетъ этому, и иѣть особенной надобности, по причинѣ дождей, бывающихъ тутъ нерѣдко; по Атреку-же вся мѣстность изрѣзана оросительными каналами. Туркмены не даютъ почти отдыха землѣ, придерживаясь плодооперемѣнной системы: пшеница, горохъ, кунжутъ, ячмень и хлопчатникъ — вотъ тотъ порядокъ, въ которомъ сѣютъ Туркмены. Бахчи, въ свою очередь, распространены здѣсь въ большомъ числѣ. Гокланы, кромѣ того, разводятъ еще тутовыя плантаціи и занимаются шелководствомъ. Изъ Ямудовъ занимаются этимъ одни Эймиры, какъ ближайше къ Гокланамъ. Хлѣбъ рождается на этихъ мѣстахъ нерѣдко самъ 50—60. Необходимы земледѣльческія орудія Туркмены дѣлаютъ сами. Желѣзо выковываютъ на своихъ кузницахъ. Мельницы имѣютъ ручные съ небольшими жерновами. Воздѣлываемаго хлѣба достаетъ не только мѣстнымъ Туркменамъ, но они снабжаютъ имъ и всѣхъ приморскихъ до Кара-Бугаза и кочующихъ въ Балханахъ; также, при избыткѣ, сбываются его въ Персію, и въ свою очередь, покупаютъ тамъ въ неурожайные годы. Слѣдующая таблица дастъ понятіе о цѣнахъ, бывшихъ въ тѣхъ мѣстахъ на пшено, пшеницу и ячмень, а также на хлопчатникъ и шелкъ, втеченіи 1856, 57 и 58 гг.

Въ 1856 году.	З а п у дъ.	
	Рубли	Коп.
Пшено	—	60
Пшеница	—	20
Ячмень	—	15

	ЗА ПУДЪ.	
	Рубли.	Коп.
Хлопчатникъ	2	70
Шелкъ	63	—
Въ 1857 году.		
Шено	—	67 $\frac{1}{3}$
Пшеница	—	35
Ячмень	—	25
Хлопчатникъ	4	20
Шелкъ	62	—
Въ 1858 году.		
Шено	—	76
Пшеница	—	70
Ячмень	—	30
Хлопчатникъ	4	50
Шелкъ	57	—

Скотоводство у этихъ Туркменъ не особенно велико, хотя и значительнѣе, чѣмъ у сѣвернѣхъ сосѣдей ихъ. Имѣющіе до 2,000 барановъ считаются богатыми. Ихъ лошадей же въ

верблюдовъ, береговые жители имѣютъ только необходимое число для работы и для перекочевокъ. У болѣе отдаленныхъ отъ берега число тѣхъ и другихъ значительно увеличивается. Цѣны на лошадей весьма различны отъ 8 до 100 тумановъ; верблюды продаются по 10—20 тумановъ каждый, а бараны по 3—7 сабкарана, вѣсомъ въ 1 пудъ и $1\frac{1}{2}$.

Большее скотоводство обусловливается, конечно, и усиление производства мѣстныхъ ковровъ, кошемъ и армячнны. Ковры здѣсь не превышаютъ цѣною 7 тумановъ.

Гокланскія женщины ткуть еще шелковыя матеріи въ 3 сабкарана аршинъ.

Къ предметамъ сбыта у этихъ Туркменъ можно причислить еще лебяжій пухъ, цѣною по 2 и $2\frac{1}{2}$ сабкарана за фунтъ, и золу, добываемую Ямудами-Ельгаями изъ растущаго по берегамъ Гургени папортника - карагана. Зола эта идетъ въ Астрabadъ на мыло. Особенно-же дорогой источникъ для Туркменъ составляетъ сбытъ въ Хиву и Бухару пѣнныхъ Шерсіянъ, цѣна за которыхъ доходитъ нерѣдко до 40 червонцевъ и болѣе. Я разумѣю при этомъ мужчинъ, потому что женщины, Шерсіяновъ, совсѣмъ не продаютъ Туркмены. Изъ Бухары вывозять они известная бухарскія мерлушкі.

Для себя дѣлаютъ Туркмены и порохъ, для чего селитру берутъ въ Астрabadѣ, а сѣру изъ окрестностей Кара-Бугаза, у колодцевъ Кугуртъ (сѣра); но порохъ ихъ очень дуренъ, что и сами Туркмены вполнѣ сознаютъ, смотря съ зависью на нашъ полированный.

Изъ поименованныхъ продуктовъ продаются Туркмены Русскимъ на Ашуръ-Адѣ, не говоря о нефти и нефтагилѣ, изъ которыхъ первая не идетъ почти намъ, а послѣдній продавался на мѣстѣ, — рыбу по цѣнамъ, приведеннымъ выше, соль, необходимую для соленія покупаемой рыбы, икру въ 1 руб. 70 к. сер. за пудъ, вязигу отъ 3 до 4 руб. за пудъ. Кроме того зовры, лебяжій пухъ и шкуры лиссы, шакаловыя и корсаковыя. За этими предметами при-

ходять ежегодно въ Астрабадскій заливъ до 40 судовъ, подымающихъ отъ 500 до 1,200 пудъ груза. Отъ насы-же идутъ: полосовое желѣзо, изъ которого Туркмены выдѣливаютъ лопаты, сохи, кандалы и проч., чугунные котлы, кумганы, рыболовныя снасти, также сахаръ, чай и разныя мелочи.

У Персіянъ пріобрѣтаютъ Туркмены разнаго рода оружіе, дрова, лѣсь-карагачь, изъ которого строятъ свои косовые лодки, ольховая булавы, цѣною отъ 6 до 12 червонцевъ, платье, бумажная ткань, преимущественно иностранныя, краски, табакъ и фрукты.

Внѣшней торговлей занимается охотно всякий зажиточный Туркменинъ. Оборотный капиталъ не превышаетъ обыкновенно и 1,000 р. сер. Внутренней-же, мелкой торговлей, въ родѣ нашихъ разноцѣпковъ, занимаются Ата и Шейхи, которые, подъ охраной своего духовнаго происхожденія ъз-дятъ безпрепятственно по непріязненнимъ ауламъ, такъ отъ Ямудовъ проѣзжаютъ къ Текинцамъ, къ Гокланамъ и обратно.

Для береговой торговли, перевозки нефти и соли, для рыболовства и накопецъ для сообщенія съ прибрежными аулами, всякий почти изъ приморскихъ Туркменъ имѣеть свою лодку. Количество большихъ косовыхъ лодокъ простирается у нихъ до 500, которая отличаются хорошей ходкостью и держатся въ морѣ безопасно. Сверхъ того они имѣютъ еще значительное число небольшихъ лодокъ, куласовъ, родъ нашихъ бударъ, которая пріобрѣтаются отъ Персіянъ и на которыхъ, какъ я и myself уже случай говорить, пробираясь, вдоль высокихъ камышей, къ привольнымъ Персидскимъ берегамъ, они и производятъ свои извѣстные чапаулы (нападенія).

Оренбургъ.
Ноябрь 1859 года.

Ж У Р Н А Л Т

экспедиції, снаряженной для обозрѣнія восточнаго берега Каспійскаго моря, въ 1859 году.

Экспедиція, снаряженная, по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію, для обозрѣнія восточнаго берега Каспійскаго моря, должна была начать свои дѣйствія съ полуострова Мангышлака—этого крайняго, занятаго нами пункта на восточномъ Каспійскомъ прибрежъѣ. Для сего чины экспедиціи, собравшись, въ апрѣль мѣсяцѣ 1859 года, въ г. Оренбургѣ, слѣдовали оттуда на г. Уральскъ въ Гурьевъ-городокъ. Изъ сего-же послѣдняго, съ помощью, сначала уральскихъ войсковыхъ лодокъ, а потомъ, по выходѣ въ открытое море, судовъ каспійской флотиліи, перѣѣхали на полуостровъ Мангышлакъ.

Въ составъ экспедиціи поступили первоначально:

Начальникъ экспедиціи, оберъ-квартирмейстеръ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса, генерального штаба полковникъ В. Д. Дандинъ.

Вѣдомства министерства иностранныхъ дѣлъ дипломатическій чиновникъ, состоящій при оренбургскомъ и самарскомъ генераль-губернаторѣ, коллежскій ассесоръ М. Н. Галкинъ.

Переводчикъ оренбургской пограничной комиссіи (нынѣ областное правленіе оренбургскими Киргизами), коллежскій советникъ Н. И. Ильминскій.

Медикъ, коллежскій ассесоръ П. С. Генальскій.
Военный инженеръ-поручикъ Е. М. Старковъ.
Корпуса топографовъ поручикъ Ф. В. Скрябинъ.
Корпуса топографовъ подпоручики: А. Е. Алексѣевъ и
К. Д. Рыбинъ;
и оренбургскаго линейнаго № 2-го баталіона подпору-
чикъ И. Н. Абрамовъ.
Впослѣдствіи присоединились къ экспедиціі: въ Александровскомъ фортѣ (на Манышлакѣ) оренбургскаго линейнаго № 1-го баталіона поручикъ И. И. Шлиттеръ
и Уральскаго казачьяго войска сотникъ Мартыновъ;
и въ Красноводскомъ заливѣ подполковникъ ге-
нерального штаба А. Н. Берновъ, назначенный въ со-
ставъ экспедиціі отъ Кавказскаго вѣдомства.

Команду экспедиціі составляли: 50 человѣкъ штуцер-
ныхъ изъ уральскаго полубаталіона, 50 рядовыхъ при 2-хъ
унтеръ-ofiцерахъ изъ гарнизона форта Александровскаго
и 48 казаковъ при 2-хъ урядникахъ изъ числа находящихся-
же въ фортѣ.

Для переѣздовъ экспедиціі и надлежащаго ей содѣйствія
состояли разновременно въ распоряженіи ея до 5-ти судовъ
каспійской флотиліи.

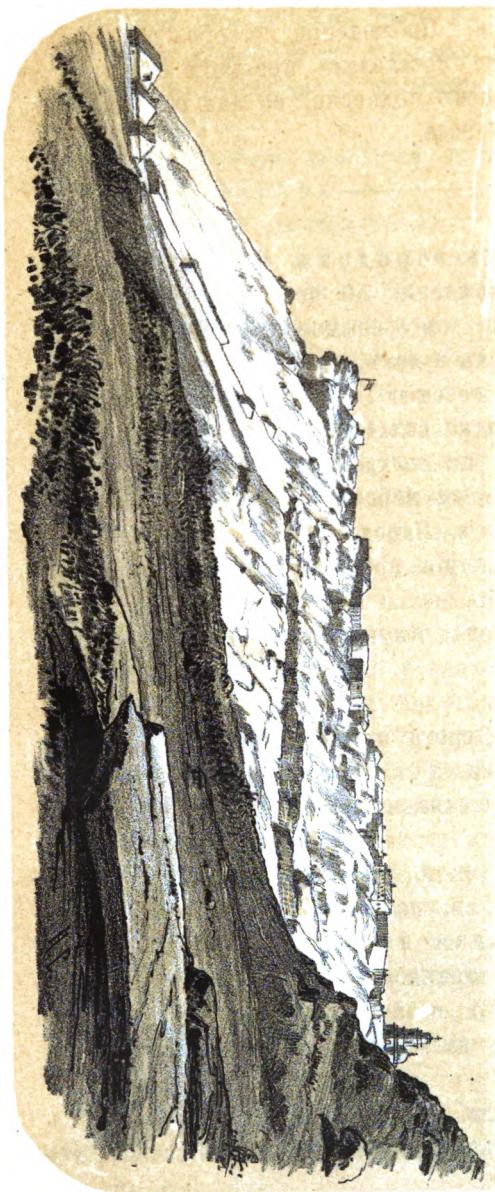
Цѣлью экспедиціі были: рекогносцировка всего восточна-
го каспійскаго побережья, избраніе пункта для нашего за-
селенія и ближайшее ознакомленіе съ мѣстными турмен-
скими поколѣніями.

При снаряженіи экспедиціі имѣлись, между прочимъ, въ
виду вновь повторенная просьбы турменъ, какъ прикас-
ційскихъ, такъ и хивинскихъ, съ которыми обращались они,
втеченіи 1858 года, къ генералъ-губернатору оренбургскаго
края, генералъ-адъютанту А. А. Катенину, ходатайствую-
о покровительствѣ и обеспеченіи торговыхъ сношеній ихъ
съ нами.

Настоящій журналъ былъ веденъ по порученію на-
чальника экспедиціі. Въ журналъ вошли, сверхъ общихъ

Александровскій фортъ.

свѣдѣній о посѣщенныхъ мѣстностяхъ, всѣ офиціальные
данныя и распоряженія. Наблюденія метеорологическая и
по съемочнымъ работамъ составляли предметъ отдѣльныхъ
записокъ. Журналъ веденъ подневно, со дня отплытія изъ
Гурьеза, 5-го мая 1859 года.

5-го мая, Гурьевъ-городокъ. Въ полдень чины
экспедиціи, въ сопровожденіи 50 человѣкъ штурмовыхъ,
при 5-ти артиллеристахъ, съ боевыми ракетами, размѣстив-
шись на трехъ парусныхъ судахъ, нанятыхъ отъ уральского
войска, отправились по теченію Урала въ море. Слѣдя по
золотинскому устью, лодки вышли къ вечеру въ открытое
море и къ 9-ти часамъ по полудни¹ пристали къ пароходу
«Уралъ», стоявшему подъ парами между островами Ка-
меннымъ и Пешнимъ. Пароходъ «Уралъ» былъ при-
сланъ въ вѣдѣніе экспедиціи временно; въ постоянное-же
распоряженіе ея, по объясненію капитана парохода, пред-
назначаются новая паровая шхуна Персіянинъ и одна
баржа.

Въ 11½ часовъ по полудни того-же 5-го числа, по пе-
реходѣ на пароходъ и по перегрузкѣ трехдневнаго довольствія
и тяжестей,— «Уралъ» снялся съ якоря и пошелъ по направле-
нію къ Лбищу (сѣверо-западный уголъ Мангышлака).

6-го, проложая курсъ въ этомъ-же направленіи, паро-
ходъ бросилъ къ вечеру якорь въ виду Лбища.

7-го числа, на разсвѣтѣ, пароходъ вошелъ и всталъ на
якорь въ Тюкъ-Караганской бухтѣ мангышлакскаго
полуострова. Тутъ-же находился пароходъ капитана Ива-
шинцова «Дербентъ»; означенныхъ-же баржи и шхуны
еще не было. Первая ожидалась, а послѣдняя, можетъ при-
ти не ближе, какъ въ Красноводскій заливъ.

По собраннымъ свѣдѣніямъ о свойствѣ судовъ, данныхъ
въ распоряженіе экспедиціи, оказалось, между прочимъ, что

ни одно изъ нихъ не можетъ войти въ Карабугазскій заливъ — пароходъ, потому что сидѣть глубоко, а баржа потому, что пойдетъ съ полнымъ грузомъ; въ свою очередь шхуна, сидя глубоко въ водѣ, не можетъ оказывать того содѣйствія береговой съемкѣ, какъ пароходъ, могущій подходить ближе къ берегу. По всему этому начальникъ экспедиціи отнесся къ главному командиру астраханскаго порта, контроль-адмиралу Машину, съ просьбою, во 1-хъ не замѣнять парохода «Уралъ» шхуную «Персіянинъ», и во 2-хъ прислать въ распоряженіе экспедиціи съ Астрabadской морской станціи пароходъ «Волга», какъ потому, что пароходъ этотъ есть единственное паровое судно каспійской флотиліи, могущее войти въ Карабугазскій заливъ, такъ и вообще по убѣжденію въ недостаточности одного парохода и баржи для успѣшнаго хода дѣлъ. Рапортъ къ адмиралу Машину посланъ на рыбачьей лодкѣ, отправившейся къ Бирючей косѣ. Вмѣстѣ съ симъ начальникъ экспедиціи написалъ отъ себя завѣдывающему астрabadской станціей, прося его, въ свою очередь, о присылкѣ означенного парохода «Волга», на основаніи обѣщаннаго морскимъ министерствомъ, возможнаго со стороны станціи содѣйствія экспедиціи. Эта послѣдняя бумага передана капитану Ивашинцову, отправляющемуся завтра (8-го числа) въ Петровскъ и Баку, откуда онъ обѣщалъ отправить ее на Ашуръ-Адѣ. При свиданіи съ Ивашинцомъ рѣшено, что онъ прибудетъ изъ Баку въ Красноводскій заливъ 1-го іюня и командируетъ въ составъ экспедиціи двухъ морскихъ офицеровъ для астрономическихъ наблюденій при береговыхъ съемочныхъ партияхъ. При этомъ капитанъ Ивашинцовъ охотно согласился привести въ Красноводскій заливъ агента Закаспійского торгового товарищества, отставнаго полковника барона Врангеля, который, по предварительному соглашенію, обѣщался доставить разные товары, пригодные для торговли съ Турк-

менами, но затруднялся перевозомъ изъ Баку въ Красноводскъ.

Командантъ форга предъявилъ, что онъ могъ нанять для экспедиціи всего 102 верблюда: 72 у ближайшихъ къ укрепленію Туркменъ — Ходжей и Адаловъ и 30 у Киргизовъ — Адаевцевъ, цѣною по 6 р. сер. за каждого, и сверхъ того по 3 руб. вожатому на пять верблюдовъ.

Большаго числа верблюдовъ у Туркменъ не было; у Киргизъ-же Адаевцевъ не могло быть нанято, по сопротивлению, будто-бы, начальника ихъ Баймамбета Маляева. Этотъ послѣдній былъ и прежде причиною неудачи въ сборѣ командантомъ форта кибиточной подати съ Туркменъ. Имъ одинаково недовольны, по слухамъ, и Киргизы, и Туркмены — первые за разные поборы, а послѣдніе за подстрекательство Киргизъ къ грабежу Туркменъ.

Дано приказаніе о немедленномъ сборѣ верблюдовъ къ форту.

Вечеромъ того-же дня, начальникъ экспедиціи принималъ старшину Туркменъ, кочующихъ у Александръ-байского и Киндерлинского заливовъ, Мамбетъ-Сафу Кулueva и ханъ-Мамбета, (сына Нуръ-Мухаммеда Сары-Ишана, старшины александро-байскихъ Туркменъ, находящагося нынѣ въ Хивѣ), поставщика туркменскихъ верблюдовъ Ходжу Куккума Меликова, брата старшины Туркменъ — Ходжей, кочующихъ на Мангышлакѣ, и сопровождавшихъ ихъ нѣсколькихъ простыхъ Туркменъ. Въ разговорѣ съ ними было объяснено, что наша экспедиція снаряжена единственno, вслѣдствіе просьбы самихъ Туркменъ о покровительствѣ Россіи и имѣть цѣллю ознакомленіе съ мѣстностю и выборъ пункта для устройства торговой факторіи, которая, сверхъ снабженія Туркменъ пашими произведеніями и предметами первой необходимости, можетъ послужить и къ огражденію ихъ, въ случаѣ необходимости.

Старшины увѣряли въ своей преданности и ручались, что, на всемъ пути отъ форта до Карабугаза, мы встрѣ-

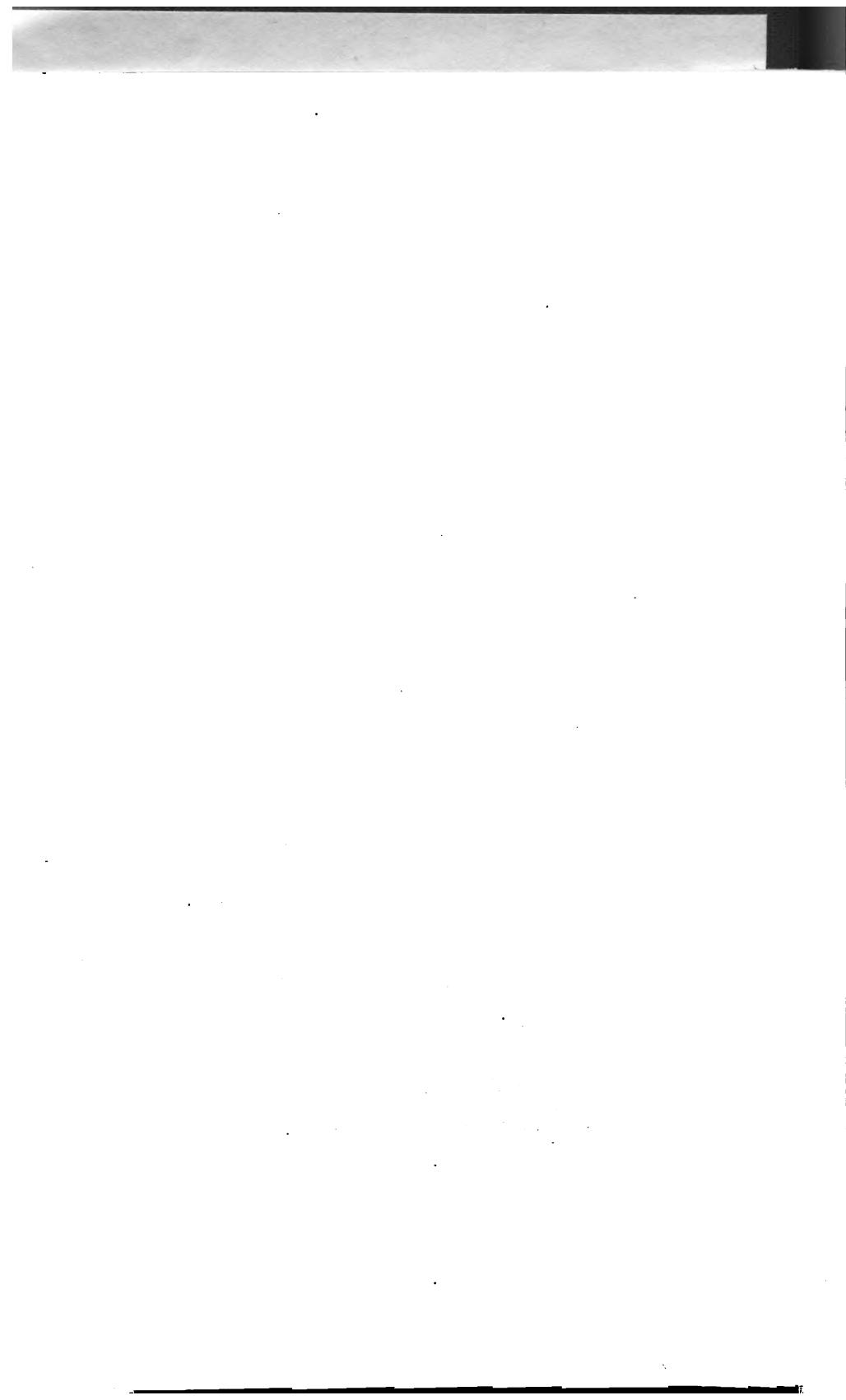
тимъ со стороны Туркменъ расположение и полную готовность служить намъ. За Туркменъ—Ямудовъ, кочующихъ южнѣе Карабугаза, они не ручались, по неимѣнию на нихъ вліянія. «Прибрежные—сказали—встрѣтать, вѣроятно, хорошо, но Атрекскіе, изъ рода Теке, кочующіе на вершинахъ рѣки, врядъ-ли». Изъ сопровождавшихъ ихъ Туркменъ, они выбрали двухъ воjakовъ и трехъ посыльныхъ для экспедиціи, причемъ рекомендовали особенно одного Уразміяка Латыфова, какъ бывавшаго за Балханскимъ заливомъ и знающаго мѣстность до Атрека. Они подтвердили отзывъ каменданта о невозможности наплыть верблюдовъ и лошадей въ окрестностяхъ Красноводскаго и Балханскаго заливовъ. Затѣмъ, въ желаніи служить экспедиціи, выразили готовность сопровождать ее, на что и получили разрѣшеніе.

8-го числа. Утромъ пароходъ «Дербентъ» снялся съ якоря. Въ 2 часа, по полудни, пришла баржа съ грузомъ угла для «Урала.» Дано предписание коменданту обѣ отправленіи верблюдовъ, немедленно по приходѣ ихъ, берегомъ къ Киндерлинскому заливу, подъ прикрытиемъ 50 казаковъ, на казенныхъ верховыхъ лошадахъ, съ 10-ти дневнымъ продовольствиемъ для чиновъ экспедиціи. Вечеромъ, по выдачѣ поставщикамъ верблюдовъ задаточныхъ денегъ за мѣсяцъ впередъ, было сдѣлано, въ квартирѣ переводчика экспедиціи, угощеніе всѣмъ вообще Туркменамъ. Поставщикъ туркменскихъ верблюдовъ ходжа Куккумъ, по нежеланію сопровождать верблюдовъ, оставленъ въ форте.

9-го числа. Командиръ прибывшей баржи № 4, лейтенантъ Рогаль-Левицкій передалъ начальнику экспедиціи конвертъ отъ адмирала Машина, въ которомъ сообщалось, что въ распоряженіе экспедиціи назначены имъ, въ настоящее время, пароходъ Уралъ и баржа, но что затѣмъ 1-й изъ нихъ по «экстренной надобности» будетъ замѣненъ, въ началѣ июня, паровою шхуной.

Туркменскій Старшина Мамбетъ-Сафа Кулуевъ.

Въ заключеніе адмиралъ М а ш и нъ сообщалъ, что, согласно просьбѣ оренбургскаго генералъ-губернатора оказать содѣйствіе экспедиції въ пріобрѣтеніи для нея лошадей и верблюдовъ, онъ воспользовался пребываніемъ въ Астрахани Туркменина М у х а м и тъ-Салихъ-хана, поручивъ ему за-готовить лошадей и верблюдовъ, числомъ до 50. Къ 1 іюня они должны быть пригнаны къ Красноводскому за-ливу. Цѣнность каждой лошади, по предъявленію сказан-наго хана, обойдется отъ 60 до 80 руб. Верблюды-же бу-тъ даны за условную плату. Салихъ-ханъ согласился этомъ сопровождать экспедицію.

Не видя въ этомъ обѣщаніи достаточнаго ручательства въ успѣшной наемкѣ у Туркменъ лошадей и верблюдовъ, начальникъ экспедиції остался при прежнемъ распоряженіи, относительно высылки изъ форта, нанятыхъ уже верблюдовъ и казенныхъ лошадей. Къ полдню были пригнаны туркмен-скіе верблюды, въ числѣ 73. За киргизскими-же посланъ старшина С а мъ-Д а на е въ.

10-го мая. Приведены утромъ 33 киргизскихъ верблю-да. Самъ-Данаевъ показалъ при этомъ, что дѣйст-вительно упомянутый выше Маевъ отговаривалъ Киргизъ давать верблюдовъ

Въ 6-мъ часу по полудни, согласно сдѣланному распо-ряженію, 8-го мая, отправлены къ Кипдерлинскому заливу, для конвоированія 106 верблюдовъ, 48 казаковъ при одномъ оберь-офицерѣ, сотникѣ Мартыновѣ и 2-хъ урядникахъ. Для этой команды отобраны 60 лучшихъ ло-шадей, въ томъ числѣ 9 заводныхъ. Казакамъ выданъ ком-плектъ боевыхъ патроновъ. На верблюдовъ, кромѣ 10-ти-дневнаго довольствія для команды, навьючена часть всего остаточнаго продовольствія, а именно мѣшковъ: 50 — суха-рей, 82 — овса и 32 — крупъ; кромѣ того 6 штукъ юламеекъ (кибитки меньшаго размѣра) и разныхъ вещей, какъ-то: желѣзныхъ ведеръ, боченковъ, корыть, приколовъ и пр.

Командование отрядомъ поручено корпуса топографовъ поручику Скрабину. Ему вмѣнено при томъ въ обязанность прибыть къ заливу на 7-й день, для чего поручалось наблюсти за неслишкомъ тяжелой навьючкой верблюдовъ. Предоставлялось также нанять на пути до 50 верблюдовъ и закупить барановъ. На издержки выдано 200 р. сер.

Мамбетъ-Сафа и ханъ-Мамбетъ послали съ своей стороны передового съ извѣщеніемъ подвѣдомственныхъ имъ Туркменъ о выставкѣ, если найдутся, верблюдовъ и барановъ.

Поручику Скрябину вмѣнялось при этомъ въ обязанность обращаться съ находящимися при отрядѣ Туркменами и Киргизами возможно снисходительнѣе, не стѣсняя ихъ во выючкѣ и уходѣ за верблюдами, въ противность ихъ привычкамъ; встрѣчныхъ-же Туркменъ принимать дружелюбно, объясняя имъ миролюбивыя наши намѣренія, и наконецъ отнюдь не дозволять казакамъ заѣзжать въ лежащіе на пути аулы.

Затѣмъ сдѣланы слѣдующія распоряженія: выбраны изъ 2-хъ ротъ гарнизона 50 человѣкъ рядовыхъ и 2 унтер-офицера, съ подчиненіемъ ихъ, вмѣстѣ съ полусотней штурмовыхъ, прибывшихъ съ экспедиціей, находящемуся на службѣ въ фортѣ поручику Шлittterу; команда снабжена лучшимъ оружіемъ, двойнымъ комплектомъ боевыхъ патроновъ, боевую аммуницію, походною и теплою одеждой и проч. Продовольствіе взято на $3\frac{1}{2}$ мѣсяца. Въ число мясной порціи отпущенъ 45 штукъ барановъ, за невозможностію помѣстить большее число на баржу. На недостающее число порцій выданы деньги по здѣшнимъ цѣнамъ. Продовольствіе экспедиціи возложено на поручика Шлittтера. Всѣ припасы и тяжести приказано свезти на пристань къ 14-му числу и передать на пароходъ и баржу; могущее-же не помѣститься на этихъ судахъ, оставить въ ожиданіи имѣющей прийти сюда, на смѣну парохода «Ураль» шхуны «Персіянинъ.»

Распрашивали Мамбетъ-Сафу и ханъ-Мамбета о Салыхъ-ханѣ. Онъ не пользуется—говорять они—ни вліяніемъ, ни сочувствіемъ между однородцами—Ямудами. Они указали при этомъ на трехъ лицъ, живущихъ на Челекенѣ, какъ очень влиятельныхъ, на Кучакъ-хана Уразгильдіева, Суфи Менглутурдыева и Дугли-хана Пуладъ-ханова. Всѣ они люди зажиточные, и послѣдній изъ нихъ имѣеть еще кочевые на Серебряномъ бугрѣ.

11-го числа Начальникъ экспедиціи отнесся вновь къ адмиралу Машину. Прописавъ, въ дополненіе къ прежнему рапорту, содержаніе отзыва управляющаго морскимъ министерствомъ къ генералъ-губернатору оренбургскаго края, въ февралѣ настоящаго года, что «для перевозки чиновъ экспедиціи, назначаемой для рекогносировка восточнаго берега Каспійскаго моря, изъ Александровскаго форта въ Балханскій заливъ, будуть назначены, въ распоряженіе полковника Данцевилля, паровая шхуна Персіянинъ и желѣзная морская баржа, для перевозки же экспедиціи изъ Гурьевска-городка до Александровскаго форта будетъ посланъ въ первый пунктъ, къ 1-му мая, пароходъ Астрабадъ, изъ каковыхъ трехъ судовъ пароходъ и баржа останутся на все время рекогносировки въ распоряженіи полковника Данцевилля,—начальникъ экспедиціи находилъ, согласно симъ послѣднимъ словамъ, что назначеніе шхуны Персіянинъ въ распоряженіе экспедиціи оканчивалось съ перевозкою отряда въ Балханскій заливъ и, что пароходъ Астрабадъ, или нынѣ Ураль, долженъ остаться на все время экспедиціи и что, такимъ образомъ, во всякомъ случаѣ въ распоряженіи ея отъ Александровскаго форта до Балханскаго залива должны быть три, а не два судна. При этомъ сообщалось, что всѣ тяжести экспедиціи, состоящія между прочимъ изъ $3\frac{1}{2}$ -мѣсячнаго довольствія, не могутъ быть подняты на пароходѣ и баржѣ, по отзыву ихъ командировъ, несмотря на то, что изъ 150 человѣкъ отряда, 50 казаковъ и часть изъ означенного продоволь-

ствія посланы берегомъ. Поэтому остальныя тяжести имѣются быть передаы на ожидаемую сюда шхуну Персіянинъ. Въ заключеніе начальникъ экспедиціи просилъ и присылкъ еще одной хотя баржи, если пароходъ Волга, согласно прежнему ходатайству, не можетъ быть присланъ, въ какомъ случаѣ, при замѣнѣ парохода Уралъ шхуну Персіянинъ, означенная баржа безъ груза могла бы быть употреблена при береговой съемкѣ вокругъ Карабугаза.

12 и 13-го начали свозить тяжести и продовольствіе на пристань и сдавать ихъ постепенно на пароходъ и баржу.

Начальникъ экспедиціи производилъ въ это время возложенное на него инспектированіе укрѣпленія.

14-го. По принятіи на пароходъ и баржу всѣхъ тяжестей и продовольствія, осталось послѣдняго для передачи на шхуну Персіянинъ до 800 пудовъ, приблизительно на $\frac{1}{2}$ мѣсяца.

Упомянутый выше бій Баймамбетъ Маевъ, сознавая вѣроятно свою вину, прислалъ сегодня письмо къ переводчику, въ которомъ старался доказать, что не имѣть никакого вліянія на подвѣдомственныхъ ему ордынцевъ, что ему необходимо содѣйствіе вооруженной силы, между-тѣмъ комендантъ Александровскаго форта избѣгаетъ всячаго посредничества въ сношеніяхъ его съ Киргизами.

Въ 6-ть часовъ по полудни сданъ коменданту, для отправленія съ почтой, черезъ Гурьевъ въ Оренбургъ, пакетъ на имя генерал-губернатора.

Въ донесеніи своемъ начальникъ экспедиціи излагалъ въ подробности всѣ распоряженія по настоящее число и въ заключеніе выразилъ слѣдующія соображенія о дальнѣйшихъ занятіяхъ экспедиціи, по соединеніи ея въ Киндерлинскомъ заливе съ береговымъ отрядомъ поручика Скрябина, именно: 1) Отъ Киндерли отправятся 3 съемочныхъ партии—двѣ въ обходъ Карабугаскаго залива, съ 25 человѣками конвой при каждой и съ мѣсячнымъ продовольствиемъ, и послѣдняя, съ конвоемъ изъ 36 человѣкъ, съ остальными

верблюдами, лошадьми и одноковыимъ продовольствіемъ, вдоль берега къ Карабугазскому проливу, куда ко времени прихода этой партіи, по маршруту на 6-й день, имѣютъ подойти, для переправы ея черезъ проливъ, для дальнѣйшаго за сімъ слѣдованія по берегу, суда экспедиціи. Отсюда суда возьмутъ курсъ на Красноводскъ и, по прибытіи туда, въ ожиданіи присоединенія береговой партіи, предполагается осмотрѣть ближайшія мѣстности и войти въ сношенія съ Туркменами. Когда-же подойдетъ партія, то, соединившись съ нею, экспедиція направится, на встрѣчу двухъ вышеупомянутыхъ партій, которая, по данному имъ маршруту, должны будутъ сойтись при юго-восточномъ углѣ Карабугаза. По соединеніи съ ними, приблизительно около 12-го июня, экспедиція, въ полномъ составѣ, двинется къ восточному углу Балханского залива и оттуда на югъ до Атрека. На пути снимутся и осмотрятся въ подробности острова Челекенъ и Огурчунскій, Балханскія горы и предполагаемое русло бывшаго теченія Аму-Дарьи.

Въ 9-ть часовъ вечера чины экспедиціи перешли на пароходъ. Изъ Туркменъ сопровождали: Мухамметъ-Сафа и ханъ-Майбетъ.

По просьбѣ торгующаго въ укрѣпленіи Армянина Попова, начальникъ экспедиціи разрѣшилъ свезти приказчика его на пароходѣ въ Киндерлинскій заливъ, для закупа тамъ рыбы—въ убѣжденіи, что пріѣздъ такого торговца въ Киндерли можетъ быть полезенъ при сношении съ Туркменами. Въ этотъ-же день было сдѣлано прощальное угощеніе Туркменамъ, состоявшее въ пилавѣ и чаѣ.

15-го. Въ 9-мъ часу утра пароходъ съ баржей на буксирѣ, оставилъ бухту и вышелъ въ море.

Часа черезъ два обыкновенного хода, пароходъ былъ остановленъ рыбачьей лодкой, давшей знать, что за нею склонилась почтовая изъ Гурьева съ нужными депешами.

«Ураль» уменьшил пары, почта подошла и передала пакетъ отъ оренбургскаго генераль-губернатора.

Сообщались къ свѣдѣнію и руководству мѣры, которая рѣшились принять въ отношеніи хивинскихъ Туркменъ, предложившихъ себя и занятый ими, выѣстъ съ мѣстными узбеками, хивинскій г. Кунградъ во власть Россіи и просившихъ нашей помощи Начальникъ экспедиціи поставилъся въ извѣстность, что было рѣшено оказать этимъ Туркменамъ временную помощь, пользуясь представлявшимся къ тому случаемъ отправленія аральской флотиліи вверхъ по Аму-Дарье.

Выѣстъ съ тѣмъ присланы были копія съ отвѣта начальнику хивинскихъ Туркменъ Ат-А-Муратъ-хану, въ которомъ извѣщалось, между прочимъ, о слѣдованіи нашей экспедиціи, какъ предпринятой по желанію его и соплеменниковъ, и клонящейся къ обезпеченію торговыхъ съ ними сношеній.

Отбирались свѣдѣнія отъ Мамбетъ-Сафы и ханъ-Мамбета о колодцахъ по окрайнѣ Карабугаза.

Также повѣрялись имѣвшіяся въ виду свѣдѣнія, насчетъ поколѣнной росписи Туркменъ. Мамбетъ-Сафа находилъ, между прочимъ, что нѣкоторыя мелкія родовыя подраздѣленія были въ этихъ свѣдѣніяхъ приняты за главныя.

16-го. Подъ вечеръ пароходъ бросилъ якорь въ Киндерлинскомъ заливѣ, верстахъ въ 3-хъ отъ восточной его стороны, гдѣ у колодцевъ Порсу предположено выйти на берегъ. Подвинуться ближе не рѣшился капитанъ парохода, по неизвѣстности ему глубины залива.

Лишь только «Ураль» отдалъ якорь, прїѣхали на пароходъ съ Киндерлинской косы, съ мыса Ағызъ-Ада Туркмены-рыболовы. Одинъ изъ нихъ Мамбетъ-ходжа говорить недурно по-русски. На косѣ живутъ въ нѣсколькоихъ кибиткахъ рыболовы; берега покрыты разной величины лодками.

Прїѣхавшіе рыболовы сообщили, что въ послѣднее время, приочевало къ Балханскоому заливу большее, чѣмъ обык-

новенно, число атрекскихъ Ямудовъ, вслѣдствіе, будто-бы, дошедшихъ до нихъ слуховъ о слѣдованіи нашей экспедиціи.

Въ частной бесѣдѣ съ Мамбетъ-Сафою и ханъ-Мухамметомъ, упомянутый Мамбетъ-ходжа проговорился, что Александровскіе Армяне прислали къ Туркменамъ письмо, въ которомъ говорять, «что если Туркмены желаютъ однихъ почестей и наградъ, то пусть слушаются Русскихъ, помогаютъ и сопутствуютъ имъ; если-же хотятъ дѣйствительныхъ выгодъ, то да останутся всѣ въ Киндерли, продолжая заниматься рыболовствомъ.»

Армяне какъ оказалось, по справкѣ, извлекаютъ здѣсь значительныя выгоды отъ обмѣна муки на рыбу. Въ Киндерли занимаются рыболовствомъ до 350 семействъ. Имъ нужно въ годъ приблизительно 1800 кулей муки. За каждый куль самой дурной муки берутъ Армяне деньгами отъ 3 руб. сер., при началѣ рыболовства въ маѣ мѣсяцѣ, и до 5 руб. при окончаніи его, въ сентябрѣ; а рыбой отъ 10 до 15 штукъ, полагая вообще за 1 руб. по 3 рыбы (осетра, севрюги или бѣлуги) 5-ти или 4-хъ четвертей длины. Одно обиліе рыбы позволяетъ Туркменамъ довольствоваться торговомъ съ Армянами, но они понимаютъ, до чего злоупотребляютъ послѣдніе, по отсутствію конкуренціи.

17-го. Съ разсвѣта начали перевозить на берегъ отрядъ и тяжести, необходимыя для съемочныхъ партій.

Во 2-мъ часу по полудни отправились на берегъ всѣ чины экспедиціи. Не задолго передъ тѣмъ увидѣли въ зорительную трубку приближеніе къ сказаннымъ колодцамъ отряда поручика Скрябина.

Встали лагеремъ на плоской низменной части прибрежья, въ нѣсколькоихъ саженяхъ отъ залива, у самыхъ колодцевъ Порсус, лежащихъ на востокъ, неподалеку отъ мыса Порсус. Мѣстность совершенно пустынная. Не видно и слѣдовъ кочевокъ, хотя вода въ колодцахъ прѣсная съ очень небольшой примѣсь соли и растетъ оржаникъ. Есть и ковыль и гребенщикъ. Грунтъ песчаный съ ракушей.

Поручикъ Скрябинъ донесъ, что совершилъ путь совершенно благополучно. Во время слѣдованія онъ встрѣчалъ мало ауловъ и могъ нанять всего 10 верблюдовъ и купить 100 барановъ, изъ коихъ 50 были выставлены бесплатно, вслѣдствіе приведенного выше письма ханъ-Майбета. Послѣднему выданы немедленно за барановъ деньги, по цѣнѣ, по которой куплены Скрябинымъ остальные, а именно по 5 руб. 50 коп. сер. за большаго, вѣсомъ въ два пуда и по 3 руб. за барана меньшей величины.

Въ 7-мъ часовъ вечера, начальникъ экспедиціи, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ членовъ оной, поѣхалъ верхомъ осматривать мѣстность, по направленію къ мысу Куманъ черезъ копаны Киндерликъ и дуку. Путь шелъ возвышеннымъ берегомъ того-же песчанаго свойства, какъ и самыи берегъ. Кое-гдѣ встрѣчались только известковые камни, въ видѣ тонкихъ плитъ. На пути собирали растенія.

Въ это-же время были посланы топографы для инструментальной съемки вдоль берега и опредѣленія нѣсколькоихъ пунктовъ, по которымъ можно было бы приступить къ промѣту залива. Больныхъ въ отрядѣ нѣть. Люди бодры и веселы. Игры и пѣніе продолжались во весь вечеръ и кончились общей молитвой, пропѣтой, по обыкновенію, передъ ужиномъ.

18-го. Сдѣлано распоряженіе о съемочныхъ партіяхъ, согласно приведенному выше донесенію генералъ-губернатору. Въ обходъ Карабугаза назначены поручикъ Скрябинъ и подпоручикъ Рыбинъ, съ двумя партіями; съ остальной-же партіей для слѣдованія по берегу назначены подпоручикъ Алексѣевъ. Такжѣ повѣрялись свѣдѣнія о пути вокругъ Карабугаза и отбирались вновь о береговой дорогѣ къ Карабугазскому проливу.

Нанять еще вожакъ для 3-й партіи.

Кончены съемочные по берегу работы въ масштабѣ одной версты въ дюймъ. Штурманскій офицеръ съ баржи, прaporщикъ Абрамовъ вызвался произвести промѣтъ залива.

Ему сообщены определенные топографами пункты: стоянки судовъ, мысовъ Куманъ, Агызъ-Ада и Порсу и камня Ада-Джанъ, лежащаго на юго-востокъ отъ Порсу.

Начали купаться въ морѣ.

19-го мая утромъ, въ 9-мъ часу по полуночи выступили съемочная партия. Дано наставление переводчику экспедиціи къ объявлению Мамбетъ-Сафѣ и ханъ-Мамбету о мѣрахъ содѣйствія, принятыхъ нашимъ правительствомъ въ отношеніе хивинскихъ Туркменъ.

20-го Штурманскій офицеръ кончилъ промѣры къ полдню. Оказалось, что пароходъ можетъ бросить якорь въ 60-ти саженяхъ отъ того мѣста, гдѣ расположены лагерь. Сего дня-же передаль Мамбетъ-Сафа г. Ильинскому нѣкоторыя свѣдѣнія о Тоганъ-Казы, кочующемъ постоянно на Атрекѣ и на время пріѣзжающемъ въ Балханскій заливъ. Особенно-же рекомендовалъ при этомъ Мамбетъ-Сафа очень близкаго къ нему, нѣкоего Нѣфеса, живущаго постоянно у Красноводска. Отъ него, по словамъ Мамбета, можно получить свѣдѣнія самыя вѣрныя о положеніи Ямудовъ, отношенія ихъ хановъ и старшинъ къ народу и степени ихъ вліянія на послѣдній. А та-Муратъ-ханъ, глава хивинскихъ Ямудовъ, не имѣть, по показанію его, никакого вліянія на здѣшнихъ Ямудовъ.

21-го мая. Посланъ нарочный съ почтой въ Александровскій фортъ.

Начальникъ экспедиціи писалъ генераль-губернатору о ходѣ дѣлъ по сегодняшнее число, а къ коменданту форта на счетъ слуха объ упомянутомъ письмѣ Армянъ къ Туркменамъ, поручая разузнать изъ-подъ руки: дѣйствительно ли было послано это письмо и кѣмъ именно?

Сильный противный вѣтеръ не позволилъ перейхать сегодня съ командой на пароходъ, для отправленія въ дальнѣйшій путь.

22-го мая. Съ ранняго утра, съ прекращенiemъ вѣтра,

начали перевозить команду, и къ вечеру перѣхали сами на пароходъ.

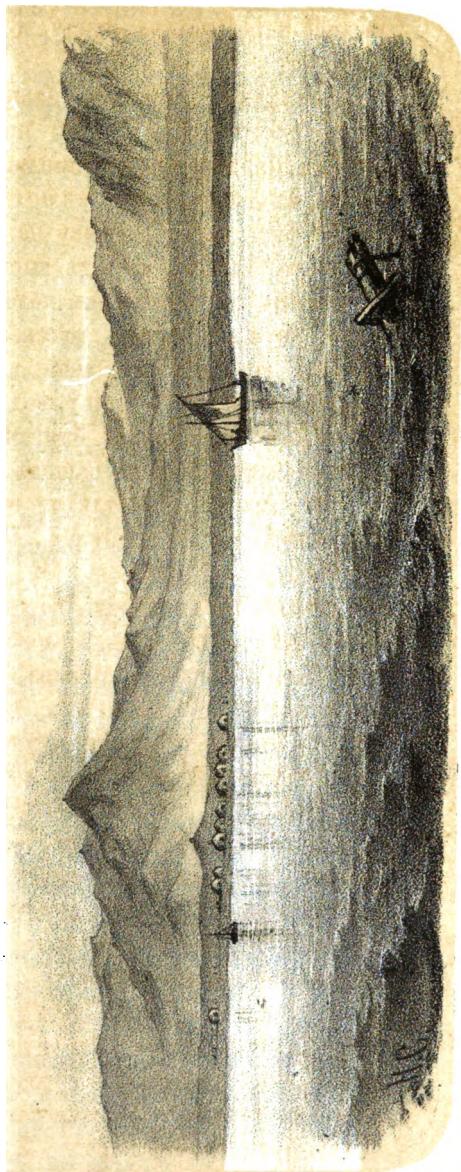
Командиръ парохода нашелъ неудобнымъ сняться немедленно съ якоря, чтобы не подойти ночью слѣдующаго дня къ Карабугазскому проливу. Поэтому онъ предполагаетъ выйти въ море завтра, въ полдень, разсчитывая такимъ образомъ пристать къ проливу на другой день, па разсвѣтѣ.

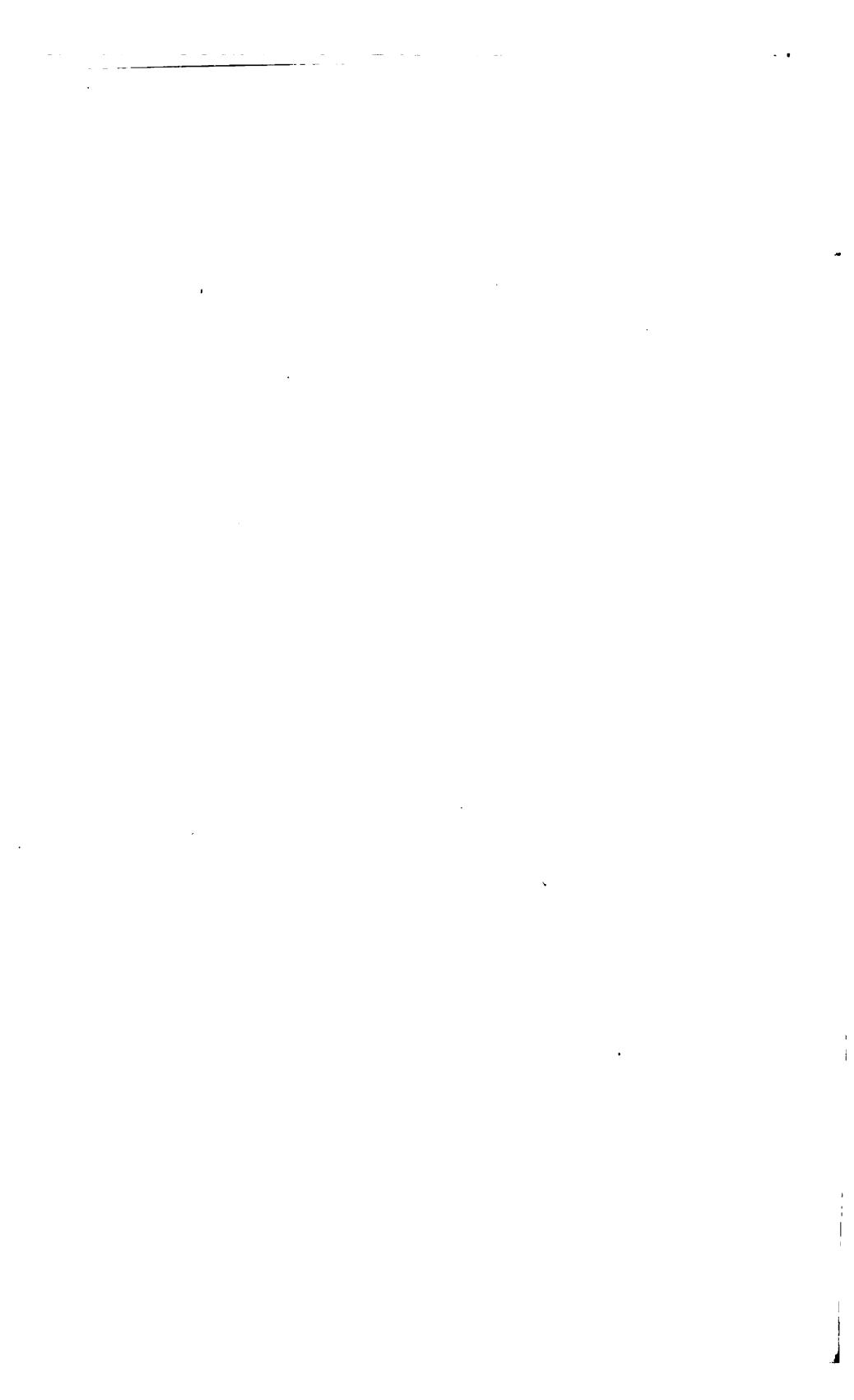
23-го. Утромъ, передъ выступлениемъ, прѣѣхали съ косы Туркмены, въ числѣ 4-хъ человѣкъ. Изъ нихъ, ходжа-Мамбетъ, который сверхъ русскаго языка, выучился въ Астрахани и употребленію вина, просилъ, по секрету отъ товарищѣй, дать ему бутылку водки. Имъ всѣмъ были разданы разныя вещи: пожилицы, бритвы, ножи и проч.—въ подарокъ и тоже какъ образцы нашихъ издѣлій.

Въ 4-мъ часу по полудни оставили Киндерли и пошли по направлению къ Карабугазу. Погода благопріятствовала слѣдованію.

24-го. По неимѣнію хорошей карты Каспійскаго моря, пароходъ Ураль сначала повертилъ къ берегу, не доходя еще Карабугазскаго пролива, а потомъ, спустившись на югъ, миновалъ его. Между-тѣмъ, часу въ 6-мъ по полудни, прічалила къ пароходу, пріостановившемуся для обозрѣнія берега, рыбачья туркменская лодка Сидѣвпій въ ней старикъ передалъ, что отрядъ подпоручика Алексѣева съ верблюдами переправился черезъ проливъ сегодня утромъ и всталъ лагеремъ не подалеку отъ него. Онъ указалъ приблизительно на мѣсто, и дѣйствительно, съ помощью зрительной трубы, можно было разсмотреть и дымъ въ томъ направлениіи и верховаго на берегу. Начальникъ экспедиціи съ гг. Галкинымъ, Ильминскимъ и Старковымъ и 10-ти человѣкамъ конвоя перѣхалъ на 12 весельной лодкѣ, на берегъ, старикъ-же Туркменинъ былъ отпущенъ съ денежной наградой. Подпоручикъ Алексѣевъ расположился въ полуверстѣ отъ берега. При переправѣ, онъ встрѣтилъ большія затрудненія: Туркмены то соглашались, перевезти,

Видъ Куба-Дагской долины.

то отказывались, и наконецъ хотѣли было отогнать свои тодки, въ числѣ всего 3-хъ, такъ что Алексѣевъ долженъ былъ остановить ихъ угрозой употребить силу и приказалъ перевезти отрядъ; послѣ же благополучной переправы далъ деньги, и Туркмены остались очень довольны, но украли у него пѣсколько концевъ веревокъ и одно ведро. Ширина залива въ мѣстѣ переправы доходитъ до 160 сажень и теченіе довольно тихое, что опровергаетъ всѣ по-казанія Туркменъ о неимовѣрной его быстротѣ. До Алексѣева дошелъ слухъ, что посреди Красноводской косы, на возвышеніи КараАаба, Туркмены намѣреваются напасть на нась и что вообще они смотрятъ недружелюбно на сухонутное слѣдованіе съемочныхъ партій. Поэтому начальникъ экспедиціи присоединилъ къ отряду Алексѣева прибывшихъ съ парохода 10 человѣкъ. Въ отрядѣ этомъ всѣ здоровы, за исключеніемъ одного казака, имѣвшаго припадокъ падучей, почему начальникъ экспедиціи взялъ его на пароходъ. Ханъ-Мамбетъ, вызвался идти при отрядѣ Алексѣева, для переговоровъ со встрѣчными Туркменами.

Вслѣдъ за отрядомъ Алексѣева пришли съ переправы нѣкоторые Туркмены. Со словъ ихъ были провѣрены свѣдѣнія насчетъ дальнѣйшаго пути къ Красноводску.

Въ 9-мъ часу вечера мы оставили лагерь и перѣѣхали на пароходъ. Черезъ полчаса былъ поднятъ якорь, и мы двинулись по направленію къ Красноводской косѣ.

25-го. Пройдя островъ Челекенъ и обогнувъ Красноводскую косу, вошли вечеромъ въ Красноводскій заливъ (по картѣ Колодкина).

26-го. Подвинулись съ разсвѣтомъ по направленію къ горѣ, называемой Балкую и составляющей одну изъ вершинъ цѣпи Кувадагскихъ горъ. На разстояніи безъ малаго 2-хъ верстъ отъ берега, пароходъ прекратилъ пары и отдалъ якорь. На берегу, въ долинѣ, расположено аулъ въ 12 кибитокъ. Мѣсто это извѣстно обиліемъ колодцевъ съ прѣсной водой, а въ горахъ, въ верстѣ отъ берега, наход-

дится родникъ съ отличной водой, называемый медовымъ (Балкую).

Немедленно пріѣхали на пароходъ съ берега старшина аула шейхъ Чарчангъ Алла-Назаровъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ Туркменъ и привезли двухъ бараповъ въ подарокъ. Въ разговорѣ за чаемъ, они передали, что Салихъ-ханъ, по пріѣздѣ изъ Астрахани на Челекенъ, дѣйствительно хлопоталъ о наймѣ для экспедиціи верблюдовъ и посыпалъ съ этой цѣлію къ располагающимъ съ Балханахъ Ямудамъ-Чорвамъ, т. е. богатымъ, кочевымъ Туркменамъ (въ окрестностяхъ-же Красноводска кочуютъ всего до 100 каравановъ бѣдныхъ, у которыхъ верблюдовъ очень мало, а лошадей вовсе нѣтъ). Чорвы выразили полную готовность; но гдѣ назначенъ сборъ верблюдовъ и кому поручено наблюденіе, неизвѣстно; самъ-же Салихъ-ханъ пріѣхалъ на Атрецъ. Онъ пользуется здѣсь, сказали они, уваженiemъ большимъ, будто-бы, чѣмъ отецъ его, Кадыръ-ханъ, сынъ извѣстнаго Кіатъ-Аги.

Послѣ того сообщили шейхи, что, не такъ давно, была послана съ нашей станціи на Ашурѣ за дровами на ближайшій туркменскій берегъ шлюпка съ 8-ю матросами; местные Туркмены напали на нихъ и убили одного, а остальныхъ взяли въ плѣнъ. Для выручки ихъ были посланы со станціи суда, которые изъхватили 14 Туркменскихъ старшинъ, въ видахъ обмѣна ихъ на плѣнныхъ Русскихъ. Обмѣнъ еще не состоялся. Туркмены ожидаютъ его съ нетерпѣніемъ.

Подошла къ пароходу большая косовая лодка подъ персидскимъ флагомъ. Туркмены сказали, что она пришла, вѣроятно, съ Красноводской косы или съ острова Челекеня, чтобы налиться прѣсной водой.

Послали за шкиперомъ этого судна. Онъ показалъ, что пришелъ дѣйствительно за водою съ Карабаба, гдѣ заупалъ соль у Менглы-Дурды-хана. Тамъ слышалъ онъ отъ сына Нифесъ-Махтума, что ожидались сюда русскія суда. Самаго Нифеса не видалъ, равно какъ и Салихъ-

хана. Самъ онъ изъ Инзели. Послали за Менглы-Дурды-ханомъ и Нефесъ-Махтумомъ.

27-го. Начали переводиться съ утра на берегъ къ самому подножью горы называемой Кызляръ-Тахта, къ колодцу Суюджи, въ полуверстѣ отъ аула. По словамъ мѣстныхъ кочевниковъ, отдѣльная группа горъ у колодцевъ называется не Балкую; а Кызляръ-Тахта (дѣвичій тронъ), равно какъ вся цѣпь, идущая по берегу, не Балкуинскими горами, а Кувадагскими.

Въ этихъ мѣстахъ встрѣчаются большія и малыя змѣи, тарантулы, скорпионы и фаланги разныхъ величинъ. Число ихъ увеличилось еще при разстановкѣ юламеекъ и разбитіи лагеря отъ очищенія земли отъ небольшихъ камней порfirного булыжника, покрывающихъ берегъ почти сплошь. Къ вечеру, впрочемъ, шумъ, веселыя пѣсни солдатъ, купанье ихъ въ заливѣ, гдѣ также попадались змѣи, нѣсколько разогнали гадовъ и насѣкомыхъ изъ воды и съ суши.

Здѣсь дуетъ постоянно вѣтеръ, временами довольно порывистый, изъ ущелья, и менять направленіе нѣсколько разъ втеченіи дня. Туркмены называютъ его по этому сумасшедшемъ (тентекъ), по берегамъ же Красноводской косы — сказываютъ они — дуетъ, напротивъ, вѣтеръ умный, т. е. тихій и болѣе постоянный.

Пока перевозилась команда, пріѣхали на пароходѣ съ Карабаба, вслѣдствіе посылки за ними, Менглы-Дурды-ханъ и Нефесъ-Махтумъ, въ сопровожденіи одного Туркменина, въ качествѣ оратора, черезъ которого и выражали тѣ свои мысли. Всѣ они были одѣты жалкимъ образомъ, а называющейся ханомъ не имѣлъ даже сапоговъ.

Въ разговорѣ намекнули они, что живутъ съ сосѣдями въ дружбѣ и что въ защитѣ не нуждаются; стоять за свою нефть и соль; да и внутренній порядокъ свой предпочитаютъ иному. Ихъ навели на разсказы о невыгодности торга съ Армянами и на удобства установленія болѣе правильнаго

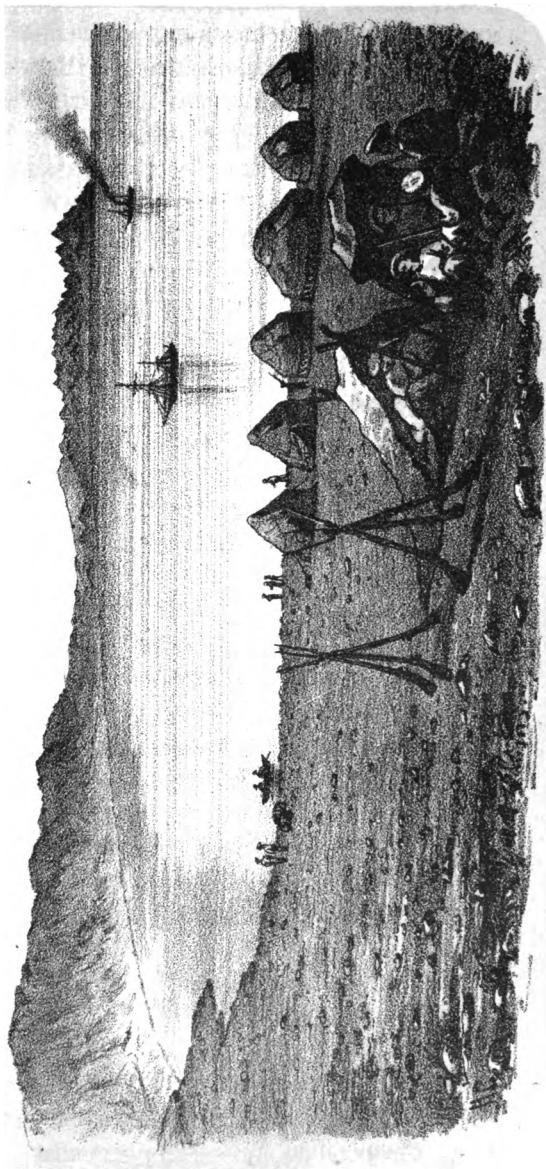
и постоянного. Разговоръ, какъ и слѣдовало ожидать, кончился разными изъявленіями обѣщаній и дружбы. Опасались они только недоброжелательства Балханскихъ Туркменъ и вызывались спарадить свой отрядъ. Имъ было, между прочимъ, сказано, что если мы и ходимъ по ихъ землѣ, то собственно для ознакомленія съ дорогами, по которымъ можно будетъ доставлять имъ хлѣбъ и товары. «Наши головы и руки вручаляемъ вамъ» — отвѣчали Туркмены; между-тѣмъ, при разѣздахъ съ нами, просили позволеніе носить оружіе — на что и получили разрѣшеніе начальника экспедиціи.

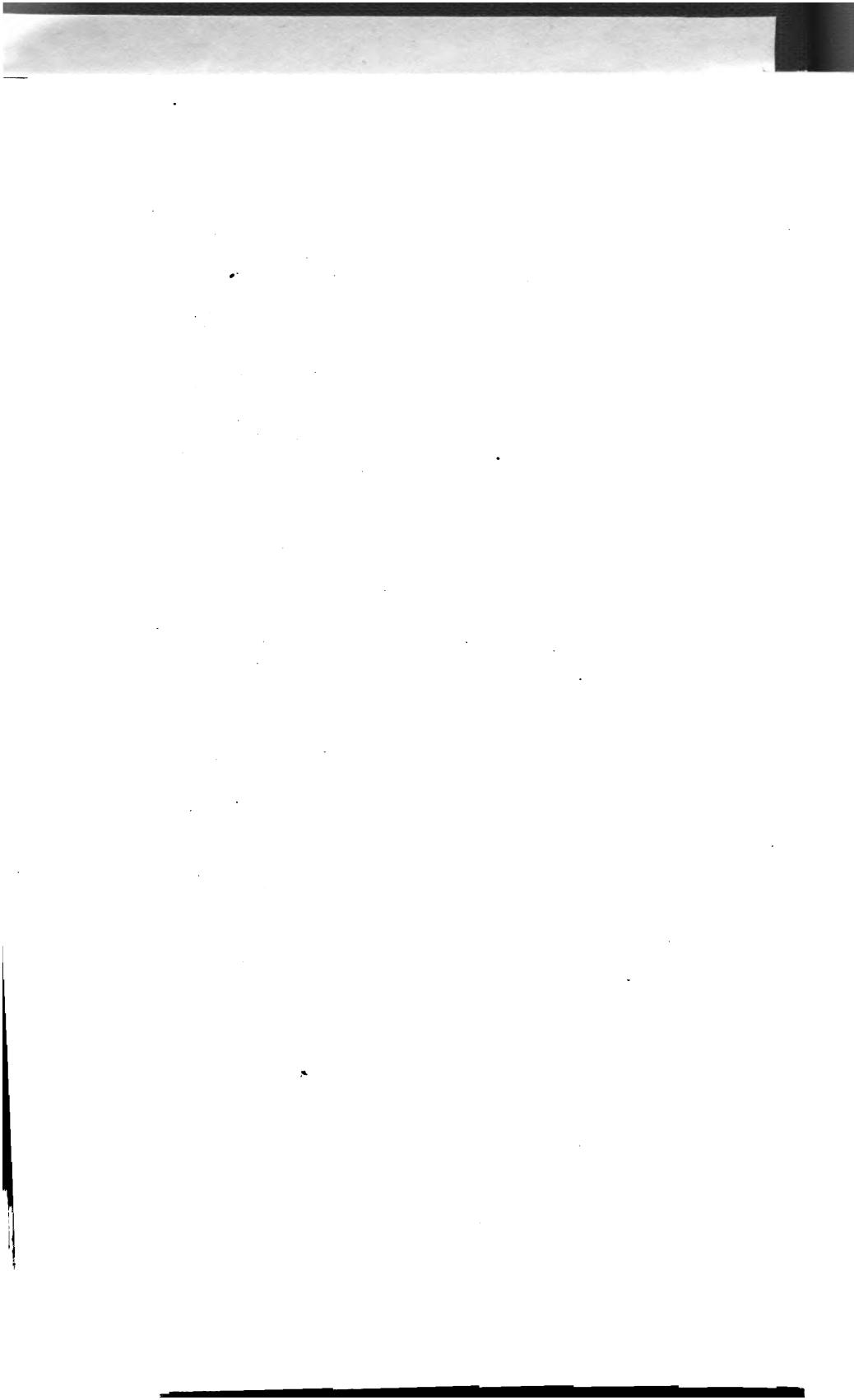
Вечеромъ, по переѣздѣ на берегъ, Туркмены были угожены пилавомъ. При этомъ Менглы-Дурды-хану предложено было щѣхать на Челекенъ и привезти оттуда наиболѣе вліятельныхъ, черезъ которыхъ можно было бы получить верблюдовъ на полуостровѣ Дарджѣ, юномъ берегу Балханскаго залива, гдѣ они пасутся.

28-го утромъ отправился на Челекенъ Менглы-Дурды, согласно данному ему порученію. Нифесъ-Махтумъ остался здѣсь.

Въ 6-мъ часу пополудни начальникъ экспедиціи и гг. Галкинъ, Ильминскій, Старковъ и командиръ баржи Рогаль-Левицкій отправились въсосѣдній туркменскій ауль и заходили въ нѣкоторыя кибитки. Вездѣ встрѣчали настѣ радушно, угощали кислымъ овечьимъ молокомъ, въ родѣ простокваша; дѣти ласкались, женщины не дѣчились. Роздали при этомъ нѣсколько вещицъ, какъ-то: ножи, бритвы, ножницы и женскихъ украшений разнаго рода: браслеты, серги, бусы и кольцы. Въ кибиткахъ замѣтна большая бѣдность. Однѣ женщины хлопотали по хозяйству, и только въ одной застали старика за обтескою небольшихъ жерновыхъ камней. Изъ аула пошли въ гору, къ колодцу Балкую. Колодезь лежитъ въ ущелья, между двухъ возвышенностей, глубиною онъ не болѣе сажени. По совершенномъ вычерпаніи къ вечеру, на утро слѣдующаго дня, онъ снова наполняется. Вода совершенно прѣсная, родниковая и пріятная на вкусъ.

Стойка на Красноводском заливе.

О колодцѣ этомъ рассказываютъ легенду, что онъ открылся мгновенно отъ соприкосновенія костиля одного старца, не находившаго нигдѣ по пути воды и изнемогавшаго отъ жажды. Отсюда присвоенное колодцу другое еще название «Моисеева.» Около колодца, на пространствѣ не болѣе 3-хъ квадратныхъ саженъ, посѣяны дыни, арбузы и тыквы.

На возвратномъ пути, сопровождавшій нась аульный старшина Чаргангъ распрашивалъ о Муравьевѣ, называя его полнымъ именемъ Николаемъ Николаевичемъ. Онъ сказывалъ, что хотя былъ еще угланомъ (мальчишкой), но хорошо помнитъ Муравьева, какъ всходилъ онъ на одну изъ здѣшнихъ горъ и какъ щедро одарилъ его, Чарганга, и особенно отца его, Алла-Назарь-муллу.

Возвратившись въ аулъ, мы увидѣли довольно много скота, преимущественно барановъ и козъ, согнанныхъ на ночь изъ-за горъ.

29-го мая. Пріѣхалъ посланный изъ отряда Алексѣя, съ донесенiemъ о благополучномъ слѣдованіи. Отрядъ долженъ присоединиться послѣ завтра. Вечеромъ, со словъ жителей аула и Нефесъ-Махтума, была набросана распросная карта пути къ Балханамъ и вокругъ нихъ. Прѣсной воды по сѣверному берегу залива мало, а по южному вовсе нѣть.

Прапорщикъ Абрамовъ сдѣлалъ промѣры въ бухтѣ, образуемой горами Кызляръ-Тахта и Уфракомъ. Заливъ, по глубинѣ, очень хороши.

30-го мая. Въ 5 часовъ пополудни пришла изъ Баку паровая шхуна «Туркменинъ.» На ней пріѣхали подполковникъ генерального штаба Берновъ, назначенный отъ Кавказскаго вѣдомства въ составъ экспедиціи, и баронъ Врангель. Подполковникъ Берновъѣздилъ передъ тѣмъ изъ Баку на нашу станцію на Ашуръ-Адѣ. Начальникъ станціи, капитанъ-лейтенантъ Лихаревъ, представилъ ему живущаго на Ашурѣ, упомянутаго выше Кадыръ-хана, и старшинъ изъ ближайшихъ туркменскихъ ауловъ, кочующихъ южне Гассанъ-Кули. Всѣ они увѣряли въ своей преданности и

желаніи служить Россіи, обѣщали также полное содѣйствіе экспедиціи и просили не ставить въ вину всему народу неблагонамѣренныхъ поступковъ отдельныхъ лицъ.

Не задолго передъ прїездомъ его на Ашуръ, былъ тамъ англійскій агентъ, искавшій, будто-бы, случая пріобрѣсть у Туркменъ землю на Атре кѣи вывѣдавшій изъ-подъ руки о нашихъ намѣреніяхъ въ отношеніи Туркменъ и о цѣляхъ экспедиціи. Съ Ашура Берновъ возвратился въ Баку и оттуда, слѣдя на соединеніе съ экспедиціей, заходилъ, по пути, на островъ Челекенъ. Везшая его шхуна приставала къ южной бухтѣ. Къ нему пріѣхали, бывъ предувѣдомлены съ Ашура, родной племянникъ Кадыра, Ана-Хасанъ-ханъ, самое нынѣ вліятельное на Челекенъ лицо, и 5 мѣстныхъ старшинъ. Съ ними стѣхалъ подполковникъ Берновъ на берегъ и обозрѣль островъ. Они говорили ему, что придутъ въ нашъ лагерь, согласно предварительному приглашенію начальника экспедиціи. Передъ оставленіемъ острова, г. Берновъ, роздалъ имъ въ подарокъ нѣсколько серебряныхъ, цѣнныхъ вещей.

Подполковникъ Берновъ сообщилъ при этомъ, что на Челекени находится въ работникахъ до 60 плѣнныхъ Шерсіянъ и что одинъ изъ прислужниковъ Ана-Хасанъ-хана, по имени Ибрагимъ Герасимовъ, побочный сынъ прикашника, торговавшаго съ Турменами въ 40-хъ годахъ, Астраханского купца Герасимова, выразилъ Бернову желаніе перѣѣхать въ Россію и креститься. Онъ знаетъ нѣсколько словъ по-русски. Его взялъ Берновъ съ собою на шхуну. Въ разговорѣ съ переводчикомъ экспедиціи, Герасимовъ объявилъ, что дѣйствительно желаетъ перейти къ намъ, но въ экспедиціи участвовать можетъ не иначе, какъ съ согласія своего хозяина.

Г. Берновъ, въ видахъ общей пользы, предоставилъ въ распоряженіе начальника экспедиціи всѣ подарки, которые закупилъ онъ на данные ему начальствомъ его деньги. Баронъ Врангель сообщилъ, что на шкоутѣ закаспійскаго

товарищества, слѣдующемъ сюда съ Ашуромъ, онъ везеть разные товары, сообразно съ потребностями здѣшнихъ кочевниковъ. Онъ думаетъ устроить изъ нихъ складъ на Челекенѣ и поторговать тамъ, а съ экспедиціей обѣщаѣ снарядить небольшой караванъ, отправивъ съ нимъ одного прикащику, толковаго и знающаго языкъ Туркменъ. Теперь-же доставилъ 80 мѣшковъ разнаго сорта пшеницы и рису, которые были привезены на шхунѣ товарищества Ласточка, пришедшей вслѣдъ за паровой шхуной Туркменинъ.

Баронъ Врангель слышалъ отъ разныхъ Туркменъ преувеличенніе по азіатски слухи о несмѣтныхъ войскахъ, идущихъ съ нами, съ цѣлію возведенія здѣсь крѣпости. Онъ слышалъ также, что Тоганъ-Казы находится теперь въ Балханахъ. По слухамъ онъ имѣетъ вліяніе на Туркменъ только съ религіозной стороны, какъ духовное лицо. Такимъ образомъ нѣтъ здѣсь никакого сосредоточенія власти. Всякій ауль завѣдывается отдѣльно. Званіе-же хана не доказываетъ личнаго значенія. Рѣдко когда служить оно признакомъ почетнаго происхожденія, а большую частію присвоивается произвольно людьми зажиточными.

31-го. Въ 12 часовъ дня пришелъ отрядъ подпоручика Алексѣева. Путь совершилъ онъ совершенно благополучно, хотя и подвергался большимъ трудностямъ. Нужно было безпрестанно очищать колодцы, совершенно засоренные, такъ что не доставало иногда на очистку 3—4-хъ часовъ тяжелаго труда нѣсколькихъ человѣкъ. На всемъ пути онъ встрѣтилъ не болѣе ста кибитокъ бѣдныхъ Туркменъ, преимущественно Огурджалинцевъ. Всѣ топографическія работы шли дѣятельно.

Ханъ-Мамбетъ, по отзыву поручика Алексѣева, вѣль себя прекрасно, стараясь всячески усугубить и быть полезнымъ.

Гг. Алексѣевъ, Галкинъ и Старковъ всходили сегодня на Кызляръ-Тагга. Оттуда видна была вся Ка-

сноводская коса и открылись ближайшія окрестны мѣста, почти совершенно голыя и песчаныя. Кочевокъ не видали.

Никакихъ вѣстей съ Челекеня не получено. Ожидаемые ханы не прїѣхали.

1-го іюня. Въ 6-мъ часу пополудни чины экспедиціи, за исключениемъ командира казачьей полусотни, сотника Мартынова, и медика, оставленного здѣсь при 4-хъ больныхъ лихорадкой нижнихъ чинахъ, отправились къ Красноводской косѣ, въ сопровожденіи барона Врангеля, выразившаго желаніе ознакомиться съ мѣстностью. Конвоемъ служили 60 нижнихъ чиновъ при двухъ офицерахъ и двухъ унтеръ-офицерахъ. Провіантъ на недѣлю, вмѣстѣ съ юламейками и другими тяжестями, подняты были на 16-ти верблюдахъ. Лошадей взято 22. Остальное число конвоя съ верблюдами и лошадьми оставлено на прежнемъ мѣстѣ, у подножья горъ Кувадагскихъ. Пароходу приказано отправиться завтра къ Красноводской косѣ и взять съ собою съ баржи прaporщика Абрамова, для промѣровъ въ бухтѣ на оконечности косы. Отъ Красноводской косы пароходъ доставитъ экспедицію на островъ Челекень и оттуда обратно къ означеннымъ горамъ. Баржа оставлена на мѣстѣ.

Пройдя лежащій отъ нашего лагеря влѣво туркменскій ауль и обогнувъ гору Кызляръ-Тахта, мы пошли по долинѣ совершенно голой, мѣстами лишь покрытой тощую ковылью и оржаникомъ.

Поровнявшись съ Кувадагскими горами, мы должны были идти съ часъ по каменистой тропинкѣ, пробитой по косогору, что было особенно тяжело для верблюдовъ. Горы здѣсь другой уже формациіи—изъ песку съ небольшой примѣсью глины. Къ солнечному закату мы оставили Кувадагскій хребетъ за собой и продолжали путь открытую степью. Вскорѣ подошли къ колодцу Сегрышемъ, лежащему на западной сторонѣ косы на песчаномъ берегу у са-

маго моря. Вода въ колодцѣ соленая. Колодезь, въ видѣ трубы, выложенъ камнемъ. Здѣсь устраиваютъ колодцы обыкновенно илѣнныи Церсіяне. Туркмены не умѣютъ вырывать глубокихъ колодцевъ и выкладывать ихъ камнемъ. Не подалеку отъ этого колодца, на возвышенномъ берегу, разбили лагерь. Сдѣлали 16 верстъ. Саженяхъ въ 50-ти расположень ауль Нѣфесъ-Махтума изъ 7-ми кибитокъ; на столько-же съверо-западиѣ отъ него, ближе къ морю, видѣнъ другой довольно большой ауль. Жители, занимаются рыболовствомъ. Изъ скота видѣли всего нѣсколько козъ.

2-го іюня. Въ 6½ часовъ по полуночи пошли въ дальнѣйшій путь, съ производствомъ съемки. Дорога шла пустынею, совершенно голою, песчаною, съ значительною примѣсью ракушника. Часа черезъ два, пройдя верстъ 6—7, начальникъ экспедиціи и гг. Берновъ, Врангель, Галкинъ и Ильминскій, взяли влѣво отъ пути отряда, по направленію къ морю, чтобъ осмотрѣть остатки укрѣпленія, лежащаго въ нѣсколькоихъ саженяхъ отъ залива въ видѣ неправильнаго четвероугольника, обведенаго неглубокимъ рвомъ и землянымъ валомъ. Посреди укрѣпленія разбросано нѣсколько камней, 2 изъ нихъ въ 1½ аршина въ квадратѣ и въ ¾ вышиною положены одинъ на другой; это, повидимому, остатки каменнаго креста, который былъ поставленъ на тутъ же находящемся пьедесталѣ. Верхній камень его имѣетъ четвероугольное углубленіе. На одной сторонѣ высѣчено очень четко: Катани, а на другой сторонѣ по татарски: Мулла-Ягнъ Мятъ (Мухамметъ). На отдельныхъ-же, плоскихъ камняхъ, испещреныхъ надписями, можно было разобрать только слѣдующее: на одномъ «въ 18 году» и на другомъ сверху «рмол» и попониже «М'р». Судя по имени графа Катани, артиллерійскаго офицера, бывшаго при Н. Н. Муравьевѣ въ экспедицію 1821 г. и по другимъ, сохранившимся отъ времени надписямъ,—мѣсто это служило Муравьеву складочнымъ пунктомъ. Кормъ около укрѣпленія хороши, но колодцевъ по близости нѣть.

Отсюда, выѣхавъ снова на верблюжій слѣдъ отряда, поднялись на небольшія возвышенія, или вѣрнѣе песчаные холмы, называемые Карап-Баба. Тутъ не нашли ни одной кибитки, и на всемъ пройденномъ пространствѣ встрѣчали изъ животныхъ только змѣй и ящерицъ. Не доѣзжая Карап-Баба, осматривали еще соленые пріиски, распространяющіеся сажень на 60 въ окрестности. Соль самосадочная, на вкусъ не горькая. Вода почти не видна на поверхности: соленые кристаллы, пластами толщиною до $4\frac{1}{2}$ вершковъ, покрываютъ мѣстность почти сплошь. Подъ этимъ слоемъ вода въ два вершка, а ниже ея грязь, смѣшанная съ солью. Пріиски эти принадлежать Менглы-Дурды-хану. На нихъ, по словамъ Нѣфеса, добывается ежегодно до 20 т. пуд. чистой соли, которая идетъ въ продажу. Кроме того мѣстные кочевники пользуются солью даромъ. Неподалеку отъ пріисковъ, по направлению къ югу, коса начинается съживаться и образуетъ перешеекъ въ 40 саж. шириной, называемый «Кески». Пройдя Кески, встрѣтили двѣ туркменскія кибитки и нѣсколько дынныхъ и арбузныхъ бахчей и наконецъ, въ верстахъ 8-ми отъ окончанія косы, поровнялись съ небольшой рощицей въ 30—40 жиловыхъ деревьевъ. Тоцій оружаникъ, бахчи и эти деревья составляютъ единственную растительность косы.

На самой оконечности ея кочуютъ нѣсколько бѣдныхъ туркменскихъ семействъ, въ числѣ всего 3-хъ кибитокъ. У нихъ четыре косовыхъ лодки, на которыхъ занимаются они единственнымъ своимъ промысломъ, рыбной ловлей. Въ день вылавливаютъ они среднимъ числомъ до 40 рыбъ, по 10 на лодку. Кибитки эти расположены около колодца съ солоноватою водою. Подошли въ этому колодцу въ 3-мъ часу полудни, сдѣлавъ 25 верстъ, и расположились вблизи отъ него, саженяхъ въ 150 отъ бывшаго укрѣпленія князя Бековича. Слѣды его едва замѣтны. Ракуша все болѣе и болѣе къ окончанію косы застилающая почву, замела совсѣмъ брустверъ и ровъ укрѣпленія, которое, вѣроятно, было не

разъ заливаемо водою, чтоб можно заключить изъ того, что ракуша ровнымъ пластомъ покрываетъ верхъ и внутренность укрѣпленія. Кладбище-же, равно какъ упомиравшіяся прежде два озера передъ укрѣпленіемъ, съ зловредными испареніями, болѣе не существуютъ. Отъ послѣднихъ осталась только довольно топкая солонцеватая почва.

Впродолженіи нашего слѣдованія и вплоть до вечера производились топографическія работы. Окончность косы снята въ масштабѣ 100 сажень. Также произведены иромѣры бухты, образуемой раздвоеніемъ косы. Входъ въ бухту—съ моря; со стороны-же Красноводскаго залива бухта прикрыта длинной отмелю. Вечеромъ, въ 9 часовъ, перѣѣхали на пароходъ, съ тѣмъ чтобъ отправиться на слѣдующій день на Челекенъ. Насъ сопровождаютъ 40 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Остальные-же 20 человѣкъ, подъ начальствомъ подпоручика Абрамова, имѣютъ выйти завтра на разсвѣтѣ въ обратный путь, къ колодцамъ Балкую, для прикрытия верблюдовъ и лошадей. Передъ отправленіемъ на пароходъ выдано Нѣфесу за его усердіе 10 руб. 50 коп. сер. мелкой монеты, сколько пошло въ табакерку, и еще кинжалъ. Также сыну его 3 рубля; а мѣстнымъ Туркменамъ разныя мелкія вещи. Нѣфесъ былъ совершенно счастливъ и просилъ позволенія сопровождать экспедицію далѣе. Его прельстилъ особенно кинжалъ. Туркмены любятъ вообще оружіе. Сопровождающіе насъ, всѣ, безъ исключенія, спрашивали барона Врангеля, будутъ-ли у него продажныя ружья и другое оружіе, говоря, что оно имъ совершенно необходимо для обороны отъ Текинцевъ. Здѣсь на косѣ, также какъ и на Балкую, нашелся одинъ Туркменинъ — Аксакаль, съ удовольствиемъ вспоминавшій о Муравьевѣ. Достойно замѣчанія, что Туркмены, видѣвшіе самаго Муравьева, или слышавшіе о немъ отъ своихъ отцевъ, не только помнить его, но называютъ полнымъ именемъ «Николаемъ Николаевичемъ» и при томъ съ особынными интересомъ, какъ-бы говоря о себѣ, передаютъ всѣ дошедшія до

нихъ подробности его путешествія и пѣна въ Хивѣ. На нашемъ пути, по косѣ, мы встрѣтили только 12 кибитокъ; но ихъ здѣсь насчитывается до 59. Остальная располагается преимущественно у начала косы, ближе къ урошищу Тарта.

3-го іюня. На разсвѣтѣ снялись съ якоря. Въ часу 11 по полуночи, вошли въ сѣверо-восточную бухту остроза Челекеня и встали на якорь, въ саженяхъ 150 отъ берега, на глубинѣ $2\frac{1}{2}$ сажень. Подъѣзжая къ сѣверной косѣ Челекеня, мы замѣтили двѣ косовыя лодки, шедшія по направлению къ Красноводскому заливу съ невыгоднымъ вѣтромъ. Въ предположеніи, что они везли съ Челекеня старшинъ, мы дали о себѣ знать пушечнымъ выстрѣломъ. Лодки поставили паруса и пошли за нами, а когда мы отдали якорь, пристали къ пароходу. Лодки эти дѣйствительно шли въ Красноводскій заливъ. На нихъ приѣхали: Берды-ханъ, Курбанъ-ханъ, Менглы-Дурды-ханъ и съ ними еще иѣсколько лицъ.

Имѣло быть говорено о приготовленіи верблюдовъ для осмотра острова. Они обѣщали ихъ доставить, а начальникъ экспедиціи послалъ еще отъ себя на берегъ для той-же цѣли къ Ана-Хасану Измаила Герасимова, одаривъ его предварительно.

Изъ частнаго разговора приѣхавшихъ, можно было заключить, что на Челекенѣ существуютъ двѣ своего рода партіи: одна, имѣя во главѣ прямыхъ наслѣдниковъ Кіата, къ намъ расположенная, другая-же — смотрѣть на наши дѣйствія недовѣрчиво. Приѣхавшіе принадлежать къ этой послѣдней категоріи.

4-го іюня. На разсвѣтѣ были посланы на шестеркѣ на берегъ подпоручикъ Алексѣевъ съ топографомъ Новиковымъ и 6-ю нижними чинами для снятія сѣверной косы острова Маметь-Сафа, Ишанъ и Нифесть-Махтумъ сопровождали ихъ. Лишь только пристала шестерка къ берегу, разсказывается Алексѣевъ—Нифесть бросился бѣжать. На вопросъ Алексѣева, что значитъ его

поспѣшность, Маметъ-Сафа отвѣчалъ: «вѣдь онъ долженъ-же заслужить данные ему подарки, побѣжалъ въ ауль за верблюдами.» Вскорѣ дѣйствительно пригналъ Нефесъ четырехъ верблюдовъ. За Нефесомъ вышли къ Алексѣеву изъ аула всѣ бывшие у насть вчера и еще Кучакъ-ханъ, Гельды-ханъ и старшины огурджалинскіе Аилъ-ханъ, Шеребъ, Авазъ-Хивачи, Ниязъ-Маметъ и Анаханъ.

Всѣ они объявляли, что нужное намъ число верблюдовъ, для слѣдованія по острову, будетъ приготовлено къ завтрашнему утру. Спрашивали, не будетъ-ли еще какихъ приказаний и притомъ изъявили желаніе ѻхать на пароходъ. Алексѣевъ исполнилъ ихъ просьбу и привезъ всѣхъ на пароходъ. Новиковъ-же съ нижними чинами и взятыми для него четырьмя верблюдами оставленъ для съемки на берегу. Всльдъ за Туркменами прїѣхалъ съ южной стороны острова на большой косовой лодкѣ, подъ коммерческимъ флагомъ, Ана-Хасанъ-ханъ. У него довольно выразительное, хотя и не совсѣмъ пріятное лицо. Одѣть онъ былъ щегольски въ красномъ, суконномъ халатѣ, и вообще по платью его и нѣкоторыхъ другихъ хановъ, явившихся сегодня, можно судить о нѣкоторой степени ихъ довольства. Начальникъ экспедиціи принялъ Ана-Хасана, какъ внука Кіатъ-Аги, постоянно усердствовавшаго Россіи и столь извѣстнаго по Муравьевскому описанію путешествія въ Туркменію и Хиву, любезнѣе другихъ, посадилъ отдѣльно за свой столъ; прочие-же расположились поодаль и, по обыкновенію, на коврѣ. Ана-Хасанъ говоритъ не много по-русски. Онъ объявилъ, что его двоюродный братъ Салихъ-ханъ закупилъ въ Гассанъ-Кули обѣщанныхъ для экспедиціи лошадей и уже выѣхалъ оттуда, но что противные вѣтры его задерживаютъ. Онъ показалъ письмо къ нему Салиха, въ которомъ послѣдній извѣщалъ о своемъ выѣздѣ съ лошадьми и совѣтовалъ Ана-Хасану явиться къ намъ. Затѣмъ за стаканомъ чая съ ромомъ (онъ самъ просилъ дать ему рому, но такъ, чтобы не

видѣли того другіе Туркмены), Ана-Хасанъ распространялся объ усердіи къ Россіи всей его семьи, что дѣдъ его Кіатъханъ служилъ Россіи 40 лѣтъ, отецъ — 25 лѣтъ, да и самъ онъ служитъ уже 15 лѣтъ, говорилъ о поездкахъ этихъ лицъ въ Петербургъ и что одинъ изъ братьевъ его учился въ Россіи и умеръ тамъ на службѣ; обѣщалъ доставить непремѣнно завтра къ утру просимыхъ верблюдовъ, говорилъ, что желалъ-бы сопровождать насъ на Балханы, но опасается мести за убійство имъ одного разбойника изъ тамошнихъ жителей, виноваго, будто-бы, противъ нашей астрabadской станціи. При частномъ объясненіи съ барономъ Врангелемъ, указывалъ на Балханская горы, какъ самое удобное мѣсто для укрѣпленія. Въ заключеніе вызвался отправить письмо начальника экспедиціи къ Тоганъ-Казы, кочующему въ 10 форсангахъ (70 верстъ) южнѣе Балхановъ, у колодцевъ Бугдали.

Послѣ часовой бесѣды, Ана-Хасанъ отправился на берегъ для распоряженій на счетъ верблюдовъ. На островѣ, по словамъ его, всего ихъ 40. Передъ отѣзломъ онъ передалъ мѣшокъ свѣжихъ кореньевъ, въ родѣ моркови, называемыхъ «кусюкъ», снятыхъ съ Красноводской бахчи. Туркмены запекаютъ эти коренья въ золу¹⁾.

Лодка, на которой пріѣхалъ ханъ, принадлежитъ ему. У него ихъ нѣсколько. Дерево покупаютъ Туркмены въ Астрахани и въ Персіи, а строятъ лодки сами. Ласковый пріемъ, оказанный Ана-Хасану, возбудилъ въ другихъ зависть и подстрекнулъ въ желаніи услужить намъ. Вызвались нѣ-которые щхать съ нами на Балханы, говоря, что достать верблюдовъ на островѣ и служить экспедиціи втеченіи нѣсколькихъ дней не трудно, но что пусть пойдетъ Ана-Хасанъ съ экспедиціей въ горы и еще подальше. Наконецъ

¹⁾ На пароходѣ былъ сдѣланъ соусъ изъ этихъ корней, довольно вкусный.

Кучакъ-ханъ самъ предложилъ себя въ посыльные къ Тоганъ-Казы. Сопутствовать ему желали и другіе.

Сегодня утромъ прaporщикъ Абрамовъ сдѣлалъ промѣры занимаемой нами бухты. Вечеромъ прѣхалъ снова Ана-Хасанъ-ханъ и объявилъ, что верблюды, въ числѣ 37, уже согнаны. Его въ этотъ разъ приняли наравнѣ съ другими. Было говорено о приготовленіи 100 верблюдовъ для поѣздки нашей въ Балханы. Кроме Кучакъ-хана, Ана-Хасанъ полагаетъ полезнымъ послать къ Тоганъ-Казы еще Гельды-хана, какъ родственника его.

Завтра мы перебѣжаемъ всѣ, за исключеніемъ г. Бернова, на берегъ. Пойдетъ также 12-ти-весельная лодка съ прaporщикомъ Абрамовымъ въ обходъ острова къ южной бухтѣ.

Въ 11 часу вечера возвратился съ Челекеня топографъ Новиковъ. Онъ произвелъ съемку сѣверной косы острова, которая простирается въ длину на 21 версту.

5-го іюня. Сегодня утромъ вышли на берегъ. Насъ встрѣтилъ Ана-Хасанъ-ханъ съ своими людьми. Хановъ-же Кучака, Гельды и другихъ почетныхъ лицъ, бывшихъ у насъ вчера, при встрѣчѣ, не было.

Всѣ верблюды были уже на мѣстѣ и сверхъ того 3 лошади, единственная, имѣющіяся на островѣ, 2 ишака и 1 муль.

По навьючкѣ верблюдовъ, выступили, въ 11 часовъ, три партіи: двѣ съемочныхъ и третья, состоящая изъ начальника экспедиціи и гг. Врангеля, Галкина, Ильминскаго, Старкова и поручика Шлптера, при 25 нижнихъ чинахъ. Съ этой партіей пошли Ана-Хасанъ, и нѣсколько изъ его людей, также Мамбетъ-Сафа и Нифесъ съ братомъ, огурджалинскимъ старшиной. Верблюдовъ было всего 34, считая со выючными, на остальныхъ хали нижніе чины.

Съемочная партія направлена: первая — подпоручика Алексѣева, съ 8 нижними чинами, для прикрытия, и съ 9 верблюдами, вдоль восточнаго берега; а другая — топо-

графа Новикова, съ 6 инженерами и 6 верблюдами, по западному берегу острова. Обѣ имѣютъ соединиться на южной сторонѣ съ лодкою Абрамова, выступающею сегодня-же для производства промѣровъ въ южной бухтѣ. Новиковъ долженъ возвратиться оттуда серединой острова. Третья партия попла западнымъ берегомъ на нефтяные колодцы. Путь лежалъ сыпучими песками, лишенными почти всякой растительности. Изрѣдка только попадались нѣкоторыя тощія травы, употребляемыя верблюдами. Сильные вѣтры, господствующіе на островѣ, перенося песокъ съ одного мѣста на другое, изрыли мѣстность и покрыли ее высокими барханами. Къ серединѣ острова наносные барханы эти принимаютъ форму болѣе правильную, песокъ становится замѣтно плотнѣе и разступается менѣе подъ ногами пѣшходовъ, верблюдовъ и лошадей. Почва изъ песчаной переходитъ постепенно въ солонцеватую. Такимъ образомъ подъѣхали мы къ нефтяному гребню, называемому Чофракъ. Нефтяные возвышенности, въ видѣ цѣпи горъ, идутъ отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Онѣ видны издали, и, приближаясь, мы замѣтили на верху и по склонамъ горъ довольно много людей, слѣдившихъ за караваномъ: то были работники, занимающіеся добычей нефти и нефтагиля. Центральные и самые обширные пріиски, тутъ лежащіе, называются «Мощадъ». Нефтяные колодцы находятся преимущественно въ углубленіяхъ, образовавшихся отъ выемки земли для добычи нефтагиля, который залегаетъ жилами; по истощеніи нефтагиля, обыкновенно показывается нефть. Мы осмотрѣли нѣкоторые изъ нефтяныхъ колодцевъ. Есть глубиною отъ 7 до 20 и болѣе ханскихъ аршинъ (1 аршинъ 6 вершковъ). Даютъ нефть черную (густую и жидкую) и зеленоватую (блѣдную). Земля до того пропитана нефтью, что она просачивается сквозь нее. Всѣхъ колодцевъ насчитывается на островѣ до 250. Они считаются принадлежностью семейства Кіата. Работаютъ на нихъ 150 человѣкъ и въ томъ числѣ до 60 человѣкъ плѣнныхъ Персіянъ, которыхъ нельзя не отли-

чить отъ Туркменъ. Къ тому-же одинъ изъ нихъ подходилъ къ барону Врангелю и сказалъ украдкой по-персидски, что его зовутъ «Али», что онъ родомъ изъ Астрабада и что ихъ на пріискахъ 60 человѣкъ; на всемъ-же островѣ и гораздо больше. Просилъ обѣ освобожденіи. Этотъ Али завѣдуетъ пріисками, въ родѣ прикащика и смотрителя за работами. Число всѣхъ плѣнныхъ Церсіанъ на островѣ, какъ до того еще слышалъ баронъ Врангель, простирается до 400.

Въ долинѣ, около колодцевъ, намъ указали на двѣ краски: красную, называемую Кызылъ-буя и желтую, которая превращается, при варкѣ, въ черную, почему и называется Карап-буя. По признакамъ это нечистый купорось. Краски эти здѣсь не добываются, но ихъ, по отзывамъ Туркменъ, довольно много на островѣ. Они лежать гнѣздами подъ очень тонкимъ слоемъ песку, такъ что вѣтеръ, сметая послѣдній, обнаруживаетъ полосы то желтыхъ, то красныхъ. Взяли образцы для изслѣдованія. Нефтаиль и нефть идутъ въ продажу на вывозъ. Нефтаиль употребляютъ Туркмены на освѣщеніе. Съ мошадскихъ пріисковъ поѣхали влѣво къ нефтяному озеру—Караситея (черный молошникъ). Вода въ немъ теплая, сѣрно-соленая, и нефть, въ большомъ количествѣ, выбрасывается на поверхность. Отъ озера, лежащаго на вершинѣ бугра, проведены канавы, для стока воды, съ невысокими запрудами изъ досокъ, не достающихъ до дна канавы. Вода проходитъ подъ доски, а нефть задерживается на поверхности воды запрудою и потомъ счерпывается. Вокругъ озера лежитъ до 10 колодцевъ, изъ которыхъ нефть достается кувшинами пополамъ съ водою. Пріиски эти, менѣе обширные, чѣмъ мошадскіе, принадлежать 5 огуруджалинскимъ старшинамъ.

Оставивъ озеро, мы отправились по прямому направлению на югъ, къ южной бухтѣ острова, въ ауль Ана-Хасана. Дорога шла сначала окраиною обширнаго тоцкаго солончака, а потомъ неизмѣнно песками, со скудною растительностью. Въ трехъ верстахъ отъ аула, останавливались у ко-

лодцевъ съ солоноватой водой. Колодцы выложены внутри хворостомъ, смазаннымъ глиною, которую добываютъ на южной косѣ острова. Прѣсныхъ колодцевъ здѣсь всего два. Одинъ лежитъ въ четырехъ верстахъ отъ аула Ана-Хасана къ сѣверо-западу, а другой — въ шести верстахъ отъ него къ востоку. Этихъ колодцевъ недостаточно, и потому, за хорошей прѣсной водой,ѣздятъ отсюда на Огурчинскій островъ. Для сбора дождевой воды устраиваютъ Челекенцы на болѣе, конечно, твердой почвѣ, довольно большіе резервуары, окруженные невысокимъ окопомъ изъ той-же земли.

Къ солнечному закату приѣхали въ аулъ Ана-Хасана, расположенный на небольшомъ возвышениі отлогаго берега, омынаго морскими волнами. При вѣзѣ, насы встрѣтилъ какой-то старикъ, по лицу Персіянинъ, наигрывавшій на дудкѣ веселую пѣсню. Ему дали денегъ. Въ аулѣ 8 кибитокъ и деревянный анбаръ, въ который складывается покупной хлѣбъ. Кибитка, въ которой насы принялъ Ана-Хасанъ, убрана куржумами (т. е. перекидными дорожными мѣшками) и коврами. Тутъ оказались кровать съ пуховикомъ и столъ. Около кровати было сложено нѣсколько ружей. Барабановъ и козъ въ аулѣ мало; за то видѣли много курь. Большую часть скота держать Челекенцы на Огурчинскомъ островѣ, гдѣ и колодцевъ прѣсныхъ больше и кормъ гораздо лучше.

Въ числѣ любопытныхъ, смотрѣвшихъ на насы при вѣзѣ, было нѣсколько Персіянинъ.

Дорогой Ана-Хасанъ, на распросы г. Галкина, объяснилъ, что на Челекенѣ 300 кибитокъ огурджалинскихъ¹⁾, 25 туркменскихъ, т. е. ямудскихъ (Ана-Хасанъ на-

¹⁾ Здѣсь упомянувъ обѣ огурджалинцахъ будеть кстати привести, въ дополненіе къ сообщенному уже на этихъ страницахъ о Н. Н. Муравьевѣ, что зимою 1865—66 г., въ проѣздѣ черезъ Москву, я провелъ вечеръ у Николая Николаевича въ бесѣдѣ о нашихъ дѣлахъ въ средней Азии и о тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ привелось мнѣ, въ свою очередь, быть.

зывается Туркменами только Ямудовъ) и 15 игдырскихъ. У нихъ, у всѣхъ, на островѣ верблюдовъ до 100, лошадей всего 3, ишаковъ 10, а барановъ и козь не болѣе 150. Жители занимаются, кромѣ добычи нефти и нефтагила, еще рыболовствомъ и разработкою соли, добываемою изъ озеръ на съверо-восточномъ берегу острова. Рыболовныхъ лодокъ у нихъ 15. На этихъ лодкахъ они и ловятъ рыбу, и сплавляютъ ее на Ашуръ. За рыбой сюда не ъздятъ торговцы. Ловится бѣлуга, осетръ и севрюга. 1-я продается за штуку, смотря по размѣру отъ 6 и болѣе четвертей, отъ 1 руб. до $1\frac{1}{2}$ р. сер.; а осетръ и севрюга, круглымъ счетомъ, по 30 к. сер. за штуку. Лодки отправляются съ полнымъ грузомъ, половина ихъ подымаетъ до 500 и болѣе пудовъ, а остальныя до 200. Солепромышленность, также какъ и рыболов-

40 лѣтъ спустя послѣ Н. Н. Когда-же зашла притомъ рѣчъ объ отношеніяхъ къ Туркменамъ, то онъ прервалъ меня словами: «А знаете-ли вы, что Туркмены-огурджалы зачилили меня въ свой родъ и выдали въ томъ грамоту, за своими тамгами....» Это—своего рода почетное гражданство; присвоеніе его лицамъ постороннимъ и у насъ тогда еще не было распространено; подобное-же выраженіе сочувствія со стороны народа кочеваго служить однимъ изъ многихъ доказательствъ того особенного впечатлѣнія, которое произвелъ Муравьевъ на Туркменъ своею необыкновенною силой воли, знаніемъ азіатцевъ, ихъ обычаевъ и языка. Н. Н. оставилъ подробныя записи того времени и не напечатанное описание своего вторичнаго посѣщенія восточного берега Каспійскаго моря. Если не ошибаюсь, онъ велъ еще постоянный журналъ, а пройденная имъ блестящая и столь разнообразная карьера придаетъ его мемуарамъ особенное значеніе. Одна его переписка съ А. П. Ермоловымъ должна служить замѣчательнымъ матеріаломъ. Всѣ къ нему письма Ермолова—сказывалъ мнѣ Н. Н.—хранятся у него въ семейномъ архивѣ села Скорнякова, Орловской губ., въ особомъ портфѣль, съ портретомъ А. П. Эти, между прочимъ, подробности сообщили мнѣ Н. Н. по поводу моей нескромной просьбы возвратить мнѣ не-большую рекомендательную записку, съ которой А. П. Ермоловъ, зимой 1859 г., по моему возвращенію изъ Хивы, посыпалъ меня къ Н. Н. Муравьеву, жившему тогда въ Москвѣ, въ д. Варгина, на Тверской площади. Н. Н. исполнилъ мое желаніе—выслалъ записку, черезъ одного нашего общаго знакомаго, и я получила ее за нѣсколько лишь дней до извѣстія о кончинѣ Муравьева...

ство, составляет общественное достояніе мѣстныхъ жите-
лей. Пласты снимаемой соли доходятъ до 2 четвертей. Про-
дается она Инзелинцамъ.

По словамъ Ана-Хасана, на островѣ есть и свои тор-
говцы, занимающіеся скопомъ мѣстныхъ произведеній и про-
дажей иноплеменнымъ купцамъ. Къ такимъ торговцамъ при-
надлежать: Кучакъ-ханъ, Гельды и другіе Ямуды не
изъ рода кіатова. Они скучають нефть у Огурджалинцевъ,
также соль и рыбу у разныхъ лицъ и перепродаютъ Пер-
сіянамъ.

Мулль на островѣ чѣть. Былъ одинъ, но съ наступле-
niемъ глубокой старости перѣхалъ на житѣе къ Таганъ-
Казы, чтобы умереть при немъ. Впрочемъ, прибавилъ Ана-
Хасанъ, всѣ учившіеся немногого грамоты выдаютъ себя за
мулль.

Пока Анна-Хасанъ угощалъ насъ ужиномъ, въ восточ-
номъ вкусѣ, въ своей кибиткѣ, отрядъ разбилъ лагерь не-
подалеку отъ аула.

Теткѣ Ана-Хасана, женѣ Кадыра, приходившей въ ки-
битку, начальникъ экспедиціи сдѣлалъ подарокъ; дѣтямъ
раздавали мелкую монету, на которую сбѣгались они съ
крикомъ.

Ана-Хасанъ сказывалъ барону Врангелю, что ожи-
даетъ съ нетерпѣніемъ полученія чина, который обѣщалъ
ему начальникъ астрabadской морской станціи капитанъ
Лихаревъ за убийство упомянутаго выше разбойника изъ
Балханъ.

Въ 11 часовъ вечера мы перешли изъ аула въ лагерь.
6-го іюня. Утромъ въ 10 часу выступили изъ аула,
слѣдуя южнымъ берегомъ острова. Черезъ 2 часа слѣ-
дованія подошли къ южной бухтѣ, гдѣ нашли лодку
Абрамова, стоявшую на якорѣ противъ обширнаго
аула, лежащаго у прѣснаго колодца. Колодецъ этотъ не
показывали Абрамову до нашего прихода, а мы нашли
въ немъ немногую мутную, но совершенно прѣсную воду.

Здѣсь, въ аулѣ, видѣли одного негра. Ихъ на островѣ нѣсколько человѣкъ. Условившись съ прaporщикомъ А б р а м о в и мъ на счетъ дальнѣйшаго его пути, и взявъ образцы соли, отправились далѣе по прямому направлению на сѣверъ къ стоянкѣ парохода. Бѣхать въ сторону, для осмотра мѣсторожденія соли, Туркмены не совѣтовали, по случаю усилившагося вѣтра, при которомъ слѣдованіе здѣшними песками становится, по показанію ихъ, не только затруднительнымъ, но даже опаснымъ. Дѣйствительно здѣсь пески еще значительнѣе, чѣмъ на западной сторонѣ. Съ одного борхана приводилось подыматься на другой. Лошади тонули въ пескѣ по колѣна, а ишаки едва могли подвигаться впередъ.

Поровнявшись снова съ той солончаковой полосой, о которой говорилось вчера, мы вступили въ долину съ твердою почвою. Тутъ замѣтили нѣсколько охровыхъ жиль, осмотрѣли ихъ и взяли образцы. Тутъ-же были найдены признаки глинистаго сланца и шифера. Здѣсь мы отдыхали съ полчаса. Послѣ вышли опять на песчаную дорогу. Къ счастью сильный дождь облегчилъ наше слѣдованіе. При приближеніи къ берегу начали встрѣтить нѣкоторую растительность, въ видѣ мелкихъ тальниковыхъ кустарниковъ; также встрѣчалось растеніе, въ родѣ оржаника.

Въ 6-мъ часу пополудни подѣхали къ сѣверной бухтѣ. Съ парохода прислали шлюпку, и мы перѣхали немедленно на пароходъ. Отрядъ остался кочевать на берегу. При отѣзданіи были приглашены, на слѣдующій день, на пароходъ А н а -Хасанъ, Кучакъ-ханъ и нѣкоторые другіе ямудские и огурджалинскіе старшины.

7-го іюня. Въ 1-мъ часу пополудни прїехали на пароходъ А на -Хасанъ и всѣ другіе, согласно приглашенію.

Послѣ угощенія имѣ было объявлено о желаніи послать письмо и подарки къ Таганъ-Казы и о необходимости нанять еще 70 верблюдовъ. Эти верблюды могутъ быть наняты только въ Балханахъ, а при посыпкѣ за ними имѣется

еще въ виду разузнать о расположениі умовъ тамошнихъ обитателей. Для этой собственно цѣли начальникъ экспедиціи полагаетъ послать туда, вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ здѣшнихъ Туркменъ, Мамбетъ-Сафу Кулуева. Сношеніе-же съ Тагань-Казы имѣеть цѣлую показать вниманіекъ нему, какъ къ духовному лицу. Послѣ долгихъ разговоровъ было рѣшено, что въ Балханы поѣдутъ Ямуды: Кучакъ, Гельды, Суфи, Берды и Алла-Бахшъ, а къ Тагань-Казы Ана-Хасанъ.

При этомъ были выданы деньги за верблюдовъ, поставленныхъ для осмотра острова, по 70 к. сер. за каждого.

Также роздано нѣсколько подарковъ лицамъ, успѣвшимъ оказать услуги, а именно Ана-Хасану были даны: литографированный портретъ Государя Императора, съ объясненіемъ, что онъ жалуется за постоянное усердіе къ пользамъ Россіи семейства Кіатъ-хана, 2) свидѣтельство за услуги, 3) халатъ и 4) большой хороший подносъ. Меглы-Дурды-хану даны были халатъ и свидѣтельство.

Его ходатою Огурджалинцу Мехметъ-Валію—свидѣтельство и нѣсколько мелкихъ вещей.

Другимъ служившимъ посыльными и вожаками тоже розданы кое-какія вещи и деньги.

Свидѣтельствами Туркмены особенно дорожатъ. Двое изъ Челекенцевъ предъявили начальнику экспедиціи свидѣтельства, выданныя имъ предкамъ еще графомъ Войновичемъ, въ 1781 году, и Муравьевымъ, въ 1821 году, и прошли подтвердить ихъ подписью, чѣо и было исполнено.

Мамедъ-Сафа предъявилъ, что на Челекенѣ находится одна Киргизка адаевскаго рода, перепрорданная туда игдырскими Туркменами и что хозяинъ готовъ ее уступить.

Выданы Мамедъ-Сафѣ 26 р. сер. на выкупъ Киргизки, если она пожелаетъ возвратиться въ нашу степь.

Мамедъ-Сафа слышалъ также, въ бытность на островѣ, что съемочнымъ партіямъ Скрябина и Рыбина можетъ

предстоять опасность столкновения съ непріязненными скопищами Туркменъ.

Дѣлали свѣчу изъ нефтагила. Свѣтильня горѣла прекрасно и бѣлый нефтагиль не опливалъ.

8-го іюня. Пріѣзжали отѣланяться Туркмены, щущіе въ Балханы.

На случай встрѣчи ихъ съ Салихъ-ханомъ, который, по дошедшемъ сегодня слухамъ, направился отъ Серебрянаго бугра, туда-же сухимъ путемъ, приказано дѣйствовать съ нимъ согласно. Имъ были выданы порціонные деньги, по 30 коп. сер. каждому въ сутки, съ расчетомъ примѣрно на недѣлю.

Вечеромъ они отправились съ Мамедъ-Сафой на лодкѣ, по прямому направленію къ полуострову Дардѣжъ.

Послѣ ихъ отѣзда пріѣхалъ съ острова ханъ-Мамедъ-Ишанъ, которого отправилъ сюда Алексѣевъ съ извѣстіемъ о благополучномъ своемъ слѣдованіи и переходѣ на лодку прапорщика Абрамова, для дальнѣйшихъ работъ.

9-го іюня. Въ полдень возвратилась лодка прапорщика Абрамова съ подпоручикомъ Алексѣевымъ, который, по окончаніи съемки острова, успѣлъ опредѣлить нѣсколько островковъ, лежащихъ между берегомъ и островомъ Челекенемъ, Алексѣевъ предъявилъ, что въ одномъ изъ Челекенскихъ ауловъ видѣлъ многихъ Персіянъ, собранныхъ въ двѣ кибитки, которыхъ охранялись вооруженными людьми; въ другихъ-же мѣстахъ, многіе изъ плѣнныхъ успѣли объяснить ему и Ишану, что ихъ съ женами до 500 на островѣ и что они желали-бы бѣжать, но боятся не столько преслѣдованія, сколько пріѣзда на Ашуръ-Аде, откуда нѣкоторыхъ изъ бѣжавшихъ до того возвращали будто-бы обратно. Подпоручикъ Алексѣевъ видѣлъ самъ 8-хъ изъ нихъ, только что привезенныхъ съ Ашура на туркменской лодкѣ. Они были связаны. Туркмены обходятся съ ними жестоко и едва ихъ кормятъ. Торгомъ плѣнными

Персами — слышалъ Алексѣвъ — занимается преимущественно Кучакъ-ханъ съ братьями. Они покупаютъ ихъ на Атреѣ. Вслѣдъ за Алексѣевымъ прибылъ съ острова и топографъ Новиковъ, по окончаніи всѣхъ работъ.

Передъ вечеромъ пріѣхалъ на пароходъ Ана-Хасанъ и привезъ заказанные ему 45 пудъ нефтяной земли для изслѣдованія ея при обжиганіи кирпичей и известіи. Платы за это онъ не взялъ и не хотѣлъ опредѣлить стоимость. Отправили вечеромъ съ Ана-Хасаномъ письмо и подарокъ къ Таганъ-Казы. Подарки заключаются изъ 3-хъ серебряныхъ вещей, бархата на халатъ, штофной женской руночки и мелкихъ вещицъ.

Въ письмѣ сообщались ему цѣль прибытія экспедиціи и выгоды прочныхъ торговыхъ сношеній Туркменъ съ Русскими, при чемъ Таганъ-Казы, какъ лицо вліятельное, приглашался оказать содѣйствіе экспедиціи.

10-го іюня. Въ 5-мъ часу утра пароходъ снялся съ якоря и пошелъ въ обратный путь въ Красноводскій заливъ. Въ 1-мъ часу пополудни пароходъ бросилъ якорь на прежнемъ мѣстѣ, около баржи. Къ вечеру мы перѣѣхали всѣ на берегъ, за исключеніемъ подполковника Бернова и барона Врангеля. Лагерь разбили въ этотъ разъ правѣе аула Чаргана, куда, по указанію начальника экспедиціи, перешелъ, вслѣдъ за нашимъ отправленіемъ на Красноводскую косу, оставленный здѣсь отрядъ. Теперь мы расположились на берегу большой ровной долины, окруженной такъ называемыми Кува-Дагскими горами. Къ ней сходятся всѣ главныя дороги: изъ Балханъ, Хивы и отъ Карабугаза и сюда-же выходитъ тропа отъ колодца Балкую.

Сегодня, подъ вечеръ, пришелъ пароходъ капитана Ивашинцева «Дербентъ».

11-го іюня. Капитанъ Ивашинцевъ, сѣхавъ на берегъ, сообщилъ, что пришелъ для астрономическихъ наблюдений и вмѣстѣ для командированія въ распоряженіе экспе-

диці одного офицера, для прибрежныхъ промѣровъ и измѣрвія высотъ, для чего и снабженъ онъ всѣми необходимыми инструментами. По дошедшемъ до капитана И в а ш и н ц е в а свѣдѣніямъ, шхуна П е р с і а н і нъ должна прийти на дняхъ. Между-тѣмъ, по неимѣнію положительного въ этомъ ручательства, вслѣдствіе рапорта командаира парохода «У р а лъ» о совершенномъ истощеніи запаса каменнаго угля, достаточнаго только для одного рейса въ Баку, начальникъ экспедиції далъ ему предписаніе отправиться туда немедленно за углемъ. Пароходъ снимется съ якоря завтра. На немъ возвратится въ Баку баронъ Врангель, кото-раго начальникъ экспедиції просилъ прислать съ пароходомъ разныхъ товаровъ: иѣсколько кусковъ ситцу, обыкно-венныхъ, дешевыхъ халатовъ и также стеклянныхъ вещей, особенно здѣсь цѣнныхъ, всего примѣрно на 300 р. с.

Посланъ нарочный Са ф а р ъ-б ай въ отряды С к р я б и н а и Р м б и н а, которые, по данному имъ маршруту, должны были соединиться и идти по направлению къ колодцамъ К у к уртъ,—съ извѣщеніемъ о выступлениі послѣ завтра въ нимъ на встрѣчу.

Поручикъ Старковъ осматривалъ въ подробности окрестныя мѣста и нашелъ глину и известь.

12-го іюня. На разсвѣтѣ вышли изъ здѣшней бухты пароходъ Уралъ въ Баку и пароходъ Дербентъ въ Александровскій фортъ. Съ послѣднимъ послана почта къ коменданту форта, для дальнѣйшаго отправленія оной въ Гурьевъ-городокъ.

Въ донесеніи, посланномъ съ почтой къ г. генераль-гу-бернатору, съ изложеніемъ общаго хода дѣлъ, объяснялась, между прочимъ, необходимость имѣть большее число подарковъ, чѣмъ было передано полковнику Даневиль, пе-редъ его отправленіемъ, такъ какъ, за неимѣніемъ влиятель-наго между Туркменами лица, которое могло бы распоря-жаться и облегчать сношенія,—приходится одаривать вся-каго. Подполковникъ Б е р н о въ, передавъ въ распоряженіе

экспедиція значительные подарки на 1,000 р., оказалъ большое подспорье, но тѣмъ не менѣе оказывается надобность въ менѣе цѣнныхъ подаркахъ, которые и поручено барону Врангелю доставить изъ Баку.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ особомъ донесеніи излагались причины, по которымъ Кувадагская долина признавалась удобнейшимъ мѣстомъ для устройства нашего заселенія,—согласно чему имѣютъ быть произведены на мѣстѣ подробныя съемочныя и пробныя работы.

Эти послѣднія работы поручикъ Старковъ началъ сегодня-же: обжигается извѣстъ привезенной съ Челекеня нефтаной землей, также дѣлаются кирпичи изъ здѣшней глины и начали рѣтъ колодцы подъ горою Кызляръ-Тахта и еще въ самой долинѣ. Независимо отъ сего дѣлается съемка въ масштабѣ 250 сажень. По окончаніи съемки, г. Старковъ имѣть показать геогностическія наблюденія, сдѣлать профиль окрестныхъ высотъ и составить предварительный проектъ укрѣпленія.

Вечеромъ дошелъ слухъ, что Нифесъ-Махтумъ и другіе выражаютъ неудовольствіе, что имъ не дарять револьверовъ и другаго оружія.

Зазнавшимся Туркменамъ сообщено черезъ Ишана, что они могутъ возвратиться въ свои аулы. Такимъ образомъ въ предстоящій походъ пойдетъ съ нами, не считая Ишана и караванъ-баша съ вожаками, одинъ только изъ здѣшнихъ жителей Челекенецъ Курбанъ-ханъ, братъ Кучака, молодой человѣкъ, очень щеголеватый, весьма приличный и послужливый.

Менглы-Дурды-ханъ также уѣхалъ въ свой аулъ, но только по собственной просьбѣ, прежде, чѣмъ было объявлено объясненное приказаніе Нифесу съ товарищами.

Менглы-Дурды-хану поручено доставить для экспедиціи, къ 20 числу сего мѣсяца, 30 барановъ, 1 кибитку и 15 турсуковъ.

Переданы подполковнику Бернову, для копировки, вся съемочная работы, произведенныя по настоящее время, а г. Галкинъ сообщилъ ему составленное имъ по поручению Генераль-Губернатора, въ прошломъ 1857 году, историческое обозрѣніе сношеній Россіи съ народомъ Туркменскимъ.

Сегодня солдаты отряда, ловя рыбу и раки, поймали нѣсколько сельдей. По словамъ мѣстныхъ жителей, они водятся здѣсь въ значительномъ количествѣ.

Изъ ягодъ, въ родѣ красной смородины, собранныхъ въ окрестныхъ горахъ, сварили варенье, очень приятное на вкусъ.

13-го числа. Сегодня въ ночь аульные Туркмены—шайхи смущили воду въ колодцѣ Балкую. Они начали выражать стороной свое неудовольствіе на работы поручика Старкова.

Въ 6-мъ часу пополуночи вся чинъ экспедиціи, за исключениемъ подполковника Бернова, перѣхавшаго съ парохода на баржу, и поручика Старкова, съ топографомъ Новиковымъ и 12-ю нижними чинами, оставленными при немъ для работъ,—отправились на колодцы Бурнакъ, павстрѣчу партіямъ, посланнымъ въ обходъ Карабугаза. Дорога вела сначала долиной, окаймленной Кувадагскими горами; потомъ поднялись на горы по узкой, извилистой дорогѣ, проложенной по каменьямъ. Подъемъ былъ тяжелъ для верблюдовъ, они взирались медленно, ложились и отказывались идти впередъ. Тропа эта проложена Текинцами лѣтъ 10 назадъ, во времена нападенія ихъ на здѣшнія мѣста. Затѣмъ путь пошелъ по возвышенному берегу, постоянно песками, по мѣстности почти ровной. Растительность здѣсь лучше. Почва покрыта кустарникомъ и акселяемъ.

Въ 12-ть часовъ подошли къ колодцу Бурнакъ и

встали лагеремъ; колодцевъ здѣсь 19¹⁾), всѣ обложены камнемъ, и при нихъ находятся высѣченныя изъ камня-же колодца, для пойла скота. Вода оказалась только въ 4 колодцахъ; она холодна, но горька на вкусъ; здѣсь кочевали первоначально многочисленные аулы Туркменъ. За часъ до прихода на мѣсто, нашъ караванъ-башъ Мамбетъ-Бикеневъ, ъхавшій впереди, повертилъ вдругъ назадъ и на всемъ скаку вручилъ начальнику экспедиціи пакетъ отъ поручика Скрябина и подпоручика Рыбина, привезенный посланнымъ отъ нихъ нарочнымъ. Поспѣшность Бикенева объясняется не столько желаніемъ услужить, сколько принятіемъ въ степи обыкновеніемъ давать суюнчи (подарокъ) первому, сообщившему добрую вѣсть. Скрябинъ и Рыбинъ писали, что они слѣдовали совершенно благополучно и на всемъ пути не встрѣтили ни одного человѣка.

У колодца Янги-су они соединились, 8-го іюня, но не предвидя никакой опасности, по отсутствію всякаго населенія, снова, 11-го іюня, раздѣлились: Скрябинъ пошелъ на колодцы Касынъ, куда долженъ прибыть 3-го іюля, а Рыбинъ пошелъ на Кугуртъ, Сульменъ и Сюджи-Кабиль по пути на Балкую, предполагая прийти туда къ 16 числу.

Вскорѣ, по прибытіи на Бурнакъ, посланъ къ поручику Скрябину на Касынъ посыльный Умрузакъ, съ привказаніемъ идти на Сюджи-Кабиль, куда завтра предположено было идти на соединеніе, но въ 4 часа, пока мы обѣдали, совершенно неожиданно, ранѣе однимъ днемъ, пришла партія подпоручика Рыбина. Вмѣсто одного онъ сдѣлалъ сегодня два перехода. У подпоручика Рыбина, за все время похода, было много больныхъ поносомъ, такъ какъ прѣсныхъ колодцевъ на пути, имъ пройденномъ, было

¹⁾ Поручикъ Скрябинъ и Рыбинъ, на пути вокругъ Карабугаза, находили по 40—50 колодцевъ на одномъ мѣстѣ.

всего 2, и прѣсную воду, взятую въ Киндерлинскомъ заливѣ, онъ долженъ былъ разбавлять соленою, чтобъ не оставаться безъ воды. Больные получали помощь отъ фельдшера Гурьянова, бывшаго въ партіи Рыбина. Лихорадкой былъ боленъ всего одинъ человѣкъ.

На берегу Карабугаза подпоручикомъ Рыбинымъ найдены 11 верблюдовъ; они переданы въ партію поручика Скрябина.

Подъ вечеръ выступилъ отсюда подпоручикъ Алексѣевъ, съ 6 казаками, для снятія пространства, оставшагося не снятымъ на южномъ берегу Карабугаза, между его съемкою, по берегу моря, и съемкою подпоручика Рыбина.

Послѣдній передалъ образцы горючей сѣры, найденной у колодцевъ Кугуртъ (сѣра) и мѣдного колчедана, взятаго въ окрестностяхъ сосѣднаго колодца Янги-Су. Между нечистотою сѣрою, смѣшанною съ кварцемъ и пескомъ, попадались самородки.

14-го июня. Посланъ на Балкую, для совмѣстныхъ тамъ работъ съ Новиковымъ, топографъ Китаевъ, подъ прикрытиемъ 5 казаковъ.

Найденъ дикий чеснокъ. Солдаты пачали употреблять его въ щахъ и кашѣ.

Жаръ доходитъ до 35° реомюра.

15-го июня. По случаю прибытія партіи подпоручика Рыбина, посланъ былъ съ разсвѣтомъ на колодцы Суюджи-Кабилъ нарочный Болгара, съ приказаніемъ Скрябину идти на Бурнакъ; посыльному приказано дожидаться тамъ до вечера 16-го числа и, если поручикъ Скрябинъ не придетъ, вернуться на Бурнакъ. Жаръ доходилъ до 37°.

Вечеромъ были слышны пушечные выстрѣлы со стороны Балкую.

Найденъ, въ верстѣ отсюда, въ сыпучихъ пескахъ, колодезь съ совершенно прѣсной водой.

16-го іюня. Въ 4-мъ часу пополудни вернулся съ Касына посыльный Умрузакъ. Онъ не нашелъ тамъ поручика Скрябина и побѣхалъ на колодезь Сюйли; по пути видѣлъ какой-то слѣдъ, побѣхалъ было по немъ, но долженъ былъ возвратиться, потому что слѣдъ началъ теряться; главное-же, начала томить его жажда, почему онъ и вернулся на колодезь Касынъ, гдѣ, доставая воду, оборвалъ веревку, послѣ чего рѣшился направиться обратно на Бурнакъ.

Въ 8 часовъ вернулся подпоручикъ Алексѣевъ, исполнившій порученіе совершенно благополучно. На пути онъ также не встрѣтилъ никого изъ Туркменъ. Съ нимъ стѣхался у самой нашей кочевки другой нарочный, посыльный къ Скрябину на Суюджи-Кабиль—Болгара, который, въ свою очередь, не сопелся съ нимъ.

Немедленно посланъ на Касынъ еще посыльный къ Скрябину, Машадъ, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ, если не найдеть Скрябина, проѣхалъ на Аджигиръ, а если и тамъ не встрѣтится, то искалъ бы слѣдъ его отъ Сюйли. Въ случаѣ встрѣчи съ Скрябинимъ на Касынѣ, Машадъ обязанъ немедля вернуться съ отвѣтомъ, что должно быть въ ночь завтрашняго числа; иначе-же обязывается идти при отрядѣ Скрябина и вести его на Балкую.

Больныхъ въ отрядѣ 5 человѣкъ: двое признаками цынги и трое лихорадкой.

17-го. Въ 8 часу утра, пріѣхалъ черезъ Балкую, посланный туда нарочный отъ Скрябина, Уразъ-Ніязъ-Латыфовъ. Скрябинъ писаль, что 13-го числа ночевалъ у Балхансаго залива. Колодцевъ не нашелъ, такъ что отрядъ былъ безъ воды. Колодцы Касынъ остались въ сторонѣ. Вожакъ не указалъ на нихъ. 14-го онъ перешелъ къ колодцу Булюкъ, съ соленой, горькой водой, откуда, на слѣдующій день, и послалъ Латыфова. Здѣсь онъ остановился въ предположеніи, что главный отрядъ соединится съ нимъ тутъ, по дорогѣ въ Балханы. Эти колодцы лежать отъ касынскихъ, верстахъ въ 20-ти. Въ 15-ти верстахъ

отъ Булюкъ, ближе къ Балханамъ, находятся колодцы Кучакъ, съ хорошей водой. Скрябинъ послалъ было туда людей съ боченками, чтобы налиться водою, но посланные, увидавъ, не доѣзжая колодцевъ, обширные аулы и встрѣтивъ многочисленныхъ стада верблюдовъ и барановъ, не рѣшились ѻхать далѣе и вернулись. Одни только эти аулы и видѣлъ отрядъ Скрябина на всемъ своемъ пути. Верблюды отряда — писалъ Скрябинъ — почти всѣ обезножили отъ переходовъ по каменистому грунту. Кормы на пути были плохіе и на колодцахъ Булюкъ нашли только камышъ въ небольшомъ количествѣ. Большою частью встрѣчали одинъ саксаулъ. Изъ верблюдовъ палъ одинъ. Люди здоровы и заболѣвали только легкими поносами.

На колодцѣ Туаръ, верстахъ въ 20 отъ Карагаза, по эту сторону, найденъ поручикомъ Скрябинымъ каменный уголь; по ту-же сторону залива онъ видѣлъ признаки сѣры и хорошей соли. О количествѣ соли въ карабугазской водѣ, можно судить по тому, что при купаніи въ заливѣ, соль осаждается на тѣлѣ. Она горька на вкусъ.

Вмѣстѣ съ донесеніемъ поручика Скрябина, получено извѣщеніе отъ поручика Старкова о приходѣ шхуны Персіянинъ, взявшей въ Александровскомъ фортѣ оставленный тамъ провіантъ и почту.

Немедленно приказано сняться и идти обратно на Балкую. Начальникъ экспедиціи, гг. Алексѣевъ, Галкинъ, Ильминскій и Рыбинъ, съ 8 казаками, поѣхали впередъ и были на Балкую въ 12 часовъ дня. Отрядъ-же съ тяжестями пришелъ въ 6 часу пополудни. Чтобы избѣжать спуска по горной дорогѣ, отрядъ обошелъ Кувадагскія горы на уроч. Каинъ-Ата и даваль, на половинѣ пути, привалъ. Въ почтѣ, доставленной командиромъ шхуны капитанъ-лейтенантомъ Рогаль-Левицкимъ, заключалось между прочимъ увѣдомленіе к.-а. Машина о присылкѣ шхуны, съ предоставленіемъ на выборъ — оставить шхуну или пароходъ Ураль и о приказаніи, данномъ начальнику ас-

трабадской станціи, объ отправлениі въ распоряженіе экспедиції парохода Волга, или-же одной баржи. При этомъ адмиралъ Машинъ просилъ, въ случаѣ возможности, отослать излишнія суда немедленно въ Астрахань, гдѣ оказывалась въ нихъ настоятельная надобность.

По приѣздѣ на Баку, были также получены съ Челекеня письма отъ Ана-Хасана и Салихъ-хана. Послѣдній извѣщалъ о неудачныхъ стараніяхъ своихъ нанять верблюдовъ и лошадей для экспедиціи и о томъ еще, что атрекскіе и балхансіе кочевники не расположены, будто-бы, въ нашу пользу и цѣлое войско, подъ начальствомъ Миришь-бая и Ходжи-Нязъ-муллы, идетъ съ Атрека, съ намѣреніемъ насъ ограбить. Предполагая, что мы находимся на Красноводской косѣ, Салихъ-ханъ совѣтовалъ выставить караулъ на перешейкѣ Кески.

Пріѣзжавшій сюда торговецъ изъ Гассанъ-Кули подтвердилъ эти слухи.

Свѣдѣній отъ хановъ, посланныхъ въ Балханы, для найма верблюдовъ, еще не получено.

Кромѣ отсутствія необходимаго числа верблюдовъ, для дальнѣйшаго похода берегомъ, оказался еще недостатокъ въ уксусѣ, спиртѣ, мукѣ, перцѣ, хрѣнѣ для цынготныхъ, также и въ другихъ вещахъ, какъ въ боченкахъ для воды, веревкахъ, подковахъ и проч., почему начальникъ экспедиціи и предположилъ отправить немедленно шхуну за этими припасами въ Александровскій фортъ.

При свиданіи съ командиромъ шхуны, было рѣшено, что послѣдняя, имѣя всего 1,500 пуд. угля, не можетъ сдѣлать съ этимъ количествомъ топлива 2 рейса въ фортъ и обратно и должна, поэтому, дождаться прихода сюда парохода Ураль, чтобы взять съ него до 3,000 пуд. угля. Пароходъ, въ этомъ случаѣ, пойдетъ въ Астрахань черезъ Баку, чтобы запастись тамъ топливомъ; а шхуна, сдѣлавъ рейсъ въ Александровскій фортъ, вернется въ Красноводскій заливъ тоже

черезъ Баку, гдѣ, въ свою очередь, возьметъ уголь, нужный для слѣдованія къ Атреку. Пароходъ Ураль еще не пришелъ. Жаръ доходилъ до 36° по Реом. въ тѣни. Больныхъ 10 человѣкъ, преимущественно поносомъ.

Впродолженіи пребыванія нашего на Бурнакѣ, пурчикъ Старковъ, составилъ генеральный планъ укрѣпленія, а топографъ Новиковъ снялъ Кувадагскую долину въ масштабѣ 250 сажень. Здѣшняя глина, по опытамъ поручика Старкова, оказалась совершенно годною, для кирпичей; равнымъ образомъ оказалась хорошихъ качествъ и мѣстная извѣстка.

18-го іюня. Парохода еще нѣть. Жаръ усилился 2-мя градусами. Вѣтру не было. Духота утомила всѣхъ. Число больныхъ не увеличилось.

19-го іюня. Въ полдень прибыла съемочная партия пурчика Скрябина, совершивъ путь, берегомъ Балханскоаго залива, совершенно благополучно.

Черезъ 3 часа послѣ того пришелъ пароходъ Уралъ. На немъ доставлены отъ барона Врангеля разныя вещи, какъ-то: стеклянные ковши, стаканы и пр., также шелковые, парчевые материи и ситцы разныхъ сортовъ, всего на 352 р.

Дано предписаніе командиру парохода о сдачѣ имъ на шхуну всего угля, полученного въ Баку, за исключеніемъ необходимаго для обратнаго слѣдованія его въ Бакинскій рейдъ. Также предписано передать командиру шхуны 12-тивесельную лодку, буксированную пароходомъ. Изъ Баку пароходъ имѣетъ отправиться, согласно требованію командающаго каспійскою флотиліею, въ Астрахань.

20-го іюня. Перегружался уголь съ парохода на шхуну.

Вечеромъ сданы на пароходъ Уралъ 2 пакета — одинъ на имя начальника главнаго штаба кавказской арміи для сдачи въ Баку на почту, а другой — на имя контрѣ-адмирала Машина, для доставленія въ Астрахань. Въ 1-мъ сообщалось, что всѣ съемочные работы, по приведеніи ихъ въ порядокъ, передаются подполковнику Бернову, для

скопированія, равно сообщаются ему и всѣ свѣдѣнія статистической и этнографической, собираемыя о Туркменахъ. Во 2-мъ начальникъ экспедиціи увѣдомлялъ, что по окончаніи береговой съемки Карап-Бугаза и при постепенномъ уменьшении продовольственныхъ запасовъ, не предвидится болѣе надобности въ баржѣ съ астрabadской станціи, что береговые промѣры производились, гдѣ предстояла въ нихъ надобность, прaporщикомъ Абрамовы мъ, по его вызову, на шестеркѣ съ баржи № 4, при содѣйствіи топографовъ экспедиціи, опредѣлявшихъ углы промѣрныхъ линій, — и напоказъ, что Салихъ-ханъ до сего времени не только не оказалъ экспедиціи никакого содѣйствія, но и не прїѣхалъ еще сюда. Командиру шхуны Персіянинъ, также переданы два пакета: одинъ на имя коменданта Александровскаго форта, и другой почтовый, для отправленія изъ форта, на Гурьевъ, въ Ореабургъ. Въ предписаніи коменданту поручалось отпустить, втечениіи одного дня, разныхъ, какъ упомянутыхъ выше, такъ и другихъ принадлежностей по особому списку, сдать на шхуну одинъ 3-хъ фунт. единорогъ съ передкомъ, съ 50-ю зарядами (30 съ картечью и 20 съ гранатами), въ видахъ большей безопасности при слѣдованіи въ Балханы, и отправить одного кузнеца съ необходимыми инструментами. Для пріема означенныхъ предметовъ командированъ поручикъ Шлите ръ.

Также посланы въ фортъ 4 больныхъ нижнихъ чиновъ, страдающихъ: 1 скорбутомъ, 2 лихорадкою съ желтухой и 1 изнурительнымъ поносомъ, которыхъ, по удостовѣренію медика, было-бы опасно оставлять здѣсь. Ихъ поручалось коменданту замѣнить здоровыми чинами.

Въ почтовомъ пакетѣ было послано донесеніе генераль-губернатору, въ которомъ между прочимъ писалось:

1) Если не удастся посланнымъ въ Балханы нанять верблюдовъ, то во всякомъ случаѣ предполагается идти туда, но только врядъ-ли возможно будетъ пройти оттуда прямо сухимъ путемъ на Атрекъ. Имѣющіеся нынѣ верблюды — не

подымутъ мѣсячнаго запаса продовольствія; если-же, по приходѣ на Балханы и можно будетъ пріобрѣсти верблюдовъ, волею или неволею, то неизвѣстно удастся-ли подвести на нихъ со шкуны осталнной запасъ черезъ безводный полуостровъ Дарджу, отъ того мѣста, гдѣ шхуна можетъ, по распросамъ, подойти довольно близко къ берегу. При этихъ затрудненіяхъ, останется возвратиться къ колодцу Балкую и снять берегъ до Атрека, высаживаясь только въ удобныхъ мѣстахъ.

2) При слѣдованії экспедиціі берегомъ, начальникъ астрабадской морской станціі могъ-бы оказать содѣйствіе высылкою на встрѣчу небольшаго отряда, о чмъ и предполагается просить его, но, сколько извѣстно отъ флотскихъ офицеровъ шхуны и парохода, на станціі не имѣется въ настоящее время никакихъ къ тому средствъ.

3) Въ ожиданії возвращенія шхуны предполагается изслѣдоввать еще другое подъ заселеніе мѣсто, совершенно открытое, въ западномъ углу Красноводскаго залива. Если окажется тутъ, при рѣтіи колодцевъ, прѣсная вода, то и этотъ пунктъ можетъ быть хорошъ.

21-го іюня. Шхуна и пароходъ снялись сегодня утромъ съ якоря и вышли изъ бухты. Шхуна на разсвѣтѣ, а пароходъ часу въ восьмомъ.

Начата съемка пространства, предположеннаго подъ укрѣпленіе, въ масштабѣ 50 саж. въ дюймъ.

Получено письмо отъ Маметъ-Сафы. Содержаніе его въ буквальномъ переводе слѣдующее:

«Послѣ разлуки съ вами, черезъ три дня, мы пришли къ Чорвамъ, но они не могли дать намъ единодушнаго отвѣта. Старшины ихъ находятся на Канинглы и Аджри: туда отправилъ я посыльного, до возвращенія-же его, ничего рѣшительнаго сказать нельзя. Наняли его за 6 руб. Ямуды хорошаго ничего не говорятъ, но поѣхавшіе со мной ханы сдѣлали имъ много полезныхъ внушеній. Человѣку, отправленному посыльнымъ, сроку дано 6 дней. Съ береговъ Гюргени вер-

нулись жнецы, но новостей никакихъ не сообщаютъ, говорить только, что Салихъ-ханъ не могъ достать верблюдовъ. Если-же здѣшній народъ соединится въ мысляхъ, то верблюды найдутся. Но пріѣздъ нашего посыльного, пошлемъ его къ вамъ, прежде нашего возвращенія. Еще слово: будьте осторожны, народу много, нельзя знать, что у него на умѣ; пока нась честять, знаютъ, что идутъ Русскіе, боятся и только, а больше сказать нечего.»

Больныхъ въ отрядѣ нѣтъ, кромѣ нѣсколькихъ человѣкъ, имѣющихъ поносъ, по удостовѣренію доктора, незлокачественный, а происходящій отъ употребленія перемѣнной воды. Жаръ поддерживается въ одинаковой степени.

22-го іюня. Начальникъ экспедиціи, гг. Алексѣевъ, Берновъ, Галкинъ, Ильинскій и Старковъ отправились въ 9-мъ часу утра на баржѣ, по направленію къ западному углу Красноводскаго залива. Сухимъ-же путемъ выступили туда, на разсвѣтѣ, сотникъ Мартыновъ съ 40 казаками. По прибытии его на Красноводскую косу, къ мысу Акъ-Джаръ, поручено ему очистить нѣсколько старыхъ копаний, находящихся на самомъ берегу моря.

Во 2-мъ часу по полудни баржа вошла въ небольшую бухту, образуемую между горой Кайпата и восточнымъ берегомъ косы, и встала на якорь, саженяхъ въ 200 отъ берега. Впродолженіи всего пути, по отсутствію попутнаго вѣтра, она должна была лавировать. Сѣхали на берегъ на 12-ти-весельной лодкѣ. Лодка, по мелководью, также не могла подойти къ самому берегу. Прапорщикъ Марышевъ, оставленный капитаномъ Ивашинцевымъ, при экспедиціи, для производства промѣровъ, отправился на шестеркѣ въ бухту, но сѣверный вѣтеръ заставилъ его вернуться. Сотникъ Мартыновъ опередилъ баржу нѣсколькими часами. Подъ его наблюденіемъ, были уже вырыты нашими казаками и Туркменами отряда З колодца, но вода оказалась въ нихъ горько-соленая. Лошади пили только изъ одного изъ нихъ и то мало. Были вырыты еще два

колодца, одинъ въ 250 шагахъ отъ старыхъ копаний, а другой — подъ каменистымъ берегомъ мыса Акъ-Джаръ, на глубинѣ сажени. Въ обоихъ показалась вода, горько-соленая.

Мысъ Акъ-Джаръ и ближайшіе высоты состоятъ изъ песку, покрытаго кустарникомъ и порядочнымъ кормомъ для лошадей и верблюдовъ; у самаго берега, почва песчаная съ ракушей. Растеть довольно много аксяляу. Мѣсто это лежитъ отъ Балкую верстахъ въ 10-ти.

Около одного бархана, подъ кустами аксяляу, найдена была куча деревянныхъ четвероугольныхъ досочекъ, вершка въ 2 въ квадратѣ. Дерево это въ родѣ пальмы — называется Чымчать, вывозится изъ Персіи и идеть на гребни.

Осмотрѣвъ Акъ-Джаръ, возвратились къ вечеру на баржу.

Сотнику Мартынову дано приказаніе вернуться на Балкую тѣмъ-же путемъ, завтра утромъ.

23-го іюня. Съ 5-ти часовъ утра, прaporщикъ Марышевъ началъ промѣръ бухты и кончилъ къ 10-ти часамъ. Бухта оказалась очень хорошею по глубинѣ и въ особенности къ сторонѣ ур. Кайпата.

Черезъ часъ, въ 11 часу по полудни, снялись съ якоря и пошли съ легкимъ попутнымъ вѣтромъ въ обратный путь. Во 2-мъ часу по полудни пристали къ Балкую.

Въ отрядѣ было все благополучно. Сотникъ Мартыновъ возвратился тогда-же. Такжे прибылъ посыльный отъ Ана-Хасана, съ извѣщеніемъ о прѣздѣ на Челекенъ Салихъ-хана и о намѣреніи его явиться завтра. Еще получено новое письмо отъ Маметъ-Сафы. Относительно найма верблюдовъ, въ немъ ничего положительного не сообщалось: «мнѣнія Ямудовъ были раздѣлены».

Привезшій письмо, Тоганъ-Дурды-шайхъ, изъ Аджры, отстоящаго отъ Карадурена (гдѣ находится Маметъ-Сафа), въ трехъ переходахъ влѣво отъ Балханъ, на распросы объяснилъ, что ямудскіе старшины дѣ-

лаютъ добрыя внушенія, но множество людей дерзкими рѣчами стараются имъ противодѣйствовать и что до ожидаемаго пріѣзда другихъ еще старшинъ: Уразъ-Мурадъ-Кюра и Аманъ-Гельды-шайхъ нельзя пока знать можно ли будеть достать верблюдовъ.

Въ окрестностяхъ Балхановъ насчитывается теперь около тысячи кибитокъ. Есть слухъ, что Кучакъ-ханъ, младшій братъ Черкесъ-хана, захваченнаго Русскими, по подозрѣнію въ грабежахъ, ушелъ на Атрецъ, съ намѣреніемъ собрать шайку для нападенія на нашъ отрядъ.

24-го іюня. Утромъ выступилъ подпоручикъ Алексѣевъ, подъ прикрытиемъ 30-ти казаковъ, для снятія пространства между колодцами Касынъ, Сюйли и Сульменъ, оставшагося не снятымъ между съемками поручика Скрябина и подпоручика Рыбина.

Во 2-мъ часу по полудни, пріѣхали ханы Салихъ и Ана-Хасанъ. Ихъ принялъ переводчикъ экспедиціи. Они разбили холщевую палатку въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нашего лагеря.

Ана-Хасанъ предъявилъ подлинное письмо къ нему отъ Таганъ-Казы, который извѣщалъ, что письмо начальника экспедиціи имъ получено, и что сына своего Яру-Муллу, ожидаемаго домой черезъ три дня, онъ немедленно пришлетъ. Письмо оканчивалось увѣреніями въ дружбѣ и преданности.

Кадыръ-ханъ, по словамъ означенныхъ сына и племянника его, тоже пріѣхалъ на Челекень и завтра будеть сюда.

Начальникъ экспедиціи принялъ ихъ вечеромъ, въ 8 часу, во время стрѣльбы въ цѣль штуцерной команды. Стрѣляли на разстояніи 600 и 900 шаговъ весьма удачно: на первой дистанціи изъ 50 выстрѣловъ, попало въ мишень 28 пуль, а во второй изъ того-же числа 17. Нѣкоторые Туркмени смотрѣли недовѣрчиво на стрѣльбу, имъ не вѣрилось, чтобы на такомъ разстояніи можно было попадать въ цѣль. Имъ

показали избитую пульми мишень, и это произвело на нихъ желаемое впечатлѣніе.

Вечеромъ, когда смерклось, былипущены, для пробы, 3 боевые ракеты и 7 сигнальныхъ, въ видѣ привѣтствія хановъ, по случаю ихъ прїѣзда. Пущенные къ морю боевые ракеты летѣли очень удачно, несмотря на сильный боковой вѣтеръ, двѣ изъ нихъ лопнули въ воздухѣ. Ханы выражали свое удивленіе, но вскорѣ замѣтили, что непріязненные туркменскія шайки никогда не нападаютъ днемъ, а обыкновенно ночью, внезапно.

Передъ фейерверкомъ Салихъ-ханъ объяснилъ, но очень непослѣдовательно и какъ-бы теряясь въ словахъ, что астраханскій военный губернаторъ, отпуская его изъ Астрахани, сказаль, что онъ получить отъ начальника астрабадской станціи свѣдѣніе, сколько именно и когда понадобятся для экспедиціи верблюды и лошади, но к.-л. Лихаревъ не далъ ему этихъ свѣдѣній; согласно-же слышанному отъ контрѣ-адмирала Малина, что понадобится примѣрно до 20 лошадей и 30 верблюдовъ, купилъ было 15 лошадей; но когда узналъ, что при экспедиціи есть и верблюды и лошади, то продалъ тогда-же всѣхъ купленныхъ.

Начальникъ экспедиціи отвѣчалъ, что ему дѣйствительно не нужны лошади, а только одни верблюды, за которыми и поѣхали посланные въ Балханы. Если-же они не найдутъ верблюдовъ, то онъ обойдется безъ нихъ и будетъ продолжать движеніе на Балханы и оттуда къ Атреку съ имѣющими-ся верблюдами. Пріобрѣсти-же добавочныхъ верблюдовъ желалъ-бы съ цѣлью скорѣйшаго, слѣдованія навыочивая ихъ легче.

Затѣмъ, на слова Салихъ-хана о желаніи благополучнаго и безопаснаго намъ слѣдованія на Балханы, — отвѣчалъ, что и не ожидаетъ непріязненнаго противъ насъ дѣйствія со стороны Туркменъ, потому что самъ ничего противъ нихъ не замышляетъ, обходится со всѣми дружно и награждаетъ всякаго соразмѣрно услугѣ; если-же какіе-ни-

будь неблагонамѣренные и вздумаютъ напасть, то, конечно, они-же сами будутъ въ томъ раскаяваться.

По пріѣздѣ вечеромъ съ баржи г. Бернова, Салихъ-ханъ передалъ ему письмо отъ к.-л. Лихарева, который извѣщалъ объ отправленіи сюда Кадыръ-хана, поручалъ его вниманію экспедиціи, обѣщалъ выѣхать на встрѣчу на пароходѣ въ Гасанъ-Кулъ и въ заключеніе просилъ содѣйствія экспедиціи въ выручкѣ захваченныхъ у него 7 матросовъ, о чёмъ упоминалось выше. Изъ нихъ Туркмены возвратили покуда одного и хотѣли прислатъ еще двухъ.

25-го іюня. На разсвѣтѣ вышла отсюда баржа для производства новыхъ промѣровъ въ бухтѣ Кызылъ-Су на оконечности Красноводской косы. Подполковникъ Берновъ остался на баржѣ.

Салихъ и Ана-хасанъ прислали утромъ нѣсколько дынь и родѣ жидкой пастилы темно-коричневаго цвѣта, называемой нарау. Она дѣлается изъ гранатъ. Разведенная въ водѣ даетъ пріятный кислый напитокъ. Дыни, привезенные съ Атрека еще не поспѣли. Лучшіе дыни и арбузы рождаются на Огурчинскомъ островѣ и на Красноводской косѣ; на Челекени имѣютъ они солоноватый вкусъ. Вечеромъ ханы принесли еще дыни, сушеную рыбу и икру. Послѣдняя дурно приготовлена и невкусна. Она приготавливается на Атрекѣ, гдѣ ловится икряная рыба; здѣсь-же и далѣе къ сѣверу попадается икряной рыбы мало.

Салихъ-ханъ интересовался участіемъ своего брата Ань-Мамета, воспитывавшагося въ Россіи и служащаго въ какомъ-то кавалерійскомъ полку. Онъ участвовалъ, будто-бы въ послѣдней нашей войнѣ, о чёмъ писалъ имъ съ небольшимъ годомъ тому назадъ изъ Харькова. Въ Россіи были еще его братъ и братъ Ана-Хасана, но они, по слухамъ, умерли. Затѣмъ, за чаемъ съ ромомъ (онъ, какъ и Ана-Хасанъ, большой охотникъ до вина), Салихъ говорилъ, что онъ и отецъ его Кадыръ-ханъ желають искренно, чтобы Русскіе укрѣпились на Красноводской косѣ и еще на Серебрян-

Салихъ-Ханъ, внукъ Кіатъ-Аги.

номъ бугрѣ. Послѣдній съ ближайшими окрестностями составляетъ, будто-бы, неотъемлемую собственность Кадыръ-хана, и онъ намѣревался было предложить, черезъ кан. Лихарева, мѣстность эту Государю Императору, но, услышавъ отъ него, Салиха, о снаряженіи экспедиціи, пріостановился, съ цѣлью просить о семъ начальника экспедиціи. На означенномъ Серебрянномъ бугрѣ, по словамъ Салиха, есть и хорошая вода, и порядочная растительность. Англичане домогались купить его, но имъ Кадыръ не довѣряетъ. Когда украйняются здѣсь Русскіе, добавилъ Салихъ, то и Туркмены присмируются; теперь-же думаютъ они, что Русскіе идутъ только для того, чтобы ихъ ограбить и выжечь аулы. «Это все Салихъ—говорятъ они—былъ въ Астрахани и къ намъ войну тащилъ.»

На счетъ Серебряннаго бугра начальникъ экспедиціи отвѣчалъ, что если Кадыръ дѣйствительно предложитъ его, то обѣ этомъ будетъ донесено Государю Императору.

Салихъ и Ана-Хасанъ ужинали у насъ, и ихъ позвали еще завтра къ обѣду.

Вечеромъ получено было письмо отъ Маметь-Сафы, съ обратнаго уже пути съ извѣстіемъ, что нанято 100 верблюдовъ и при нихъ ъдуть нѣсколько старшинъ.

26-го іюня. Въ 11-мъ часу утра пріѣхали Маметь-Сафа и всѣ посланные вмѣстѣ съ нимъ въ Балханы. Они привезли съ собой балханскихъ старшинъ, къ которымъ на встрѣчу были посланы переводчики экспедиціи и Ишанъ съ верховыми лошадьми.

Начальникъ экспедиціи вышелъ къ пріѣхавшимъ старшинамъ на встрѣчу, и потомъ, когда всѣ размѣстились въ кибиткѣ, въ которую пришли также Салихъ и Ана-Хасанъ,—благодарилъ старшинъ за доставленіе верблюдовъ и на слова, что балханскіе жители боятся нашихъ войскъ, объяснилъ что у насъ войска мало и взято только для огражденія себя отъ тѣхъ непріязненныхъ Туркменъ, которые, не зная о нашихъ

добрыхъ намѣреніяхъ, вздумають напасть на нась. Затѣмъ слѣдовало угощеніе.

27-го іюня. Утромъ были одарены юздиншие въ Балханы ханы за оказанное усердіе по найму верблюдовъ: Кучакъ и Гельды халатами, а остальные сукномъ на халаты.

Они всѣ предъявили при этомъ, что данныхъ верблюдовъ Балханцы не рѣшаются отпустить на Атрекъ, и дали единственно для слѣдованія въ Балханы. Извѣстный Миришь-бай, прибавили ханы, ожидается въ Балханы къ празднику байрамъ. Онъ очень богатъ, имѣеть кочевья на Балханахъ и на Атрекѣ; «а богатые всѣ благонамѣренны» сказали они. Къ тому сынъ Мириша угощалъ ихъ въ кибиткѣ отца, почему и можно поручиться за послѣдующія благонамѣренныя дѣйствія Мириша. «Что было прежде, не знаемъ, а теперь будетъ хорошо.» Такъ убѣждали они въ возможности движенія на Атрекъ.

Затѣмъ начальникъ экспедиції принималъ пріѣхавшихъ съ Балханъ старшинъ, Ямудовъ: 1) упомянутаго Уразъ-Мурадъ-Кюра, 2) Дуглы-хана (тесть Салихъ-хана) 3) Диванэ, 4) Нефесъ-Казака, 5) Нуръ-Мамета, 6) Ана-Клыча и 7) Куонъ-муллу. Всѣ они очень пожилые, за исключеніемъ Ана-Клыча.

На привѣтъ говорили о неудобствахъ, встрѣченныхъ при наймѣ верблюдовъ, объясняя тѣмъ, что нѣтъ у Туркменъ одной сосредоточенной власти и что предстояло потому убѣждать каждого порознь. Высказывали также опасенія на счетъ нападенія на насъ Теке и Гоклановъ съ Гюргени и обѣщали въ этомъ случаѣ содѣйствіе свое силою и даже деньгами. «У насъ есть, сказалъ Дуглы-ханъ, и хорошие люди и дурные (собаки); на первыхъ можно дѣйствовать золотомъ, а на послѣднихъ силою.»

Начальникъ экспедиції выдалъ имъ, въ знакъ благодарности, первому халатъ, двумъ послѣдующимъ по сукну на халаты, а остальнымъ плису на шаровары, ситцу на рубашки и по кушаку. Когда были разданы эти подарки, Туркмены встали, сотовили молитву и потомъ, поблагодаривъ, разошлись.

Нефесь-Казакъ, какъ оказалось послѣ, былъ недоволенъ данными ему подарками на томъ основаніи, что онъ родственникъ очень влиятельного въ Балханахъ Валибая и потому долженъ, будто, получить тоже, что получилъ-бы самъ Валибай, еслибы находился здѣсь, т. е. не болѣе, какъ сукно на халатъ.

Онъ отказался отъ своего подарка и хотѣлъ было увести своихъ 30 верблюдовъ. Чтобъ не ссорится съ Туркменами въ самомъ началѣ сношеній, начальникъ экспедиціи выдалъ ему желанное сукно.

Послѣ обѣда явился юздиншій съ письмомъ и подарками къ Таганъ-Казы, Ніязъ-Маметъ. Онъ сообщилъ, что Таганъ-Казы былъ очень доволенъ подарками и послалъ за своимъ сыномъ на Атрекъ. Ніязъ-Маметъ извѣстенъ, какъ отличный лоцманъ и взялся вести наши суда къ сѣвернымъ берегамъ Балхансаго залива, по мѣстамъ малоизвѣстнымъ.

Сегодня дулъ сильный сѣверный вѣтеръ, и жаръ спалъ съ 36° до 17.

Ана-хасанъ поѣхалъ за Кадыръ-ханомъ на Челекень.

Салихъ-ханъ ужиналь у насъ. Ему даны въ подарокъ большой серебряный стаканъ и для его невѣсты, сестры Кучакъ-хана, женскій рабочій, жестяной ящикъ.

Говоря о кочевьяхъ своихъ и другихъ хановъ на Атрекѣ и Челекени, онъ часто упоминаль о ильиныхъ, называя ихъ своими крестьянами.

Салихъ-ханъ опасается похода въ Балханы: труситъ и за себя (онъ вызывается идти при отрядѣ), и за насъ.

28-го іюня. Сегодня возвратились баржа и съемочная партия подпоручика Алексѣева.

По случаю байрама, выдано Туркменамъ, находящимся здѣсь, 10 барабановъ замиообразно и еще столько-же въ подарокъ.

Балханскіе Туркмены начали предъявлять разныя условія по найму данныхъ ими верблюдовъ. Поручено переводчику

условиться окончательно на счетъ цѣни найма и платы верблюдовожатымъ. Съемка мѣста подъ укрѣпленіе, въ масштабѣ 50 с., кончена.

29-го іюня. Сдѣланъ уговоръ съ ямудскими старшинами въ наймѣ верблюдовъ. Цѣна за верблюда положена по 9 р. сер. въ мѣсяцъ съ правомъ расчета и отпуска ненужныхъ верблюдовъ по истечениі 10 дней. На всѣхъ 102 верблюдовъ, опредѣлено имѣть 20 верблюдовожатыхъ, съ платою каждому по 3 руб. сер. въ мѣсяцъ. Старшины предположили при томъ посыпать отъ себя конные караулы впередъ за 100 верстъ по приходѣ на Балханы, въ видахъ нашей защиты и въ предположеніи, что у насъ мало войска; при этомъ они спросили, какъ должны дѣйствовать эти караулы, прогонять шайки, или платить, чтобы не нападали. Имъ было объявлено, что они напрасно беспокоятся обо всемъ этомъ.

Прапорщикъ Марышевъ, посредствомъ призмозеркального круга, дѣлалъ опредѣленія высотъ прибрежныхъ Кувадагскихъ горъ, для составленія профилей къ проекту укрѣпленія.

30-го іюня шхуна еще не пришла. Вечеромъ было пущено нѣсколько ракетъ, а нижніе чины отряда пѣли и играли въ чехарду и другія игры. Передъ тѣмъ стрѣляли въ цѣль изъ револьверовъ. Пистолеты эти и мѣткая стрѣльба изъ нихъ на дальнемъ разстояніи удивляли Туркменъ.

Салихъ-ханъ получилъ вечеромъ письмо отъ отца Кадыръ-хана съ Челекеня, съ просьбою, чтобъ онъ послѣшилъ извѣстить, когда и гдѣ Кадыръ-хану удобнѣе явиться къ начальнику экспедиціи. Посланный отъ Кадыра разошелся съ лодкой Ана-хасана, юхавшаго за нимъ.

1-го іюля. Изъ Балханъ получено извѣстіе, слышанное отъ одного туркменского торговца, возвратившагося изъ Хивы, что суда нашей Аральской флотиліи, подъ начальствомъ капитана 1-го р. Бутакова, вошли въ Амударью, бросили якоря у Кунграда и начали вводить въ него войска, въ числѣ 25 тысячъ человѣкъ — такъ говорили въ Хивѣ.

Сегодня подуль опять съверный вѣтеръ и сдѣлалось прохладнѣе, чѣмъ обыкновенно.

Изъ пріѣхавшихъ съ Балханъ, стирикъ Уразъ-Муратъ-Кюръ началь высказываться. Оказалось, что онъ знаетъ направлениe старого русла Аму, по которому ѿздилъ въ Хиву. Въ самомъ руслѣ или по берегамъ его есть почти вездѣ на разстоянїи переходовъ, отъ 15—30 верстъ, колодцы съ прѣсною водою. Всего встрѣчается только 4 солоноватыхъ колодца и 3 перехода, примѣрно вдвое большихъ, безъ воды. Уразъ-Муратъ полагаетъ, что при срытїи плотины у Куня-Ургенча вода непремѣнно пошла бы по-прежнему руслу.

Кромѣ того онъ сообщилъ маршруты въ Хиву отъ Атрека и Гюргени.

2 и 3-го іюля. Пріѣхаль съ Челекеня Ана-Хасанъ. Кадыръ єдетъ за нимъ на другой лодкѣ.

4-го іюля. Ана-хасанъ слышалъ на Челекени, что шхуна Персіянинъ и пароходъ Уралъ, по выходѣ отсюда, стояли 2-е сутокъ у острова. Причина сего неизвѣстна; допустить-же, чтобы суда попали на идущую отъ Челекена далеко въ море отмель нельзѧ, потому что, по слухамъ, они не стояли на одномъ мѣстѣ, а передвигались.

О шхунѣ нѣть никакихъ извѣстій.

Жаръ доходилъ сегодня до 36° въ тѣни.

5-го іюля. Вечеромъ пріѣхаль Кадыръ-ханъ.

6-го іюля. Начальникъ экспедиціи принималъ утромъ Кадыръ-хана. Онъ былъ въ жалованномъ халатѣ изъ термаламы, съ золотой медалью на шеѣ и съ украшенными каменьями кинжаломъ, пожалованными ему въ бытность Кадыра въ Петербургѣ, по окончаніи экспедиціи г. Карелина, которому онъ сопутствовалъ.

Кадыръ-ханъ также показалъ, что шхуна съ пароходами стояла у Челекена. Онъ сказалъ еще, что оттуда пойдетъ на днахъ въ Баку лодка одного торговца—армянина. Пользуясь этимъ, начальникъ экспедиціи отправилъ

на Челекенъ, для передачи армянину, пакетъ на имя начальника бакинской морской станціи. Начальникъ экспедиціи уведомлялъ о неприходѣ шкуны и о тѣхъ затрудненіяхъ, въ которыхъ поставлена вслѣдствіе того экспедиція, почему, для выигранія времени, просилъ о высылкѣ другаго парового судна.

7-го іюля. Кадыръ-ханъ повторилъ желаніе, выраженное его сыномъ, о представлениі въ распоряженіе Государя Императора родовой его земли, лежащей при устьѣ р. Гюргени, извѣстной подъ именемъ серебрянаго бугра (Гюмішъ-Тюп), съ окрестностями.

8-го іюля. Сего дня Кадыръ представилъ прошеніе на Высочайшее Имя, съ объясненіемъ вышесказанного желанія. Содержаніе прошенія слѣдующее:

«Великому, правосудному, имѣющему обширнія владѣнія, какъ Соломонъ, мудрому, какъ Лукманъ, побѣдоносному, какъ Искендеръ, щедрому, какъ Хатими-Тай, Царю Царей и Государю Государей, Великому Императору Александру Николаевичу, Царствованіе Котораго Господь да сохранить на вѣки.»

«Тукменскаго хана Кыдыръ-Мухаммедъ-хана Ніязова.

«Всеусерднѣйшее прошеніе.»

«Отецъ мой, покойный Кыятъ-ханъ, не щадя имущества и жизни, служилъ Россійскимъ Государамъ и всегда словомъ и дѣломъ училъ своихъ дѣтей служить Имъ.»

«Съ тѣхъ поръ, мы дѣти Кыятъ-хана, служили послѣдовательно тремъ Государамъ. Они благосклонно принимали нашу службу и оказывали намъ правосудіе и милости.»

«Междутѣмъ наша страна, будучи безъ главы, съ каждымъ годомъ болѣе разстраивается. Туркмены не повинуются одному хану, — добрые люди, не находя опоры, не могутъ наслаждаться благами жизни, злые, не боясь никакого суда и расправы, дерзко дѣлаютъ набѣги, убиваютъ, грабятъ, берутъ въ плѣнъ, пресѣкаютъ торговые пути; зло усилилось, добро подавлено. По случаю смятеній и междуособій въ Хивѣ,

Видъ Серебрянаго бугра.

прекратились и торговые сношения между Хивой и Туркменами.»

«Оплакиваю такое положение, куда мы ни обратим взоры, нигдѣ не можемъ найти врачеванія злу, кроме Великихъ Государей Россіи. По сему всеусерднѣйше просимъ Великаго Государя Императора, чтобы Онъ обратилъ милостивый взоръ на насъ — дѣтей Кыятъ-хана и на всѣхъ Туркменъ, принялъ бы участіе въ нашихъ горестяхъ, благоустроилъ-бы безпопрядочное положеніе нашей страны, учредилъ школы для духовнаго и общежительнаго образованія нашихъ и всѣхъ Туркменскихъ дѣтей, покровительствовалъ добрымъ, удерживалъ отъ дурныхъ поступковъ злыхъ людей стражемъ Своего гнѣва и, отправляя изъ Своего государства необходимые для пищи и одежды товары, повелѣлъ-бы обмѣнивать ихъ на Туркменскіе скотъ и произведения, и такимъ образомъ обогатилъ-бы нашу страну.»

«Вторая просьба наша слѣдующая: есть у насъ наслѣдственное владѣніе, земля между рр. Гургенемъ и Атрекомъ, известная подъ именемъ Серебрянного бугра,—эту землю съ окрестностями мы повергаемъ къ стопамъ Великаго Государя Императора и просимъ, дабы Государь Императоръ благоволилъ не презрѣть нашего малаго представленія, но почтить насъ благосклоннымъ принятиемъ онаго, и на этой землѣ, или гдѣ угодно будетъ, для исполненія вышеупомянутыхъ и другихъ благъ Туркменамъ, повелѣлъ-бы устроить главное заведеніе и предпріятія, какія Богъ положитъ на Его Царское сердце, чѣмъ оказаль-бы Государь Императоръ всей Туркменской странѣ истинно-отеческую милость.

«Писаль и печать приложилъ Кыдыръ-Мухаммедъ-ханъ Нязовъ, въ лагерѣ близъ Красноводскаго залива 1275 года Гиджры, 18 дня, мѣсяца Зульхиджэ (1859 г. 8-го іюля).»

Вечеромъ Балхансіе верблюды, отогнанные, по неимѣнію корма около колодцевъ Балкую, на колодцы Бурнакъ, были пригнаны обратно къ лагерю, и старшины просили черезъ Гельдин-хана объ уплатѣ денегъ за верблюдовъ,

такъ какъ прошло уже, говорили они, 10 дней со времени ихъ наемки. Въ настоящемъ домогательствѣ было имъ отказано въ томъ вниманіи, что было условлено уплачивать за каждые 10-ть дней не иначе, какъ при отпускѣ излишнихъ верблюдовъ, что и будетъ исполнено, если окажутся таковы при выступлении въ Балханы. Зная-же какъ вредно долгое бездѣйствіе для отряда, начальникъ экспедиціи положилъ при томъ выступить въ Балханы не позже 11-го числа, въ томъ даже случаѣ, если шхуна и не придется къ этому времени. Продовольствія въ такомъ случаѣ, рѣшено взять всего на 20-ть дней. Между-тѣмъ Ямуды увили верблюдовъ къ уроцищу Уфракъ, сказавъ, что будуть ожидать тамъ приказавія.

9-го іюля, въ 6-ть часовъ утра, шайка хищниковъ, отъ 40 до 50 человѣкъ, спустившаяся ночью въ Кувадагскую долину, по дорогѣ Кукъ-Юль, и засѣвшая въ оврагѣ при подошвѣ горы Чагадамъ, въ $3\frac{1}{2}$ верстахъ отъ берега, бросилась на табунъ, только что выгнанный изъ лагеря, гдѣ онъ собирался на ночь. Хищники выскочили въ ту минуту, когда табунный караулъ, состоявший изъ 13-ти казаковъ, сопѣль съ лошадей и началъ тревожить ихъ. Пѣши казаки не могли удержать шарахнувшагося табуна, но стали отстрѣливаться отъ хищниковъ. Послѣдніе бросились также на солдатъ, посланныхъ для собранія топлива въ горахъ Чагадамъ. Одинъ изъ казаковъ и трое солдатъ были при томъ убиты, трое взяты въ плѣнь. Верблюдовъ погнали хищники береговою дорогою къ уроч. Каипъ-Ата, а лошадей въ гору, не доходя этого мѣста. Получивъ объ этомъ извѣстіе отъ одного изъ казаковъ, успѣвшаго вскочить на лошадь и ускакать въ лагерь, и надѣясь отбить хотя верблюдовъ, такъ какъ хищники должны были, сдѣлавъ обходъ Каипъ-Ата, бѣжать на кол. Бурнакъ,— начальникъ экспедиціи послалъ 25-ть штуцерныхъ на 30-ти верблюдахъ и 4 лошадяхъ, оставшихся въ лагерь. Начальствование отрядомъ было поручено корпусу топографовъ под-

поручику Алексѣеву. Съ нимъ отправились также подпоручики Рыбинъ и Абрамовъ. Отрядъ пошелъ на перерѣзь хищнической шайкѣ по дорогѣ Кукъ-Юлъ на Бурнакъ. Для содѣйствія отряду былъ еще посланъ всѣдѣцъ за нимъ сотникъ Мартыновъ съ пѣшими казаками.

Означенную дорогу Кукъ-Юлъ хищники перевалили камнями: не менѣе того, когда отрядъ взобрался на верхъ, табунъ былъ еще въ виду.

Въ верстахъ 10-ти, за Бурнакомъ, партія штуцерныхъ догнала хищниковъ на ружейный выстрѣль, при чёмъ хищники разсыпались и стали обскакивать партію и стрѣлять. Верблюды были между-тѣмъ сильно измучены, послѣ 30-ти верстнаго, примѣрно, перехода и начали по одиночкѣ отставать; къ тому-же люди должны были то слѣзать съ верблюдовъ, для стрѣльбы, то опять садиться, для погони; по всему этому партія отстала отъ табуна и принуждена была воротиться.

Послѣ отправленія партіи въ погоню, посланы были немедленно два Туркменина за Ямудовскими верблюдами, находившимися на Уфракѣ: возникло подозрѣніе, что верблюдовожатые угнали ихъ вчера съ Бурнака, знаяши о предстоявшемъ нападеніи на табунъ. Подозрѣніе оправдалось: посланные и верблюды не возвратились. Поэтому подъ вѣчеръ былъ еще посланъ въ этомъ направлениѣ Гельдышанъ. По всему видно, что Балханскимъ старшинамъ, бывшимъ въ лагерѣ, и нѣкоторымъ Челекенскимъ было извѣстно о приближеніи шайки. Одинъ изъ Балханскихъ старшинъ, не разъ упомянутый Уразъ-Мурадъ-Кюръ, выѣхавъ съ нашей партіею, въ виду всѣхъ передался къ хищникамъ и дѣйствовалъ потомъ все время за одно съ ними. Другой Диранъ скрылся изъ лагеря во время тревоги, незамѣтно.

Вся хищническая шайка была изъ Ямудовъ, кочующихъ между большимъ и малымъ Балханами. Нѣкоторые изъ нихъ были узнаны, именно: начальникъ шайки Дугды-Тумачъ,

Каингъ, младший братъ Уразъ-Мурата, Ана-Гельды и Ходжа-Нефесъ—всѣ изъ Каренджиковъ.

Вчера и сегодня было замѣчено, что число Туркменскихъ лодокъ у Красноводской косы за мысъ Акъ-Джаръ значительно увеличилось. По подозрѣнію, что суда эти дѣйствуютъ сообща съ шайкой хищниковъ и имѣли цѣлую дать имъ убѣжище, въ случаѣ неудачи нападенія,—было приказано баржѣ отправиться къ Акъ-Джару, осмотрѣть и привести подозрительныя суда. Баржа возвратилась чрезъ нѣсколько часовъ и привела одну лодку, люди которой пустились было бѣжать при ея приближеніи. Однако они оказались известными Кыдыръ-хану, и, по его представительству, были отпущенены. Пріѣхали они на косу съ Челекена за водою. Друггія же лодки были безъ людей, которые, по всей вѣроятности, разошлись.

Часу въ 6-мъ по полудни, съ возвращеніемъ отряда, посланного въ преслѣдованіе хищниковъ, были преданы землѣ, въ Кувадагской долинѣ, трое изъ убитыхъ на мѣстѣ и 1 умершій уже здѣсь отъ 10 ранъ, нанесенныхъ гдѣ и какъ попало. Другіе были также безчеловѣчно изуродованы. Всѣ чины экспедиціи присутствовали при погребеніи. При этомъ было сдѣлано 3 ружейныхъ залпа. Могила опредѣлена на картѣ. Изъ опасенія же, чтобы Туркмены не вырыли убитыхъ, никакого знака на мѣстѣ этого не поставлено.

Число больныхъ нижнихъ чиновъ дошло до 8 человѣкъ. Изъ нихъ 5 заболѣли отъ утомленія, при преслѣдованіи хищниковъ.

Послѣ полудня было 54° на солнцѣ.

Изъ оставшихся въ лагерѣ Туркментъ, Нефесъ-казакъ, Нуръ-Маметъ, Куюнъ-мулла, Ана-кычъ и прибывшіе съ балханскими старшинами 4 человѣка: Тюря-Маметъ, Маметъ-Ніязъ, Курбанъ-Ніязъ и Карагай-шайхъ задержаны и посажены подъ караулъ. Въ 12-мъ часу ночи послѣдній изъ нихъ Карагай-шайхъ хотѣлъ бѣжать и былъ заколотъ часовымъ.

10-го іюля. На разсвѣтѣ, вышла изъ бухты лодка Кадырь-хана на Челекенъ. На ней отправились Салихъ, Ана-Хасанъ и писарь подполковника Бернова. Салихъ-ханъ и писарь имѣютъ отправиться съ Челекена, на лодкѣ Армянина-купца, въ Баку, съ бумагами отъ начальника экспедиціи и подполковника Бернова; а Ана-Хасанъ, на своей лодкѣ, получилъ приказаніе доставить пакетъ отъ начальника экспедиціи на Ашуръ-Аде. Въ этой послѣдней бумагѣ на имя капитана Лихарева, а также и въ отношеніи къ капитану надъ бакинскимъ портомъ Фрейгандгу, начальникъ экспедиціи просилъ объ оказаніи возможнаго содѣйствія экспедиціи по тѣмъ крайнимъ обстоятельствамъ, въ которыхъ поставлена она неприходомъ шхуны, въ надлежащей срокъ.

Въ ночь пришла лодка съ Челекена къ Кадырь-хану. На ней пріѣхали 2-й сынъ его и внукъ, сынъ Салихъ-хана. Лодка ушла въ полночь обратно.

Изъ нѣкоторыхъ словъ плѣнныхъ оказалось, что они знали о приготовленіяхъ къ нападенію и что въ этотъ день было положено скрыться имъ всѣмъ ночью, а передъ тѣмъ предполагалось убить Маметъ-Сафу и Ишана, какъ особенно намъ преданныхъ. Разговоръ этотъ былъ подслушанъ однимъ изъ воожаковъ. Старшины балханские и прежде упрекали юздиншихъ за верблюдами въ Балханы въ преувеличеніи ими силъ отряда.

Подъ вечеръ, по случаю невозвращенія Гельды-хана и потому что одинъ изъ посланныхъ къ Уфраку за верблюдами находился при Кучакъ-ханѣ нукеромъ, явилось подозрѣніе и на Гельды и на Кучака, тѣмъ болѣе, что послѣдній, подъ различными предлогами, хотѣлъ удалиться изъ лагеря и участвовалъ въ разговорѣ о замыслахъ на Ишана и Маметъ-Сафу. У Кучака отобрано оружіе, и за нимъ назначенъ надзоръ.

Вслѣдствіе принесенныхъ изъ сосѣднихъ ауловъ слуховъ и толковъ о томъ, что Туркмены хотятъ сдѣлать на-

паденіе на лагерь, онъ приведенъ сегодня въ оборонительное положеніе: вырытъ ровъ и изъ мѣшковъ и кулей съ провіантомъ сдѣланъ брустверъ. Кроме того лагерь обстрѣливается 4-мя фалконетами: 2-мя съ баржи, однимъ съ 12 вес. лодки, поставленными по обѣ стороны лагеря и однимъ съ шестерки, которая въ случаѣ тревоги, имѣть подойти къ лагерю. Во весь сегодняшній день были видны на высотахъ окрестныхъ горъ Туркиены въ значительномъ числѣ.

11-го іюля. Въ полдень возвратился Гельды-ханъ. Онъ не догналъ верблюдовъ, хотя и былъ у кол. Куртъ-Куюсы. Тамъ онъ встрѣтился съ Миришъ-Баемъ, который прислалъ съ нимъ два письма: первое отъ 6-го іюля, на имя Салихъ, Кучакъ, Дурды, Гельды-ханновъ, Маметъ-Сафы и Ханъ-Маметъ-Ишана, а другое, писанное при отѣзгѣ Гельды, на имя начальника экспедиціи. Въ первомъ письмѣ Миришъ-Бай извѣщалъ, что онъ обошелъ, будто-бы, Атрекъ и Гюргень и что тамошніе жители послушали его словъ и распустили собранную ими шайку, но что балханскіе жители не слушаются его увѣщаній. Онъ предупреждалъ быть осторожнѣе. Затѣмъ въ другомъ письмѣ извѣщалъ, что къ нему прїѣзжали человѣкъ 20 хищниковъ и объявили о своемъ намѣреніи напасть на отрядъ; но онъ отговаривалъ ихъ и они обѣщали возвратиться и уѣхали, между-тѣмъ онъ самъ собирался въ нашъ лагерь съ 15-ю старшинами, но узнавъ на дорогѣ, что хищники угнали табунъ, пріостановился. Также увѣрялъ о посылѣ какого-то гонца съ извѣщеніемъ о намѣреніяхъ хищниковъ. Вообще письмо, наполненное противорѣчіями, доказываетъ одно, что Миришъ-Бай, ожидавшій еще нась въ Балханы, желалъ избѣжать отвѣтственности. Гельды-ханъ, въ свою очередь, показалъ согласно съ этими письмами. Онъ передалъ еще, что Миришъ-Бай готовъ доставить и верблюдовъ, и оказать всякое съ своей стороны содѣйствіе, если только прикажутъ ему и пришлютъ за всѣмъ,

что нужно, Кучакъ-хана. Онъ видимо старался удалить всѣхъ подозрительныхъ.

Одновременно съ Гельды пріѣхалъ сюда Нуръ-Мухамметъ-Бекъ, изъ рода Теке, который назадъ тому около $2\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ прибылъ на Ашуръ-Аде, съ письмами отъ Кызыль-Арбатскаго хана Нуръ-Берды къ начальнику Астрabadской станціи и Кадыръ-хану и получилъ отъ нихъ ответы; но вмѣсто того, чтобы прямоѣхать домой, онъ отправился на Атреекъ и наконецъ съ Мириншъ-Баэмъ думалъ присоединиться къ экспедиціи. Причину его замедленія Кадыръ-ханъ объяснялъ отсутствиемъ Нуръ-Берды и нахожденiemъ его подъ Мервомъ. Содержаніе писемъ, доставленныхъ имъ на Ашуръ, по словамъ Кадыра, состояло въ изъявленіи усердія служить русскому Государю и въ просьбѣ о помощи противъ Хивы.

Гельды-ханъ былъ отправленъ въ тотъ-же день обратно. Ему вручены были: отвѣтъ Мириншъ-Баю и объявление ямудскимъ старшинамъ и аульнымъ начальникамъ въ Балханахъ, о томъ, что возвратили 3-хъ плѣнныхъ солдатъ и отбитый табунъ, или прислали-бы своихъ верблюдовъ и лошадей съ тѣмъ, что отъ исполненія сего будетъ зависѣть и освобожденіе задержанныхъ Туркменъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ было разрѣшено тремъ изъ арестованыхъ Туркменъ послать отъ себя письма, въ которыхъ они упрашивали своихъ родственниковъ о скорѣйшемъ исполненіи требованія и обѣ освобожденіи ихъ.

Сегодня былъ сдѣланъ опытъ обстрѣливанія лагеря съ баржи и лодки. Фалконеты брали достаточно далеко, оброняя лагерь совершенно удовлетворительно.

12-го іюля. На разсвѣтѣ была отправлена на Красноводскую косу лодка Кадыръ-хана съ 10-ю нижними чинами, подъ начальствомъ подпоручика Рыби на за травою и топливомъ.

Посланы вечеромъ на верблюдахъ трое нарочныхъ въ, Александровскій фортъ: Дурды-клычъ-Аман-

новъ, Болгара-Ярыповъ и Умрузакъ-Сариповъ. По переправѣ черезъ Карабугазскій проливъ, они имѣютъ взять въ 1-мъ Игдырскомъ аулѣ лошадей, взамѣнъ верблюдовъ. На этотъ предметъ имѣ дали письма Ишанъ и Маметь-Сафа, какъ начальствующіе надъ Игдырами.

Съ этими парочными послано обстоятельное донесеніе генералъ-губернатору, причемъ въ заключеніи говорилось, что если Балханцы возвратятъ лошадей и верблюдовъ, то экспедиція направится, по-прежнему предположенію, въ Балханы; въ противномъ-же случаѣ придется осмотрѣть съ моря наиболѣе замѣчательныя прибрежныя мыса: зеленый, бѣлый и серебрянныи бугры и островъ Огурчинскій. При этомъ было еще упомянуто, что провіанта имѣется при экспедиціи только по 1-е сентября и что барановъ въ окрестностяхъ очень мало.

Съ настоящей-же почтой, въ предположеніи, что шхуна, по случившемуся съ ней какому-нибудь несчастью, не дошла до Александровскаго форта или до Баку, посланъ дубликатъ предпослѣдняго донесенія генералъ-губернатору.

13-го іюля. На разсвѣтѣ возвратилась баржа съ лодкой подпоручика Рыбина. На послѣдней былъ привезенъ 1 Туркменинъ, котораго взялъ Рыбинъ по подозрѣнію. Онъ напечь его одного на довольно большой лодкѣ у косы съ двумя ружьями и платьемъ на нѣсколько человѣкъ. При спросѣ онъ показалъ, что на лодкѣ принесъ одинъ и что ружья при немъ для охоты.

Туркменинъ этотъ былъ отпущенъ, потому что многіе изъ отрядныхъ его знаютъ и удостовѣрили, что онъ житель косы, человѣкъ бѣдный и занимается дѣйствительно охотою и рыболовствомъ. Другое ружье было его сотоварища; показалъ-же онъ его своимъ въ испугѣ отъ допросовъ.

Вечеромъ изъ сосѣдняго аула, у Уфрака, были пригнаны для продажи 22 барана.

14-го іюля. Послана лодка Кадыръ-хана на Че-

лекенъ узнать ушла-ли лодка Армянина въ Баку. Удушилый жаръ опять замѣнилъ вѣтеръ, бывшій въ эти дни. Больные поправились.

15-го іюля. Пришла къ Кадыръ-хану лодка съ Челекеня, идущая за солью па Красноводскую косу. Пріѣхавшій на ней сынъ отряданаго вожака Челекенца Машада, объявилъ, что Армянинъ еще не уѣхалъ съ острова, а продолжаетъ нагружаться нефтагилемъ.

Сегодня пришелъ въ отрядъ Киргизъ-Адаевецъ, по имени Айтуганъ. Лѣтъ 20-ть тому назадъ онъ переселился въ здѣшнія мѣста; теперь-же думаетъ возвратиться, такъ какъ за сына его, какъ Киргиза, ни одинъ Туркменинъ не выдаетъ въ замужество дочери.

Подъ вечеръ некоторые члены экспедиціи юздили верхами, на остальныхъ лошадяхъ, осматривать мѣстность, на которой отбили Туркмены табунъ.

16-го было все благополучно и ничего особеннаго не произошло.

17-го іюля. Посланъ утромъ поручикъ Скрябинъ, съ 10-ю нижними чинами, на лодкѣ къ Красноводской косѣ, за топливомъ и травою. Пришла съ Челекеня лодка съ письмомъ отъ Салихъ-хана, который увѣдомлялъ, что чрезъ два дня, послѣ его пріѣзда на Челекень, прибылъ Катараджи и рассказалъ, что онъ былъ посланъ отъ экспедиціи взять пятьдесятъ верблюдовъ; но погонщики, узнавъ, что хищники идутъ, угнали верблюдовъ, а его схватили и отпустили немнога не доходя до Куртъ-Куюсы, откуда онъ прибылъ на верблюдѣ въ аулъ, что кочуетъ на Уфракѣ, а здѣсь, испуганный извѣстіемъ, что и Гельды-ханъ ушелъ, что и Кучакъ собирается уйти и что одного Туркменина, хотѣвшаго бѣжать, убили, не рѣшился явиться въ лагерь, а пробрался на Челекень. Присылая Катараджа съ этимъ письмомъ, Салихъ-ханъ просилъ простить его. По извѣстности дѣла и пе удостовѣреніи, что погонщики дѣйствительно знали о намѣреніи

хищниковъ, онъ былъ отпущенъ. Кадыръ-ханъ получилъ при этомъ извѣстіе, что высланные съ Ашура за фуражемъ на Черную рѣчу матросы, имѣли стычку съ Туркменами, въ которой были убиты два матроса и шесть Туркменъ. Писарь подполковника Бернова долесъ ему, что на Челекенъ прошелъ слухъ о намѣреніи разбойниковъ изъ Гассанъ-Кули напасть на Челекенъ и ограбить торговыя суда.

Пришедшая съ Челекеня лодка отослана назадъ, съ приказаніемъ привести оттуда двѣ большихъ косовыхъ лодки, съ тѣмъ, чтобы на нихъ продолжать съемочныя работы, высадкамиъ съ моря.

Кочующій на островѣ Огурчинскомъ Туркменинъ Ерсаринскаго рода Маметъ-Рахманъ Уде-Нефесовъ подалъ прошеніе на имя главнаго начальника Оренбургскаго края о принятіи его, съ находящимися при немъ однородцами, въ числѣ 20 кибитокъ, въ подданство Россіи и объ отводѣ имъ, подъ кочевье, мѣстъ въ окрестностяхъ Александровскаго форта.

18-го іюля. Утромъ пришли двѣ лодки: одна съ Челекеня къ Кадыру, а другая Армянина Сафарова, прикащица Закаспійскаго торгового товарищества. Съ первой сообщалось, что сегодня Салихъ-ханъ отправится въ Баку. Также извѣщалось о слухѣ, прошедшемъ на Челекенѣ о новомъ намѣреніи Туркменъ напасть на отрядъ. Сафарову возврашены мука и круша, оставленный здѣсь барономъ Врангелемъ.

Сегодня была сдѣлана тревога: люди быстро приготовились къ оборонѣ. Приказано шестеркѣ держаться ночью у берега къ сторонѣ Уфрака, на случай внезапнаго нападенія.

19-го іюля. Въ полдень возвратился поручикъ Скрыбинъ. Сафаровъ снялся съ якоря и пошелъ въ Баку.

Ночью шестерка, подошедши къ берегу и принявъ ку-

сты за людей, сдѣлала выстрѣль картечью изъ фалконета. Весь лагерь всталъ на ноги. Недоразумѣніе объяснилось.

20-го іюля. Косовая лодка съ Челекеня еще не пришли. Прождавъ безполезно 10 дней, со временем отправленія письма въ Балханскімъ хищникамъ и потерявъ всякую надежду на прибытие шхуны «Персіянинъ», начальникъ экспедиціи рѣшился перейти на баржу со всѣми чинами экспедиціи, съ 42 стрѣлками и 8 по выбору нижними чинами изъ другой пѣхотной команды, 2 казаками, 2 артиллеристами и 1 фейерверкеромъ и направиться прямо къ Огурчинскому острову и оттуда на Ашуръ; остальная же команда подъ начальствомъ поручика Скрябина, на оставшихся 47 верблюдахъ отправится обратно берегомъ въ Александровскій форть.

Кучакъ-ханъ предложилъ оставить заложникомъ брата своего Курбана, съ тѣмъ, что онъ берется освободить захваченныхъ Балханскими Туркменами 3-хъ нашихъ солдатъ.

21-го іюля. Сегодня утромъ на разсвѣтѣ выступила партия поручика Скрябина. Ему поручено наниматъ на шути, гдѣ будетъ возможно, верблюдовъ для поднятія на нихъ всѣхъ нижнихъ чиновъ. При этомъ выдано ему 2,000 руб. сер. для расплаты по прибытии въ форть съ каравань-башами отряда за нанятыхъ и упалихъ верблюдовъ, а за отогнанныхъ не приказано дѣлать расчета до прибытія всей экспедиціи въ форть и до полученія отвѣта отъ Балханскихъ старшинъ относительно возвращенія отнятыхъ верблюдовъ.

По выступленіи поручика Скрябина начали перевозиться на баржу, и въ 1-мъ часу по полудни, баржа снялась съ якоря и пошла по направлению къ о. Челекеню. Вѣтеръ благопріятствовалъ слѣдованію. Вечеромъ встали на якорь въ виду Челекеня. Лодка Кадыра была послана къ острову за братомъ Кучака.

22-го іюля. Въ 3-мъ часу по полудни, когда проходили Челекень, у южной его оконечности, были замѣчены лодки Кадыръ-хана. Холостымъ выстрѣломъ съ баржи онъ былъ

приглашены присоединиться. Лодки пристали къ баржѣ и передали на нее Курбана. Встали къ вечеру на якорь въ виду Огурчинского, но лодокъ Кадыра, посланныхъ впередъ къ Огурчинскому острову, для указанія удобнаго мѣста для якорной стоянки, не нашли.

23-го іюля. Придвинулись на разсвѣтъ къ острову и встали на якорь въ одной верстѣ отъ берега, противъ самой середины острова. Лодокъ Кадыра тутъ не оказалось, онъ началъ подозрѣвать Ана-Хасана въ измѣнѣ. На лодкѣ послѣдній увезъ всѣ вещи Кадыра и ящики съ деньгами. Кадыръ объяснилъ при этомъ, что Ана-Хасанъ давно извѣстенъ своимъ вѣроломствомъ и уже сидѣлъ разъ въ кандалахъ на Ашурѣ. На берегу видны были двѣ небольшія рыбачьи лодки, вдали нѣсколько кибитокъ и 2 бѣлыхъ лошади, которыхъ бродили по песчанымъ барханамъ, между кустовъ. Послѣ холостаго выстрѣла изъ фалконета баржи, одна изъ береговыхъ лодокъ пристала. На ней были посланы двѣ съемочныхъ партии подпоручиковъ Алексѣева и Рыбина, въ сопровожденіи 25 нижнихъ чиновъ и Кучакъ-хана, для заготовленія верблудовъ.

Въ 5-мъ часу по полудни поѣхали на шестеркѣ нѣкоторые изъ масть на берегъ къ аулу. Вслѣдъ за шестеркой были посланы еще на берегъ на 12 вес. лодкѣ подпоручикъ Абрамовъ съ остальными нижними чинами, для слѣдованія по берегу, на южную оконечность острова. Въ аулѣ оказалось всего 2 кибытки. Около нихъ разбросаны между песчаныхъ бархановъ, покрытыхъ гребенщикомъ, нѣсколько дынныхъ и арбузныхъ бахчей. Вода лежитъ здѣсь на глубинѣ 1 арш., она совершенно прѣсная, и вырытие колодцевъ, при рыхлой песчаной почвѣ, незатруднительно: вырываютъ только яму въ одинъ аршинъ въ квадратѣ, и вода начинаетъ набѣгать, просачиваясь сквозь песокъ. Глубина воды въ двухъ видѣнныхъ колодцахъ была вершка въ 3, не болѣше.

На Огурчинскомъ, кроме Ерсаринцевъ, кочуютъ

еще Огурджалы, въ числѣ 35 кибитокъ. Партия подпоручика Алексѣева была найдена на берегу, окончившю дневную работу. Она встрѣтила одного только верблюда, которымъ и воспользовалась, для перевозки воды. Подпоручикъ Абрамовъ, съ своею командою, оставленъ при партии Алексѣева. По возвращеніи нашемъ на баржу, возвратился съ острова на туркменской лопади и подпоручикъ Рыбинъ, который также окончилъ свою работу, употребивъ на это 9 верблюдовъ, имъ найденныхъ. Съемка оставльной части острова поручена подпоручику Алексѣеву. Кучакъ-ханъ нашелъ 7 верблюдовъ, которые будуть пригнаны къ партии Алексѣева.

24-го іюля. Въ 11 часу увидали въ зрительную трубу баржу, шедшую намъ на встрѣчу. За противнымъ вѣтромъ она должна была лавировать.

Въ 3 часу возвратился съ острова подпоручикъ Алексѣевъ, окончивъ работу. По переходѣ его на баржу, снялись съ якоря и пошли на встрѣчу къ шедшей къ намъ баржѣ. Часа черезъ два мы сошлисъ съ баржею № 2, которая шла съ Ашуромъ, взамѣнъ ожидавшагося парохода «Волга», который, по слухамъ нѣкоторыхъ поврежденій, не могъ быть высланъ въ дальнее плаваніе. Баржа вышла изъ Ашурь-Адинскаго рейда 13 іюля и имѣла на пути постоянныя противные вѣтры. Командиръ баржи, лейтенантъ Ладыженскій, не доставилъ при этомъ никакихъ свѣдѣній о шхунѣ Персіянинъ, а только частное письмо капитана Лихарева, въ которомъ сообщалось о бывшихъ непріязненныхъ стычкахъ Туркменъ съ русскими лодками съ Ашуромъ.

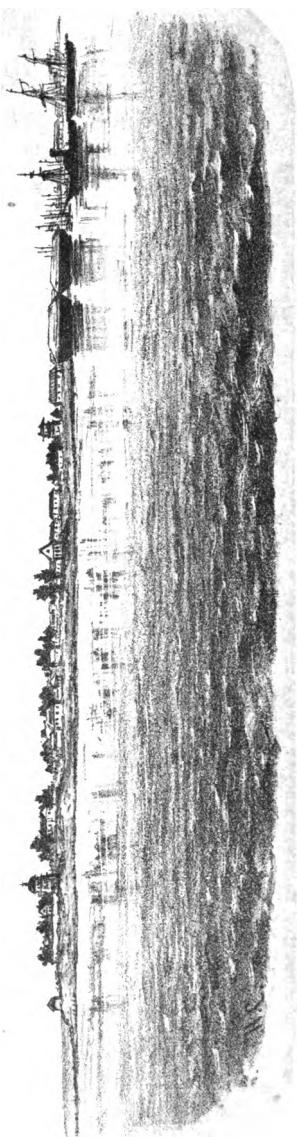
По осмотрѣ прибывшей баржи, было отдано приказаніе немедленно перевезти на нее половину отряда и часть тяжестей, вслѣдъ за чѣмъ предполагалъ перѣѣхать и начальникъ экспедиціи, но сильный вѣтеръ и волненіе допустили только перевозку 25 человѣкъ отряда, съ нѣкоторыми тяжестями, съ помощью 12 вес. лодки, по канату, протянутому съ одной баржи на другую. Вѣтеръ не былъ попутный

для нашего дальнѣйшаго слѣдованія, почему и было приказано сняться съ якоря и идти къ Зеленому бугру.

25-го іюля. На разсвѣтѣ баржа остановилась противъ бугра, на разстояніи 1 версты. Подпоручики Алексѣевъ и Рыбинъ, съ 4 топографами и 50 нижними чинами, были немедленно посланы на берегъ. Вѣтеръ былъ довольно сильный и неблагопріятствовалъ высадкѣ. Лодки выгребали тяжело и лишь черезъ два часа приблизились къ берегу, но, по мелководью, остановились саженяхъ во 100, такъ что отрядъ долженъ былъ пройти до берега, черезъ бурунъ, въ бродъ. По выходкѣ на берегъ съемочная партія увидѣла въ отдаленіи аулъ, въ кибитокъ 30, изъ которого Туркмены вышли большою толпою съ оружіемъ и размѣстились въ нѣсколькихъ пунктахъ за песчаными барханами. Не смотря на угрозы ихъ стрѣлать и явная дерзости, когда подпоручикъ Алексѣевъ объяснялъ имъ свои намѣренія, — съемочная партія успѣла снять все пространство отъ берега, на разстояніи 9 верстъ, до бугра включительно. При возвращеніи партіи, двое изъ мѣстныхъ старшинъ Нарза-Тюрюкъ и Баба-Куль выѣхали къ отряду и уговаривали съ угрозами поскорѣе убраться. Этихъ Туркменъ взяли и привезли на баржу. Аулъ Зеленаго бугра зависить отъ Таганъ-Казы и лежитъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ его кочевки. Старшины показали, что Ана-Хасанъ подарковъ ему отъ экспедиціи не доставилъ. Они сообщили также, что вчера проѣхали изъ Балханъ троє Туркменъ на Атрекъ и рассказывали, что наши лошади и верблюды въ сборѣ и что захваченные солдаты находятся на Дарджѣ.

По перенѣздѣ партіи на баржу, она снялась съ якоря и пошла прямо на Ашуръ-Аде. Пользуясь попутнымъ вѣтромъ, было рѣшено не приставать въ настоящее время къ Бѣлому и Серебрянному буграмъ, съ тѣмъ, чтобы пристать къ нимъ на обратномъ пути, взявъ предварительно подкрѣпленіе и суда съ Астрabadской станціи.

Островъ Ашуръ-Ада.

Наставшій штиль, въ 12-мъ часу по полудни, заставилъ насъ встать на якорь.

26-го іюля. Штиль продолжался до 1-го часа по полудни. Въ это-же время нѣсколько засвѣжѣло, поставили паруса и баржа пошла легкимъ вѣтромъ. Къ вечеру поровнялись съ Бѣлымъ бугромъ, но опять начало штильть и къ полночи баржа бросила якорь на попутіи отъ Бѣлага къ Серебрянному бугру.

27-го іюля. По тому-же слабому вѣтру баржа успѣла только пройти Серебрянныи бугоръ, поровнялась съ Альбурзскими горами и съ наступленiemъ ночи, а вмѣстѣ и штиля, встала на якорь въ виду Ашуръ-Аде.

28-го іюля. За ночь подулъ противный юго-западный вѣтеръ, усилившійся къ утру. Къ полдню онъ сталъ отходить къ западу и пользуясь этимъ, баржа начала лавировать, но съ большимъ трудомъ, потому что вѣтеръ началь опять отходить къ югу. Между-тѣмъ съ Ашуръ-Адинскаго рейда была выслана къ намъ на встрѣчу парусная небольшая шхуна «Тарантуль». Быстро присоединилась она къ баржѣ нашей, взяла ее на буксиръ и, пользуясь большою парусностью и ходкостью, привела насъ вскорѣ, въ 4-мъ часу по полудни, къ рейду. Здѣсь на Ашурѣ было получено частное извѣстіе, привезенное почтовымъ пароходомъ, что шхуна «Персіянинъ», за какимъ-то поврежденiemъ, находилась въ Бакинскомъ портѣ; но 21-го числа настоящаго мѣсяца должна была выйти въ Красноводскъ.

Командующій станцію Лихаревъ предъявилъ при свиданіи, что пароходъ «Волга» ожидаетъ нѣкоторыя вещи для своего исправленія, которыя должны быть присланы на днѧхъ со шхуной «Хивинецъ», назначеною на станцію, и что «Волга» можетъ затѣмъ поступить въ распоряженіе экспедиціи. Кромѣ того предложилъ въ распоряженіе 50 человѣкъ штуцерныхъ матросовъ, горный 10 ф. единорогъ и 3 плоскодонныхъ лодки, для дессанта, а также и личное

содѣйствіе сопутствованіемъ при съемкахъ Серебрянаго бугра и устьевъ Атрека (Гассанъ-Кулинскаго залива).

12-ти-весельная лодка, приведенная на буксирѣ баржею, сдана въ портъ острова, для изготошенія къ ней паруса, до сего не имѣвшагося.

При разговорѣ съ к.-л. Лихаревымъ на счетъ дерзости Туркменъ, онъ предъявилъ предписаніе къ нему намѣстника Кавказскаго, въ отвѣтъ на представленіе Лихарева о необходимости наказать Туркменъ за плѣненіе (см. выше) 7-ми его матросовъ. Въ предписаніи этомъ князь Барятинскій, раздѣляя мнѣніе Лихарева и разрѣшивъ ему взять стрѣлковую росту изъ Ленкорани, предоставилъ, однако, приступить къ наказанію не иначе какъ съ согласія посланника нашего при Персидскомъ дворѣ и не прежде приведенія въ извѣстность результатовъ нашей экспедиціи, развѣ только послѣдняя потребуетъ, въ свою очередь, войско для наказанія Туркменъ.

Съ своей стороны кап. Лихаревъ вошелъ уже съ представленіемъ къ посланнику нашему въ Тегеранѣ, г. Аничкову. Въ томъ-же смыслѣ обратился къ нему и начальникъ экспедиціи.

29-го іюля. Утромъ Кадыръ-ханъ доставилъ письма Гельды-хана и Балханскихъ старшинъ. Первый сообщалъ, что выкупилъ нашихъ плѣнныхъ, которыхъ, однако, не возвращаетъ и самъ не ѣдетъ, живя къ Гассанъ-Кули; верблюдовъ-же и лошадей выкупить не могъ. Балханские старшины писали, что они не явились въ Чагадамъ, по причинѣ хищниковъ, которые панесли позоръ и себѣ и имѣ плѣнныхъ-же нашихъ выручили. Въ заключеніе упрекали за плѣненіе ихъ старшинъ.

Вечеромъ прибыла шхуна «Персіянинъ».

Командиръ, капитанъ-лейтенантъ Рогаль-Левицкій лонесъ, что послѣ выступленія изъ Красноводскаго залива, дѣйствительно простоялъ въ морѣ два дня за противнымъ вѣтромъ, при чёмъ замѣтилъ, что клинъ у шатуновъ въ

машинъ сломался, онъ долженъ былъ остановить машину и идти въ фортъ подъ парусами, куда и прибылъ 26 и гдѣ дѣлались исправленія до 5 іюля. Потомъ онъ отправился въ Баку.

Здѣсь онъ пробылъ 15 дней, для починки клапановъ у воздушнаго насоса и для пошитія новыхъ кожанныхъ, за неимѣніемъ запасныхъ гуттаперчевыхъ. Вышедши изъ Баку 23 іюля, отправился въ Красноводскій заливъ, и не найдя тамъ экспедиціи, поползъ къ Нефтяному острову, (Челенкенъ), и оттуда, по указанію купца Сафарова, прямо въ Астраханскій рейдъ.

30-го іюля. Впослѣдствіи приведенного донесенія, для разъясненія всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, имѣвшихъ вліяніе на успѣхъ плаванія шхуны, были предложены командиру оной слѣдующіе вопросы:

1) По какимъ причинамъ плаваніе шхуны отъ Красноводскаго залива до Александровскаго форта продолжалось съ 21-го іюня по 26-е, т. е. 5 дней, вмѣсто предположенныхъ 50-ти часовъ?

2) Какого рода работа производилась на кузницѣ Александровскаго форта впродолженіи 9 дней и не могла ли она быть окончена раньше, нельзя ли было сдѣлать эту починку собственными средствами, и если средства были такъ недостаточны, то такія причины воспрепятствовали идти оттуда въ Баку на парусахъ, чтобы чиниться въ портѣ съ большими удобствами и скоростью, или же возвратиться на парусахъ въ Красноводскъ для доставленія ожидавшихся надобностей и оттуда идти чиниться въ портѣ. Начальникъ экспедиціи предполагалъ таковую возможность въ томъ вниманіи, что шхуны имѣютъ вообще ходить на парусахъ, употребляя пары въ исключительныхъ случаяхъ, что и было между прочимъ причиной тому, что начальникъ экспедиціи предпочелъ оставить при себѣ шхуну «Персіянинъ» и возвратить въ Астрахань пароходъ «Ураль».

3) Были-ли своевременно доставлены комендантомъ Але-

сандро́вско́го форта на шхуну всѣ предметы, отъ него требованные?

4) Какія уважительныя причины заставили шхуну пробыть въ Баку 15 дней и не было ли возможности построить средствами форта кожанные клапаны ранѣе этого времени; было ли предъявлено командиру Бакинскаго порта о необходимости доставить, въ возможной скорости, предметы, взятые изъ Александровского форта въ Красноводскій заливъ, и если обращался къ нему, то почему имъ не было послано хотя парусное судно съ этими предметами?

При этомъ было приказано шхунѣ Шерсіанинъ начать немедленно грузиться углемъ, въ ожиданіи прихода шхуны Хивинецъ, везущей вещи для исправленія парохода «Волга».

По поводу писемъ, полученныхъ отъ Таганъ-Казы и сына его Яръ-Али-Муллы, были заготовлены къ нимъ отвѣты, въ коихъ объяснилось сожалѣніе, что не смотря на обѣщаніе ихъ служить намъ, они не взяли и не доставили на Ашуръ трехъ людей, схваченныхъ Балханскими разбойниками. Затѣмъ по объясненіи обстоятельствъ непріязненной встрѣчи на Зеленомъ бугрѣ, повторялось о высылкѣ людей, съ тѣмъ что иначе будутъ наказаны не только разбойники, но и тѣ, которые, подъ личиною усердія, потакаютъ имъ и скрываютъ ихъ преступленія.

31-го іюля. Приведенные письма сданы и отосланы на лодкѣ въ Чикишлярскій ауль.

1-го августа. Командиръ шхуны «Персіанинъ», на запросъ, приведенный выше, отозвался, «что онъ не имѣлъ никакихъ средствъ на шхунѣ къ выдѣлкѣ клина и нарѣзкѣ на немъ винта и потому просилъ коменданта Александровского форта выковать клинъ въ крѣпостной кузницѣ шхунскими мастеровыми; эта работа вмѣстѣ съ пригонкою запасныхъ подшипниковъ была окончена 30 числа; по сборкѣ же машины 1, 2 и 3-го іюня, шхуна не имѣла

возможности выйти въ море по случаю свѣжаго вѣтра; 4 числа, съ разсвѣтомъ, начали разводить пары, но тогда замѣтили неисправность въ паровомъ предохранительномъ клапанѣ лѣваго котла, почему прекратили пары и приступили къ исправленію; въ тотъ-же день 5-го числа, съ разсвѣтомъ, шхуна отправилась въ Баку, для принятія полнаго количества угля, согласно предписанію о томъ начальника экспедиціи, каковое обстоятельство, по отзыву кап.-лейт. Левицкаго, и не давало ему права отиравиться подъ парусами на неопределѣленное время перехода и къ тому прямо въ Красноводскій заливъ и безъ угля.»

«Полевое орудіе съ принадлежностію и снарядами было доставлено на шхуну 27 числа.»

«Придя въ Баку съ поврежденiemъ гуттаперчевыхъ клапановъ въ воздушныхъ насосахъ и съ открывшемся течью по швамъ въ кормовой части шхуны, онъ доложилъ начальнику Бакинской станціи о невозможности слѣдовать по назначенню; вслѣдствіе чего и приступили къ пошилію кожаныхъ клапановъ, испытанію ихъ и къ зачеканенію кормовой части. Между-тѣмъ начальникомъ Бакинской станціи тогдаже было дано предписаніе командиру винтовой шхуны «Туркменинъ» изготовиться къ отправленію въ Красноводскій заливъ, но почему отправленіе ея не выполнилось и шхуна Туркменинъ получила другое назначеніе, ему, Рогаль-Левицкому неизвѣстно.»

«При всемъ содѣйствіи начальника станціи, при портовыхъ и шхунскихъ средствахъ, работы и испытаніе не могли быть кончены ранѣе 22-го числа.»

Изъ таковой переписки и объясненій съ кап.-лейт. Рогаль-Левицкимъ, начальникъ экспедиціи вынесъ между прочимъ положительное убѣжденіе, въ томъ, что портовое начальство выслало его въ море, не снабдивъ даже самыми необходимыми вещами, (команда не имѣла даже масла для продовольствія и занимала его у баржи № 2; для смазки машины масла тоже было недостаточно).

Сегодня пришла шхуна «Хибинецъ» и привезла необходимыя для исправления «Волги» вещи.

Приступлено немедленно къ исправлению послѣдней и также къ перегрузкѣ съ «Хибинца» на «Персіянинъ», оставшагося запаса угля, въ видѣхъ увеличенія запасовъ послѣдняго.

Сверхъ шхуны и парохода «Волга» отправится еще съ экспедиціею баржа № 2, подъ командою лейт. Ладыженскаго; баржа-же № 4, какъ менѣе помѣстительная, и съ худшимъ ходомъ, оставляется на станціи, взамѣнъ № 2.

2-го Августа. Въ здѣшней церкви была отслужена панихида по убитымъ Туркменамъ въ Красноводскомъ заливѣ 3-мъ салдатамъ и 1-мъ казакѣ.

Переданы въ канцелярію командинующаго станціею, для отправления съ почтовымъ пароходомъ, пакеты къ генераль-губернатору Оренбургскаго края, съ подробнымъ изложеніемъ хода дѣлъ по настоящее число и къ командиру каспийской флотиліи съ представленіемъ переписки съ капитаномъ шхуны «Персіянинъ». При чёмъ начальникъ экспедиціи отдавалъ полную справедливость баржѣ № 4, которая постоянно содѣствовала экспедиціи всѣми зависящими отъ нея средствами, почему и ходатайствовалъ о представлениі командовавшаго оной прaporщика Абрамова къ Высочайшей наградѣ.

Также былъ сданъ пакетъ, (для отправленія, черезъ консула нашего въ Астрabadѣ) къ чрезвычайному посланнику нашему и полномоченному министру при Персидскомъ дворѣ. Въ настоящемъ донесеніи, кромѣ изложенія хода дѣлъ, выражалось намѣреніе начальника экспедиціи освободить плѣнныхъ Персовъ съ острова Челекенъ, въ томъ предположеніи его, полковника Даневиль, что подобная выручка плѣнныхъ можетъ показать Персидскому правительству въ выгодномъ свѣтѣ настоящія дѣйствія наши на каспийскомъ восточномъ прибрежье. Въ заключеніе начальникъ экспедиціи писалъ, что прежнія экспедиціи наши въ Туркменію не

встрѣчали противодѣйствія отъ жителей потому, что Туркменъ тѣснили съ одной стороны Хивинцы, съ другой Персіане, съ третьей Киргизы Адаевскаго рода и потому еще, что Туркменами управляли ханы, имѣвшіе вліяніе на своихъ подчиненныхъ и сознавшіе пользу дружественныхъ отношеній къ Россіи. Послѣ же смерти Кіятъ-Бека, (Кіатъ-хана) вліяніе это рушилось. Потомки его не имѣютъ никакого значенія между Туркменами. «Я имѣлъ случай, писалъ полковникъ Данdevиль, убѣдиться, что самые близкіе люди къ Ка-дышъ-хану ненавидятъ его. Къ тому-же Туркмены имѣютъ нынѣ перевѣсь надъ Хивою, такъ какъ взявши Кунградъ, Атамурадъ-ханъ, обеспечилъ Туркмеческія кочевья отъ Хивинскихъ набѣговъ. Къ тому, для примиренія Туркменъ съ Киргизами Адаевскаго рода приняты дѣятельныя мѣры начальствомъ Оренбургскаго края. Не признавая никакой власти и не тѣснимые ни откуда, эти дикари не внимають никакимъ убѣжденіямъ и вполнѣ предаются страсти своей къ грабежамъ и воровству. Каждый Туркменинъ побогаче и побойчѣе называетъ себя ханомъ, и уже никого знать не хочетъ. При этомъ Туркмены не чужды хитрости; внѣ вліянія страха, они способны, всѣ безъ исключенія, на самое дерзкое коварство и измѣну. Если правительство желаетъ имѣть вліяніе на Туркменъ, для какихъ-бы то ни было цѣлей, то можно держать ихъ въ повиновеніи однимъ только постояннымъ страхомъ наказанія за малѣйшую дерзость. При этомъ конечно одна рѣшительная мѣра, предпринятая съ достаточными средствами, будетъ дѣйствительна, нежели отдѣльныя наказанія, попытки съ малыми силами, въ разныхъ мѣстахъ и съ недостаточными средствами.»

«Гнѣздо Туркменскихъ мошенниковъ — Атрекъ; тутъ-же сосредоточиваются всѣ средства къ ихъ существованію: самыя обильныя пашни находятся на Атрекѣ. Балханская горы даютъ также притонъ нѣсколькоимъ ауламъ хищниковъ, живущихъ грабежемъ.»

«Посему, полного спокойствія въ Туркменіи, — по мнѣ-

нію полковника Дандевиль, — можно было бы достигнуть возведениемъ одного укрепленія въ Красноводскѣ, а другаго на Серебряномъ бугрѣ, или гдѣ покажеть предстоящая рекогносцировка. Двѣ рѣшительныя экспедиціи съ обоихъ пунктовъ на Атрекъ и въ Балханы, положить конецъ беспорядкамъ и тогда сами Туркмены сознаютъ необходимость, а со временемъ и пользу дружелюбныхъ съ нами спошений; къ этому можно склонить ихъ только силою, а не увѣщаніями.»

«Есть два средства заставить Туркменъ прекратить разбои и подчинить ихъ намъ хотя временно безъ значительныхъ пожертвованій и съ малыми средствами: это уничтоженіе Туркменскихъ лодокъ по всему прибрежью отъ Балханскаго залива до Персидской границы и уничтоженіе пашень на Атрекѣ порчею оросительныхъ каналъ и плотинъ на протяженіи 20 верстъ отъ его устья; но эти мѣры, можетъ быть покажутся жестокими и подорвали-бы благосостояніе Туркменъ, о которомъ, принявъ ихъ въ подданство, правительству было-бы труднѣе озаботиться послѣ.»

3-го Августа. Утромъ, въ 9 часу, экспедиція, въ полномъ составѣ, размѣстившись на шхунѣ «Персіянинъ», баржѣ № 2, взятой первою на буксиръ, и пароходѣ «Волга», на которой помѣстились вмѣстѣ съ начальникомъ станціи Лихаревымъ, начальникъ экспедиціи и гг. Берновъ, Галкинъ и Старковъ — выступила съ Ашуръ-Адинскаго рейда по направленію къ Серебрянному бугру.

К.-л Лихаревъ, наканунѣ далъ знать туда, равно какъ и въ Гассанъ-Кули, что экспедиція идетъ съ мирнымъ намѣреніемъ и что местные Туркмены не должны опасаться приближенія нашихъ судовъ и предстоящихъ высадокъ на берегъ.

Въ 2 часа по полудни пристали къ берегу. «Волга», подошедшая ближе другихъ судовъ остановилась, однако, за мелководьемъ въ $3\frac{1}{2}$ верстахъ отъ берега. Немедленно былъ сдѣланъ десантъ на 3-хъ плоскодонныхъ лодкахъ

станциі и на пашей 12 весельной; за $\frac{1}{2}$ версты отъ берега пошли въ бродъ. Всѣ чины экспедиціи и г. Лихаревъ участвовали въ десантѣ. Штуцерная команда и орудіе съ морской командой съ Ашура были въ полномъ комплектѣ. На лодкахъ были оставлены морскіе офицеры: лейтенантъ Ладыженскій и мичманъ: Брылкинъ и Тумилоденисовичъ 1-й и прапорщикъ Баршаккій.

Туркменскій ауль, изъ 20 кибитокъ, кочующій у берега, почти весь разбѣжался; осталось нѣсколько человѣкъ, приведшихъ намъ лошадей и куласы для подвозки офицеровъ къ берегу.

По выходѣ на берегъ были посланы двѣ съемочныхъ партіи для снятія мѣстности. Туркмены сказывали, что наканунѣ было тутъ человѣкъ 20 разбойниковъ, спрятавшихся въ камышахъ Гюргени. Съемка сдѣлана однако безъ выстрѣла, хотя дѣйствительно въ камышахъ виднѣлись Туркмены. Къ вечеру десантъ возвратился на суда.

4-го августа. Въ 10 часовъ утра десантъ снова отправился на берегъ, гдѣ разѣзжало человѣкъ 20 конныхъ Туркменъ. По приближеніи цѣпи къ берегу они скрылись. Высадившись нѣсколько южнѣе Серебряннаго бугра, люди отправились къ устью Гюргени, окруженному густыми камышами; рѣка оказалась въ этомъ мѣстѣ непроходимою въ бродъ. Потомъ съемочный отрядъ, продолжая работу, направился вверхъ по рѣкѣ и прошелъ по ней до густыхъ камышей. Снявъ, такимъ образомъ, до 60 кв. верстъ возвратились къ вечеру на суда.

Мѣсто при устьѣ Гюргени оказалось весьма неудобнымъ для заселенія. Мѣстность при рѣкѣ совершенно болотная и низкая. Отъ нея порождаются лихорадки и сами Туркмены лѣтомъ здѣсь не кочуютъ, а собираются только на зиму. Тутъ заготовляютъ они дрова, лѣсъ для судовъ и разводятъ бахчи дынь и арбузовъ. Засѣваютъ также хлѣбъ. Почва производить еще хлопчатникъ. Вода въ рѣкѣ хорошая, только лѣтомъ солонѣеть, верстъ на 8 отъ устья. На самомъ же

берегу, находящемся въ $2\frac{1}{2}$ верстахъ отъ устья рѣки, нѣть совсѣмъ воды и пробные колодцы оказались солеными.

Командиръ шхуны «Персіянинъ» подалъ рапортъ о новой порчѣ въ машинѣ, которую невозможно починить на Ашурѣ-Аде. Капит.-лейт. Лихаревъ предложилъ, взамѣнъ, винтовую шхуну Хивинецъ, присланную въ его распоряженіе.

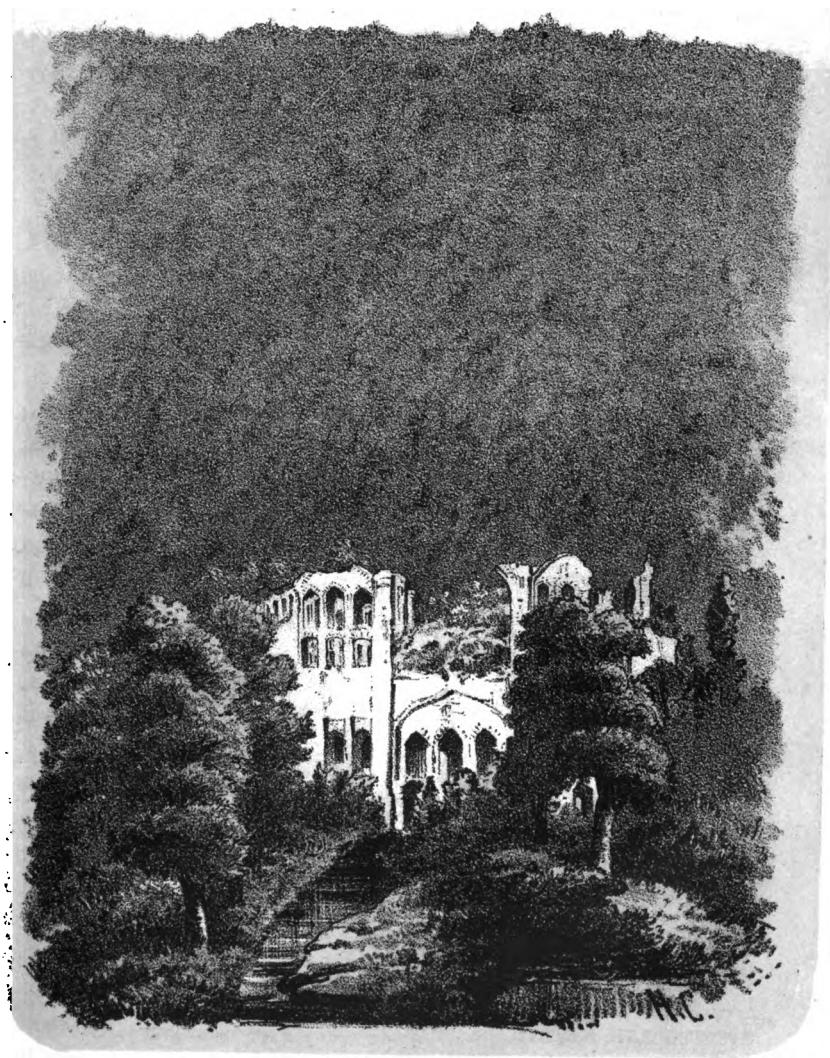
На перегрузку угля съ Персіянина на Хивинца требуется 4 сутокъ. Поэтому начальникъ экспедиціи рѣшился возвратиться на Ашуръ.

Въ 10 часовъ вечера «Волга» бросила якорь на рейдѣ острова. Шхуна Персіянинъ и баржа отстали, за несовсѣмъ благопріятнымъ вѣтромъ.

5-го августа. Время, необходимое для перегрузки угля начальникъ экспедиціи рѣшилъ провести въ Астрabadѣ, въ виду предстоявшихъ объясненій съ нашимъ консуломъ.

Потому немедленно былъ посланъ на Гязскій берегъ, гдѣ устроена факторія закаспійскаго торгового товарищества, Мира - Риза - Персъ, переводчикъ начальника станціи, для найма верховыхъ лошадей. Вечеромъ парусная шхуна Тарантуль повезла къ берегу начальника экспедиціи и гг. Галкина и Старкова, а также гг. Алексѣева, Рыбина и Шлittера, перевезенныхъ на островъ съ «Персіяниномъ», не пришедшаго еще на рейдъ, на парусной шхунѣ «Змѣя». Черезъ $\frac{1}{4}$ часа ходу, при боковомъ вѣтрѣ, «Тарантуль» присталъ къ пароходу «Кама», оберегающему Гязскій берегъ отъ Туркменскихъ хищническихъ лодокъ.

6-го августа. Въ полдень перѣѣхали на берегъ и отправились верхомъ по дорогѣ въ Астрabadъ. Прикрытиемъ служили двое нашихъ казаковъ, оставшихся отъ казачьяго отряда и одинъ кавказскій линейный, взятый изъ факторіи, гдѣ онъ служитъ по найму. Сильный дождь постоянно сопутствовалъ намъ и развелъ такую грязь по дорогѣ, что въ этотъ день мы не могли сдѣлать всѣхъ 8-ми фарсанговъ до

Развалины дворца въ Ашрефъ.

Астрабада (55 верстъ), а должны были остановиться за 2 фарсанга въ деревнѣ Сармали.

7-го августа. Въ девять часовъ утра мы въѣхали въ городъ. Дорога къ нему, или лучше сказать узкая тропинка, начиная отъ самаго берега, тянулась среди рощъ орѣховыхъ и множества померанцовыхъ, лимонныхъ, апельсиновыхъ и тутовыхъ деревъ и изрѣдка среди пашень рису и посѣвовъ хлопчатника.

При въѣздѣ въ городъ мы были встрѣчены консуломъ нашимъ, коллежскимъ совѣтникомъ В. В. Гусевымъ.

8-го августа. Астрabadskій визирь или вице-губернаторъ (губернаторъ, недавно назначенный, еще не прїѣхалъ) и персидскій дипломатической чиновникъ, наблюдающій здѣсь собственно за отношеніями нашими къ Туркменамъ, предупредили о желаніи сдѣлать визитъ начальнику экспедиціи. При свиданіи было говорено о несообразности распущенаго слуха и намѣреніи нашемъ покорить Туркменскія степи силою оружія.

Туркмены находятся съ Персіанами въ самыхъ дурныхъ отношеніяхъ, постоянно грабятъ окрестности Астрабада, и на дорогѣ по которой мы ѿхали, часто берутъ въ плѣнъ оплошныхъ и беспечныхъ Персіянъ. Не будучи въ состояніи оградить себя силою отъ Туркменскихъ грабежей, Персидское правительство находитъ единственную защиту въ нашей морской станціи, и ей особенно благодарны мѣстные жители.

10-го августа. Сегодня начальникъ экспедиціи отдалъ визитъ означенному астрabadскимъ властямъ. Также были у нихъ консулъ Гусевъ, прїѣхавшій изъ Тегерана исправлять его должности, впродолженіи разрѣщенного г. Гусеву отпуска въ Россію, студентъ нашей миссіи, губернскій секретарь Ивановскій и всѣ члены экспедиціи, прїѣхавши съ Ашура.

По возвращеніи, консулъ ознакомилъ г. Галкина съ дѣлами консульства, касающимися до отношеній Персіи къ

Туркменамъ и сообщилъ подробныя свѣдѣнія о послѣднихъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Туркменъ покойнаго Асграбадскаго губернатора Джографъ-Кули-Хана-Эль-Хани.

11-го и 12-го августа, осматривали окрестности Астрабада и Шахскій дворецъ съ обширными садами, находящійся въ самомъ городѣ. Вечеромъ былъ у консула прекрасный персидскій фейерверкъ. Онъ доставилъ также случай быть на персидскомъ празднике у старшаго переводчика своего миризы Абаса.

13-го августа. Утромъ мы оставили Астрабадъ и въ 6-мъ часу вечера были на берегу, съ котораго шхуна Тарантуль доставила насъ обратно на Ашуръ.

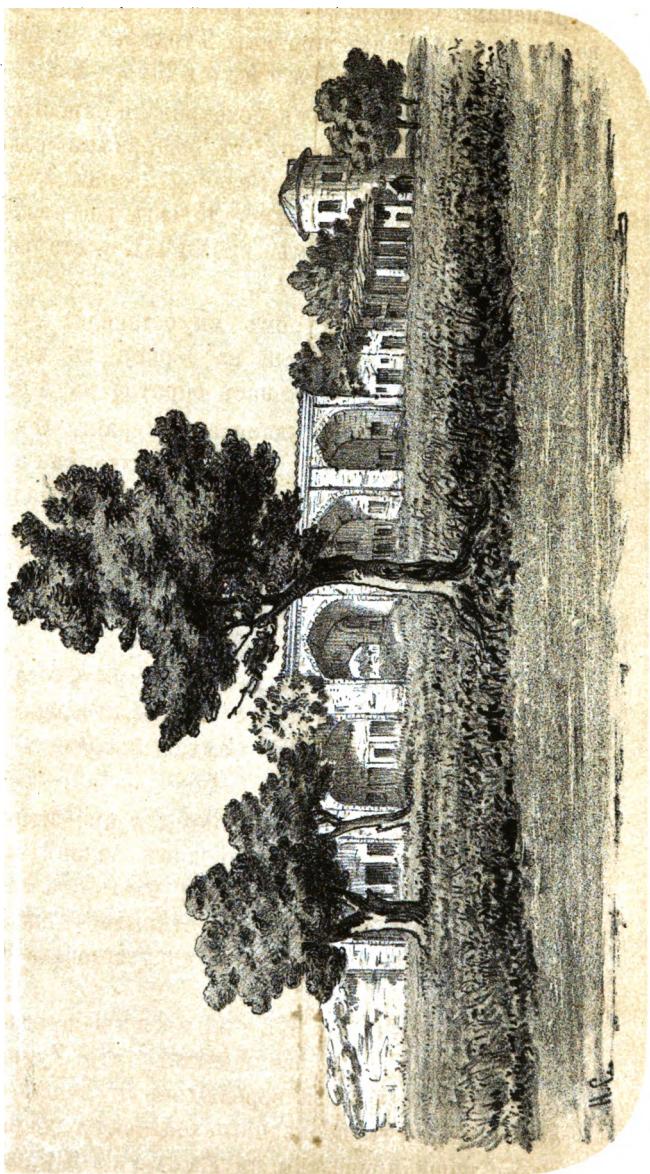
Въ этотъ-же вечеръ капитанъ 2 ранга Иващенцовъ, пришедший сюда изъ Александровскаго форта, передалъ почтовый пакетъ, въ которомъ заключалось предписание Оренбургскаго генералъ-губернатора, въ отвѣтъ на рапортъ отъ 14-го мая.

Всѣ изложенныя въ ономъ распоряженія одобрялись вполнѣ.

Капитанъ-лейт. Лихаревъ объявилъ, что сегодня окончена перегрузка угля и что все изготовлено къ дальнѣйшему нашему слѣдованію. Самъ онъ выразилъ желаніе вновь сопутствовать намъ.

Междудѣмъ къ слѣдованію для промѣрныхъ работъ и береговой съемки въ Балханскомъ заливѣ представляется затрудненіе отъ невозможности взять съ собой пароходъ «Волга», такъ какъ въ немъ открылась значительная течь. Пароходъ Волга можетъ намъ сопутствовать только до Бѣлаго бугра.

14-го августа. Кадыръ-ханъ представилъ письмо Кучакъ-хана, съ извѣщеніемъ, что Туркмены просятъ позволенія выдать за верблюдовъ и лошадей деньги, въ томъ вниманіи, что послѣдніе находятся въ дурномъ тѣлѣ; пѣдные-же наши привезены въ Гассанъ-Кули. Оказывается,

Дворец Шахъ-Лбаза ского Ашрафа.

что люди, нами задержанные, въ особенности съ Зеленаго бугра, очень значительны и съ хорошимъ состояніемъ.

Вечеромъ, въ предупрежденіе недоразумѣній, начальникъ астробадской станціи послалъ въ Гассанъ-Кули объяснить Туркменамъ, что экспедиція не имѣетъ враждебныхъ намѣреній, а будетъ производить лишь съемку мѣстности. Въ то-же время начальникъ экспедиціи послалъ, черезъ Кадыръ-Хана, требование, чтобы плѣнныя были возвращены, немедленно по приходѣ экспедиціи. Относительно-же уплаты денегъ за лошадей и верблюдовъ, приказалъ объявить мѣстнымъ старшинамъ, чтобъ они готовили деньги круглымъ счетомъ по 10 червонцевъ за каждого верблюда и лошадь.

15-го августа. Утромъ экспедиція, въ полномъ составѣ, размѣстившись на шхунѣ Хивинецъ съ пароходомъ Волга, баржею № 2, шхунуно «Змѣя» и 4 десс. лодками, направилась къ заливу Гассанъ-Кули, и къ вечеру суда встали на якорь, противъ залива, въ 9 верстахъ.

16-го августа. На разсвѣтѣ пароходъ Волга взялъ на буксиръ десантныя лодки и подвесь ихъ на глубину 5 футъ.

Отсюда лодки отдѣлились и, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, подняли паруса. На лодкахъ размѣстились штуцерные и мастерская команда, съ оружиемъ, и чины корпуса топографовъ; на шестеркѣ, щѣхавшей впереди лодокъ, отправились начальникъ экспедиціи, начальникъ станціи и гг. Берновъ, Галкинъ и Старковъ. Быстро вошли лодки въ заливъ и направились къ сѣверной его части. При нашемъ приближеніи, множество туркменскихъ лодокъ бѣжали въ глубину залива, имѣющаго до 25 верстъ въ окружности. Съемка началась, не доходя до аула съ косы, гдѣ мы высадились, и куда Туркмены прислали лошадей и нѣсколько куласовъ. О нашихъ плѣнныхъ, выѣхавши на встрѣчу Туркмены говорили, что они увезены снова въ ауль, лежащий за 20 верстъ отъ берега, но что за ними послали и они должны быть скоро здѣсь. Предупредивъ, что если не вышлютъ ихъ

немедленно, то будуть приняты къ понуждению мѣры, мы между-тѣмъ, постепенно подвигались къ аулу, причемъ производилась и съемка мѣстности. На разстояніи пушечного выстрѣла приостановились, пославъ сказать, что ожидаемъ плѣнныхъ. Тутъ были найдены свѣжія завалины въ нѣсколько рядовъ. Туркмены столпились, отдѣлились отъ остатковъ развезенного ими аула и вслѣдъ затѣмъ вскорѣ выслали плѣнныхъ, причемъ сами и не приближались и не выражали требованія объ обмѣнѣ плѣненныхъ ими на захваченныхъ нами Туркменъ. Гассанъ-Кулины никакъ не ожидали нашего прихода съ залива, а думали, что десантъ будетъ сдѣланъ съ моря, подобно тому какъ высаживался въ прошломъ году капит. Лихаревъ.

Взявъ плѣнныхъ, мы отправились обратно къ лодкамъ. Туркмены провожали издали густою толпою.

Засвѣтло перешли благополучно на суда.

17-го августа. Сегодня во вчерашнемъ-же порядкѣ былъ сдѣланъ десантъ къ южной сторонѣ залива, но берегъ оказался черезъ мѣру топкимъ. Отсюда лодки направились было къ восточной сторонѣ, но нельзя было подойти по мелководью и густотѣ прибрежнаго камыша.

Втечениіи утра, употребленаго на объясненія попытки къ съемкѣ устьевъ Атрека и смежныхъ мѣстъ, прaporщикъ Марышевъ съ своей стороны производилъ на шестеркѣ промѣры залива; оказалось, что онъ имѣеть не болѣе $3\frac{1}{2}$ фут. глубины, прѣсной воды по берегу нѣть и аульные жители привозятъ ее съ Гургени, на лодкахъ.

По возвращеніи на суда былъ найденъ у шхуны Хивинецъ пароходъ Тарки съ контр-адмираломъ Машинъмъ, который приостановился проѣздомъ на Астрабадскую станцію.

При свиданіи съ нимъ, начальникъ экспедиціи объяснялся на счетъ плаванія шхуны Персіянинъ, и адмиралъ изъявилъ сожалѣніе о случившемся.

Въ ночь адмиралъ Машинъ снялся съ якоря и взялъ

1. *Chlorophytum comosum* (L.) Willd. ex Willd.
2. *Chlorophytum comosum* (L.) Willd. ex Willd.
3. *Chlorophytum comosum* (L.) Willd. ex Willd.
4. *Chlorophytum comosum* (L.) Willd. ex Willd.
5. *Chlorophytum comosum* (L.) Willd. ex Willd.
6. *Chlorophytum comosum* (L.) Willd. ex Willd.
7. *Chlorophytum comosum* (L.) Willd. ex Willd.
8. *Chlorophytum comosum* (L.) Willd. ex Willd.
9. *Chlorophytum comosum* (L.) Willd. ex Willd.
10. *Chlorophytum comosum* (L.) Willd. ex Willd.
11. *Chlorophytum comosum* (L.) Willd. ex Willd.
12. *Chlorophytum comosum* (L.) Willd. ex Willd.
13. *Chlorophytum comosum* (L.) Willd. ex Willd.
14. *Chlorophytum comosum* (L.) Willd. ex Willd.
15. *Chlorophytum comosum* (L.) Willd. ex Willd.
16. *Chlorophytum comosum* (L.) Willd. ex Willd.
17. *Chlorophytum comosum* (L.) Willd. ex Willd.
18. *Chlorophytum comosum* (L.) Willd. ex Willd.
19. *Chlorophytum comosum* (L.) Willd. ex Willd.
20. *Chlorophytum comosum* (L.) Willd. ex Willd.

сь собой кап. Лихарева. Для содѣйствія же экспедиціи оставилъ данную со стапцію команду при единорогѣ, пароходѣ «Волга» и шхуну «Змѣя». Послѣдняя, вирочемъ, имѣть прямымъ назначеніемъ обратно конвоировать ненадежный пароходъ «Волга», въ которомъ показалось новое поврежденіе въ подводной части.

18-го августа. На разсвѣтѣ суда направились къ Бѣлому бугру. Въ полдень была произведена высадка на берегъ, подъ прикрытиемъ штуцерной и матросской командъ, съ оружиемъ.

Въ съемочной партии участвовали начальникъ экспедиціи, подпоручики корпуса топографовъ Алексеевъ и Рыбинъ и гг. Старковъ, Шлиттеръ и докторъ Гинальскій.

Лошадей и верблюдовъ при выходѣ на берегъ не оказалось, хотя и былъ посланъ за ними въ Чикишлярскій аулъ, лежащій южнѣе бугра, верстъ на 15—20, Салихъ-ханъ, которому поручалось предостеречь жителей отъ всякихъ опасеній съ ихъ стороны и о томъ, что если будутъ противодѣйствовать, то подвергнутся строгому наказанію.

Такимъ образомъ, за неимѣніемъ перевозочныхъ средствъ, чины экспедиціи должны были отправиться къ бугру пѣшкомъ. Онъ лежитъ въ $7\frac{1}{4}$ верстахъ отъ берега, представляя обширный песчаный холмъ, посреди котораго, въ углубленіи, находится нѣсколько сопокъ вулканическаго свойства, выбрасывающихъ сѣрно-соленую грязь. Около бугра есть колодцы съ горько-соленою водой.

По осмотрѣ и съемкѣ мѣстности, экспедиція направилась обратно къ лодкамъ. На дорогѣ встрѣтился Салихъ-ханъ, пріѣхавшій верхомъ изъ Чикишлярскаго аула, съ извѣстіемъ, что старшины готовы уплатить немедленно деньги за угнанный табунъ, если будутъ возвращены плененные нами Туркмены. Онъ прибавилъ еще, что четверо старшинъ пріѣхали сюда вслѣдъ за нимъ и находятся около лодокъ. Между-тѣмъ за 2 версты отъ берега пока-

зались впереди нашей цепи, изъ-за бархановъ, Туркмены, въ значительномъ числѣ. При иѣкоторомъ-же приближеніи къ нимъ, они неожиданно открыли огонь.

На выстрѣлы Туркменъ отвѣчала съ нашей стороны штурмовая цепь, прикрывавшая орудіе. Туркмены подняли свои обычные, военные крики и усилили стрѣльбу, причемъ, посторонившись иѣсколько съ дороги отряда, собирались на высокомъ песчаномъ бугрѣ противъ лѣваго фланга цепи. Число-же Туркменъ стало видимо увеличиваться и противъ праваго фланга показалось иѣсколько всадниковъ.

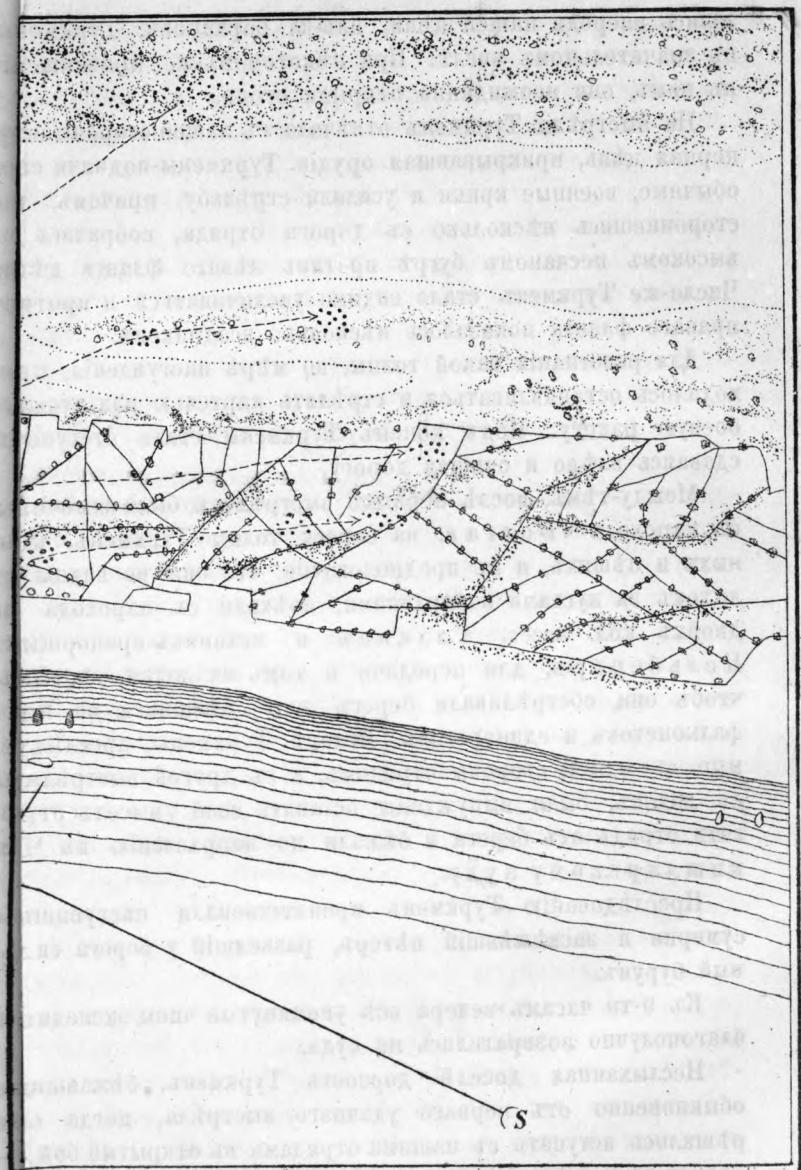
Для разогнанія такой толпы, по мѣрѣ наступленія, иріходилось останавливаться и стрѣлять картечью или пускать боевую ракету. Подъ конецъ Туркмены стали отступать, сдаваясь влѣво и очищая дорогу.

Междудѣмъ, послѣ первыхъ выстрѣловъ, были замѣчены, съ парохода «Волга», на берегу толпы Туркменъ, конныхъ и пѣшихъ, и въ предположеніи, что они не видны съ лодокъ за кустами и барханами, поѣхали съ парохода на двойкѣ кол. ассес. Галкинъ и механикъ-прапорщикъ Кельбереръ, для передачи о томъ на лодки, съ тѣмъ, чтобы они обстрѣливали берегъ изъ имѣвшихся на нихъ фалконетовъ и единороговъ. Вскорѣ Туркмены, преслѣдуемые съ одной стороны отрядомъ, а съ другой выстрѣлами съ лодокъ, были вынуждены оставить свой умыселъ отрѣзать отрядъ отъ берега и бѣжали по направлению къ Чикишлярскому аулу.

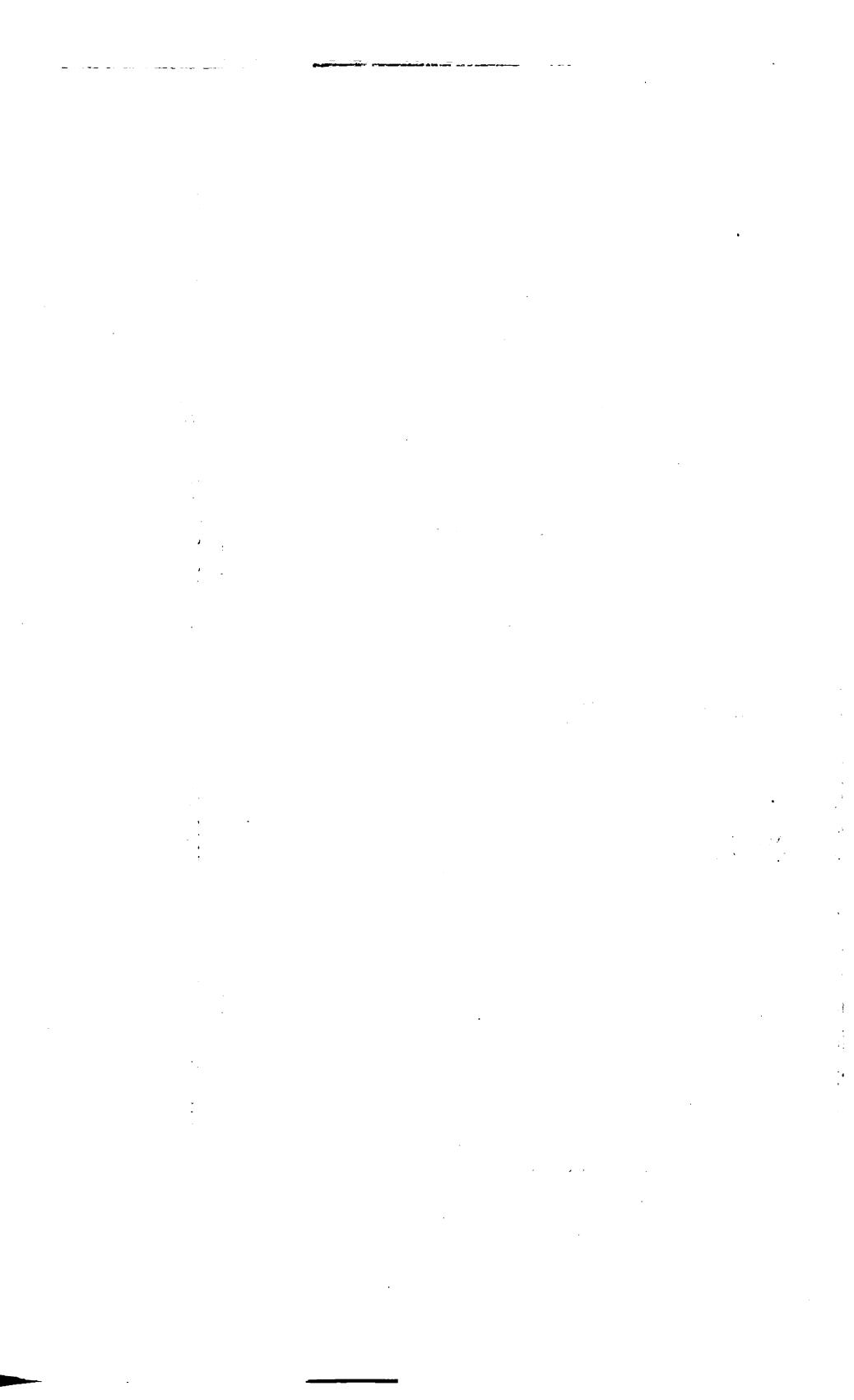
Преслѣдованію Туркменъ препятствовали наступившіе сумерки и засвѣжѣвшій вѣтеръ, разведшій у берега сильный бурунъ.

Къ 9-ти часамъ вечера всѣ упомянутые чины экспедиціи благополучно возвратились на суда.

Неслыханная доселѣ дерзость Туркменъ, бѣжавшихъ обыкновенно отъ первого удачнаго выстрѣла, когда они рѣшились вступать съ нашими отрядами въ открытый бой,— объясняется тѣмъ, что они думали отрѣзать отъ лодокъ

Лит. Е. Голенищев, № 3 лин. № 44

только небольшую съемочную партию, предполагая, что орудие и матросы возвратились на Ашуръ, вместе съ начальникомъ станціи; обѣ отъездѣ - же послѣднаго они узнали еще рано утромъ. Въ видахъ наказанія Туркменъ, по возвращеніи на шхуну Хивинецъ, начальникъ экспедиціи сдѣлалъ слѣдующія распоряженія:

Дабы подойти къ Чикишлярскому аулу, въ которомъ находилось до 500 кибитокъ, по возможности, незамѣтно,—паровыми судами развести пары и сняться съ якоря къ 2 часамъ утра и идти къ аулу соединенно; десантную команду имѣть въ готовности на лодкахъ, везомыхъ на баксирѣ. Шхунѣ Змѣя пройти южнѣе аула для перехватыванія лодокъ, если покусятся бѣжать въ Гассанъ-Кули. Командирами десантныхъ лодокъ назначены флотскіе и штурманскіе офицеры, мичманы Тумило-Денисовичи 1-й и 2-й и прапорщики: Баршацкій и механикъ Кельбереръ. Начальство десантною командою, изъ 50 штуцерныхъ и 50 матросовъ, при горномъ единорогѣ, поручено генерального штаба подполковнику Бернову, при которомъ пожелалъ находиться кол. ас. Галкинъ. Орудіемъ назначенъ командровать лейт. Ладыженскій, цѣпью подпоручикъ Абрамовъ, резервомъ поручикъ Шлittterъ. Такжѣ назначены въ десантъ и всѣ остальные офицеры экспедиціи.

По приближеніи къ аулу на наименьшую глубину, шхунѣ «Хивинецъ» приказано отдать свои лодки на баксиръ пароходу «Волга», которому идти къ сѣверной окопечности аула; по приближеніи къ нему, на 5 фут. глубины, пароходу «Волга» обстрѣливать ауль, а десанту идти къ берегу и высадиться лѣвѣ аула. Затѣмъ лодкамъ и пароходу «Волга» стрѣлять по аулу, покуда десантъ не займетъ его съ сѣверной стороны. То-же самое исполнить и шхунѣ «Змѣя». По занятіи аула, десанту приказано сжечь его, а судамъ истребить туркменскія лодки, виднѣвшіяся наканунѣ при ауль въ большемъ числѣ; для чего розданы людямъ фальшфайеры и смоляные кранцы.

Приказания эти исполнены всѣми частями въ точности. Въ аулѣ находилось до 1000 человѣкъ, въ томъ числѣ, по слухамъ, были жители изъ Гассанъ-кулинскаго аула и даже изъ Балхановъ. Семейства свои и имущество вывезли Туркмены въ степь на верблюдахъ.

Первые выстрѣлы съ парохода «Волга» по Туркменамъ, стоявшимъ густою толпою, заставили ихъ разсыпаться по кибиткамъ и высокимъ насыпямъ, окружающимъ бахчи и послужившимъ имъ завалами.

Подполковникъ Берновъ, дойдя до мели и обстрѣлявъ эти завалы, выслалъ цѣпь, подъ начальствомъ подпоручиковъ Рыбина и Абрамова, и немедленно началъ наступленіе, по колѣно въ водѣ. Туркмены встрѣтили десантъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ изъ закрытія. Дойдя до берега цѣпь штуцерныхъ, подъ начальствомъ подпоручиковъ Рыбина и Абрамова, обошла завалы съ праваго фланга и атаковала ихъ; а резервъ, при одномъ горномъ единорогѣ и боевыхъ ракетахъ, продолжалъ одновременно съ лодками и со шхуной «Змѣя», обстрѣливать ауль.

Дѣйствіе орудія и боевыхъ ракетъ заставило Туркменъ перебѣгать отъ одного прикрытия къ другому, унося своихъ убитыхъ и раненыхъ. Когда лѣвый флангъ цѣпи ворвался въ бахчи, гдѣ между канавами залегли Туркмены, которыхъ нужно было выбивать штыками,—отрядъ сдѣлалъ общее наступленіе.

Въ то-же время десантныя лодки, двигаясь на одной высотѣ съ отрядомъ, зажгли туркменскія суда, которая всѣ, числомъ до 50, были уничтожены.

Всѣдѣ бѣжавшимъ Туркменамъ послано нѣсколько выстрѣловъ гранатами и боевыми ракетами. Затѣмъ ауль сожженъ. Потери съ нашей стороны не было, и, не смотря на частые выстрѣлы Туркменъ, направленные преимущественно на горный единорогъ и резервъ, какъ представляющіе большую цѣль, раненыхъ только двое: подпоручикъ

А брамовъ въ икру лѣвой ноги на вылетѣ и кондукторъ корпуса морской артиллеріи Александровъ въ голову.

Потеря Туркменъ, кромѣ убытка отъ истребленія ауда и сожженія лодокъ съ запасами соли, нефти, сарачинскаго пшена и ячменя,— состояла изъ 25-ти тѣлъ, насчитанныхъ на мѣстѣ дѣла.

По возвращеніи на суда — приказано было пароходу «Волга» готовиться къ выступленію на разсвѣтѣ слѣдующаго дня, а шхунѣ «Змѣя» конвоировать его. Матросская команда, съ оружиемъ, возвращается при этомъ на Ашуръ.

20-го августа. Передъ разсвѣтомъ былъ посланъ со шхуны «Хивинецъ» къ берегу мичманъ Давыдовъ, на шестеркѣ, съ боевыми ракетами и фальшфейерами, для разогнанія начавшихъ собираться и тушившихъ огонь въ аулѣ Туркменъ и для уничтоженія нѣкоторыхъ потухшихъ лодокъ. Порученіе это было исполнено и кромѣ того Давыдовъ зажегъ пять лодокъ, прибывшихъ за ночь съ Челекеня съ солью и нефтью.

При отправленіи утромъ парохода «Волга», были сданы командиру онаго лейтенанту Гиллесему нѣсколько пакетовъ: къ начальнику астрabadской станціи, посланнику нашему въ Тегеранѣ и, для отсылки съ почтовымъ пароходомъ, къ оренбургскому генерал-губернатору и главному командиру каспійской флотиліи, въ которыхъ излагались объясненія обстоятельства.

Капитану Лихареву сообщалось еще объ отправленіи на станцію парохода «Волга» и шхуны «Змѣя» съ двумя десантными лодками и объ оставленіи третьей при шхунѣ «Хивинецъ», а также объ участіи, принятомъ офицерами и нижними чинами станціи въ дѣлахъ 18-го и 19-го чиселъ.

О награжденіи участвовавшихъ въ десантахъ командинровъ судовъ и лодокъ Высочайшими наградами было писано, въ свою очередь, главному командиру каспійской флотиліи.

Вслѣдъ за пароходомъ «Волга», подняли паруса «Хи-

винецъ» и баржа № 2-й и пошли по направлению къ Челекеню. Паровъ на шхунѣ не разводили.

21-го августа. Съ утра продолжали слѣдованіе подъ парами съ баржей на буксирѣ и къ вечеру встали на якорь въ южной бухтѣ острова, противъ аула Кадыръ-хана. Немедленно былъ сдѣланъ пушечный выстрѣль со шхуны, но никто изъ аула не пріѣхалъ, хотя подобный сигналъ, означающій вызовъ, извѣстенъ вездѣ между Туркменами. Поэтому были посланы къ берегу на шестеркѣ переводчикъ экспедиціи и подпоручикъ Рыбинъ съ письмами Салихъ-хана, въ которыхъ онъ, по приказанію начальника экспедиціи, уведомлялъ старшинъ о приходѣ нашемъ, съ цѣлю налиться прѣсной водою и закупить барановъ, которыхъ и поручалъ пригнать въ ауль къ утру завтрашняго дня. При этомъ извѣщались также мѣстные старшины о желаніи начальника экспедиціи видѣться съ ними. Письма были переданы вышедшему изъ аула къ шестеркѣ прикащику Измаилу Герасимову.

22-го августа. Рано утромъ вышли чины экспедиціи на берегъ, подъ прикрытиемъ штуцерной команды и 10-ти матросовъ. Салихъ-ханъ, взятый также на берегъ, провелъ насъ въ кибитку своего отца. Здѣсь мы ожидали съ часъ, пока не привели верблюдовъ, нужныхъ для слѣдованія къ прѣснымъ колодцамъ, лежащимъ въ 5-ти верстахъ отъ аула и въ такомъ-же разстояніи отъ пріисковъ нефти. Черезъ часъ были приведены 1 лошадь, 2 ишака и 6 верблюдовъ. Пройдя къ колодцамъ и взявъ немнога воды, мы направились отъ нихъ прямо къ нефтяному мѣсторожденію. Подходя къ нему, были, какъ и въ первое посѣщеніе, замѣчены на возвышеніяхъ толпы народа, но въ меньшемъ числѣ. Когда мы вышли на пріиски, то въ виду плѣнныхъ Персіянъ, начальникъ экспедиціи объявилъ собравшимся туркменскимъ старшинамъ, что такъ какъ захватъ Персіянъ и торгъ невольниками преслѣдуется, то онъ требуетъ непремѣнно выдачи всѣхъ находящихся у нихъ плѣнныхъ. Салихъ-

ханъ, бывшій при этомъ, видимо растерялся, но когда ему было строго подтверждено объясненное требование, то онъ самъ указалъ на тѣхъ, которыхъ прежде, въ Красноводскомъ заливѣ, называлъ своими крестьянами. Всего оказалось при этомъ 12-ть человѣкъ Персіянъ и 2 Негра, захваченныхъ въ Шерсіи. По словамъ плѣнныхъ на островѣ ихъ осталось теперь не болѣе 40 человѣкъ; остальные-же послѣ отгона скота въ Красноводскомъ заливѣ, увезены въ Гассанъ-Кули и Чикишлярскій аулъ.

По указанію плѣнныхъ, мы пошли отъ пріисковъ обратно двумя партіями: начальникъ экспедиціи направился къ аулу, лежащему у означенныхъ прѣсныхъ колодцевъ, а подполковникъ Берновъ, съ другой половиной десантата, пошелъ къ аулу, находящемуся въ 14 верстахъ отъ пріисковъ, на южной сторонѣ острова.

Съ угрозой наказанія были вытребованы изъ первого аула 8 плѣнныхъ и изъ втораго 6, послѣ чего партіи на лодкахъ возвратились къ судамъ, при чёмъ некоторые изъ старшинъ острова, которые не выдали своихъ плѣнныхъ были перенесены на суда, съ объявлениемъ, что будутъ отпущены не ранѣе выдачи невольниковъ.

Пріѣхавшій къ намъ съ сѣверной стороны прикащикъ Закаспійского торгового товарищества разсказывалъ о сдѣланномъ нападеніи на торговое ихъ судно Балханскими жителями, въ числѣ 250 человѣкъ, пріѣхавшихъ на 7-ми большихъ косовыхъ лодкахъ. Благодаря орудію судна и содѣйствію мѣстныхъ старшинъ, съ которыми прикащикъ живетъ въ дружбѣ, онъ успѣлъ счастливо отбиться отъ разбойниковъ. Одинъ только челекенскій старшина былъ при этомъ раненъ въ руку.

23-го августа. Сегодня были привезены съ берега еще 4 Персіянина и 2 женщины и кроме того еще 6 Персіяночекъ, которые были, однако, отпущены по изъявленному ими на то желанію, такъ какъ онъ имѣютъ дѣтей прижитыхъ съ Туркменами. Переводчикъ Ильминскій отбиралъ

отъ Персіанъ показанія, откуда они родомъ, когда и гдѣ были захвачены и у кого находились въ неволѣ. Согласно этимъ распросамъ, оказывается, что наибольшее число невольниковъ было у Кадырь-хана и у его дѣтей. Задержанные накавунъ старшины были отпущены. Они говорили о желаніи выкупить плѣненныхъ пами Туркменъ, цѣною взятыхъ у насъ верблюдовъ и лошадей; начальникъ экспедиціи отвѣчалъ, что готовъ сдѣлать этотъ обмѣнъ, назначивъ двухдневный срокъ, послѣ чего плѣнные будутъ отвезены въ Александровскій фортъ, и приказалъ съ деньгами явиться въ аулъ на сѣверной сторонѣ острова.

Съ лодки, пришедшей сегодня къ Челекеню изъ Гассанъ-Кули получены слухи, что въ Чикишлярскомъ аулѣ было дѣйствительно до 1000 человѣкъ изъ разныхъ ауловъ и племенъ, а къ Бѣлому-бугрю выходило до 400 Туркменъ.

24-го августа. Утромъ отправлена на Ашуръ баржа № 2-й, съ освобожденными Персами, при отношеніи начальника экспедиціи къ начальнику станціи о передачѣ этихъ лицъ нашему консулу въ Астрabadѣ. Послѣднему же попрочалось сдать ихъ мѣстнымъ персидскимъ властямъ. Для охраненія этихъ Персовъ, при отправленіи ихъ съ Гязскаго берега въ Астрabadъ, начальникъ экспедиціи просилъ капитана Лихарева не отказать въ необходимомъ конвоѣ.

При этомъ начальникъ экспедиціи отправилъ также донесеніе къ министру нашему въ Персіи, съ приложеніемъ списка освобожденнымъ.

Передъ своимъ уходомъ баржа салютовала, и ей отвѣчала шхуна, снявшаяся, равнымъ образомъ, съ якоря. Шхуна направляется въ Красноводскій заливъ, чтобы налиться Балкунинской водою; свою же воду передала она баржу № 2-й. Съ Балкую предполагается зайти на сѣверную сторону Челекена и затѣмъ за углемъ въ Баку.

25-го августа. На разсвѣтъ шхуна встала на якорь у

прежняго мѣста, противъ Чагадамской долины. Никакихъ кочевьевъ на этотъ разъ не найдено. Поклонившись могилѣ убитыхъ Туркменами нашихъ людей, при нападеніи на табунъ, и налившись водою, мы вышли изъ залива въ 3 часа по полудни, и въ 10-мъ часу вечера были въ сѣверной бухтѣ Челекена.

26-го августа. Весь день прошелъ въ переговорахъ съ упомянутымъ прикащикомъ Закаспійского товарищества Дадышемъ, который былъ на шхунѣ два раза. Онъ сообщилъ сначала, что старшины предлагаютъ деньгами за табунъ только 500 черв., а остальную сумму вещами золотыми и серебряными. Къ вечеру Дадышъ пріѣхалъ онять и привезъ деньги и вещи. Не желая тянуть это дѣло и надѣясь на Дадыша, который обѣщалъ содѣйствіе товарищества, начальникъ экспедиціи согласился взять 500 червонцевъ персидскимъ серебромъ и золотомъ, и вещи (для оцѣнки которыхъ назначилъ коммиссію), но съ тѣмъ, чтобъ вещи эти поступили въ товарищество, какъ залогъ на поставку ей безденежно нефтагиля, на сумму 760 черв. Дадышъ-же выдалъ свидѣтельство, что нефтагиль будетъ иметь полученъ безъ затрудненія и обѣщалъ, что товарищество уплатить по свидѣтельству деньги. Было еще взято отъ него письменное удостовѣреніе, что туркменскіе старшины поставятъ нефтагиль.

27-го августа. Рано утромъ пріѣхалъ на лодкѣ Дадышъ съ двумя еще Персиями, присланными съ Дарджи. Персіяне эти оказались не рабами, а живущими на волѣ, женатыми на Туркменкахъ, почему и были, согласно желанію ихъ, отпущены, вмѣстѣ съ туркменскими аманатами, унасть находившимися.

Одинъ изъ нихъ, старикъ, Ѳхаль неохотно; на разспросы онъ отвѣчалъ, что Челекенцы считаютъ обязанностю освободить ихъ какъ однородцевъ, но что денегъ своихъ не потеряютъ и возьмутъ за нихъ усиленный выкупъ, онъ-же бѣденъ и не увѣренъ, выкупать ли его одноаульцы.

28-го августа. Ночью и во все утро вътерь былъ по-путный, шхуна ставила паруса, и въ 6 часовъ вечера мы вошли въ Бакинскій рейдъ. Начальникъ и члены экспедиціи сѣхали на берегъ, для свиданія съ барономъ Врангелемъ. При этомъ находившійся на рейдѣ к.—а. Машинъ прислалъ за полк. Дандевиль катерь. При свиданіи были объяснены послѣднія дѣйствія. Что касается до барона Врангеля, то опь согласился внести не медля за означенныя вещи слѣдующія деньги. Подполковникъ Берновъ сѣхалъ также на берегъ, для отъезда въ Тифлисъ, куда хочетъ взять съ собою Салихъ-хана.

29-го августа. Баронъ Врангель обмѣнялъ персидское серебро и выдалъ деньги за доставленный ему вещами залогъ. Шхуна грузилась углемъ. Поручикъ Старковъ собиралъ свѣдѣнія о строительныхъ материалахъ и цѣнахъ на нихъ въ Баку.

30-го августа. Пришелъ въ Баку почтовый пароходъ «Тарки». На немъ прїѣхалъ астрabadскій консулъ Гусевъ. Командиръ парохода доставилъ письмо капитанъ-лейтенанта Лихарева, въ которомъ онъ благодарила начальника экспедиціи за наказаніе Туркменъ Чикишлярскаго аула, какъ за мѣру, полезную для станціи.

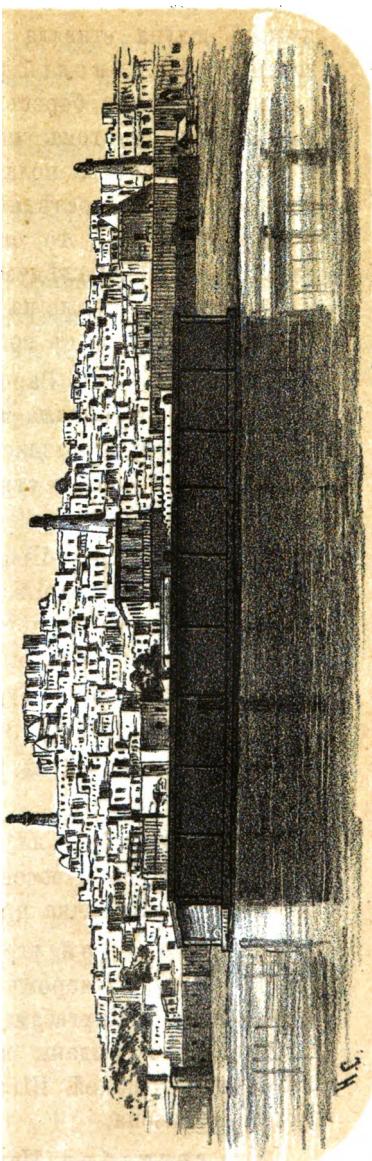
1-го сентября въ 9 часовъ утра вышли изъ Бакинскаго залива.

2-го сентября на широтѣ Дербента, на самой сединѣ моря, въ 5 часовъ утра, поднялся сильный вътерь, и значительная качка продолжалась цѣлый день.

3-го сентября утромъ вошли въ Тюкъ-Караганскую бухту. Вечеромъ была произведена уплата денегъ Туркменамъ и Киргизамъ за угнанныхъ у нихъ верблюдовъ и лошадей и выданы коменданту слѣдовавшія деньги за казенныхъ лошадей. Штурцерная команда поступила въ составъ гарнизона.

4-го сентября. Находящіеся у форта поселенцы вы-

Город Баку.

ражали желаніе переселиться обратно по недостатку мѣста для рыбнаго промысла.

5-го сентября. Взявши лодку изъ форта и казака-лоцмана, мы опять перешли на шхуну и направились къ Гурьеву-городку.

6-го сентября. Къ вечеру, подошедши на глубину 2 саженъ, бросили якорь.

7-го сентября. Была послана на Стрѣлецкую косу шлюпка за лодками.

8-го сентября. Утромъ были приведены три лодки для перевозки насъ въ Гурьевъ. Оставили шхуну въ 2 часа по полудни и прибыли въ Гурьевъ въ полночь.

Командиру шхуны, лейтенанту Брылкину, поручено доставить к.—а. Машину рапортъ начальника экспедиціи, въ которомъ свидѣтельствовалось объ отличной службѣ офицеровъ и общей исправности шхуны.

9-го сентября, утромъ мы выѣхали изъ Гурьева обратно, на Уральскъ, въ Оренбургъ, куда и прибыли 15 сентября.

ОБОЗРЕНИЕ

сношений Россіи съ Хивою.

(1670 — 1858 г.).

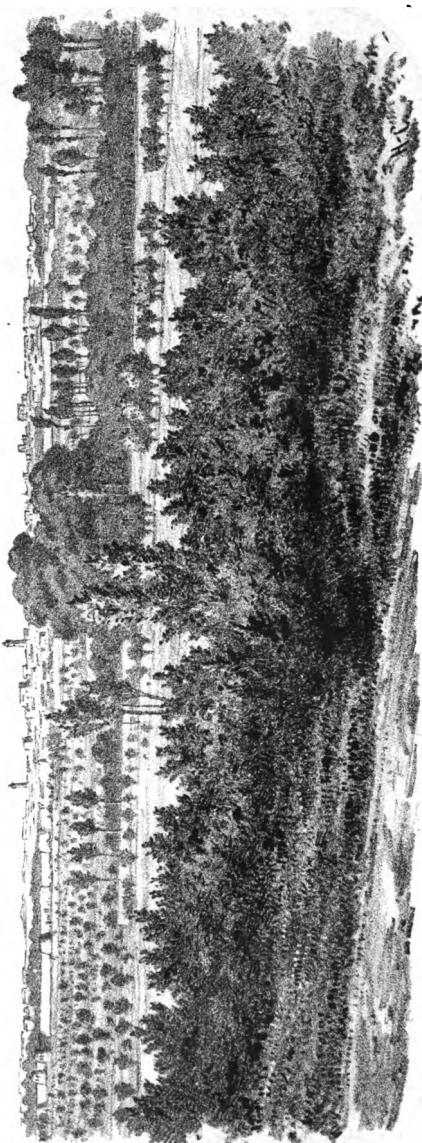
Сношения Россіи съ Хивою начались съ 1670. Спустя же 30 лѣтъ, въ 1700 году, прибывшій Хивинскій посланецъ вручилъ Петру Великому грамоту хана Шаніаза, въ которой послѣдній просилъ принять его, со всѣмъ подвластнымъ ему народомъ, въ подданство Россіи. Грамотою, отъ 30 іюня, Петръ Великій изъявилъ свое соизволеніе и подтвердилъ его впослѣдствіи, въ 1703 году, новому хану Хивинскому Аракъ-Ахмету¹⁾.

По поводу сего послѣдняго обстоятельства въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» за апрѣль того года было помѣщено слѣдующее объявление: «Хивинскій ханъ прислалъ къ Великому Государю послы своего, чтобы Великій Государь позволилъ его, хана, со всѣми существами подъ его владѣніемъ, принять подъ свою царскую высокодержавную руку въ вѣчное подданство, о чёмъ державнѣйший нашъ Государь милостию соизволилъ и посылаетъ къ нему, Хивинскому хану, послы своего²⁾.

¹⁾ Попова: «Сношения Россіи съ Хивою и Бухарою при Петрѣ Великомъ». Спб. 1853 г., стр. 4.

²⁾ «Московскія вѣдомости» 1703 года. Новое тираженіе 1855 г., стр. 69. Первые Русскія вѣдомости, печатавшіяся въ Москвѣ при Петрѣ I-мъ.

Город Узбек

Такое неожиданное подданство не могло не порадовать Петра Великаго. Тогда-же ходили слухи о золотомъ пескѣ на Аму-Дарье и о томъ, что Хивинцы съ умысломъ засыпали устье, которымъ рѣка эта впадала въ Каспійское море, и что безъ большихъ усилій можно возвратить ей прежнее теченіе ¹⁾. Наконецъ новый посолъ Хивинскій, пріѣзжавшій въ С.-Петербургъ въ 1714 году, предлагалъ устроить у того устья крѣпость. «Всѣ сіи обѣявленія—говоритъ Голиковъ—казались попечительному о благѣ отечества Государю весьма важными: проницаніе его видѣло, что если и не найдется искомое золото, то, по-крайней-мѣрѣ, найденъ будетъ новый способъ къ полученію онаго посредствомъ торговли чрезъ тѣ страны съ самою Индіею ²⁾. Вслѣдствіе этого и были, между прочимъ, снаряжены двѣ экспедиціи, одна послѣ другой, подъ начальствомъ гвардіи капитана князя Бековича-Черкасскаго.

Первая ограничилась собраніемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о Бухарѣ и Хивѣ, розысканіемъ старого русла Аму и вообще изслѣдованіемъ мѣстности по восточному берегу Каспійского моря. Вторая, снаряженная въ 1716 году, имѣла цѣллю устроеніе крѣпости у Красноводскаго залива, близъ прежняго устья Аму-Дарыи, и тѣснѣйшее сближеніе съ Хивою, для чего и было поручено князю Бековичу отправиться въ Хиву.

20-го іюня 1717 года, съ отрядомъ въ 3,000 человѣкъ, при 7 орудіяхъ, выступилъ Бековичъ изъ Гурьева-городка въ степь, слѣдя на Эмбу и далѣе караванной дорогой въ Хиву.

Извѣстна несчастная участъ, постигшая эту поѣздку. Князь Бековичъ-Черкасскій не засталъ въ Хивѣ того хана,

¹⁾ Въ подтвержденіе этого и въ настоящее время есть много свидѣтельствъ.

²⁾ Голикова: Исторія дѣяній Петра Великаго. т. V, стр. 235 (2 изд.).

посланникъ котораго, какъ упомянуто выше, предлагалъ построить крѣпость у Красноводскаго залива; новый-же владѣлецъ воспользовался оплошностью самаго Бековича, согласившагося раздѣлить свой отрядъ на мелкія части, съ размѣщеніемъ ихъ по разнымъ городамъ ханства, подъ предлогомъ удобствъ продовольствія. Обезоруженный, такимъ образомъ, онъ былъ преданъ смерти вмѣстѣ со всей его свитой.

Такая участъ посольства Бековича тѣмъ болѣе прискорбна, что отъ видовъ и предположеній Петра Великаго въ отношеніи Хивы и всей вообще Средней Азіи, можно было ожидать огромныхъ и въ то время особенно выгодныхъ для Россіи результатовъ. Петръ Великій, вполнѣ сознавая, что одно номинальное подданство Хивы было не дѣйствительно и желая удержать ее въ своей власти — поручалъ Бековичу въ данномъ ему, въ высшей степени замѣчательномъ, самимъ Петромъ написанномъ наставлениі «предложить хану гвардію изъ Русскихъ.» «Въ Бухаріи тоже — продолжалъ Петръ — ханы бѣдствуютъ отъ подданныхъ и потому предложить также Русскую гвардію.» Не заключается ли въ этомъ предложеніи весь смыслъ намѣреній Петра Великаго въ отношеніи Средней Азіи? И въ самомъ дѣлѣ, будь только Русское войско въ Хивѣ, тогда все вліяніе на нее, при сохраненіи мѣстной ханской власти, а слѣдовательно и безъ особыхъ издережекъ на управлениѣ, перешло бы, конечно, въ руки Россіи. Хива въ сущности обратилась бы въ нашу собственность, и тогда сдѣлалась-бы, можетъ статься, говоря словами Н. Н. Муравьевъа «средоточiemъ всей Азіатской торговли и поколебала-бы сильное торговое преимущество властителей морей въ самой Индіи¹⁾.

Послѣ кончины Петра Великаго неизвѣстно, чтобы объ-

¹⁾ Муравьевъ: «Путешествіе въ Туркменію и Хиву въ 1819 и 1820 г.» Предисловіе.

ясенное предположение его входило въ виды нашего правительства. Тѣмъ не менѣе Хива не разъ еще на памяти исторіи признавала надъ собою владычество Россіи. Такъ, въ 1740 году призвала она къ себѣ и превозгласила ханомъ начальника подвластной уже намъ въ то время Малой орды, Абуль-Хаира. Сей-же послѣдній, принимая ханство, объявилъ его подданнымъ Россіи. «Благодарю Бога — говорилъ онъ въ собраніи Хивинскихъ старшинъ, бывшему при немъ поруч. Гладышеву ¹⁾), — что теперь Хива въ подданствѣ Е. И. Величества, и я въ оной ханомъ. «Этимъ подданствомъ своимъ Россіи думаль-было Абуль-Хаиръ остановить даже шаха Персидскаго, шедшаго войною на Хиву. Онъ послалъ къ шаху геодезиста Муравина съ Императорскою грамотою, данною Абуль-Хаиру, на принятіе его въ Русское подданство и съ своимъ письмомъ «съ тѣмъ объявленіемъ, что онъ ханъ, подданный Е. И. Величества и сей городъ принялъ онъ, ханъ, для того, чтобы учинить оный подданнымъ-же Е. И. Величеству, а какъ слышалъ онъ, ханъ, что оный Персидскій шахъ съ Русскою Имперіею въ союзѣ обрѣтается и для того онъ, шахъ ради разоренія сего города, ходить не изволить.» .

На возвратномъ пути Абуль-Хаира, въ проѣздѣ его чрезъ Аральское владѣніе, лежавшее въ самой дельтѣ Аму-Дарьи, произошла тамъ, говоритъ Гладышевъ, «не только знатнаяссора, но и баталія изъ того, что нѣкоторая часть Аральцевъ намѣрена принять себѣ въ ханы Абуль-Хаира ханскаго сына Нурали, а другіе того не хотѣли; однако на

¹⁾ Гладышевъ, выѣхавъ съ геодезистомъ Муравинымъ, вслѣдствіе просьбы Абуль-Хаиръ-хана о постройкѣ ему близъ устьевъ Сыра «города», были посланы нашими правительствомъ къ хану для предварительного осмотра мѣстности. Не заставъ его въ ордѣ, они отправились вслѣдъ за нимъ въ Хиву. (Поѣздка изъ Орска въ Хиву и обратно, совершенная въ 1740—41 годахъ Гладышевымъ и Муравинымъ, изд. Я. Ханыковымъ въ 1851 году, стр. 12).

послѣдокъ, по окончаніи оной международной ссоры, всѣ Аральцы согласно рѣченаго Нурали-салтана приняли себѣ въ дѣйствительнаго хана, который тамъ и остался.»

Здѣсь кстати замѣтить, что Аральское владѣніе, составляя Хивинскую область, было долгое время независимо и подпало окончательно подъ власть Хивы лишь въ правление Мухаммѣдъ-Рахимъ-хана. Въ числѣ жителей его, кромѣ большинства Хивинскихъ Узбековъ, подъ именемъ Араповъ, находится въ настоящее время значительное число Каракалпаковъ и Киргизовъ. Тѣ и другіе, какъ присягавшіе уже прежде Россіи, весьма вѣроятно были привлечены туда въправленіе означенаго Нурали.

Избранію Нурали въ ханы этого владѣнія, по сказанію означенаго Гладышева, способствовала зависимость Малой орды отъ Россіи. «Князьки Аральскіе и нѣкоторая часть ихъ народа разсуждали,—говорить Гладышевъ,—что Абуль-Хаиръ-ханъ подъ властію Е. И. Величества состоить, чего ради и народы тамошніе его нѣсколько боятся и для того усовѣтовали принять себѣ въ ханы сына его Абуль-Хаиръ-ханскаго, вышесказанаго Нурали-салтана.*¹⁾

Такое значеніе имѣла Россія и въ отношеніи всей вообще Хивы, и продолжалось оно тамъ до начала настоящаго столѣтія, а именно до времени вступленія на ханство упомянутаго выше Мухаммѣдъ-Рахима, около 1802 года. Вслѣдствіе этого смотрѣла, въ свою очередь, Хива и на султановъ сосѣдственной Киргизской орды съ явнымъ уваженіемъ и даже страхомъ. Не только видно это изъ того, что и послѣ Абуль-Хаира, Хива призывала на ханство нѣсколькоихъ Киргизскихъ султановъ, какъ Нурали (упомянутаго владѣльца Аральскаго, назначенаго впослѣдствіи, по смерти отца его, Абуль-Хаира, ханомъ Малой орды) и Каипа, но оно видно и изъ того народнаго обыкновенія, которое на

*¹⁾) Поѣзда изъ Орска въ Хиву и пр. стр. 15—17.

долгое еще время потомъ сохранялось въ Хивѣ. Туда призывали и при самостоятельномъ своемъ ханскомъ управлении, кого-либо изъ Киргизъ, «котораго въ знакъ покорности именовали своимъ ханомъ, угощали и потомъ, надѣливъ богатыми дарами съ почестью отпускали.» Со вступлениемъ же на ханство въ Хивѣ Мухаммель-Рахима, такая покорность ея исчезаетъ и переходитъ скорѣе въ политику наступательную. Онъ началъ съ подчиненія владѣнія Аральскаго, съ нѣсколькими тысячами кибитокъ подданныхъ Россіи Каракалпаковъ и Киргизовъ (до 8,500 кибитокъ), располагавшихся кочевьемъ въ самомъ владѣніи или въ окрестностяхъ его, и потомъ, округливъ, такимъ образомъ, свое ханство, сталъ позволять себѣ различныя притѣсненія, въ отношеніи Киргизовъ, кочевавшихъ въ границахъ подвѣдомственной намъ Малой орды, внутри степей ея. Притѣсненія эти, выражаясь набѣгами, отбитиемъ скота, раззореніемъ и привлечениемъ въ свои земли цѣлыхъ ауловъ Киргизскихъ и проч., поставили наконецъ Малую орду въ такое положеніе, что она, въ управлениѣ ею Ширгазы-хана (1812 — 21 г.) нашлась вынужденной платить Хивинскому владѣльцу подать, «удѣляя сотую часть овецъ отъ многочисленныхъ стадъ своихъ ¹⁾». И такъ, Хива помѣнялась ролью съ Малой ордой, и всѣмъ этимъ обязана правленію Мухаммель-Рахимъ-хана....

Къ этому времени относится посольство въ Хиву недавно скончавшагося Н. Н. Муравьевъ-Карскаго, какъ, по общему признанію, именовали его въ послѣднее время.

Онъ былъ посланъ туда въ 1819 году нашимъ знаменитымъ главнокомандующимъ на Кавказъ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ. Сознавая уже тогда все значеніе, которое представляло для нашего самостоятельного пользова-

¹⁾ Путешествіе Муравьевъ, ч. 2, стр. 45.

ванія Каспійськимъ моремъ, занятіе восточнаго его берега, А. П. Ермоловъ имѣлъ еще въ виду возможность направленія кратчайшимъ путемъ всей нашей хивинской и средне-азіатской торговли, почему и поручилъ Муравьеву, бывшему въ то время капитаномъ гвардейскаго генеральнаго штаба, отправиться съ восточнаго берега Каспія въ Хиву для убѣжденія хана направить торговлю на тотъ шунеть, который будетъ выбранъ подъ наше заселеніе. Одинъ, безъ всякой свиты и конвоя, только съ нѣсколькими Туркменами, отправился Муравьевъ въ Хиву. Небольшой караванъ, въ 17 верблюдовъ, потянулся по Туркменскимъ степямъ и на 18-й день прибылъ въ Ильгельди, небольшую крѣпостцу подъ Хивой, куда, по приказанию хана, былъ провезенъ Муравьевъ высланными къ нему на встречу ханскими чиновниками. И тутъ «снизачто-напрочто» по выражению одного изъ повѣстователей того времени, Муравьевъ былъ задержанъ въ самомъ строгомъ заключеніи 48 дней. Ермоловъ-же въ письмѣ къ хану, посланномъ съ Муравьевымъ писалъ, между прочимъ, «податель сего письма, имѣющій отъ меня словесныя къ вамъ порученія—будетъ иметь честь лично удостовѣрить ваше высокостепенство въ желаніи моемъ изъ цвѣтовъ сада дружбы сплести пріятный узель соединенія нашего неразрывною пріязнью.» Но не изъ того сада и не изъ тѣхъ цвѣтовъ ханъ сплеталъ свои отношенія къ намъ. Только благодаря необыкновенному терпѣнію, твердой волѣ и нежеланію ни съ кѣмъ другимъ, кроме хана входить въ сношеніе по порученному ему дѣлу, Муравьевъ добился, наконецъ, аудіенціи. День 17-го ноября былъ назначенъ для вѣзда его въ Хиву. «Жители Ильгельди, пишетъ Муравьевъ въ своихъ воспоминаніяхъ, привыкли ко мнѣ и всѣ провожали меня за ворота—старики, дѣвушки, женщины и дѣти, осталась одна только собака Койчи, вѣчный сторожъ мой и самый злой, къ которому я прежде подойти не могъ, но и та при прощаніи пришла и сѣла смиренno предо мной, среди окружавшихъ меня людей; я ее покормилъ — прибав-

ляетъ Муравьевъ—въ первый и послѣдній разъ, и разстал-
ся съ нею пріязненно»¹⁾). 20 ноября ханъ принялъ Му-
равьева. Пріемъ не былъ продолжителенъ. Ханъ не согла-
сился на сдѣланное ему предложеніе направить торговлю
на Каспій, ссылаясь на непріязнь къ нему Прикаспійскихъ
Туркменъ. Не помогъ и извѣстный отвѣтъ Муравьева: «тог-
да непріятели ваши будутъ нашими».... Впрочемъ ханъ, по
совѣту Муравьева, согласился послать своихъ двухъ чиновни-
ковъ къ генералу Ермолову. Съ этими посланными и преж-
ними спутниками—Туркменами, Муравьевъ вслѣдъ-же за
сімъ отправился обратно.

Междудѣмъ Мухаммедъ-Рахимъ продолжалъ утверждать
свою власть все болѣе и болѣе какъ внутри, такъ и извнѣ.
«Въ эпоху смерти его, въ 1825 году, Хивинское ханство,—
говоритъ Я. В. Ханыковъ, въ своей пояснительной запискѣ
въ картѣ Аральского моря—представляло одно политиче-
ское цѣлое, дѣйствительно подчиненное Хивинскому вла-
дѣльцу. Такимъ образомъ, продолжаетъ онъ, сначала ны-
нѣшняго столѣтія, Хивинское владѣніе получило нѣкоторую
политическую значимость. Но это преобразованіе, составляя
успѣхъ, сравнительно съ предшествовавшимъ положеніемъ
ханства, еще не могло сдѣлать его важнымъ ни какъ врага,
ни какъ союзника для такого могущественного сосѣда, какъ
Россія ²⁾.

Какъ-бы ни было, но съ тѣхъ поръ дерзости Хивы пре-
взошли всякую мѣру...

Чтобы положить, наконецъ, предѣлы имъ и избавить
значительное число Русскихъ плѣнныхъ, захваченныхъ, по
наущенію Хивы, на Каспійскомъ морѣ и съ Оренбургской
линіи, была снаряжена, въ 1839 году, столь извѣстная воен-

¹⁾ Путешествіе Муравьева, стр. 121.

²⁾ Стр. 281.

ная экспедиція противъ Хивы, подъ личнымъ начальствомъ начальника края, генералъ-адъютанта В. А. Перовскаго. Цѣлію экспедиціи было смѣщеніе хана, съ замѣной его преданнымъ намъ Киргизскимъ султаномъ, освобожденіе Русскихъ плѣнныхъ, томившихся въ Хивѣ въ неволѣ и наконецъ улучшеніе торговыхъ сношеній. Самая тщательная приготовленія къ экспедиціи дѣлались исподволь. Были выведены на справку всѣ прежде предпринимавшіеся походы въ степь; а таковые, какъ извѣстно, предпринимались и зимою, и лѣтомъ. Между прочимъ зимний походъ въ степь, въ 1825 году, полковника Генерального Штаба Берга, нынѣшняго графа-намѣстника въ Варшавѣ, былъ еще памятъ по своему благополучному окончанію. Выступивъ 16 декабря, отрядъ этотъ обогнулъ сѣверо-восточный берегъ Каспія, перерѣзъ Усть-Уртъ подъ 45° с. ш. и дойдя до изгиба западнаго берега Аракса, спустился съ Усть-Урта черезъ оврагъ Карасай и лишь 4-го марта вернулся на линію. На этомъ и подобныхъ примѣрахъ, было рѣшено предпринять и означенный походъ на Хиву зимою, по недостаточности, главнымъ образомъ, колодцевъ и копаний для лѣтнаго передвиженія степью съ большими отрядами. Никогда ни прежде, ни послѣ не снаряжалась въ томъ краѣ экспедиція въ столь широкихъ размѣрахъ. Экспедиція поднялась изъ Оренбурга въ полномъ составѣ, со всѣмъ необходимымъ для нее продовольствіемъ. Въ отрядъ поступило до 5,000 нижнихъ чиновъ при 14 штабъ-офицерахъ и 4 генералахъ. Свыше 10,000 верблюдовъ было занято у Киргизъ для поднятія тяжестей и провіанта. До 500,000 р. было отпущено на издержки. Заботливость при снаряженіи экспедиціи доходила до самыхъ мельчайшихъ подробностей и вообще обѣщала всевозможныя удобства въ пути; но атмосферическая условія той зимы рѣшили иначе. Вслѣдствіе сильныхъ холодовъ и глубокаго снѣга, экспедиція должна была вернуться, не достигнувъ цѣли и испытавъ при томъ страшныя лишенія, недоступныя описанію.

Выступая въ походъ, Перовскій отдалъ слѣдующій приказъ по войскамъ Оренбургскаго корпуса:

«По Высочайшему Государя Императора повелѣнію, я иду съ частію ввѣренныхъ мнѣ войскъ на Хиву.»

«Долго уже Хива искушала долготерпѣніе сильной и великодушной державы и заслужила наконецъ вѣроломными, непріязненными поступками своими грозу, которую сама на себя накликала. Честь и слава всѣмъ, кому Богъ привелъ идти по повелѣнію Государя, на выручку братьевъ томящихся въ неволѣ.»

«Товарищи! нась ожидаютъ стужа и бураны и всѣ неизбѣжныя трудности дальнаго, степнаго и зимняго похода; но забота обо всемъ необходимомъ, по возможности, предупредила крайности и недостатки, а рвение ваше, усердіе и мужество довершать успѣхъ и побѣду. Войска Оренбургскаго корпуса въ первый разъ выступаютъ въ значительномъ составѣ противъ непріятеля; Россія въ первый разъ караетъ Хиву, эту дерзкую и вѣроломную сосѣдку. Черезъ два мѣсяца, дасть Богъ будемъ въ Хивѣ, и въ первый разъ въ столицѣ ханства, предъ крестомъ и Евангелиемъ Русскіе будутъ приносить теплыя и громкія молитвы за Царя и отечество.»

«Обращаюсь къ той части войскъ, которая останется для охраненія Оренбургскаго пограничнаго края и родины своей. Вамъ не судило счастіе дѣлить съ нами труды и опасности; но вы не менѣе того заслужите добрую славу и милостивое вниманіе Государя Императора: всякий чинъ, малый и великий, простившись съ ушедшими въ походъ товарищами, будетъ свято помнить долгъ и присягу, будетъ нести службу за себя и за походныхъ, и, въ свое время, радостнымъ, братскимъ привѣтствіемъ, встрѣтить возвратившихся изъ дальнаго и труднаго странствія сослуживцевъ своихъ.»

Отрядъ выступилъ изъ Оренбурга, 17-го ноября, послѣ

торжественного молебствия, напутствованный благословениями местных и окрестных жителей, съехавшихся на проводы родных и знакомых, выступавших въ столицу далёкий путь. Походъ этотъ, по истинѣ, могъ считаться безпримѣрнымъ: предстояло пройти 1,500 верстъ зимой, по мѣстности бездорожной, отовсюду открытой и безпріютной. Зима же крѣпчала съ каждымъ днемъ. На 5-й день пути термометръ показывалъ уже 29° морозу, а было потомъ и болѣе. Снѣгъ падаль обильнѣе, чѣмъ запомнить Киргизы. По временамъ вздымалъ его страшный буранъ, и уже на первыхъ порахъ приходилось привадумываться надъ благополучнымъ исходомъ такого странствія. Отрядъ-же все двигался и двигался впередъ, просыпаясь въ 3 часа ночи и подымаюсь въ 6-ть съ мѣста въ путь. Съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ онъ былъ уже на Эмбѣ, оставивъ за собою до 500 верстъ тяжелаго пути. Тутъ былъ назначенъ отдыхъ и здѣсь-же пришлось поближе взглядѣться въ положеніе отряда. Оказалось, что годныхъ верблюдовъ осталось не болѣе $\frac{2}{3}$, почему всего остального продовольствія поднять было невозможно, люди стали слабѣть и болѣть чаще, были также примѣры осущанія Киргизъ и бѣгства ихъ съ верблюдами.... Положеніе вообще становилось тяжелымъ, сомнѣніе подкрадывалось, энергія слабѣла.... Всѣ излишнія тяжести побросали тутъ, сожгли сотни телѣгъ, все что только могло затруднить дальнѣйшее слѣдованіе. Также оставили часть провіанта. Затѣмъ передовой отрядъ двинулся къ Акъ-Булаку. Выступила и остальной, по частямъ, встрѣчая на пути больныхъ, пересылавшихся изъ Акъ-Булака обратно на Эмбу; верблюды въ свою очередь продолжали болѣть и падать и къ приходу на Акъ-Булакъ выбыло ихъ еще до 2,000, при чёмъ и всѣ остальные оказывались ненадежными для предстоявшаго пути. Была-ли-же послѣ того какая возможность идти впередъ, когда для того, чтобы вернуться назадъ на Эмбу — къ нашему укрѣплению — нужно было бросить на Акъ-Булакѣ до 3,000 четвертей хлѣба и много другихъ тяжестей? Хо-

рошо еще, что было кое-какое продовольствие на Эмбѣ, да возможность получить его, со вскрытиемъ весны, на встрѣчу изъ Оренбурга, вмѣстѣ съ подъемными верблюдами. Такъ-то кончилась эта несчастная экспедиція, ожидающая еще подробнаго описанія, стоявшая, не говоря уже объ издержкахъ, нѣсколькихъ сотень людей, умершихъ въ пути, и столько лишеній и безплодныхъ усилий, легшихъ тяже-лымъ бременемъ на здоровье многихъ, оставшихся дожи-вать свой вѣкъ. По выводамъ В. И. Даля, за все почти время означенного похода, въ которомъ онъ участвовалъ, съ 17 ноября по 20 февраля, былъ круглымъ числомъ по 19⁰ на день ¹⁾). Но и такой исходъ экспедиціи, обраща-щаясь собственно къ отношеніямъ нашимъ съ Хивою, имѣть свою долю вліянія и послужилъ къ вразумленію, хотя временному, хивинскаго владѣльца. Лѣтомъ наступившаго 1840 года отпустилъ онъ въ Россію всѣхъ находившихся въ Хивѣ Русскихъ плѣнныхъ, числомъ до 500, и издалъ при томъ фирманъ, которымъ строго воспрещалъ всѣмъ под-властнымъ ему племенамъ, подъ опасеніемъ казни, произво-дить на границахъ имперіи хищничества и грабежа и дер-жать въ неволѣ Русскихъ подданныхъ. Мѣра эта была явно вынуждена опасеніемъ возобновленія поиска на Хиву. Страхъ-же и отъ первого движенія на нее былъ неописанный. По-водомъ къ общему оцѣненію было отчасти существующее съ давнихъ поръ въ Хивѣ и вообще въ степи повѣрье, что Хива погибнетъ отъ Русского оружія, когда воды Аму-Дарьи будуть снова разливаться до Стараго-Ургенча, поки-нутаго въ древнія времена, какъ говорятъ, по недостатку воды; передъ Хивинскою-же экспедиціею Аму-Дарья стала обращаться на западъ и въ Куня-Ургенчъ (Стар. Ургенъ) опять поселились жители ²⁾). Оставалось, такимъ образомъ,

¹⁾ Письма къ друзьямъ изъ похода въ Хиву. (Русск. Арх. 1867 г. № 4, стр. 628).

²⁾ Настоящий городъ Куня-Ургенчъ, построенный около развалинъ ста-раго, дѣйствительно, какъ говорить г. Базинеръ въ своей Naturwissen-

ожидать исполненія послѣдней части предсказанія. Когда-же опасенія вторичнаго похода миновали, то и фирмантъ ханскій не послужилъ ни къ чему. Не повели ни къ чему и условія, заключенные съ Хивою бывшимъ тамъ въ 1842 году посольствомъ нашимъ. Хива снова начала вредить намъ въ Киргизской степи сколько могла, стараясь преимущественно укрѣпиться на Сыръ-Дарьѣ.

Между тѣмъ и въ 1849—1850 и въ 1852 годахъ пріѣзжали къ намъ посольства изъ Хивы. Изъ нихъ послѣднее имѣло сравнительно большее значеніе. Цѣллю его было удостовѣриться «съ вѣдома-ли Государя Императора производилась въ предшествовавшемъ году рекогносцировка и съемка мѣстности за Сыръ-Дарьею.» Но это былъ только предлогъ; вѣроятная-же цѣль — заключалась въ желаніи развѣдать на мѣстѣ о видахъ и намѣреніяхъ нашихъ, вслѣдствіе вторженія въ наши предѣлы грабительскихъ Коканскихъ шаекъ не безъ участія Хивинцевъ.

Къ тому-же, съ послѣдовавшимъ предъ тѣмъ вторичнымъ назначеніемъ Оренбургскимъ генераль-губернаторомъ графа В. А. Перовскаго, ханъ, какъ было слышно, сильно беспокоился за свои владѣнія, опасаясь нового похода,—и Хива на этотъ разъ присмирилась. Также и при занятіи Коканскаго укрѣпленія Акъ-Мечети, нынѣ Фортъ-Перовскій, Хива держалась во все время осторожно и на приглашеніе Кокана дѣйствовать за одно противъ насъ, отвѣчала уклончиво, и всю свою помошь ограничила посылкою 9-ти верблюдовъ со свинцомъ и порохомъ. Отъ дальнѣйшаго вмѣшательства удержало, можетъ быть, Хиву и письмо начальника Оренбургскаго края къ Хивинскому Мехтеру, посланное предъ выступленіемъ подъ Акъ-Мечеть, съ извѣщеніемъ о причинахъ и цѣли экспедиціи. Мехтеру давалось знать,

что дѣло наказанія Коканцевъ не имѣть ничего общаго съ отношеніями нашими къ Хивѣ, почему Хивинцы могутъ и должны оставаться въ сторонѣ; если-же вмѣшаются какимъ-либо образомъ въ чуждую имъ распрю, то это будетъ принято за нарушеніе мирныхъ съ Хивою отношеній и повлечь за собою непріятныя для нея послѣдствія. Но затѣмъ, при сосредоточеніи нашего вниманія исключительно на Коканѣ, Хива снова воспрянула и хотя не обнаруживая рѣзко непріязненнаго къ намъ расположенія, не менѣе однако прежняго стала вредить тайнымъ образомъ, продолжая посыпать въ нашу степь лазутчиковъ и сборщиковъ зяката, возбуждая чрезъ нихъ Киргизовъ къ фанатической враждѣ противъ Русскихъ и поддерживая мятежные замыслы въ Кутебаровѣ, Асавовѣ и другихъ Киргискихъ бунтовщикахъ объщеніемъ помощи, въ случаѣ открытаго ихъ возстанія. Къ этому сверхъ собственного расположенія побуждалась она, по всей вѣроятности, и внушеніями Турціи, куда въ 1853 и 1854 годахъ два раза ъздили посланцы ея. Послѣдствіемъ же такого въ отношеніи наскъ образа дѣйствій Хивы слѣдуетъ, по всей вѣроятности, считать и бывшій въ 1856 — 1857 годахъ мятежъ на Сырѣ.

Все это не помѣшало, однако, обмѣну самыхъ изысканныхъ учтивостей. Въ 1857—1858 году былъ присланъ изъ Хивы посланецъ для принесенія поздравленія Государю Императору со вступленіемъ на престолъ, а въ 1858 году была послана Русская миссія въ Хиву, послѣдняя бывшая тамъ до сего времени....

ВЫДЕРЖКИ

изъ дневника слѣдованія въ 1858 г., изъ Оренбурга въ Хиву Киргизскую степью и Аму-Дарьею.

Снаряженная въ 1858 году, по Высочайшему повелѣнію, миссія въ Хиву и Бухару выступила изъ Оренбурга 15-го мая. Молебствіе, отслуженное за Ураломъ, напутствовало миссію, послѣ чего, въ $9\frac{1}{2}$ часовъ утра, сѣвъ на лошадей, двинулись чины миссіи въ далекій, неизвѣстный, но всѣхъ интересовавшій путь. Догоняя верблюдовъ, вышедшихъ ранѣе, быстро и шумно подвигались мы впередъ, миновали таможенный дворъ, бросили послѣдній взглядъ на скрывавшіяся вдали Оренбургъ, впереди-же видѣли всю ту-же равнину, безпредѣльную степь, по которой предстоялъ намъ неизмѣнныій путь, втечениіи болѣе 5-ти недѣль.

Здѣсь будетъ кстати сказать о составѣ миссіи, численности отряда и всѣхъ наиболѣе существенныхъ условіяхъ предстоявшаго похода.

Въ составѣ миссіи поступили слѣдующія лица, обозначаемыя согласно офиціальному ихъ положенію:

Начальникъ миссіи, флигель-адъютантъ, полковникъ Игнатьевъ.

Секретарь Килевейнъ.

Дипломатический чиновникъ при Оренбургскомъ генераль-губернаторѣ Галкинъ.

Переводчики: отъ Министерства Иностранныхъ Дѣль Баньщиковъ и отъ Оренбургскаго управлѣнія Батыршинъ.

Офицеры Генерального Штаба:

Гв. капитанъ Салацкій и штабсъ-капитанъ Залѣсовъ.

Корпуса топографовъ: капитанъ Яковлевъ и подпоручикъ Зеленинъ.

Флота лейтенантъ Можайскій.

Астрономъ Струве.

Ориенталистъ Лерхъ (отъ академіи наукъ).

Фотографъ: артиллеріи-подпоручикъ Муренко, и доктора: при начальнико миссіи Пекарской, и при конвоѣ Батыршинъ.

Также слѣдовали съ миссіею іеромонахъ Александро-Невской лавры отецъ Фатимъ и, въ качествѣ путешественника, студентъ Дерптскаго университета Зоммеръ, сопровождавшій миссію до границы Хивинскаго ханства.

Военный отрядъ миссіи составляли:

Начальникъ конвойной войсковой старшина Буренинъ.

Отъ Уральскаго войска: есауль Бородинъ и хорунжій Назаровъ, два урядника и 17 казаковъ.

Отъ Оренбургскаго: прикомандированный къ войску гвардіи ротмистръ Дучинскій и есаулъ Новокрещеновъ, два урядника у 17 казаковъ.

Отъ Оренбургскаго линейнаго баталіона: капитанъ Пятницкій и прaporщикъ Кошカラовъ, при томъ-же числѣ нижнихъ чиновъ и 2-хъ унтеръ-офицерахъ; и отъ Оренбургской казачьей артиллеріи 2 урядника съ ракетными станками.

Весь конвой былъ посаженъ на лошадяхъ. Почти у всѣхъ, участвовавшихъ въ миссіи и у гг. офицеровъ конвоя, было

по двѣ верховыхъ лошади. Сверхъ чего не возбранялось членамъ миссии и конвойнымъ офицерамъ имѣть обозныя фуры; даже казаки и солдаты линейнаго баталіона имѣли по одной повозкѣ отъ каждой части. Также слѣдовали: аптечная фура и фургонъ для больныхъ. Для подъема тяжестей состояло, при выступлениі, до 500 верблудовъ, которые, по мѣрѣ расходованія фуражу и провіанта, отпускались съ пути. Людямъ шли сухари, мясная и винная порціи по положенію. На лошадей отпускались овесь и пресованное сѣно.

На первый разъ мы встали лагеремъ у форпоста Курдюковскаго, въ 2 часа по полудни. На другой день, съ разсвѣтомъ, трель гарниста подняла лагерь, и какъ не лѣниво — признаться — подымались мы, но черезъ часъ съ небольшимъ были уже въ сборѣ: заблестѣли пики передового отряда, заколыхались вьючные верблуды, а вслѣдъ за ними двинулись и мы. И тутъ какъ и вчера и послѣ вся та-же ширь, да гладь, и лишь мы одни, слѣдя длинной вереницей разнообразили мѣстность. Сначала — авангардъ казаковъ, потомъ едва переступая съ ноги на ногу двигались, одинъ за другимъ, вьючные верблуды, далѣе конные фуры, мы все верхами, наконецъ и остальной отрядъ,—и все это на пространствѣ болѣе 2-хъ верстъ. И такъ часовъ 6-ть, 8-мъ ходу, на солнопекѣ въ 30 — 40°, — не весело, но смотришь усталости не видать. Не тутъ, такъ тамъ затянетъ свою звучную пѣсню казакъ-уралецъ и живо окликнется она съ конца въ конецъ. Ему подтянетъ пѣхотинецъ, да глухо промурлычитъ свою заунулую пѣснь киргизъ-вожакъ. А тутъ вотъ и приваль, а съ нимъ всегда будто вѣчно-новое блаженство отдыха. Киргизская юламейка, укрывающая отъ палящихъ лучей солнца, походная кровать, да стаканъ другой чая — блаженство въ степи немалое...

2-мъ приваломъ служили намъ верховья рѣки Бердянки. Мы очутились тутъ — будто пѣкой смѣной декораций — передъ прекрасными берегами рѣки, однимъ отлогимъ, обиль-

нымъ зеленью, другимъ возвышеннымъ, изрытымъ холмами. Но и тутъ мы не нашли кочевокъ, а на слѣдующій день повстрѣчали лишь слѣды ихъ—довольно значительныя пашни, да могильныя загороди и памятники, съ выписками изъ корана и приличными воззваніями объ упокоеніи покойныхъ. Такъ подвигались мы день за днемъ все впередъ и впередъ, подошли въ р. Илеку,—этой едва-ли не лучшей по ширинѣ и быстротѣ стений рѣки на всемъ пространствѣ отъ Урала до Сыра,—освѣжили себя въ прекрасной его водѣ, далѣе отдохнули подъ тѣнью извѣстнаго въ степи одинокаго, иначе священнаго дерева, которое киргизы берегутъ ищущи глаза и постоянно украшаютъ разными обрѣзками пестрыхъ матерій, и наконецъ поравнялись съ горою Акъ-Тюбя. Название Акъ-Тюбя значить—белая гора. Она выдается угломъ, заключая рядъ небольшихъ возвышенностей. Данное ей прозваніе «Бѣлой» она ведеть отъ находящейся на вершинѣ киргизской могилы, сложенной изъ бѣлыхъ камней. Вверхъ отъ нея, по берегу Илека, виднѣлись мѣстами деревья, промежъ небольшаго кустарника,—остатокъ бывшихъ нѣкогда лѣсовъ. Параллельно съ этими деревьями, не доходя Акъ-Тюбя, дорога идетъ довольно низменными мѣстами, потопляемыми Илекомъ, при чемъ встречаются небольшія озера и болота. На одномъ изъ нихъ Уральскій казакъ убилъ большаго дикаго гуся. Самка не могла разстаться съ трупомъ самца и продолжала летать надъ нимъ, жалобно крича, и улетѣла лишь тогда, когда и по ней раздался выстрѣлъ промахнувшагося на этотъ разъ казака. А надо было видѣть его—какъ пробирался онъ за добычей ползкомъ по травѣ. Кстати о травѣ, она еще до - сихъ - поръ держится хорошо и не смотря на сильный жаръ не выгорѣла. Грунтъ по всему этому пути большею частію суглинистый и только изрѣдка попадались пески и мѣста вовсе безтравныя. Вообще-же вся эта часть степи, вдоль Илека, извѣстна по плодородію почвы и удобствамъ, представляющимся для земледѣлія и скотоводства.

Въ свою очередь слѣдовавшее затѣмъ урочище Бишъ-Тамакъ извѣстно лучшими киргизскими зимовками. Бишъ-Тамакъ знать въ переводѣ «пять устьевъ» Илека. Къ одному изъ нихъ—Исенбаю—мы и подвинулись затѣмъ и тутъ-же свернувшись въ сторону, нѣкоторые изъ насъ поѣхали киргизскій аулъ мѣстного начальника. На разстояніи одной версты наше встрѣтили высланные Киргизы, въ числѣ 6 -ти человѣкъ. Они проводили наше до кибитки хозяина, у которой встрѣтиль онъ самъ. Кибитка большая, устлана коврами и уставлена кругомъ сундуками, тюфяками и подушками. Въ правомъ углу помѣщался большой продолговатый изъ черной кожи мѣшокъ, съ четвероугольнымъ продолговатымъ основаниемъ. Это саба для кумыза. Въ отверстіе его, сверху, была вложена мѣшалка, которую взбалтывали напитокъ, прежде чѣмъ его разливали. Мы размѣстились на полу, на коврѣ, опираясь спиной о подушки. Хозяинъ сѣлъ напротивъ начальника миссіи. Между нимъ и всѣми нами послали скатерть, въ видѣ полотенца. Тутъ подали сначала кумызъ въ полосательныхъ чашкахъ, а потомъ внесли на подносъ чай. Два чайника—одинъ каменный, а другой мѣдный съ водой, нѣсколько чашекъ и одинъ стаканъ составляли необходимыя принадлежности, но всѣ онѣ были до того грязны, а чай такъ крѣпко настоянъ, что было не до него. Между тѣмъ кибитка наполнилась любопытствующими, размѣшившимися, въ знакъуваженія, какъ говорится, на карточкахъ. Имъ-то мы и роздали нашъ чай, подъ предлогомъ что пріѣхали не для угощенія, а для поученія умными рѣчами хозяина. Но разговоровъ, конечно, было немного, и мы всѣ вскорѣ отправились въ обратный путь. Женщинъ не выдали и въ аулѣ лишь украдкой подглядѣли въ сосѣдней юламейкѣ молодую красивую киргизку въ пестрой рубашкѣ, высокихъ сапожкахъ и головномъ, остроконечномъ уборѣ. Изъ аула поѣхали мы бѣглой рысью и вскорѣ догнали нашъ караванъ. Бывшіе у Игнатьева и у меня иноходцы возбуждали хвалы и удивленіе сопровождавшихъ наше хозяина и другихъ ауль-

ныхъ Киргизовъ. На этомъ пути стали встречаться солонцы, предвестники фалангъ и скорпионовъ и худшей травы. Мы тутъ оставляли систему Урала и направлялись къ Эмбѣ и ея притокамъ. Одинъ изъ нихъ Темиръ служилъ намъ за день передъ Эмбой препріятной стоянкой. Мы расположились на самомъ берегу, противъ извѣстной могилы Шенгуль. Рѣка течеть быстро между песчаныхъ и нѣсколько возвышенныхъ береговъ, замѣчательна по глубинѣ и очень обильна рыбой. Уральцы съ обычной поспѣшнотю и ловкостю, лишь только успѣлъ караванъ размѣститься на новой кочевкѣ, поспѣшили съ неводами въ рѣку. Большая щука, фунтовъ въ 15-ть и сомъ четвертей въ 5-ть достались на долю первого невода съ множествомъ карасей — исключительными почти достояніемъ всѣхъ степныхъ рѣкъ. Большія такія рыбы не попадались болѣе, но за то какое огромное количество выловлено было карасей! Казаки совсѣмъ ожили. Многіе изъ нихъ соблюдаются теперь строгой постъ, и при неимѣніи рыбы, питаются только сухарями.

За Темиромъ, не доходя Эмбы, остановились еще у большаго озера Тагалы (Джилтыры), лежащаго на плоской возвышенности между рѣкъ Темира и Эмбы, среди прекрасныхъ луговыхъ мѣстъ. Здѣсь начали попадаться кабаны и сайгаки, и мы находили въ норахъ много морскихъ утокъ.

За симъ предстояла намъ Эмба, куда мы и пришли 30-го мая, расположившись у могилъ Бетьхъ-Ходжи (вшивый-ходжа). На этомъ мѣстѣ, какъ извѣстно, предполагалось бывшимъ начальникомъ края, ген. Обручевымъ построить укрѣпленіе, и обозрѣніе этого пункта было поручено ген.-м. Бларамбергу. Означенная могила Бетьхъ - Ходжи довольно замѣчательна. Она состоить изъ двухъ небольшихъ зданій и разбросанныхъ между ними и вокругъ на большомъ довольно разстояніи надгробныхъ камней — все изъ бѣлаго известковаго камня. Изъ двухъ означенныхъ памятниковъ, одинъ круглый поставленъ надъ ходжей, давшимъ название кладбищу. Киргизы рассказываютъ, что онъ живя на этомъ

мѣстѣ, въ постоянной молитвѣ, пользовался особыннимъ уваженіемъ, за свои чудеса. Другое зданіе стоитъ надъ тѣломъ отважнаго батыря Кульджана, по происхожденію Назаровца, умершаго въ 40-хъ годахъ. Я входилъ въ эту послѣднюю. Она довольно обширна и въ ней лежать двѣ надгробныя плиты— одна надъ Кульджапомъ, другая надъ кѣмъ-то изъ его семейныхъ. Стѣны склепа покрыты надписями изъ корана и сверхъ того испещрены именами проѣзжавшихъ. Такимъ образомъ, мнѣ привелось, съ удовольствіемъ, вспомнить нѣкоторыхъ знакомыхъ, бывшихъ въ здѣшнихъ мѣстахъ. Я тоже написалъ свое имя. Можетъ быть и оно возбудить дружеское воспоминаніе въ будущихъ посѣтителяхъ мѣстности— моихъ знакомыхъ и сослуживцахъ. Настоящій день, какъ и предыдущіе, прошелъ безъ особыхъ приключений, кроме развѣ того, что въ одной изъ нашихъ юламеекъ была найдена фаланга, упавшая сверху, прямо на столъ.

На другой день подвинулись къ бывшему Эмбенскому укрѣплению, возведенному въ 1839 году. Холодный съверо-западный вѣтеръ съ температурой 4° въ 4 часа утра, дулъ втечениіи цѣлаго дня, вздымая песокъ и клубя его на подобіе зимняго бурана. Вѣтеръ насили дозволилъ разставить юламейки: до того былъ порывистъ; но и тутъ проникаль онъ во всѣ скважины нашихъ походныхъ жилищъ и весь оставть ихъ подавался со стороны на сторону, не смотря на веревки, удерживавшія снаружи.

Здѣсь предстояло намъ 3-хъ-дневный отдыхъ.

Оренбургскій генераль-губернаторъ, ген.-адъют. А. А. Катепинъ, вышедши изъ Оренбурга, съ своимъ отрядомъ, для обозрѣнія степи, на другой день послѣ выступленія миссіи, постоянно до сего времени то обгонялъ насть, то отставалъ на день, много на два. Сегодня-же опять сошелся съ нами и остановился лагеремъ въ 1 верстѣ. Мы вышли посмотреть какъ спускался онъ со свитою и съ конвоемъ съ горы въ видѣ ущелья, ведущей къ той низменности, на которой было укрѣпленіе и на которой кочуемъ мы и онъ, на нѣкоторомъ

отъ насъ разстоянія. Слѣдованіе его было просто величественно: у него въ конвоѣ состоять, кромѣ казаковъ Уральскихъ и Оренбургскихъ, и башкиры, и почетные киргизы. Халаты послѣднихъ, самыхъ разнообразныхъ и рѣзкихъ цветовъ, придавали особенно оригиналный видъ картинѣ. Сначала показался штабъ, потомъ войска, съ башкирами и киргизами въ ихъ различныхъ костюмахъ, наконецъ обозъ, съ длинной вереницей верблюдовъ,— и все это двигалось извилистымъ путемъ, спускаясь съ горы съ высокими окраинами. Уральские-же казаки, какъ почти всегда, оглашали воздухъ удалыми русскими пѣснями.

Миссія выступила съ Эмбы, 2-го іюня, въ 4 часа утра, но Н. П. Игнатьевъ остался и оставилъ меня, чтобы сѣсть вмѣстѣ провести утро у Катенина, и затѣмъ уже ускоренной рысью дѣхать до новаго ночлега. Въ 8 часовъ поѣхали мы въ лагерь Александра Андреевича, и черезъ $\frac{1}{2}$ часа были у его кибитки.... Послѣ завтрака мы простились съ Катенинымъ, причемъ, по постоянному его ко мнѣ расположению, онъ благословилъ меня на дальнѣйшій путь. Отъ него, пока Игнатьевъ садился на лошадь, я прошелъ проститься съ В. В. Грѣхомъ. У него засталъ Гороновича, кн. Чингиза и Сейд-на. Со всѣми-же другими я не успѣлъ на этотъ разъ видѣться и только проѣзжая верхомъ мимо палатки Дѣля, могъ пожать ему руку и бывшимъ у него Рейтерну и Лѣжу. Въ это время Катенинъ принималъ депутацію отъ туркменскаго хана Атта-Мурата, по поводу ходатайства его о покровительствѣ Россіи. Высокія шапки Туркменъ, темная одежда, высокія, худощавыя ихъ лица и нѣсколько сутуловатыя фигуры строго отдѣлялись отъ болѣе пестрой и оживленной толпы Киргизъ, видимо уже готовившихся къ предстоявшему имъ празднику — по киргизски называемому «тою», которымъ на славу угостили Александръ Андреевичъ представителей всѣхъ 3-хъ частей Оренбургской степи.

Слѣдовавшая потомъ кочевка напа у рѣчки Джайнды

ознаменовалась свиданіемъ съ извѣстнымъ киргизскимъ батыремъ Исетомъ Кутебаровымъ, бунтовавшимъ западную часть степи втечениіи нѣсколькихъ лѣтъ, пока Катенинъ, по вступленіи въ управлѣніе краемъ, не объявилъ всепрощенія бунтовавшимъ, если они явятся съ повинною. Не одною силою, но и инымъ путемъ думалъ установить Катенинъ общее спокойствіе въ степи. Отозвавшись на такой призывъ, и прибылъ Исетъ въ лагерь флигель-адъютанта Игнатьева, прося его посредничества передъ генераль-адъютантомъ Катенинымъ. Но свиданія этого никто изъ насъ не ожидалъ, и когда мы собрались уже въ путь, вдругъ разнеслась по лагерю вѣсть, что съ сосѣдней горы спускается партія Киргизъ. Наши посыльные, вожаки, верблюдовожатые и прочие ордынцы, находящіеся въ лагерѣ сильно встревожились, ожидалъ не посѣщенія, а нападенія. Они еще не звали объ изъявленной уже Исетомъ заблаговременно покорности. Нашъ караванъ-башъ, султанъ по рожденію и болѣе другихъ смѣшленый, первый смѣкнулъ въ чемъ дѣло и выѣхалъ на встрѣчу къ Исету. За нимъ поскакали и нѣкоторые другіе ордынцы; послѣ-же первыхъ словъ объясненія, они всѣ вдругъ повернули назадъ и поскакали къ намъ маршъ-маршемъ, стараясь обогнать другъ друга. Дѣло въ томъ, что, по мѣстнымъ степнымъ обычаямъ, привезшій приятное извѣстіе (хабаръ) награждается подаркомъ. За хабаромъ-то и скакали усердствовавшіе. Медленно подвигался за ними Исетъ, со свитою. Къ нему, на встрѣчу, выѣхалъ дежурный офицеръ. У лагеря Исетъ сошелъ съ лошади. Наши киргизы обступили его, съ выраженіями различныхъ знаковъ своего уваженія. Онъ, по обычаю, подавалъ каждому руку, которую брали тѣ обѣими руками и потомъ скрѣстивши ихъ кланялись и отходили. Отдѣлившись отъ толпы, пошелъ Исетъ впередъ — къ кибиткѣ начальника миссіи. За нимъ послѣдовали: его родной братъ, два родственника и киргизъ Джангильдинъ, который былъ посланъ къ Исету, для объясненія объявленного генераль-губернаторомъ про-

щенія. Съ большою скромностю, чтобы не сказать со страхомъ, вошелъ Исетъ въ кибитку полковника Игнатьева. Н. П.—чъ началъ съ выраженія удовольствія видѣть у себя Исета, какъ знакъ его покорности, удостовѣряя съ своей стороны, что если покорность эта будетъ искрення, то Исетъ можетъ надѣяться не только на покойное кочеваніе въ нашихъ предѣлахъ, но даже на отличія. Теперь предстоитъ вамъ, продолжалъ Н. П., не только возможность мирнымъ путемъ обратиться къ занятіямъ хозяйственнымъ и разбогатѣть, но и заслужить вниманіе и почести отъ правительства, и все это, взамѣнъ настоящаго тревожнаго кочеванія по бесплодному и безводному Усть - Урту, въ постоянномъ ожиданіи нападенія русскихъ отрядовъ и спроведливаго наказанія за прежніе разбои. Если таковые отряды и не были высланы въ этомъ году, то единственno въ ожиданіи, что онъ, Исетъ, наконецъ проникнется убѣждениемъ въ неизбѣжности и выгодности подчиненія Россіи, понявъ на сколько шатко покровительство Хивы, котораго онъ искалъ. Затѣмъ на слова Исета, что онъ прибылъ къ Н. П.—чу единственно какъ къ довѣренному лицу Государя, съ желаніемъ чтобы Его Величество узналъ отъ него лично о совершенной покорности Исета,—Н. П. предложилъ Исету снять съ него фотографію, для поднесенія ея Государю, говоря что въ случаѣ слуховъ о новыхъ буйствахъ Исета, она будетъ служить какъ-бы залогомъ неправдоподобности сихъ слуховъ. На этомъ и остановился разговоръ. В продолженіи его, подавали Исету и его сотоварищамъ пилавъ, разныя азіатскія яства, также чай и различныя слости.—Съ чаемъ мы употребляли обыкновенно лимонный сокъ. Его-же предложили Исету съ сотоварищами; но нужно было видѣть всю ихъ нерѣшительность и видимое опасеніе отравы, и они выпили предложенный имъ чай, лишь послѣ того, какъ увидѣли, что и начальникъ миссіи и всѣ остальные пили чай съ этимъ сокомъ.—

Когда послѣ угощенія Исетъ стала откланиваться, на-

чальникъ миссіи протянуль ему руку и сказалъ, что отвѣдавъ хлѣба и соли, Исеть сдѣлался его кунакомъ и тѣмъ однимъ уже, согласно азіятскимъ обычаямъ, обязался не только за себя, но и за дѣтей и родственниковъ въ непрѣмѣнной покорности Россіи. Исеть не ожидалъ этихъ словъ и замѣтно сконфузился.

Вслѣдъ затѣмъ онъ отправился къ генералъ-губернатору, сказавъ, что еще на Илекѣ предполагалъ къ нему явиться.—Строгое, выразительное лицо Исета, при высокой, тучной фігурѣ, такъ и создано, повидимому, для того степнаго разбойничества, отъ котораго онъ нынѣ добровольно отказывался.—

Съ Исетомъ мы еще не разстались окончательно, обѣщавъ посѣтить въ его Усть-Уртскомъ аулѣ.

Черезъ два дня мы были на р. Чаганѣ у подошвы Усть-Урта, въ 600 почти верстахъ отъ Оренбурга. Усть-Уртъ—эта такъ называемая плоская возвышенность, обрамляющая западный берегъ Аральскаго моря, остается, какъ будто, не извѣданной, представляя еще бѣлую страницу въ трудахъ нашихъ географовъ. Традиціонное понятіе о трудности подъема, невозможности слѣдованія съ обозомъ—не только нашли себѣ мѣсто въ печати, но и передавались постоянно въ Оренбургѣ. Между - тѣмъ, тамъ бывали и съемочные партіи, и ходили предшествовавшія намъ миссіи, не встрѣчавшія ни въ подъемѣ, ни въ спускѣ особыхъ препятствій. Но страхъ пути по Усть-Урту не менѣе того существуетъ по недостатку кормовъ и встрѣчаемому затрудненію въ добываніи воды изъ глубокихъ колодезей, и этоъ-то страхъ, вѣроятно, и отуманивалъ передававшіяся до сего понятія объ этомъ пути, усѣиваемомъ болѣе въ воображеніи и скорпіонами, и фалангами, и змѣями различныхъ величинъ.

Канунъ подъема мы провели въ приготовленіяхъ, въ починкѣ фуръ и пр. Въ этотъ-же день утромъ былъ отслуженъ молебень, а вечеромъ всенощная. Общимъ дружнымъ хоромъ принимали мы участіе въ священной службѣ, едва-ли

не впервые отслуженной въ этой отдаленной мусульманской странѣ.

8-го юна, съ ранняго утра, начался подъемъ на Усть-Уртъ. Подъемъ не очень возвышенъ и совершенно удобенъ для повозокъ. Почва также истрескана на поверхности, какъ и вездѣ, начиная съ Эмбы, съ тою только разницею, что замѣтно стала переходить изъ суглинистой въ супесчаную, составляя естественный переходъ къ пескамъ Исенъ-Чагылскимъ. Поверхность вообще ровная и удобная, для слѣдованія экипажей.

По Усть-Урту предстояло намъ идти не менѣе 13-ти дній. При этомъ возникъ вопросъ объ измѣненіи маршрута, съ направленіемъ отъ Айбугирскаго озера не на Кунъ-Урченчъ, какъ предполагалось, а на Кунградъ. Но для этого было необходимо предварительное свиданіе съ начальникомъ Аральской флотиліи, капитаномъ 1-го ранга Бутаковымъ, долженствовавшимъ пристать на пароходѣ «Перовскій» къ Чернышеву заливу. Измѣненіе маршрута было объясняемо слухомъ о блокадѣ, г. Кунъ-Ургенча Туркменами, нежеланіемъ входить съ ними въ сношеніе, въ виду несогласій ихъ съ Хивинскимъ ханомъ и наконецъ, главнымъ образомъ, неувѣренностию въ возможности движения парохода вверхъ по Аму до Хивы, въ каковомъ случаѣ предполагалось подняться по Аму въ хивинскихъ лодкахъ. Предлогомъ же посылки парохода была придумана перевозка громоздкихъ, подарочныхъ вещей хану; ихъ-то мы и должны были сдать Бутакову и притомъ условиться на счетъ его дальнѣйшаго слѣдованія.

12-го юна мы были на Чернышевомъ заливѣ. Парохода не оказалось, но заливъ представился намъ во всемъ своемъ величіи. Берегъ тутъ совершенно отлогій, и лишь на юго-западѣ начинаетъ нѣсколько возвышаться. Вода едва колыхалась и легкой зыбию разсыпалась по плоскому берегу. Солнце пылало въ ясной синевѣ небосклона и отражалось въ неменѣе синей поверхности самаго моря, Синева его,

врядъ-ли, уступить Средиземному морю и не даромъ заслужила Аралу, въ древности, названіе «синяго.» Мы любовались моремъ и напрасно высматривали парохода, съ высоты довольно возвышенаго кургана, будто нарочно для того выросшаго среди ровной и плоской степи.

Отсюда направились къ кононамъ Исенъ-Чагыль, мѣстами шли песчаными буграми, въ которыхъ утопали ноги лошадей, вообще переходъ былъ тяжелый, безтравный и безжизненный: промелькнетъ—смотришь—тарпанъ или сайгакъ да и снова замретъ все кругомъ. Такъ подвигались мы впередъ. Переходы были длинные; мѣстность-же дичала все болѣе и болѣе; росла и высота Усть-Урта, доходящая мѣстами до 900 ф. и болѣе; спуски къ морю, гдѣ копони съ водой, становились затруднительнѣе; самый-же путь былъ ровный и не представлялъ затрудненій: всѣ фургоны наши двигались безостановочно—дорожка гладкая, чтобъ твоя шоссея—говаривали наши казаки. Но какъ ни дика и ни угрюма вообще природа Усть-Урта, она за то и привлекательна Скалы, обломки плитъ, въ какомъ-то страннымъ хаосѣ, на-валены и разбросаны у подошвы его, у моря; между нихъ гнѣздятся песчаные бугры; вверху-же, надъ всѣмъ этимъ, высится обрывистый берегъ Усть-Урта, представляющійся то въ видѣ обширныхъ террасъ, то въ родѣ самыхъ разнообразныхъ развалинъ, стѣнъ, башень и замковъ. А тутъ немного поодоль кладутъ по себѣ слѣдъ наши повозки, да тяжелыя стопы верблюдовъ. Кочевокъ нѣть, растительность жалкая, кое-гдѣ проглядываютъ зеленѣющая травка, да выглядеть бѣлый цвѣтокъ изъ семейства Labiateae, а все больше одна колючая, пригодная лишь верблюдамъ, трава и билекъ.

Наконецъ 18-го рано утромъ, въ 3 часа, когда мы собирались выступать, показался пароходъ, шедшій къ берегу. Оказалось что 13-го июня, онъ былъ въ Чернышевомъ заливѣ и не нашедъ насъ тамъ, отправился, согласно данному ему маршруту, въ Давлетъ-Гирей; не нашедъ-же и

тамъ, пошелъ далѣе въ Акъ-Суатъ, гдѣ своимъ появлениемъ перепугалъ хивинскихъ лодочниковъ, поспѣшившихъ убраться. Вслѣдствіе такихъ неудачныхъ поисковъ пароходъ пустился обратно и добрался, такимъ образомъ, до нашей кочевки. Громоздкія подарочные вещи были немедленно перевезены на пароходъ. Н. П. Игнатьевъ сошелъ также на пароходъ, который снялся якоря въ 9 часовъ; мы-же, всѣ остальные, караваномъ, отправились въ 12 часовъ и пришли въ Давлетъ-Гирей, сдѣлавъ $29\frac{1}{4}$ вер., въ 8 часовъ вечера. Означая часть выхода я разумѣю выступленіе каравана, т. е. всѣхъ чиновъ миссіи, передовые-же верблюды и авангардъ выходятъ по крайней-мѣрѣ часомъ ранѣе, и по этимъ-то верблюдамъ разсчитываемъ мы разстояніе и повѣряемъ его съ одометромъ. Верблюды обыкновенно дѣлаютъ отъ $4\frac{1}{2}$ верстъ вначалѣ до 3 въ концѣ перехода. Въ лагерѣ говорили, что пароходъ, носящій имя покойнаго Перовскаго, въ совершенномъ порядкѣ; барказъ «Обручевъ» тоже исправленъ, и сверхъ того снаряженъ двѣ баржи, и все это втечениіе съ небольшимъ одного мѣсяца. Матеріалы изъ Оренбурга пришли во-время; но желѣзные листы будучи сложены вдвойнѣ, дали лишній и медленный трудъ для расправлениія ихъ. Баржи и барказы идутъ другимъ берегомъ.

При приближеніи къ югу—къ Айбуриу, Усть-Уртская воз-вышенность стала нѣсколько удаляться отъ воды, отдѣляясь довольно широкой полосой песчаныхъ бугровъ и камышей. Сосѣдство этихъ тростниковыхъ, своего рода рощъ, познакомило насъ съ цѣлыми табунами кабановъ, весьма тутъ обильными.

21-го пришли къ мысу Ургъ, къ устроенной здѣсь переправѣ черезъ Айбуирскій заливъ, нерѣдко называемый озеромъ. Въ мѣстѣ переправы, заливъ имѣть до 25 верстъ ширины, которая мѣстами доходитъ до 40 верстъ; въ длину же простирается онъ до 120 верстъ. За 2 или за три версты, насы встрѣтили посланные отъ Хивинскаго хана — братъ его, совсѣмъ еще молодой человѣкъ, весьма недурной наружности, и состоящій при ханѣ, для порученій по киргиз-

скимъ дѣламъ, бѣжавшій изъ нашей стеи киргизъ Азбергенъ, родственникъ Исета. Первый былъ въ золотистомъ халатѣ, съ хивинской высокой шапкой на головѣ; второй въ весьма скромномъ халатѣ темнаго цвѣта. Тутъ-же, обратившись ко мнѣ Азбергенъ спрашивалъ: сдѣлано-ли что по его 2-мъ просьбамъ о позволеніи возвратиться въ нашу степь. Вообще-же говорили они мало. Особенное вниманіе обратили только на простоту обыкновеннаго казачьяго сѣда и уздечки начальника миссіи и спрашивали, почему такая простая? По ихъ понятію, начальникъ ничего одинакового съ другими имѣть не долженъ.

На завтра назначена переправа; сегодня-же вечеромъ мы простились съ нашими фурами, пожгли ихъ кострами на берегу моря, и вѣтеръ, какъ водится, разнесъ ихъ пепель; только память, надѣюсь, сохранить воспоминаніе о доставленныхъ ими удобствахъ.

Изъ экипажей остался одинъ тарантасъ начальника миссіи, съ цѣллю помѣщенія въ немъ больныхъ.

Перевозка миссіи продолжалась трое сутокъ. Весь заливъ покрытъ сплошнымъ камышемъ, вышиною до 4-хъ сажень. Надлежало пробираться по узкой, сажени въ $1\frac{1}{2}$, полосѣ воды. Ветхія лодки, управляемыя оборваными кара-калпаками, едва подвигались, толкаемыя пестами. Наконецъ не доходя версты сть три до противоположнаго берега, мы вступили въ канаву, которой и закончили семичасовое плаваніе.

Лодки до того были плохи, что почти всѣ перевезенные на нихъ вещи подмокли. Изъ нашей лодки, лучшей еще противъ другихъ, постоянно вычертывали воду. На ней ѿхали: начальникъ миссіи, отрядный начальникъ, секретарь миссіи, Струве, Лерхъ и я. Передъ нами шла лодка съ пѣсенниками. На берегу насть встрѣтили всѣ чины миссіи, переправившіеся прежде и Хивинскій почетный конвой, въ числѣ 100 человѣкъ. Но что это за конвой! Какой-то сбродъ разнокалиберныхъ халатниковъ, въ высокихъ черныхъ, а также и бѣлыхъ мерлушчетыхъ шапкахъ, съ одними нагайками, вмѣсто всякаго

оружія, или-же съ фитильнымъ ружьемъ на сопкахъ, съ персидской шапкой, зашитой въ чехоль и изрѣдка съ пикой на жерди. За начальствующими возили кальяны и кувшины съ разнымъ снадобьемъ. Одни еще красивые аргамаки, но и тѣ закутанные съ головы до ногъ, выручали нѣсколько этихъ жалкихъ представителей военной силы Хивинского ханства. Всѣ они, въ нестройной кучѣ, привѣтствовали нашъ выходъ на берегъ. Начальники были приглашены къ чаю, а остальные конвойные разошлись по своимъ кибиткамъ.

Впродолженіи нашего пути по Айбугуру Каракалпаксіе лодочники жаловались, что имъ не платятъ за перевозку. Между-тѣмъ Хивинское правительство вызвалось само перевезти нась; мы-же не обѣщали никакой платы, и оттого лодочники скрывались, и перевозъ шелъ медленно. Къ тому-же посадка на лодки лошадей представляла большія трудности. Рѣшили лодочниковъ вознаградить. Берегъ, на который мы вышли, отлогъ, обилиенъ травою и изрѣзанъ канавами, про-веденными изъ залива.

На настоящей нашей стоянкѣ мы пробыли пять дней и порядкомъ измучились, но не столько отъ сильной жары, сколько отъ значительного количества комаровъ и мошекъ, ни днемъ, ни ночью не дававшихъ покоя. Прибрежные жители—Каракалпаки. У нихъ черты лица и правильнѣе, и красивѣе, чѣмъ у киргизовъ. Нѣкоторые каракалпачки носятъ въ ноздряхъ серьги. Бѣдность жителей бросается на первый взглядъ, но что всего болѣе поражаетъ—это едва-ли не всеобщее зараженіе сифилисомъ. Наши доктора дѣлали указаніе и давали лекарства.

Сѣверная часть ханства, въ которую мы вступили заселена преимущественно кочевыми племенами—Каракалпаками, Туркменами и Киргизами, за исключеніемъ нѣсколькихъ селеній и собственно жителей Кунграда, которые какъ и всѣ вообще горожане принадлежатъ къ осѣдлымъ племенамъ Узбекамъ и Сартамъ. Общее населеніе ханства исчисляется приблизительно въ 700 т. душъ об. пола.

27-го тронулись въ дальнѣйшій путь по направленію къ г. Кунграду и немедленно вступили въ полосу обработанную, довольно густо населенную киргизскими и каракалпакскими кочевками. Хлѣбныя поля разбиты на довольно правильные квадраты, окаймленные канавами большей и меньшей величины. Канавы развѣтвляются до самыхъ мелкихъ проводниковъ воды, которою только и оплодотворяется неблагодарная сама по себѣ почва земли, преимущественно солонцоватая. Кроме того удобряютъ почву иломъ изъ рѣки, который возятъ зимою. Пшеницу уже собирали и намъ попадались по пути двухколесные арбы со снопами. Для обработки земли служать здѣсь и сохи, и бороны какъ у нась, больше-же всего застуны, да желѣзныя лопаты. Для размола-же хлѣба имѣется всего одна мельница, а болыше частію служать простые жернова. Изъ хлѣба сверхъ пшеницы засѣваются: сорочинское пшено, просо, ячмень, горохъ, также масличная растенія; хлопокъ-же, марепа и туловникъ съ шелковичными червями хотія и разводятъ повсемѣстно, но болѣе подъ самой Хивой. Хлопка собственно хивинскаго идетъ къ намъ неболѣе 30 т. пудовъ. Марены — было время — что вывозили свыше 20 т. пудъ, а шелку въ коконахъ до 500 т. пудъ. Дорога, по которой мыѣхали, вообще торная, но пренеудобная по необходимости постоянно переѣзжать черезъ канавы по переброшеннымъ черезъ нихъ, трещащимъ подъ тяжестію проѣзжающихъ, жердямъ, покрытымъ соломой. А съ каждымъ шагомъ впередъ, поля увеличивались, канавы становились чаще и дорога тѣснѣе. Тутъ стали встрѣчаться сады, видимые еще издали по высокимъ красивымъ тополямъ. Мы подъѣхали къ одному изъ нихъ, принадлежащему упомянутому выше Азбергеню. Садъ окружень высокой глиняной стѣною, съ бастіонами по 4-мъ угламъ. Онъ говорятъ, выдержалъ осаду Туркменъ, причемъ внутри его помѣщалось до 1500 кибитокъ. Тополи, посаженные въ два ряда, идутъ крестомъ, на перекресткѣ устроенъ 4-хъ-угольный бассейнъ, а въ площадяхъ, образуемыхъ аллеями, поса-

жены: пшеница и джугара, и по нимъ разсажены вѣтвистыя абрикосовая и финиковая деревья, увѣшенныя фруктами; тутъ-же посѣяно нѣсколько грядокъ табаку. Каждая грядка обведена канавкой. Хозяинъ угощалъ насъ, подъ открытымъ небомъ, на коврѣ. Началось съ фруктовъ, потомъ подали, въ китайскихъ чашкахъ, чай, затѣмъ пермени, пилавъ и въ заключеніе опять чай. Все было весьма сносно и опрятно приготовлено. Фрукты-же были очень вкусны. Абрикосы, желтые сливы и красный виноградъ послѣваются тутъ въ началѣ іюня.

Здѣсь, въ окрестностяхъ Азбергенева сада, мы остановились на ночлегъ, и лишь на другой день вѣхали въ городъ. Когда мы расположились лагеремъ, къ намъ явился Хивинскій таможенный чиновникъ; онъ обошелъ всѣ кибитки, осматривая и переписывая вещи.

Подъѣзжая къ городу, мы увидѣли какую-то безобразную, нестройную массу глиняныхъ, низкихъ, съ плоскими крышами, строеній. Это былъ давноожиданный городъ Кунградъ. Узкія улицы, сажени въ 2 шириною, съ непросохшей еще грязью, кружили насъ по городу. Полицейскіе чиновники разгоняли нагайками столпившійся на улицахъ народъ, женщины выглядывали съ плоскихъ крышъ зданій. Общій шумъ и гамъ сопровождали насъ и еще болѣе усилились при вѣздаѣ въ такъ называемую базарную улицу, болѣе другихъ прямую. Это своего рода пассажъ. Отъ одной стѣны, окаймляющей улицу, до другой — проведены жерди, накрытыя соломой. Въ стѣнахъ оконъ не видать: они всѣ обращены во внутрь дворовъ, а имѣются однѣ двери, около коихъ устроены скамьи, на которыхъ, въ дни базара, выкладываются вещи. Повернувшись изъ этой улицы на лѣво, мы наконецъ вѣхали въ высокія, съ зубчатымъ верхомъ, ворота ханского двора. Этотъ первый дворъ служить караванъ-сараемъ для слѣдующихъ въ Россію товаровъ. Вдоль стѣнъ его устроены помѣщенія для прислуги и складочные сараи. За первымъ дворомъ слѣдовалъ 2-й съ ханскимъ дворцемъ, состоящимъ изъ

нѣсколькихъ комнать, съ небѣлеными, глиняными стѣнами и съ землянымъ поломъ. Насъ провели насквозь дворца на террасу, выходящую въ палисадникъ. Передъ террасой была разбита большая кибитка, опиравшаяся о большое, тополевое дерево. Къ палисаднику примыкаетъ большой фруктовый садъ, обнесенный одной общею со дворцомъ оградою.

При входѣ во дворецъ насъ встрѣтилъ ханскій чиновникъ, именующійся Диванъ-Бабою. Передъ вечеромъ-же явился мѣстный губернаторъ Есаулъ-Баши. Въ разговорѣ онъ рѣшительно противился входу нашихъ судовъ не только до Кунграда, но даже и въ устье Аму, почему и просилъ объ отмѣнѣ сдѣланнаго по сему распоряженія. Обѣщалъ доставить лодку для посылки на ней чиновника въ устье Аму-Дары, на встрѣчу парохода, для пріема съ него подарочныхъ вещей; также обѣщалъ приготовить необходимое число лодокъ для слѣдованія миссіи водою въ Хиву. Но при этомъ говорилъ, что слѣдованіе водою вверхъ по рѣкѣ неудобно, что придется тануться бичевою по разливу рѣки не менѣе 18-ти дней, что насъ ожидаютъ въ пути несносная жара и удушливый воздухъ въ прибрежныхъ камышахъ, которыми придется идти, а по вечерамъ мириады комаровъ. Лошадей-же, по недостатку лодокъ, нельзя будетъ взять съ собою, а надо будетъ отправить, съ людьми при нихъ, по восточному, такъ называемому Бухарскому берегу рѣки, гдѣ они пройдутъ болѣе мѣсяца, удаляясь отъ берега рѣки въ глубь степи...

Согласно сему, на другой день, 29-го, лейтенантъ Можайскій былъ посланъ въ море къ пароходу, для взятія подарочныхъ вещей и для передачи на пароходъ приказанія возвратиться въ Казалу (фортъ № 1). При этомъ лейтенантъ Можайскій обязывался въ подробности изслѣдовывать устье Аму.

Для насъ-же всѣхъ остальныхъ это былъ день отдыха, и мы разбрелись по городу. Въ Кунградѣ два раза въ недѣлю бываетъ базарь и на этотъ разъ очень кстати пришелся

базарный день. Торговали глиняной посудой, фруктами, лепешками, кошмами, бараньими шкурами, халатами изъ мѣстной ткани и проч. въ этомъ родѣ. Торгъ жалкий, народъ бѣдный, на половину оборванный. Лавокъ въ Кунградѣ счетомъ 105 и изъ нихъ 15 пустыхъ. Городъ былъ нѣкогда окружено стѣной, подходившей къ самой рѣкѣ, но теперь сохранились отъ нее только по берегу однѣ развалины. Рѣка у города не такъ величественна, какъ мы ожидали, не болѣе 60-ти сажень шириной, течетъ-же быстро, но не прозрачно, а какъ кофе со сливками. Оба берега совершенно отлоги и на противоположномъ видно много зелени, пашень и садовъ. Богатые кунградцы, спасаясь отъ жаровъ, кочуютъ у самой рѣки, въ палаткахъ. Тутъ-же были сложены довольно значительные склады хлопка, предназначенаго для отправленія въ Россію.

Хозяйственное положеніе миссіи обусловилось тѣмъ, что хивинское правительство взяло содержаніе миссіи, по принятому обычаю, на свой счетъ, причемъ былъ сообщенъ размѣръ всего необходимаго. Начальнику-же миссіи сверхъ того присыпалось ежедневно по нѣсколько маленькихъ головъ сахару, чай и разные сушеные и свѣжіе фрукты и другія лакомства.

Въ распоряженіе наше, для сплавованія въ Хиву было доставлено 7 большихъ косныхъ лодокъ. Я устроился на одной лодкѣ съ Дучинскимъ и Струве. Всѣхъ-же нась на лодкѣ съ казаками и прислугой было 15 человѣкъ, не считая 4 хинцевъ, тянувшихъ бичевую.

Мы отчалили отъ берега 1-го іюля, подъ вечеръ, а утромъ того-же дня переправились на поромѣ, на противоположный берегъ, лошади миссіи, съ частью отряда, подъ начальствомъ есаула Бородина.

По мѣрѣ движенія впередъ, рѣка постепенно расширялась. Тянули нась преимущественно по лѣвой (судя по ходу вверхъ) сторонѣ, у которой и останавливались на ночевую, изъ опасенія бродящихъ, будто-бы, по правой сторонѣ. Турк-

менскихъ шаекъ. Только при переходѣ съ одной стороны на другую мы имѣли возможность знакомиться съ самимъ русломъ рѣки; но быстрота ея и довольно частые водовороты затрудняли подобные переходы. Въ остальное-же время не плыли, а вѣрнѣе ползли мы разливами рѣки, а также каналами ея, и болѣею частью среди густыхъ, прибрежныхъ камышей, до того мѣстами густыхъ, что намъ виднѣлась одна лишь узкая надь нами полоска неба. Жара къ полдню доходила до 40° и болѣе, отсутствіе теченія воздуха усиливала душоту, а ночные, презлые къ тому-же, комары, да мѣстами колючій кустарникъ, мѣшавшій выходить на берегъ — довершили подобная певзгоды нашего плаванія.

Такъ-то однообразно, но за то и безмятежно длилось наше плаваніе. Проходя мимо крѣпости Нукусъ наши казаки пѣли и играли въ бубны, и сбѣжавшійся народъ кричалъ «якши», «якши» хорошо, хорошо. На нихъ недавно нападали туркмены и увѣли всѣхъ молодыхъ бабъ. Жители до того бѣдны, что у нихъ нельзя было достать даже фруктовъ. Была только кое-какая рыба. Здѣсь ловятся преимущественно сомъ и шинъ.

Подошли затѣмъ къ городу Ходжейли, съ берега почти невидимому, перетянулись на противоположный берегъ и пошли снова бичевой, миновали рукавъ Лауданъ, поровнявшись съ горами Шейхъ-Джели, которыя противъ города Кинчака достигаютъ во-крайней-мѣрѣ до 2 т. фут. высоты; Аму-Дарья-же въ свою очередь разстилается въ этомъ мѣстѣ сажень на 700 въ ширину и представляется такой величественной рѣкою, что при взглядѣ на нее и на ту силу, съ которой катитъ она свои воды — право, невольно, призадумываешься надъ настоящимъ назначеніемъ этой дѣйственно-роскошной рѣки. Впрочемъ по глубинѣ она доходитъ всего до 3-хъ футъ, и плаваніе судовъ на этой глубинѣ можетъ считаться обезпеченнымъ только втеченіемъ 3 мѣсяцевъ. Въ августѣ рѣка начинаетъ уже спадать. По заключенію лейт. Можайскаго, для плаванія по Аму необходимо, чтобы суда сидѣли съ нагрузкою отнюдь не болѣе $2\frac{1}{2}$ футъ, такъ

чтобы, вслучаѣ надобности, слегка облегченные, они могли подняться на $\frac{1}{4}$ ф. Подобныя суда—по его мнѣнію—могли бы держаться и въ Аральскомъ морѣ, безъ выдвижныхъ даже килей, слѣдуя только вдоль восточного его берега, гдѣ, какъ извѣстно, много острововъ, и вдоль котораго слѣдуютъ изъ Сыра въ Аму и обратно хивинскія безпалубныя лодки, сидящія не болѣе $1\frac{1}{2}$ ф. въ водѣ и всего на 1 ф. сверху воды. Но при этомъ—замѣчаетъ еще Можайскій — въ виду извилинъ устьевъ Аму: Улкунъ-Дары и Кильдене слѣдуетъ избѣгать постройки черезъ-чуръ длинныхъ судовъ.

Подвигаясь далѣе, мы приблизились къ г. Кипчаку, около коего полюбовались довольно красивымъ издали зданіемъ училища съ мечетью. Здѣсь будетъ кстати сказать, что всѣхъ медресе въ ханствѣ 60, при чёмъ въ каждомъ находится отъ 20 до 60 учениковъ.

Нѣсколько южнѣе Кипчака, у подножій Шейхъ-Джели, мы пріостановились около каракалпакскаго аула, кибитокъ въ 20-ть. Аулъ этотъ обличаетъ нѣкоторое довольство: кибитки обширны и чисты, жители хорошо одѣты, особенно женщины, изъ коихъ нѣкоторыя были въ красныхъ уборахъ въ родѣ киргизскихъ малахаевъ. Ни одна изъ нихъ не пряталась, а напротивъ всѣ онѣ, съ оживленными лицами, отвѣчали на шутки нашихъ казаковъ. Аулъ стоитъ на небольшомъ пространствѣ земли, окруженному водою. Земля, сажень въ 6-ть шириной, будучи возвышениѣ окружющей мѣстности, осталась не залитою, и каракалпаки надѣются, что съ ожидаемою убылью воды имъ не придется удаляться далѣе къ горамъ. Они очень стѣснены и приписываютъ разливъ, дошедшій до нихъ только въ этомъ году, запруженію Лаудана, съ цѣллю лишиТЬ окрестныхъ, непокорныхъ туркменъ воды. Плотина эта дѣйствительно существуетъ, и на ней для огражденія устроена крѣпость, въ коей находится до 150 чел. пѣхоты и до 500 чел. конницы.—Берегъ рѣки, идущій здѣсь отъ горъ, является нѣкоторые признаки прежнаго, болѣе долговременнаго пребыванія подъ водою. Мѣстами покрываетъ его саксаульникъ,

Сами-же горы очень живописно окаймляют эту часть берега. Въ этихъ горахъ въ настоящее время добываютъ только селитру и сѣру. По преданию-же въ нихъ находятся, будто-бы, и золотые рудники, которые и пробовали было раз работывать при Мохаммедѣ-Аминѣ-ханѣ, но оставили. Та-же участъ постигла и добычу мѣди, дѣйствительно производившуюся не далѣе какъ въ началѣ настоящаго столѣтія при Мухаммедѣ-Рахимѣ-ханѣ. Оставленіе того и другаго объясняютъ неумѣніемъ вести дѣло. Упомянутый выше городъ Кипчакъ считается хивинцами за священное мѣсто, почему и посѣщается довольно часто богомольцами, но при всемъ томъ городъ бѣденъ и сравнительно съ прежними описаніями значительно обнищалъ.

Далѣе, за городомъ Мангыть, горы стали отдаляться влѣво, постепенно понижаясь; рѣка-же пошла вправо, а мы, продолжая держаться разлива, попали опять въ камыши и потянулись какимъ-то узкимъ протокомъ. Выйдя снова въ рѣку, пропустили мимо себя городъ Гурленъ, едва взглянувши изъ-за пышной зелени садовъ, а затѣмъ пошелъ снова разливъ и опять камышъ, а съ ними и безсмысльный бичевникъ....

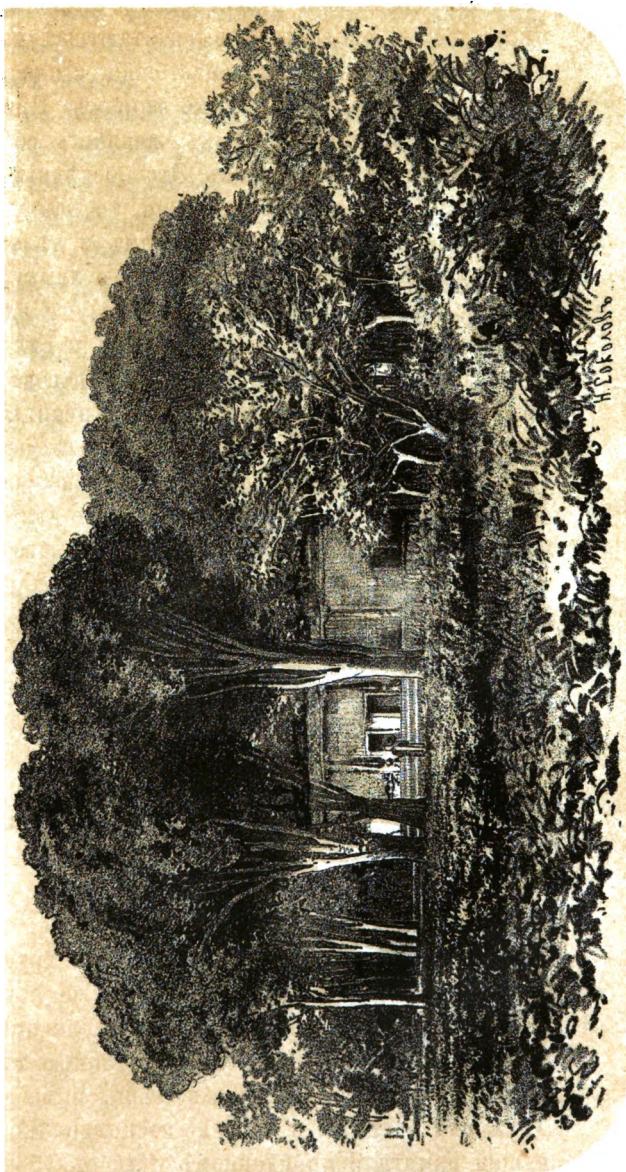
14-го, совершенно неожиданно было получено съ нарочнымъ хивинцемъ изъ Кунграда извѣстіе, что Бутаковъ разошелся съ Можайскимъ и другимъ устьемъ Аму, на другой всего день, по нашемъ отплытии, вошелъ на всѣхъ парахъ и всталъ на якорь у Кунграда — къ общему изумленію и страху жителей. Вслѣдъ за Бутаковымъ вернулись въ Кунградъ и лошади наши, высланные съ отрядомъ по берегу. Путь, указанный хивинцами, оказался непроходимымъ, почему начальникъ отряда нашелся вынужденнымъ возвратиться за новыми указаніями. Бутаковъ, снабдивъ офицера деньгами, а отрядъ запасными сухарями съ парохода, такъ какъ и въ тѣхъ и другихъ предстояла нужда, потребовалъ при томъ отъ Кунградскаго губернатора болѣе надежныхъ проводниковъ, для благополучного прослѣдованія отряда въ Хиву. Съ другой стороны изъ Хивы прїхалъ къ намъ, на

встрѣчу, посланный передъ тѣмъ въ Хиву, состоявшій при миссіи купеческій приказчикъ Панфиловъ. Вообще этотъ день былъ днемъ неожиданностей, породившихъ немало толковъ и предположеній. Прошелъ даже слухъ о пам'реніи возвратиться по течению рѣки къ пароходу. Отдавались приказанія по лодкамъ. Солдатики шептались. Словомъ было что-то въ воздухѣ, по французскому выраженію. Но, при всемъ томъ, какъ и слѣдовало ожидать, мы въ тотъ-же вечеръ пошли далѣе и ночевали у кладбища, при истокѣ канала, ведущаго въ Ургенчъ. Сюда, на слѣдующій день, прибылъ высланный отъ хана почетный конвой, а вмѣстѣ съ нимъ верховыя лошади и до 200 арбъ для поднятія миссіи. Ханъ предлагалъ идти отсюда сухопутно, тогда какъ другой путь предстоялъ по каналу Чолванъ-Атѣ, ведущему прямо къ Хивѣ. Начальникъ миссіи предпочелъ этотъ послѣдній путь. Послѣ бывшихъ при томъ объясненій, началось угощеніе прибывшихъ, и между прочимъ Уральские казаки услаждали, по обыкновенію, своими пѣснями, за что пѣсенніки и получили отъ хивинскихъ властей — каждый по хивинскому золотому (въ 2 р.) и по халату. Затѣмъ предстояло еще угощеніе у близлежащаго города Ханки. Толпы народа бѣжали къ нему вдоль берега. Стеченіе его было весьма многочисленное. Угощеніе шло съ двухъ сторонъ; а казаки снова играли въ бубны и пѣли свои разудалыя пѣсни. Народъ толпясь по берегу, обступалъ каждого изъ насть, спрашивая о плаваніи и показывая знаки своего вниманія. Дѣти во множествѣ пестрили и разнообразили мѣстность. Имъ давали деньги, и крикамъ и веселью ихъ не было конца.

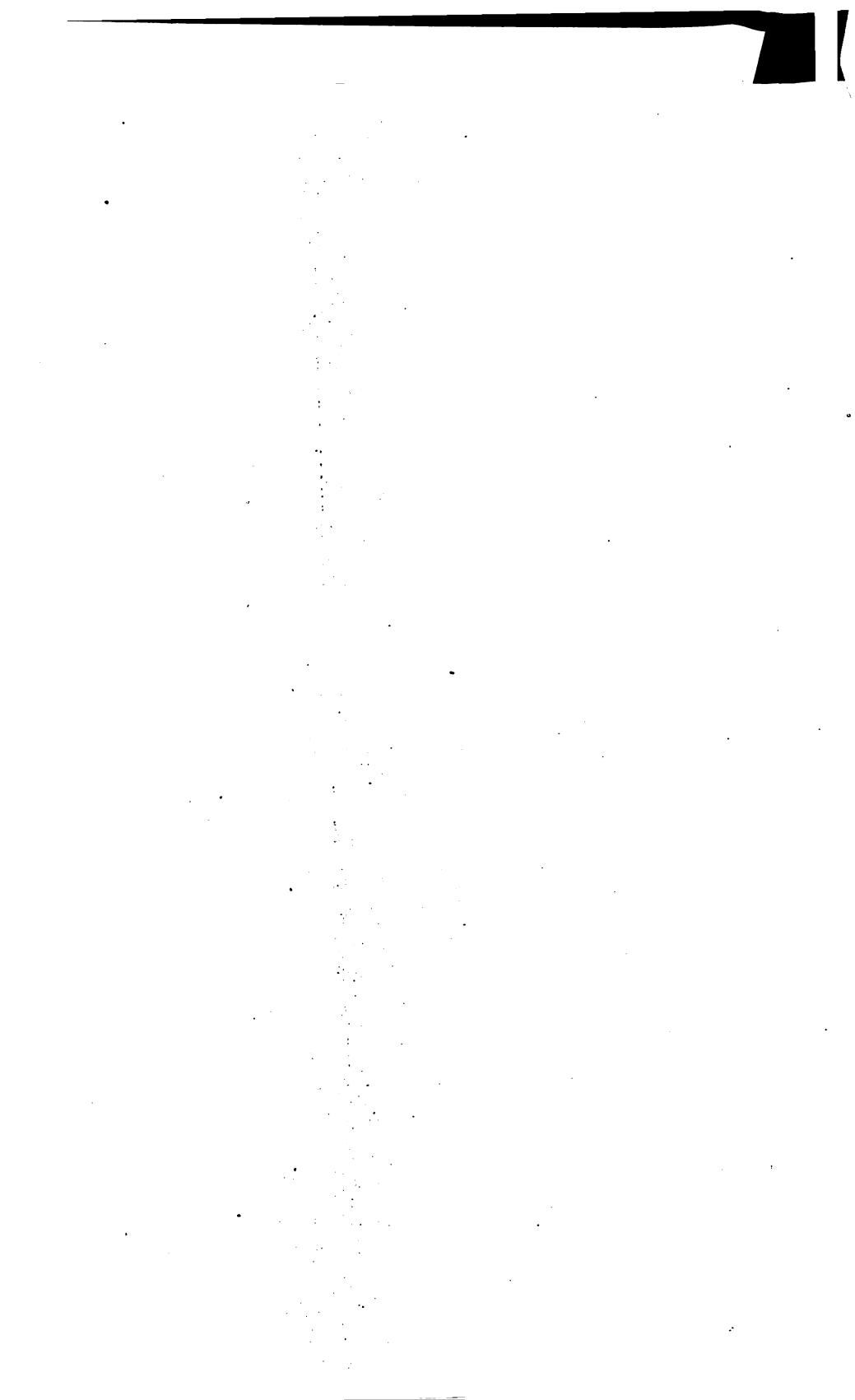
На сказанныя угощенія — какъ передавали Панфилову хивинскіе торговцы — у хана вовсе не было денегъ и онъ приказалъ занять у Ургенчскихъ купцовъ 300 червонцевъ. Въ Ургенчѣ, вмѣстѣ съ г. Хивой, какъ известно, производится главная торговля и отсюда отправляются караваны какъ въ Россію, такъ и въ Бухару.

Чѣмъ приближались мы ближе къ цѣли нашего плаванія,

тѣмъ многолюднѣе и разнообразнѣе становились прибрежныя мѣста. Земли около г. Хивы считаются лучшими въ ханствѣ. Своего рода мызы, поля, пастбища, стада, бродящія вдоль берега—представлялись чаще взорамъ. Прибрежные жители и много довольно красивыхъ женщинъ сбѣгались смотрѣть на странствующихъ урусовъ. Эти послѣднія тѣ просто поклонятся, или посмотрѣть удивленно, то наконецъ и насмѣются вдоволь, приставая къ бичевникамъ и дѣлая имъ свои замѣчанія; но тѣ безропотно танутъ свою ламку, да и мы столь же сносливо едва подаемся впередъ, то вдаваясь въ сѣть каналовъ, то вновь выходя на рѣку и слѣдя и оперемѣнно вдоль одного или другаго изъ ея береговъ. Между-тѣмъ—умышленно или нѣтъ, ведутъ насъ Хивинцы, столь кружной дорогой—приводилось не разъ ломать перекидные мости: тутъ видимо не ѳздять на лодкахъ и вообще существующая система каналовъ, служить не столько для сообщенія, сколько съ цѣллю ирригационной. Но наконецъ изъ общаго направлениія на юго-востокъ, мы повернули подъ угломъ на западъ и изъ канала Шаватъ вошли въ каналъ Польванъ-Ата, который имѣеть привести насъ прямо къ назначенному намъ жилищу подъ Хивой. Каналъ шириною сажень въ 15-ть. Подстриженныя ивы, посѣвы хлопчатника, сады съ выстриженными въ три яруса тополями—покрывали берега; земля-же, по-прежнему, песчана и суха. Такъ встрѣтили мы ночь на 18-е іюля. Вся она прошла и весело, и шумно: говорѣ не прекращался, также какъ не умолкало казачье пѣніе, и въ немъ на этотъ разъ звучало что-то особенное—сказывалась всеобщая радость отъ скораго приѣзда. Прекрасная, свѣтлая, звѣздная ночь освѣщала слѣдовавшія одна за другой наши лодки. Прямыя борозды ложились отъ нихъ на ровную, едва колыхавшуюся поверхность воды. И высокіе прибрежные тополи, въ свою очередь, отпечатывали длинною тѣнью свои островерхушки. Бросали тѣнь, и мы сидя на лодкѣ и дружески бесѣдуя, и сколько воспоминаній запечатлѣлось въ нашей памяти о пройденномъ пути съ 15 мая....

Чанское загородное поместье подъ Хивою.

Къ полдню пристали къ обширной стѣнѣ съ калиткой, выходящей на канаву—это загородный дворецъ, назначенный для помѣщенія миссіи.

Калитка вела въ большой тѣнистый садъ, въ которомъ за вѣтвистыми ивами, вѣтлой и вязью укрывался небольшой, кокетливой наружности глиняный домъ, ощекатуренный и выбѣленный подъ глянецъ, съ крытой съ 3-хъ сторонъ галлереей, съ рѣзными колоннами. Два ряда оконъ выходить на галлерею: верхнія рѣшетчатыя, а нижнія, на подобіе дверей, идутъ до пола, безъ рамъ, со сплошными створками. Напротивъ—прудъ и мѣсто для ханской палатки. Сзади аллея изъ виноградныхъ лозъ, сплетенныхъ аркой, ведетъ во 2-й, но на этотъ разъ не садъ, а дворъ, въ которомъ находится надъ прудомъ, съ яркими цвѣтами, родъ довольно обширного павильона съ галлереей. А затѣмъ и еще дворъ—главный, со вѣздными, обширными, сводчатыми воротами. На этомъ дворѣ, вокругъ стѣнъ, расположены, какъ двухъэтажная, такъ и одноэтажная глиняная комната. Таковы вообще отведенныя намъ помѣщенія. На мою долю съ Дучинскимъ, Струве, Салацкимъ и Муренко досталось первое, описанное выше, находящееся въ саду зданіе.

1858 г.

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ПРАВАХЪ

России на города Туркестанъ и Ташкентъ.

Киргизь-Кайсаки еще въ началѣ XVII столѣтія владѣли берегами Сырь-Дарыи, отъ впаденія ея въ Аральское море вверхъ до самаго Туркестана и далѣе. Когда именно и кѣмъ взять былъ Туркестанъ, сдѣлавшійся столицею киргизскихъ хановъ, неизвѣстно. Есть только нѣсколько достовѣрныхъ свидѣтельствъ о томъ, что около 1630 года имъ владѣль киргизскій ханъ Ишпимъ. Одно изъ этихъ свидѣтельствъ находится у Абульгазы, въ его *Родословной исторіи о Татарахъ*. Принужденный, вслѣдствіе гоненій брата своего, оставить отечество,—назывшее Хивинское ханство,—Абульгаза бѣжалъ въ то время въ Туркестанъ и нашелъ тамъ, какъ говоритъ, ханомъ Ишима, который, продержавъ его у себя три мѣсяца, отвезъ затѣмъ въ Ташкентъ и отдалъ подъ покровительство тамошняго хана Турсуда. Спустя два года, владельцы эти носкорились: Ишимъ убиль Турсула и взялъ Ташкентъ¹⁾). Поступивъ такимъ образомъ подъ власть Киргизовъ, городъ этотъ оставался въ ихъ рукахъ втече-
ни цѣлаго почти столѣтія. Но въ 1723 году Зюнгари,

¹⁾ Абульгазы *Родословная исторія о Татарахъ*, часть IX, гл. 2.

предводительствуемые Голданъ-Циренемъ, пользуясь преимуществомъ силы, напали на Киргизовъ и, послѣ нѣсколькихъ сильныхъ стычекъ, овладѣли не только Ташкентомъ, но и Туркестаномъ, изгнавъ изъ него первого присягнувшаго Россіи хана Малой Орды, Абуль-Хаира¹⁾). Не долго, однако, продолжалось торжество Зюнгаровъ. На общемъ народномъ собраніи Киргизы положили, во что-бы то ни стало, вытѣснить пришельцевъ изъ старинныхъ наслѣдственныхъ киргизскихъ земель, и вооружившись, смѣло двинулись противъ Зюнгаровъ, подъ предводительствомъ Абуль-Хаира. Одно сраженіе слѣдовало за другимъ, и наконецъ Киргизы превозмогли и заняли прежнія свои земли. Но они не умѣли воспользоваться послѣдствіями побѣды: единодушіе оставило ихъ, и они, по-прежнему, разъединились. Одна только Большая Орда осталась на отбитыхъ мѣстахъ, раскинувшись кочевьями своими между Ташкентомъ и Туркестаномъ и внизъ отъ него по Сыру, на кочевьяхъ, принадлежавшихъ изстари Киргизамъ Малой Орды. Что касается до этой послѣдней, то она направилась къ Эмбѣ, перешла на правый ея берегъ и достигла даже Урала, въ то время какъ Средняя подвинулась на сѣверъ. Эти обстоятельства значительно ослабили семью Киргизовъ, и Большой Ордѣ пришлось одной стать вновь лицомъ къ лицу съ злѣйшимъ врагомъ своимъ, Зюнгарами.

Между тѣмъ совершилось важное событие: Малая и Средняя Орды добровольно присягнули на подданство Россіи. Еще въ 1726 году киргизскій посланецъ, Кайбакаръ, пріѣзжалъ отъ имени нѣсколькихъ старшинъ просить покровительства для Малой Орды, а въ 1730 году прибыли въ Уфу въ мѣстному воеводѣ нѣсколько посланцевъ отъ Абуль-Хаира съ письменнымъ предложеніемъ вѣчнаго подданства.

¹⁾ Левшина: *Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей*, часть II, стр 57—58.

Предложение это видимо обрадовало наше правительство, и императорская грамота на принятие Малой Орды въ подданство была немедленно вручена посланцамъ. Съ ними былъ отправленъ, для приведенія новыхъ подданныхъ къ присягѣ, чиновникъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, Тевкелевъ. Съ прибытіемъ его въ Орду встрѣтились однако различныя препятствія къ безостановочному исполненію порученія, и лишь въ 1732 году присягнули Россіи какъ Абуль-Хаиръ-ханъ съ своимъ народомъ, такъ и ханъ Средней Орды, Шемяка¹⁾. Вслѣдъ затѣмъ присягнули Каракалпаки, располагавшіеся вблизи киргизскихъ кочевьевъ по Сыру. Послѣ того Тевкелевъ отправился обратно въ Россію и въ январѣ 1733 года прибылъ въ Уфу. Съ нимъ слѣдовало новое посольство отъ Абуль-Хаира, подъ начальствомъ сына его Эрали-султана. При посольствѣ находились еще двое старѣшинъ Большой Орды съ предложеніемъ вѣрноподданства. Ходатайство объ этомъ было повторено потомъ въ 1738 году самимъ ханомъ этой Орды, Юлбарсомъ, на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Такимъ образомъ, безъ малѣйшаго насилия, владычество Россіи раздвинулось далеко на востокъ и югъ. Въ числѣ киргизскихъ земель въ составѣ имперіи вошли и оба берега Сырь-Дарьи, какъ законное наслѣдіе Малой Орды, съ постояннымъ мѣстопребываніемъ хановъ, Туркестаномъ, съ землями, принадлежащими къ нему и городомъ Ташкентомъ, что все образуетъ такъ называемую нынѣ Ташкентскую область. Киргизы, нераздѣльно владѣвшіе этими мѣстами, впервые передали ихъ въ распоряженіе и подъ защиту Россіи, отъ которой разсчитывали имѣть огражденіе и помощь. Именно эта увѣренность и побудила Киргизовъ присягнуть добровольно. Извѣстно, что случилось это вслѣдствіе настоящей и увѣщаній Абуль-Хаиръ-хана, личные виды

¹⁾ Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей, часть II, стр. 103—105.

котораго клонились къ распространенію власти далеко за предѣлы наследственныхъ кочевьевъ Малой Орды, далеко на югъ отъ столицы его, Туркестана. Достигнутъ своей цѣли онъ думалъ чрезъ покровительство Россіи, и этимъ только объясняется, почему послѣ побѣдоноснаго возвращенія Туркестана отъ Зунгаровъ, онъ не остался въ немъ, а поспѣшилъ къ русскимъ границамъ. Различныя обстоятельства воспрепятствовали Абуль-Хаиру не только исполнить свои честолюбивые замыслы, но и возвратиться въ прежнюю свою столицу. Не удалось это впослѣдствіи, въ сороковыхъ уже годахъ прошлаго столѣтія, и сыну его, Нурали-хану, видѣвшему въ приобрѣтеніи Туркестана единственное средство къ упроченію власти надъ Киргизами Малой Орды¹⁾). Между тѣмъ Зунгары не оставляли враждебныхъ предпріятій и нападали на оставшихся кочевать по Сыру Киргизовъ Большой Орды. Начавшаяся борьба, въ которой приняли участіе и нѣкоторые роды Средней Орды, продолжалась непрестанно во всѣ почти послѣдовавшіе годы минувшаго столѣтія. Не разъ власть надъ Туркестаномъ и Ташкентомъ переходила поперемѣнно то къ тѣмъ, то къ другимъ изъ восставшихъ. Киргизы, однако, и при неудачѣ не унывали. Теряя эти города, они умѣли держаться въ окрестностяхъ ихъ, и почти до начала пынѣннаго столѣтія не упускали изъ своей власти городки, лежащіе между ними²⁾). Положеніе Туркестана и Ташкента было въ этомъ случаѣ самое плачевное³⁾). Киргизы держали ихъ въ постоянной осадѣ. Такой ходъ дѣль

¹⁾ Вельяминова-Зернова; *Историческія извѣстія о Киргизъ-Кайса-кахъ и сношеніяхъ Россіи съ Средней Азіей со времени кончины Абуль-Хаиръ-хана. (1748—1765 г.),* т I, стр. 25.

²⁾ Левшина: *Описаніе Киргизъ-Кайсацкихъ Ордъ и степей Ч. II,* стр. 80 — 81.

³⁾ Ханикова: «Примѣчанія къ статьѣ — Побѣдка Поспѣлова и Бурнашева въ Ташкентъ въ 1800 г.» (*Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общ. 1851 г., ч. I, кн. I* стр. 54).

на Сырѣ продолжался, пока не началъ усиливаться въ Ташкентѣ, подъ исходъ прошедшаго столѣтія, нѣкто Юсусъ-Ходжа. Мѣрами хитрости, а еще болѣе рѣшамостью, онъ успѣлъ поработить большинство мѣстныхъ Киргизовъ и овладѣлъ даже Туркестаномъ¹⁾; но не долго, повидимому, правилъ въ этомъ городѣ: послѣ занятія Ташкента Коканомъ, его имя не встрѣчается болѣе въ лѣтописяхъ. Но въ первой четверти настоящаго столѣтія въ Туркестанѣ находимъ еще самостоятельное управление, подъ вѣдѣніемъ киргизскаго хана, Тогая. Онъ заключаетъ собою рядъ ордынскихъ хановъ, правившихъ въ тѣхъ мѣстахъ. Между-тѣмъ Коканъ, распространяя свое владычество на счетъ Киргизовъ и взявъ Ташкентъ, весьма естественно устремилъ свои помыслы къ сѣверу, на Туркестанъ, доставлявшій ему естественную границу съ сѣверной стороны²⁾, прислоняя его къ широкой полосѣ степи безплодной и затруднительной для переходовъ. Такимъ образомъ «послѣдній потомокъ киргизскихъ хановъ, завоевавшихъ эту страну и владѣвшихъ нѣкогда даже самимъ Ташкентомъ (читаемъ мы въ *Обозрѣніи Коканского ханства въ нынѣшнемъ его состояніи*) Тогай-ханъ, не смотря на мужественное сопротивленіе, былъ принужденъ спасаться бѣгствомъ, и послѣ многихъ приключений нашелъ убѣжище у Миръ-Хайдара, владѣльца Бухары. Онъ былъ застрѣленъ изъ ружья во время смятенія, сопровождавшаго восшествіе на престолъ нынѣшняго хана»³⁾.

Овладѣвъ Туркестаномъ, Коканцы пошли далѣе. Одно укрѣпленіе за другимъ возникало по теченію Сыра, и наконецъ, коканскоѣ правительство стало здѣсь твердою ногой, построивъ Акъ-Мечеть, за которую, внизъ по рѣкѣ, слѣдо-

¹⁾ •Поязда Постѣлова и Бурнашева въ Ташкентъ• (*Вѣстникъ Русск. Геогр. Общ.* Ч. I, кн. I, стр. 22).

²⁾ Тамъ-же, стр. 194.

³⁾ *Записки Русск. Геогр. Общ.* 1849 г., кн. III, стр. 194.

вали незначительныя крѣпостцы, какъ-бы передовые пункты Акъ-Мечетскаго укрѣпленія. Такимъ образомъ Коканъ овладѣлъ всѣмъ среднимъ теченіемъ Сыръ-Дары. Въ то-же время другое соображеніе намъ ханствъ, Хивинское, засяло низовья лѣваго берега этой рѣки.

Въ началѣ подвластные намъ Киргизы не видѣли себѣ большаго отягощенія отъ водворенія Коканцевъ, ибо, хотя и незаконно, акъ-мечетскіе беки взыскивали съ нихъ сначала одинъ только земельный, право взиманія котораго принадлежало, конечно, лишь русскому правительству; но въ послѣднее десятилѣтіе Коканцы перестали довольствоватьсь этою податью: они не только начали позволять себѣ различныя, въ отношеніи ордынцевъ¹, притѣсненія и усиленные поборы, но вторгаясь внутрь степи, осмѣливались, даже подъ самыми укрѣпленіями нашими, на Рамѣй и Иргизѣ, раззорять въ конецъ и убивать подвластныхъ намъ Киргизовъ, уводя въ пленъ ихъ женъ и дѣтей. Такъ, напримѣрь, зимой 1849 года разграблено было на Казалѣ до 1,000 кибитокъ Чумекеевскаго, Дюрткаринскаго, Кирейскаго и Чичкезе-Чиклинскаго родовъ; затѣмъ, весной слѣдующаго 1850 года, самъ коменданть акъ-мечетскій, Якупъ-Бекъ, разграбилъ Чумекеевцевъ въ Кара-Кумахъ и Дюрткаринцевъ на Айгерикѣ, а весною 1852 года, опять на Айгерикѣ, напалъ на Чумекеевцевъ и угналь было у нихъ до 150,000 барановъ. Подобные поступки не могли, наконецъ, не обратить на себя вниманія нашего правительства. Приняты были мѣры противодѣйствія: въ наказаніе за грабежъ 1849 года былъ взятъ и разрушенъ Кошъ-Курганъ; а въ 1852 году коменданть Аральскаго укрѣпленія, преслѣдуя съ небольшимъ отрядомъ вдесятеро многочисленнѣйшихъ хищниковъ, успѣлъ нанести имъ значительный уронъ и отбилъ обратно большое число похищенного скота. Преслѣдуя виновныхъ оружіемъ, пограничное начальство Оренбургскаго края, сочло не излишнимъ потребовать отъ акъ-мечетскаго коменданта, упомянутаго Якупъ-Бека, а также и отъ правителя ташкентскаго объясненія въ

означенныхъ поступкахъ и удовлетворенія ограбленныхъ Киргизовъ, по ихъ обычаямъ. Но тогъ и другой не только отказали въ послѣднемъ, подъ предлогомъ, что грабежи эти произведены самими Киргизами, а Коканцы участія въ нихъ не принимали, но и самые отвѣты свои изложили въ выраженіяхъ надменныхъ, непозволительныхъ, и къ явной лжи осмѣлились присоединить угрозы. Вслѣдствіе этого были немедленно раззорены коканская укрѣпленія Кумышъ и Чимъ-Курганы, и наконецъ, когда и послѣ этого Коканцы не дали требуемаго удовлетворенія Киргизамъ и продолжали свои неистовства, уговаривая даже нѣкоторыхъ киргизскихъ султановъ измѣнить Россіи и откочевывать въ коканскіе предѣлы, была занята, лѣтомъ 1853 года, Акъ-Мечеть (нынѣ фортъ Перовскій), и разрушена лежавшая выше ея крѣпостца Джулекъ.

Вслѣдъ затѣмъ было отправлено письмо къ Кушъ-беку, управлявшему Ташкентскою областью, въ которомъ, въ числѣ главнѣйшихъ причинъ, побудившихъ взять Акъ-Мечеть, выставлялась и «обязанность русскаго правительства заступаться за подданныхъ нашихъ, сыръ-даринскихъ Киргизовъ»¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ главный начальникъ края удостоился Кушъ-бека, «что далѣе Акъ-Мечети русское правительство не намѣreno заводить крѣпостей своихъ вверхъ по Сыру; но за то и коканское правительство, если хочетъ мира съ могущественною Россіей, должно упразднить всѣ существующія въ настоящее время укрѣпленія свои, отъ Акъ-Мечети до Туркестана».

«Въ силу настоящаго объявленія, сказано было далѣе, обязаны вы уничтожить ближайшее ваше къ Туркестану укрѣпленіе Яны-Курганъ, подобно тому какъ ближайшее къ

¹⁾ Письмо къ Кушъ-беку области Ташкентской. (Дѣло пограничн. отдѣл. ханцеляріи оренбургскаго и самарскаго генералъ-губернатора о свѣдѣніяхъ объ областахъ Средней Азіи за 1853 г.).

Акъ-Мечети укрѣпленіе Джулекъ разрушено уже по приказанію моему. Если-же разрушенное нами вздумаете возстановлять вновь, или вмѣсто помянутыхъ устраивать на означенномъ пространствѣ другія укрѣпленія, то этимъ самимъ заставите насъ взять ихъ оружіемъ и остаться въ тѣхъ мѣстахъ навсегда, какъ сдѣлано теперь съ Акъ-Мечетью. Порукою въ вѣрности словъ моихъ можетъ служить то, что уже видѣли вы досель относительно силы Русскихъ. Потому совѣтую обдумать сказанное мною внимательно, и предпочитая твердый миръ съ могучимъ и справедливымъ сосѣдомъ упрямству и враждѣ, которая не могутъ вести ко благу, исполнить справедливыхъ требованій наши и затѣмъ жить въ дружбѣ и добромъ согласіи, въ залогъ коего, съ своей стороны, всѣхъ взятыхъ мною въ Акъ-Мечети плѣнныхъ я отпустилъ на свободу, хотя они и сопротивлялись Русскимъ съ оружіемъ въ рукахъ. Въ случаѣ если принятіе означенныхъ условій не зависить отъ васъ, какъ лица подчиненнаго высшему въ Коканѣ правительству, то прошу васъ о содержаніи настоящаго письма моего довести немедленно до свѣдѣнія самаго хана. Жду отвѣта скораго и положительнаго, чрезъ лицо, званіе котораго соотвѣтствовало-бы важности такого порученія: тогда, можете быть увѣрены, посланный вами чиновникъ принять будетъ въ Оренбургѣ съ искреннею пріязнію и приличнымъ почетомъ.»

При этомъ было повторено требованіе о вознагражденіи подвластныхъ намъ Киргизовъ за похищенное у нихъ коканскими шайками.

Ни одно изъ этихъ требованій не было удовлетворено, и ожидаемаго отвѣта получено не было. Напротивъ, Коканцы, съ занятія Акъ-Мечети, стали дѣйствовать противъ Россіи еще враждебнѣе. Неудачное покушеніе зимой 1853 года возвратить Акъ-Мечеть не охладило ихъ. Высылая безпрестанно грабительскія шайки, пограничные туркестанскіе беки имѣли въ виду, кромѣ добычи, еще и то, чтобы конечнымъ раззореніемъ Киргизовъ заставить ихъ перекочевывать

къ Туркестану, подъ свою власть, что иногда и удавалось. Въ 1856 году они стали дѣйствовать еще въ видахъ пресѣчения нашей торговли съ Бухарой. Торговля наша съ Среднею Азіею производится, какъ извѣстно, караванами и не можетъ пока производиться иначе, потому что водяные сообщенія съ Хивой и Бухарой чрезъ Аму и съ Коканомъ чрезъ Сырь-Дарью, при всѣхъ несомнѣнныхъ къ тому удобствахъ¹⁾, невозможны по политическому состоянію этихъ ханствъ. «Пока берега Аму, замѣчаетъ В. В. Григорьевъ въ своемъ разборѣ сочиненія Небольсина — *Очерки торговли Россіи съ Среднею Азіей*, будутъ находиться во власти такихъ нынѣжественныхъ и вѣроломныхъ правительствъ, каковы бухарское и, еще болѣе, хивинское, всякая попытка къ подобному нововведенію наѣрное останется безуспѣшною»²⁾. То-же заключеніе, если еще не въ большей степени, можетъ быть примѣнено и къ Кокану. Поэтому, и при сосредоточеніи средне-азіатской торговли почти исключительно въ рукахъ бухарскихъ торговцевъ, расчетъ Кокана оказался довольно вѣрнымъ. Разсѣявшись по восточной окраинѣ песчаной пустыни Кызылъ-Кумъ, коканская шайки не давали пройти по ней ни одному бухарскому и киргизскому караванамъ, направлявшимся въ Бухару или обратно въ фортъ Перовскій...

Таково было положеніе дѣлъ лѣтъ восемь тому назадъ, когда была составлена эта записка. Съ тѣхъ поръ возникли новыя затрудненія. Необходимость вызвала рѣшительныя дѣйствія, предпринятые въ послѣднее время и побудившія къ занятію сихъ городовъ, по права на нихъ нашего отечества, какъ видимъ, восходятъ еще къ началу XVII столѣтія.

¹⁾ См. статьи: Махшеева въ V томѣ *Записокъ Геогр. Общ. и Иванченцева въ Морск. Сборнике* за 1854 г. № 2.

²⁾ Двадцать пятое присужденіе Демидовскихъ наградъ, стр. 122.

РАСПРОСНЫЯ СВѢДѢНИЯ

о Шегри-Себзске и Мервѣ.

Подозрительность Средне-Азіатцевъ такъ велика, что подробное изученіе ихъ странъ на мѣстѣ, почти невозможно. За всяkimъ europейцемъ слѣдятъ постоянно, самый обыкновенный вопросъ его стараются перетолковать въ иномъ значеніи и обойти отвѣтомъ. И не одни подобные вопросы представляютъ затрудненіе, но и самая простая наблюдательность и осмотръ мѣстности, обставляются разными стѣснительными условіями. Всѣмъ участвовавшимъ въ послѣдней Хивинской миссіи должно быть памятно, до какой мелочности доходитъ подозрительность Средне-Азіатскихъ правительствъ. Одни торговцы, проникая въ Центральную Азію и по своимъ исключительно торговымъ сношеніямъ, приобрѣтая довѣріе и заводя знакомства, получаютъ чрезъ то возможность ближе освоиваться съ мѣстными обстоятельствами. Но подобныя поездки нашихъ торговцевъ невсегда возможны и немногие изъ нихъ на столько способны и достаточно любознательны, чтобы собирать свѣдѣнія. Болѣе возможно ознакомиться съ этими странами черезъ тѣхъ Средне-Азіатскихъ купцовъ, которые съ давнихъ порь ведутъ съ нами торговлю въ Оренбургѣ и внутри Россіи. Все дѣло въ этомъ случаѣ заключается въ постановкѣ вопросовъ, въ выборѣ распрашиваемыхъ лицъ и въ провѣркѣ однихъ свѣдѣній другими.

Такимъ образомъ, добываемыя данныя, получають значительный характеръ достоинности и служатъ пополненiemъ всего того, что могло быть собрано или замѣчено при личномъ посѣщеніи страны.

Подобнымъ способомъ, чрезъ посредство разспросовъ, были собраны и сообщаемыя здѣсь свѣдѣнія.

Шегри-Себзская область, недавно присоединенная къ Бухарскому ханству, лежить на юго-востокъ отъ него посреди другихъ Бухарскихъ провинцій: Самарканда, Гигара Гуляба и Карши. Она находится въ мѣстности, прекрасной по климату и по необыкновенной растительности. Отсюда и названіе ея, означающее въ точномъ переводе: «Мѣсто зелени».

Для насть Шегри-Себзасъ заявилъ о своемъ существованіи единственно вслѣдствіе продолжительной, ежегодно возобновлявшейся съ нимъ войны эмира Бухарского. Поводомъ были мѣстныя междоусобицы, начавшіяся тамъ съ 40-хъ годовъ настоящаго столѣтія. Ими и воспользовался хитрый и ловкій эмпръ Нассръ-Улла. Не одни впрочемъ, властолюбивые замыслы побуждали къ тому старого эмира, его влекло еще, какъ говорятъ, и чувство сильной ревности: любимая жена его, приходившаяся сестрой владѣльца Шегри-Себзскаго, бѣжала туда съ любовникомъ и нашла защиту въ своемъ братѣ.... Какъ-бы то ни было, но эмиръ достигъ своего: онъ овладѣлъ Шегри-Себзомъ. Завоеваніе послѣдовало тому 8 лѣтъ назадъ; война-же продолжалась почти непрерывно втечениіи 16-ти лѣтъ.

При вышесказанной неизвѣстности страны, всякое свѣдѣніе о Шегри-Себзѣ представляется несомнѣнно интереснымъ; но свѣдѣній этихъ немногого. Самое пространство этого владѣнія можетъ опредѣлиться лишь приблизительно поверстнымъ разстояніемъ, насчитывающимъ между селеніями Шегри-

Себзскими и ближайшими Бухарскими. Шегри-Себзъ имѣеть, кроме центральной, еще 3 крѣпости: (Китабъ, Шаматанъ и Урта-Курганъ) и до 30 селеній (Калляршихъ, Пустаханъ, Джаусъ, Якъ-Кабакъ, Дау-Басъ, Чарбахъ, Чаршепбе, Чумбуль, Тизъ-Авгиндъ, Шенджакидъ, Яны-Курганъ, Ходжа-Ингана, Баширъ, Тягябъ, Шакаръ-Тиръ, Чукуръ-Кышлакъ, Мумнабадъ, Хазара, Уймавытъ, Чашъ-Тюбя, Думай-Ходжа-Кышлакъ, Ирмагылъ, Хинякъ, Каракузы, Кунградъ, Кучы, Синебагъ, Салагъ-Кышлагъ, Гиленъ, Шаляндара). Разстояніе Китаба, Шаматана и Урта-Кургана отъ Шегри-Себзса не болѣе 20 верстъ. Въ такомъ-же, почти, разстояніи находятся крѣпости Бухарскія: Ду-Аба, Чыракча и Яккабохъ. До города же Бухары, по согласнымъ показаніямъ нашихъ плѣнныхъ, вывезенныхъ оттуда послѣднею нашею миссіею, насчитывается отъ Шегри-Себзса до 320 верстъ.

Такимъ образомъ опредѣляемое пространство Шегри-Себзса, по однимъ свѣдѣніямъ, окаймляется, по самой границѣ, съ 3-хъ сторонъ, высокими горами, носящими одинаковое название со страною; по другимъ свѣдѣніямъ горы эти, хотя и съ 3-хъ-же сторонъ, но облегаютъ лишь центральную, главную крѣпость, на разстояніи 4 или 5 верстъ. Западная-же сторона, не защищена горами, представляетъ видъ низменной, болотистой мѣстности. Одна рѣка Аксу, текущая по направлению къ Карши, орошаетъ область.

Климатъ въ Шегри-Себзсѣ умѣренный. Тамъ произрастаютъ красное и тутовое деревья, осокорь, вязъ и тальникъ, а изъ фруктовыхъ: груши, абрикосы, персики, виноградъ, гранаты, грѣцкіе орѣхи, миндаль и пр. Изъ хлѣбныхъ и огородныхъ растеній сѣютъ пшеницу, сарачинское пшено, ячмень, кунжутъ, конопель, табакъ и въ небольшомъ количествѣ хлопокъ. Жатвы бываютъ обильныя, засѣваются сначала низменная мѣста и хлѣбъ поспѣваетъ на нихъ въ началѣ іюня, потомъ собранными зернами засѣваются мѣста нагорные и на нихъ, спустя два мѣсяца, созрѣваетъ и убирается новый хлѣбъ. Сарачинское пшено сѣется разъ въ

годъ на мѣстахъ низменныхъ и орошаемыхъ водою, проведеною изъ канавъ.

Въ горахъ водятся волки, медвѣди, лисицы и куницы.

Себзинцы, указываютъ въ тѣхъ-же горахъ на присутствіе желѣзныхъ рудъ, но къ разработкѣ ихъ еще не приступали.

Селясь предпочтительно въ горахъ и по склону ихъ, Себзинцы, подобно всѣмъ горнымъ жителямъ, отважнѣе и воинственнѣе сопредѣльныхъ имъ обитателей Средней Азіи. Ихъ насчитывается до 70,000 душъ обоего пола. Лицомъ и одеждой они не отличаются отъ Бухарцевъ, по исповѣданію принадлежать къ Суннитскому толку и говорять по-татарски. Именуя себя Себзинцами, по имени страны, обитаемой ими, они сверхъ того присвоиваютъ себѣ родовое название «Кепегесовъ» и подраздѣляются на 7 поколѣній: Абахлы, Ачамайлы, Кайрассаллы, Кыргызъ (вѣроятно Киргизского происхожденія) Мингъ, Тараклы и Чуть. Между ними, какъ и въ Бухарѣ, живутъ въ значительномъ числѣ евреи, которые пользуются равными съ прочими жителями правами, только обложены податью въ вѣсЬко больше размѣрѣ. Во всѣхъ крѣпостяхъ и селеніяхъ области, они занимаютъ отдельные кварталы.

Себзинцы живутъ въ деревянныхъ или глиняныхъ домахъ; но жилища эти отличаются отъ Киргизскихъ переносныхъ кибитокъ тѣмъ только, что они неподвижны; между тѣмъ въ нихъ одинаково нѣть ни половъ, ни печей; огонь разводится по серединѣ и дымъ выходитъ въ отверстіе, сдѣланное въ потолкѣ и служащее вмѣстѣ съ тѣмъ для пропуска свѣта.

При скромной жизни, трудолюбіи и щедрой проподѣ, жизнь въ Шегри-Себзѣ обходится значительно дешевле, чѣмъ въ Бухарѣ и Хивѣ.

Всѣ Средне-Азіатцы единогласно отдаютъ справедливость Себзинцамъ, что они несравненно трудолюбивѣе ихъ, по упрекаютъ въ невѣжествѣ. Мы знаемъ, что въ Шегри-Себзѣ всего двѣ школы.

Что касается нравственности, то въ этомъ отношеніи, какъ и въ трудолюбіи, Себзинцы превосходятъ своихъ со-сдѣй. Прелюбодѣяніе преслѣдуется строго; виновныхъ мужей обыкновенно вѣшаютъ, а преступныхъ женъ разстрѣливаютъ. Въ судѣ и расправѣ, палка играетъ особенно видную роль. Обыкновенно за кражу и пьянство наказываютъ палками, а если преступление сдѣлано въ 3-й разъ, то отобраніемъ имущества и лишениемъ жизни; по подозрѣнію въ кражѣ сажаютъ въ тюрьму, но выпускаютъ изъ оной въ день праздниковъ Гайди-Курбана или Гайди-Рамазана. За взятки, тайные сношения съ сосѣдними владѣльцами, и вообще за измѣну, вѣшаютъ, а за оскорблениѳ чести, зарываютъ по грудь въ землю и забрасываютъ каменьями. Съ несправедливыми судьями поступаютъ какъ со взяточниками и государственными преступниками. Имущество ихъ отирается при томъ въ казну.

Послѣдній владѣтель Шегри-Себзскій творилъ судъ всегда самъ съ своимъ казиемъ, послѣ солнечнаго восхода. Для такого суда всѣ виновные и истцы стекались въ столицу хана. Тутъ-же, самъ владѣтель наблюдалъ за чеканкою монеты. За немнѣніемъ серебра и золота, чеканилась одна лишь мѣдная монета, съ примѣсью серебра, цѣною въ 16 коп. асс. Другія-же ходачія монеты—Хивинскія и Бухарскія.

Шегри-Себзъ расположены въ лощинѣ, у рѣчки того-же имени. Но величинѣ онъ не уступаетъ Бухарской столицѣ, всѣ постройки въ немъ глинянныя или каменные. Улицы пыльны и узки; по сады и полны зелени луговины, придаютъ городу своеобразный характеръ. Городъ обнесенъ тонкой, глиняной стѣной въ ростъ человѣческий. Впрочемъ отъ нападеній непріятеля городъ ограждается не стѣною, построеною скорѣе для вида, а горами, которыя, по показанию нашихъ плѣнныхъ, окружая городъ съ 3-хъ сторонъ, на разстояніи 5-ти верстъ отъ него, такъ высоки, что представляютъ затрудненіе не только для перевозки орудій, но и для движенія пѣхоты. Съ четвертой открытой

сторонъ, доступъ къ городу затрудняется болотистою низменностью и искусственнымъ наводненiemъ, посредствомъ канавъ, проведенныхъ изъ рѣчки Аксу. Этими физическими условіями мѣстности и объясняется почему Шегри-Себзсъ, впродолженіи столь долгихъ лѣтъ, могъ защищаться съ успѣхомъ противъ постоянныхъ нападеній Бухарского эмира. Впрочемъ и сами Себзинцы оказывались храбрѣе Бухарцевъ. Любовь къ независимости развита въ нихъ ничѣмъ не удержанную отвагу. Къ тому-же, по неимѣнію постоянного войска, всякой у нихъ воинъ и по первому зову выѣзжаетъ на конѣ въ полномъ вооруженіи.

Рассказываютъ, что когда въ первый разъ эмиръ подошелъ къ Шегри-Себзу и увидалъ на разсвѣтѣ, въ зрительную трубу, многочисленность и исправность собравшагося Себзинского войска и всадниковъ, стремившихся отовсюду для охраненія границъ, а также обширная болота, препятствовавшія войскамъ вступить въ Шагаръ, то онъ сказалъ: «счастливы Себзинцы, сама природа защищаетъ ихъ; иначе же, мое побѣдоносное войско затоптало-бы этихъ червей.» Въ то-же время — какъ писалъ въ Оренбургъ одинъ изъ его приближенныхъ — занимала его другая мысль; онъ думалъ что: «если-бы, волею Божией, Себзинцы покорились мнѣ, то я образовалъ-бы изъ нихъ правильное войско и, безъ сомнѣнія, сдѣлался бы обладателемъ всѣхъ сосѣднихъ мусульманскихъ земель.»

Покореніе Шегри-Себза совершилось, но вскорѣ послѣ того умеръ самъ Нассръ-Улла; а со смертью его пали и всѣ его горделивые замыслы. Не стало и того вліянія и страха, которые онъ умѣлъ внушить къ себѣ. Если-же Шегри-Себзсъ и подчиняется теперь Бухарѣ, то не вслѣдствіе боязни и необходимости, какъ было прежде, а по инымъ, конечно, разсчетамъ.

Нельзя не припомнить при этомъ, въ дополненіе ко всему сказанному, что Шегри-Себзсъ не переставалъ пользоваться особою благосклонностю и даже денежными посо-

біями отъ Достъ-Мохаммеда, сохранившаго благодарную память за найденное имъ въ Шегри-Себзѣ гостепріимство, послѣ известнаго своего бѣгства изъ Бухары.

Мервъ (иначе *Маверъ*), единственный въ этой части Азіи городъ этого имени, лежить на границахъ персидской области Хороссанъ, къ которой и принадлежалъ одно время. Онъ находится въ 300 верстахъ отъ Бухары и на столько-же, если не болѣе, отъ Хивы. Путь изъ Хивы въ Мервъ особенно труденъ. Онъ тянеть песками и на переходъ его употребляютъ до 18-ти дней, запасаясь водою изъ Аму-Дарьи, потому что вода въ попутныхъ колодцахъ не довольно обильна. Мѣстное населеніе составляютъ осѣдлые узбеки, почти повсемѣстно распространенные въ Средней Азіи, а главнымъ образомъ Туркмены родомъ Сарыкъ и отчасти Салоръ, въ зависимости коихъ и находится Мервъ въ настоящее время. Въ самомъ городѣ насчитывается не болѣе 2,000 жителей изъ Узбековъ; Туркмены-же окружаютъ его сплошь своими кочевьями, начиная отъ верховьевъ р. Мургаба по направлению къ Серахсу. Въ 1795 году, во время управлениія имъ Байрамъ-гали-хана, онъ былъ завоеванъ бухарскими ханомъ Шамуратъ-біемъ, причемъ всѣ непокорные жители Мерва были тогда-же переселены въ Бухару и Самаркандъ, гдѣ и живутъ понынѣ, въ особомъ кварталѣ, и они-то выучили бухарцевъ выдѣлывать шелкъ и шелковыя матеріи, чего бухарцы прежде не знали. Когда- же, послѣ смерти Шамуратъ-бія, въ 1800 году, вступилъ въ управление ханствомъ сынъ его Мирхойдоръ, то онъ, затрудняясь владѣть Мервомъ на столь дальнемъ разстояніи отъ своей столицы, предпочелъ оставить его и вывелъ содержавшуюся въ городе команду изъ 50 человѣкъ. Этимъ воспользовался Хивинскій ханъ Мухаммѣдъ-Рахимъ и занялъ городъ около

1815 года. Онъ находилъ его особенно выгоднымъ для не-пріязненныхъ дѣйствій своихъ противъ Персіи и Бухары, для чего и употреблялъ исключительно мервскихъ Туркменъ. Наслѣдники-же его, предпочитая жить въ мирѣ съ сосѣдями, старались искоренить порожденное зло, и имъ помогъ на этотъ разъ бухарскій эмиръ Нассръ-Удла, который нѣсколькими удачными походами противъ Туркменъ заставилъ ихъ трепетать при одномъ своемъ имени. Эмиръ кончилъ еще тѣмъ, что отбилъ Мервъ у Хивинцевъ. Послѣдніе, впрочемъ, овладѣли имъ вскорѣ вновь, но для того чтобы окончательно уступить его окрестнѣмъ кочевникамъ, для которыхъ собственно онъ и представляетъ значеніе, служа имъ, на случай необходимости, опорнымъ пунктомъ и давая возможность, подъ охраной его, заниматься хлѣбопашествомъ. Такимъ образомъ, овладѣвъ Мервомъ, тому лѣтъ 20 назадъ, Туркмены удерживаютъ его и до сихъ поръ въ своей власти; при томъ, владѣя отлично оружиемъ и имѣя едвали не лучшихъ въ Средней Азіи лошадей, они, одними на-бѣгами на персидскія селенія и даже на самые персидскіе отряды, пріобрѣли себѣ такую славу, что и бухарцы, и хивинцы предпочитаютъ нынѣ жить съ ними въ мирѣ, въ особенности-же первые, опасаясь за ближайшія къ Мерву бухарскія селенія, лежащія у Чарджуя, а также и за караваны, слѣдующіе изъ Бухары въ Мешгедъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О

Самаркандѣ¹⁾.

Самаркандъ, какъ извѣстно, слыветъ у азіатцевъ за «земной рай»; для нась-же особенно важно то, что какъ самый городъ, такъ и окрестности его заселены въ значительной степени переселенцами изъ Мерва, которые хотя и перешли въ суннитскій толкъ, но еще остались въ душѣ шіитами, почему и ненавидятъ бухарцевъ и, весьма вѣроятно, сочувствуютъ происшедшему нынѣ перевороту....

Наиболѣе обстоятельный свѣдѣнія о Самаркандѣ находятся въ изслѣдованіяхъ нашего извѣстнаго знатока Азіи Н. В. Ханыкова, посѣтившаго Самаркандъ въ 1841 году. По его отзывамъ, городъ окружень довольно хорошо укрѣпленною стѣною, съ глубоко выдавшеюся, съ западной стороны, обширною цитаделью, которая замѣчательна, между прочимъ, тѣмъ, что внутри ея помѣщается дворецъ бухарского владѣльца, съ тѣхъ знаменитыхъ синимъ камнемъ, на которомъ, по сохранившемуся преданію, всякий ханъ обязанъ быть непремѣнно возсѣсть, дабы не оставить болѣе сомнѣнія въ своемъ эмирствѣ. Окружность города, благодаря садамъ, окружающимъ строенія, простирается до 13-ти верстъ; въ

¹⁾ Настоящая замѣтка была составлена для Сѣв. Почты, по случаю занятія Самарканда нашими войсками.

прежня-же времена пространство, занимаемое городомъ, было еще значительнѣе и доходило почти до береговъ Зяръ-Авшана. Теперь-же встречаются тутъ однѣ развалины, также какъ попадаются остатки садовъ, бывшихъ до того въ соединеніи съ нынѣшними окрестными садами Самарканда. Многія изъ этихъ развалинъ, какъ равно и сохранившіяся еще въ чертѣ города старинныя постройки, по удостовѣренію г. Ханыкова и еще другаго путевесеннника, г. Лемана, также члена нашей миссіи, бывшей въ Бухарѣ въ 1841 году, посятъ на себѣ слѣды украшеній, частью изъ фарфоровой мозаики, «поразительной красоты и великолѣпія». Жителей въ городѣ насчитывалось въ то время до 25—30,000.

Мѣстная торговля находится въ рукахъ бухарскихъ узбековъ, аравиташъ и персіянъ. Самаркандъ съ городами Бухарою и Карши составляютъ, какъ известно, главные торговые пункты ханства. Не менѣе того, однако, торговля въ Самаркандѣ самая бѣдная и жалкая. Только вывозной хлопокъ служить главнымъ подспорьемъ и вообще оживляетъ мѣстную дѣятельность.

Золотоносная, по увѣренію азіатцевъ, рѣка Зяръ-Авшанъ омыаетъ эту мѣстность и оплодотворяетъ, посредствомъ канавъ, окрестныя плантации и хлѣбные посѣви. Это-то и есть ея настоящая золотоносность, такъ какъ дѣятельное нахожденіе въ ней золота, по разысканіямъ нашего горнаго офицера Богословскаго, оказалось весьма незначительнымъ. Рѣка эта не судоходна и по ней сплавляютъ только въ городѣ Бухару плоты съ лѣсомъ, съ горъ изъ-за Самарканда. Главный хребетъ горъ бухарского ханства, Актау, съ его сивговыми вершинами, сопровождаетъ теченіе рѣки Зяръ-Авшана. Мѣстами отдѣляясь отъ русла рѣки, горы эти спускаются къ нему обширные, крутые отроги, ужасные по своимъ расщелинамъ и пропастямъ, доходящимъ, по малой мѣрѣ, до 10,000 фут. глубины. Самая дикая часть этихъ горъ

—восточная; но она за то и самая богатая: тутъ, нѣсколько восточнѣе мѣстечка Сорвады, были найдены богатыя каменноугольныя копи и мѣдныя руды; вообще-же въ горахъ замѣчено много жалѣза.

Къ этому остается присовокупить, что Самаркандъ отстоитъ отъ города Бухары въ 240 верстахъ и отъ города Карши, примѣрно, въ 150 верстахъ.

О ВОЕННЫХЪ силахъ бухарского эмира.

(1857—58 гг.).

Устройство регулярныхъ и постоянныхъ войскъ по европейскому образцу начато покойнымъ эмиромъ Нассръ-Уллои еще съ 1830-хъ годовъ настоящаго столѣтія, по совѣту бѣжавшаго изъ англійской службы въ Индіи персіянина Абдус-самата. Прежде всего была заведена пѣхота, одѣтая въ короткое платье, состоящее изъ красной куртки, бѣлыхъ панталонъ и персидской шапки; каждый солдатъ вооруженъ ружьемъ со штыкомъ, саблею и двумя пистолетами. Нововведеніе это произвело ропотъ въ народѣ. Больѣ всѣхъ возставали узбеки, не понимавшіе пользы пѣхоты и предпочитавшіе ей кавалерію. Эмиръ обошелся безъ нихъ, набравъ солдатъ изъ плѣнныхъ персіянъ и русскихъ, съ прибавкою охотниковъ изъ сартовъ (бухарского простонародья). Численность пѣхоты была доведена до 2,500 человѣкъ. Солдаты помѣщены за городомъ, въ особой слободѣ, гдѣ имѣютъ семейства и хозяйство; жалованье выдается имъ въ размѣрѣ 3 руб. въ мѣсяцъ на человѣка. Ученіе ружейнымъ приемамъ и маршировкѣ производилось ежедневно, бѣжавшимъ изъ Персіи, знатнымъ персіяниномъ Шагрухъ-ханомъ.

Артиллерія устроена также по европейскому образцу. Число орудій доходило до 80, разныхъ калибровъ; изъ нихъ

50 находятся въ столицѣ ханства и помѣщаются на дворцовой площади. Артиллеристы получаютъ одинаковое жалованье съ пѣхотинцами, отличаясь отъ послѣднихъ чернымъ цвѣтомъ куртокъ. Офицеры, какъ пѣхотные, такъ и артиллерийские, носятъ эполеты. Шагрухъ-ханъ выписалъ изъ Россіи генеральскій мундиръ, со всѣми принадлежностями. Въ свободное отъ службы время солдаты ходятъ въ халатахъ.

Кавалеріи регулярной нѣтъ, но конное войско иррегулярное имѣется постоянно въ готовности. Въ г. Бухарѣ насчитывается его до 13,000 человѣкъ. Кавалеристы живутъ внутри города, въ своихъ домахъ, и въ мирное время занимаются хозяйствомъ, какъ остальные обыватели, не получая отъ казны никакого содержанія. Дѣйствительною службою обязаны они только въ военное время. Тогда отпускается имъ по 2 и по 3 тиллы (отъ 8 до 11 р.) въ мѣсяцъ и, въ случаѣ падежа собственной лошади, выдается взамѣнъ изъ казны. Кавалеристы извѣстны подъ названіемъ голубатырей и харабадаровъ. Они вооружены длинною пикою, саблею и винтовкою; набираются преимущественно изъ людей, искусныхъ въ стрѣльбѣ и метаніи копій.

Сверхъ того есть особаго рода кавалерія, имѣющая тяжелыя ружья, которыя, во время похода, возятся на верблюдахъ или въ телѣгахъ; ими дѣйствуютъ не иначе, какъ лежа на землѣ.

Въ случаѣ войны набирается еще конное ополченіе. Каждая область высылаетъ свой контингентъ, который именуется по родо происхожденію: мангытъ, кипчакъ, узбекъ и т. д. Начальники выбираются изъ родичей. Ополченцы эти получаютъ жалованье наравнѣ съ постоянною кавалеріею и также, въ случаѣ падежа собственной лошади, получаютъ казенную. Наконецъ, въ военное же время, устраивается изъ людей разныхъ сословій особая рабочая команда, родъ саперъ, снабжаемая топорами, мотыгами и лопатами; она употребляется для осадныхъ работъ и возведенія полевыхъ укрѣплений.

Въ послѣднее время, въ Бухарѣ, основаны литейные и пороховые заводы. Вообще устройство войска на европейской образецъ и все относящееся до военной части сильно занимало нынѣ умершаго эмира Нассръ-Уллу. Охотникъ до картинъ, онъ имѣлъ во дворцѣ своею галлерею, наполненную литографированными и раскрашенными портретами европейскихъ, преимущественно русскихъ, генераловъ и офицеровъ, которую посѣщалъ ежедневно. Портреты эти и другія картины, изображающія военные сцены, вывозились изъ Оренбурга и съ нижегородской ярмарки. Всякій разъ, какъ получалъ эмиръ что-нибудь новое въ этомъ родѣ, онъ звалъ къ себѣ нѣкоего бухарца Габейдуллу, жившаго долго въ Москвѣ, и тотъ объяснялъ ему значеніе и подробности картинъ...

ПОКАЗАНИЯ

русскихъ плѣнныхъ, возвращенныхъ изъ Бухары въ 1858—59 г. ¹⁾).

1.

Иванъ Марченковъ, 45 лѣтъ отъ рода, казакъ сибирского войска № 7-го полка, взяты въ плѣнъ въ 1839 году въ октябрѣ мѣсяцѣ, при уроч. Джаркаинѣ, близъ р. Ишима, киргизами мятежника Кенисары Касимова. По прошествіи $1\frac{1}{2}$ мѣсяца по плѣненіи, былъ переданъ Кенисарою въ подарокъ бухарскому эмиру, у которого жилъ около $1\frac{1}{2}$ года во дворцѣ, исправляя должность гаремнаго водовоза и получая на содержаніе въ годъ три халата, 3 пары бѣлья и 3 пары сапоговъ и въ день по 5 фунтовъ хлѣба. Изъ водовозовъ былъ записанъ въ сарбазы, въ которыхъ и служилъ до времени выѣзда изъ Бухары полковника Бутенева, послѣ чего былъ проданъ одному бухарцу за 37 тиллей. По прошествіи 8 мѣсяцевъ былъ обмѣненъ на плѣннаго персиянина и записанъ вновь въ сарбазы, гдѣ и служилъ до послѣдняго времени. Впродолженіи своей службы въ регу-

¹⁾ Показанія эти, отобранныя при генеральномъ штабѣ Оренбургскаго корпуса, были переданы мнѣ, для дальнѣйшей разработки, бывшимъ начальникомъ края А. А. Катенинымъ; но я предпочитаю, однако, передать эти свѣдѣнія, какъ они были, безъ всякихъ съ моей стороны измѣненій.

лярныхъ войскахъ ходилъ нѣсколько разъ въ походъ подъ Шехри-Сабзъ и два раза въ Кеканъ. Во время этихъ походовъ составъ арміи эмира, по большой части, былъ слѣдующій: 11,000 сарбазовъ, числа кавалеріи хорошоѣко не знаетъ, но полагаетъ отъ 1—5 т.; орудій - же бывало отъ 15—20. Всѣ эти походы обыкновенно производились лѣтомъ и продолжались отъ 1 до $2\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ; полевыхъ сраженій никогда не происходило, а всѣ дѣйствія ограничивались одной только осадной войной, причемъ случалось, что непріятельскій гарнизонъ, не выдержавъ огня бухарской артиллериі, отходилъ отъ какой-либо части крѣпостной ограды, и тогда бухарцы бросались къ стѣнѣ, разрывали ее лопатами и врывались въ городъ, но почти всегда были вытѣсняемы оттуда свѣжими войсками противника. Форма одежды у сарбазовъ слѣдующая: у артиллеристовъ—куртка изъ чернаго сукна, застегиваемая на 5 мѣдныхъ гладкихъ пуговицъ; шаровары кожанные, желтныя; на головѣ черная, мерлушчатая шапка; сабля русскаго издѣлія, въ желѣзныхъ ножнахъ, на кожаномъ поясѣ; и у пѣхоты—куртка красная, суконная, шаровары-же и шапка такія-же, какъ у артиллеристовъ, ружье съ кремнемъ и со штыкомъ. Во время холода отпускается еще каждому сарбазу по чекменю или чепану. Въ Бухарѣ сарбазы живутъ всѣ въ одномъ мѣстѣ, за угланскими воротами, за городомъ, въ казенныхъ домахъ, въ каждомъ по одному семейству. На содержаніе сарбазовъ въ Бухарѣ въ прежнее время выдавалось на кормъ и дрова каждому по 12 тиллей¹⁾ въ годъ, кроме верхней одежды и сапоговъ, которые отпускались изъ казны; въ послѣдніе-же два года сумма эта зависѣла отъ количества собираемаго съ жителей на содержаніе сарбазовъ хлѣба, который продавался на базарѣ, и вырученныя за него деньги отдавались на руки солдатамъ, что

¹⁾ Тилль 4 руб. серебромъ.

составляло въ годъ на каждого не болѣе 6 тиллей, а при неурожаяхъ и менѣе. Содержаніе во время похода, въ прежнее время, производилось такъ, что за войсками возились казенныя котлы, въ которыхъ варился рисъ съ масломъ и раздавался сарбазамъ разъ въ сутки, по вечерамъ, сверхъ 3-хъ лепешекъ, дававшихся ежедневно каждому человѣку по утру. Въ походахъ-же послѣдняго времени наряжались силой изъ Бухары буточники, мясники и проч., которые, слѣдя при арміи, доставляли чинамъ ея всевозможные продукты, на покупку которыхъ каждому сарбазу отпускалась изъ казны на 3 сутокъ одна тенъга¹⁾. Походныя движенія совершаются такимъ образомъ, что артиллерія слѣдуетъ впереди, а за нею пѣхота. При каждомъ орудіи для носки снарядовъ и для заряженія ихъ, полагается прислуги 5 человѣкъ, которые ѿдуть на упряженыхъ лошадяхъ; кромѣ этой прислуги, на каждой изъ остальныхъ упряженыхъ лошадей орудія, походомъ, ѿдеть по человѣку, имѣющему назначеніе, кромѣ услуги при орудіи, присматривать также и за своей лошадью. Пѣхота слѣдуетъ въ походѣ на арбахъ, нанимаемыхъ казною; въ каждой арбѣ помѣщается 4 человѣка съ ружьями. Арбы проѣзжаютъ отъ 32 до 48 верстъ въ день. Кавалерія-же или милиционеры собираются, съ своими беками, прямо къ назначенному для сбора пункту; имъ при подъемѣ дается каждому на сборъ по тилль, въ случаѣ-же, если у кого-нибудь изъ нихъ походомъ падетъ лошадь, то тогда по представлениіи хвоста отъ лошади эмиру, хозяину ея, выдается или другая лошадь изъ казны или деньги на покупку оной. Прочее содержаніе кавалерія обязана имѣть собственное. Главное начальство надъ сарбазами ввѣreno Шагрухъ-хану, бѣглому персіянину, когда-то бывшему астрabadскимъ губернаторомъ. Шагрухъ, или Шерукъ-ханъ пользовался прежде большими довѣріемъ эмира, но въ послѣднее время былъ въ опалѣ, и у него отобрали

¹⁾ Тенъга = 22½ коп. серебромъ.

и продали всѣ имѣнія и едва не отрубили ему голову. Помощники Шерукъ-хана называются — миръ-охурами, Они носятъ штабъ-офицерскія или оберъ-офицерскія эполеты, золотыя или серебряные, привозимыя изъ Россіи. Эполеты даются въ распоряженіе Шерукъ-хана, а онъ потомъ награждаетъ ими подчиненныхъ офицеровъ, по своему усмотрѣнію. Всѣ миръ-охуры носятъ русскіе шарфы, куртки, шелкомъ шитыя, кожаныя шаровары и по 2 или 3 пистолета. Офицеры эти за малыя преступленія наказываются сами своихъ подчиненныхъ, а за большія Шерукъ-ханъ отсчитываетъ обыкновенно самъ по 30 палокъ на человѣка; за бѣгство-же полагается смерть, но не иначе, какъ по приказанію эмира. Почти всѣ сарбазы состоятъ изъ плѣнныхъ персіянъ и небольшая часть изъ русскихъ; бухарцы-же принимаются въ сарбазы только по собственному желанію. Срокъ службы сарбаза-плѣнника зависитъ отъ заплаченій за него цѣны, по заслуженій которой ему дается отъ эмира билетъ на свободное проживаніе въ ханствѣ.

Обыкновенно лагеремъ войска эмира располагаются верстахъ въ 9 или 10 отъ осажденной крѣпости, откуда и ходить каждый день съ утра и до полудня къ крѣпости стрѣлять, послѣ чего, къ вечеру возвращаются въ лагерь. Сарбазы въ лагерь располагаются въ холщевыхъ полаткахъ по 10 человѣкъ въ каждой. Лагерь эмира разбивается такимъ образомъ, что въ срединѣ его становится палатка со снарядами, около которой располагаются орудія, артиллеристы и пѣхота, окруженнная своими арбами; кругомъ-же всего этого раскидывается милиція. Часовые днемъ становятся только у пороховой палатки; ночью же пѣхота выставляетъ часовыхъ у своихъ арбъ, а милиція окружаетъ себя конными часовыми, которые становятся другъ отъ друга на разстояніи 3—4 шаговъ и вблизи своихъ палатокъ. Часовые эти привязываютъ своихъ лошадей къ копытамъ и обыкновенно спятъ, за исключеніемъ 2—3 человѣкъ, остающихся на сторожѣ.

Совершенно годныхъ для употреблениі орудій, на лафетахъ, у эмира считается всего 16-ть, всѣ они мѣдныя, за исключеніемъ 3 чугунныхъ; длиною орудія отъ 3 до 8 аршинъ, но есть и короче; ядра-же, которыми изъ нихъ стрѣляютъ, вѣсомъ отъ 3 фунт. до $\frac{1}{2}$ пуда и болѣе; снаряды походомъ возять на верблюдахъ и складываютъ въ лагерь въ одну общую палатку. Во всѣ походы Марченкова ни разу до рукопашнаго боя не доходило, и всѣ сраженія бухарцевъ съ ихъ противниками кончались одной перестрѣлкой и бѣгствомъ той или другой стороны.

Шехри-Сибзомъ Эмиръ завладѣлъ два года тому назадъ; городъ этотъ обнесенъ тонкой глинистой стѣной нѣсколько выше роста человѣка. Дорога изъ Бухары въ Шехри-Сибзъ идетъ по ровной мѣстности и, только не доѣзжая верстъ на 5 до этого города, начинаются довольно высокія горы, между которыми въ лощинѣ, на ключевой водѣ очень хорошаго вкуса, расположень самый городъ. Горы, съ 3 сторонъ его окружающія, такъ высоки, что не только втащить туда орудіе, но даже забраться довольно трудно. Вода по дорогѣ въ Шехри-Сибзъ получается изъ родниковъ и канавъ — въ большомъ изобиліи; селенія, по пути лежать въ 5, 10 и 20 верстахъ одно отъ другаго; травы тоже очень много и преимущественно сѣянай, а въ самомъ городѣ очень много луговой травы. Отъ Бухары до Шехри-Сибза, по ближайшему разстоянію, считаются слишкомъ 40 камней (320 верстъ). Городъ величиною съ Бухару, всѣ постройки въ немъ глиняныя или каменныя, улицы пыльны и узки. По дорогѣ въ Шехри-Сибзъ находишь много лѣсу; кромѣ того привозятъ еще довольно много пихтоваго лѣсу изъ горъ. Ходятъ изъ Бухары въ Шехри-Сибзъ или черезъ Самаркандинъ, или черезъ Карши, или же черезъ Джизахъ; другихъ почлежныхъ пунктовъ плѣнникъ не помнить. Шехри-сибзскихъ владѣльцовъ было двое — родные братья, они теперь живутъ при эмирѣ въ Бухарѣ, а въ Шехри-Сибзѣ находится бухарскій бекъ съ небольшою свитою. При бекѣ

оставлено также и бывшее шехри-сабзское войско, только оружие отъ него все увезено эмиромъ въ Бухару и выдается этому войску лишь при нарядѣ его на войну. Вмѣстѣ съ Шехри-Сабзомъ эмиру достались и принадлежавшія сему владѣнію города: Шаматанъ, Китанъ, Урта-Курганъ, Писта-Ханъ, Джаусъ, Якъ-Ковакъ и Даубасъ, которые лежать отъ столицы очень близко, такъ что самый дальний изъ нихъ, въ горахъ, Якъ-Ковакъ, находится отъ Шехри-Сабза только въ 20 верстахъ; въ городахъ сихъ поставлены также бухарскіе начальники. Въ Шехри-Сабзѣ эмиръ взялъ 15 орудій, изъ коихъ только 3 медныхъ, а прочія чугунныя и изъ нихъ со станками всего 6-ть.

Дорога изъ Бухары въ Коканъ идетъ чрезъ Самаркандъ по ровной мѣстности, за исключеніемъ нѣсколькихъ небольшихъ горокъ; по дорогѣ часто встрѣчаются селенія, самое большое разстояніе между которыми не превосходитъ 4-хъ камней, воды вездѣ очень много въ капавахъ, травы съянной тоже; а весною имѣется и хороший подножный кормъ. Отъ Самарканда до Уре-Тюпе считается 35 камней. Уре-Тюпе расположено на ровномъ мѣстѣ подъ горою, а въ центрѣ города имѣется высокій холмъ, на которомъ построено дворецъ тамошняго бека. Въ настоящемъ году иѣхата доѣхала изъ Бухары до Уре-Тюпе въ 15-ть дней, и войска эмира стояли здѣсь только 3 дня, стрѣляли-же всего два раза, послѣ чего коканцы бросили городъ. Взявши Уре-Тюпе, эмиръ пошелъ на Ходжендъ; по дорогѣ встрѣчалось много селеній и воды; въ Ходжендѣ пѣхота, на арбахъ прибыла въ 6 дней; простоявъ подъ Ходжендомъ 9-ть дней безъ успѣха, отправились назадъ въ Бухару, куда сарбазы, слѣдя уже не черезъ Самаркандъ, а мимо Джизаха черезъ городъ Кыждуванъ прибыли въ 14 дней. Ходжендъ величиною не менѣе Бухары и обнесенъ въ послѣднее время съ 3-хъ сторонъ глиняной стѣной, въ коей у подошвы продѣланы отверстія,透过 которыхъ производится пальба изъ ору-

дій. Съ 4-й-же стороны Ходжендъ примыкаетъ къ р. Сыру и стѣны не имѣеть. Въ прежній походъ эмира, Ходжендъ имѣть быть взяты только потому, что коканцы рѣшились выйти къ нему на встрѣчу, версты за 3 отъ города, гдѣ эмиръ, разогнавъ ихъ пушечнымъ огнемъ, вслѣдъ за ними ворвался въ городъ. Дорога отъ Ходженда до Кокана идеть по ровной мѣстности, въ болѣе или менѣе далекомъ разстояніи отъ лѣваго берега р. Сыра; лѣсу здѣсь по Сыру очень мало, но за то много камыша и сѣянной травы, много деревень и много канавъ. Подъ Ходжендомъ ширина Сыра простирается отъ 120 — 150 саж., и на пространствѣ между этимъ городомъ и Коканомъ берега рѣки каменисты, особенно лѣвый, на правомъ-же преобладаетъ глина; мели здѣсь въ рѣкѣ встрѣчаются часто; островковъ-же немного, всего, 2, 3 маленькихъ; лодокъ Марченковъ не видѣлъ ни одной; въ деревняхъ по дорогѣ къ Кокану много саженного лѣсу, а самородный привозится въ Коканъ изъ близлежащихъ около него горъ и преимущественно состоитъ изъ пихты. Г. Коканъ расположено на ровномъ мѣстѣ, и при взятіи его эмировъ въ прежній походъ стѣны вокругъ города не было; послѣ-же покоренія, эмиръ послалъ въ Коканъ, для кладки стѣны, своихъ мастеровыхъ, но взбунтовавшіеся вскорѣ коканцы всѣхъ мастеровыхъ заложили въ воздигавшуюся стѣну и окончили ее сами.

Въ прежній походъ осаждали Коканъ только 5 дней, а стрѣляли изъ пушекъ всего одинъ разъ, послѣ чего коканцы обратились въ бѣгство, и эмиръ занялъ городъ. Коканский ханъ, тоже бѣжавшій былъ схваченъ и привезенъ съ своимъ сыномъ въ Коканъ на телѣгѣ, гдѣ этимъ ильинникамъ въ ихъ собственномъ дворцѣ и отрубили головы. Эмиръ пробылъ тогда въ Коканѣ 2 недѣли и оставилъ тамъ управлять одного изъ своихъ бековъ, который однакоже въ скоромъ времени былъ выгнанъ изъ Кокана тамошними жителями.

Въ бухарскихъ владѣніяхъ на постройки идеть лѣсъ все саженный, срубаемый чрезъ 10 — 15 лѣтъ послѣ посадки. Порохъ и ядра изготавляются преимущественно въ Самаркандѣ купцами, которые тамъ имѣютъ пороховой заводъ и оттуда уже доставляютъ порохъ прямо къ эмиру. На изгото-
вленіе пороха и ядеръ всѣ материалы даетъ эмиръ и пла-
тить купцамъ собственно за одну только работу; небольшая
часть пороху приготовляется и въ Бухарѣ подъ руковод-
ствомъ Шерукъ-хана. Для вольной продажи торговцы поку-
паютъ порохъ не иначе, какъ отъ самого эмира и потомъ
продаютъ его на базарахъ отъ 15 — 20 коп. ассигнаціями
за фунтъ. Селитра и сѣра привозятся изъ Россіи и добы-
ваются также около Карши, уголь же употребляется для
пороха таловый, а для литья пушекъ — изъ урюковыхъ ста-
рыхъ безъядодныхъ деревъ. Пушки льются въ Бухарѣ подъ
руководствомъ Шерукъ-хана и бѣлага индѣйца, изъ мѣди
и чугуна, привозимыхъ изъ Россіи. Замки для ружей тоже
вывозятся изъ Россіи, а стволы дѣлаются въ Бухарѣ въ осо-
бомъ домѣ, близъ дворца эмира.

Въ заключеніе Марченковъ подтвердилъ: 1) что въ вой-
нѣ съ Кокановъ и Шехри-Сабзомъ всѣ дѣла до рукопашного боя никогда не доходили, а всегда кончались од-
ной перестрѣлкою, причемъ одинъ изъ сражавшихся по-
стоянно обращался въ бѣгство, и 2) что Бухарцы стрѣляютъ
изъ орудій дурно, такъ что не смотря на расположе-
ніе орудій въ 100,150 саж. отъ стѣнъ непріятельской крѣ-
пости, снаряды изъ орудій попадаютъ въ самую стѣну
рѣдко.

2.

Корнилъ Суворовъ, 45 лѣтъ отъ роду, сибирскаго
казачьяго № 3 полка, взяты въ плѣнъ въ 1840 году въ
сентябрѣ мѣсяцѣ, при ур. Улутау, киргизами мятежника

Кенисары Касимова. Пробыл у Кенисары мѣсяцъ, а потомъ отправленъ въ Бухару въ подарокъ эмиру. Продержавши Суворова одинъ день, эмиръ отдалъ его обратно тѣмъ - же киргизамъ, которые и продали его за 18 тиллей одному бухарцу, у которого онъ прожилъ 6 мѣсяцевъ; потомъ эмиръ взялъ его въ сарбазы, заплативъ хозяину его 26 тиллей; въ сарбазахъ Суворовъ и оставался до настоящаго времени и былъ поперемѣнно: рядовымъ, дегъ-башей и пенджа-башей. Во время своей службы дѣлалъ два похода къ Аму-Дарье, 14 походовъ подъ Шехри-Сябзъ и въ настоящемъ году ходилъ подъ Коканъ. Суворовъ засталъ пѣхоту въ составѣ 1,000 человѣкъ, во время войны съ Шехри-Сябзомъ она была увеличена до 1,200, теперь-же опять состоять только изъ 1,000; въ началѣ его пріѣзда артиллеристовъ было 100 человѣкъ; во время войны съ Шехри-Сябзомъ 300,—это число осталось и донынѣ. Число орудій на лафетахъ, простиравшееся сначала до 16, нынѣ возрасло до 24, въ настоящее время къ нимъ присоединены еще 6 орудій на лафетахъ, взятыхъ въ Ура-Тюце, что составить всю подвижную артиллерию эмира въ 30 орудій. Пѣшіе сарбазы составляютъ баталіонъ, который раздѣляется на 10 сотенъ, по 100 человѣкъ въ каждой. Баталіономъ командуется Шерукъ-хантъ, а каждой сотней миръ-охуръ, имѣя помощникомъ караулъ-беги; кромѣ того въ каждой сотнѣ есть 4 старшихъ пенджа-бashi (унтеръ-офицеры) и 4 младшихъ и 10 десятниковъ или ефрейторовъ (дегъ-бashi). Пѣхота имѣть куртки съ краснымъ стоячимъ воротникомъ и мерлушчатую персидскую шапку съ красной выпушкой; солдаты носятъ черезъ плечи—два бѣлыхъ ремня, изъ которыхъ на одиномъ привѣшивается сумка для 30 патроновъ, а на другомъ штыкъ въ кожаномъ чехлѣ. У артиллеристовъ куртка съ чернымъ стоячимъ воротникомъ и такая-же шапка, какъ у пѣхоты; черезъ плечо носятъ на черномъ ремнѣ суму, въ которой помѣщается 30 пистолетныхъ патроновъ; кромѣ пистолетовъ артиллеристы вооружены старыми русскими ка-

зачьими саблями въ желѣзныхъ ножнахъ, носимыми на бѣлой португѣ; миръ-охуры носятъ серебряные штабъ-офицерскіе эполеты съ чешуей, а карауль-беги—оберъ-офицерскіе, кроме того миръ-охуры носятъ русскій шарфъ и на лѣвомъ плечѣ серебряный эксельбанть. Нижніе чины пѣхоты и артиллериі носятъ изъ чернаго сукна эполеты, кружекъ которыхъ набивается хлопчатой бумагой и обшивается баҳрамой изъ бѣлыхъ нитокъ. Эполетъ пристегивается къ курткѣ пуговицей и пришивается. Вооруженіе миръ-охуровъ пѣхоты состоитъ изъ 2 пистолетовъ, пистоннаго ружья, бухарской сабли и небольшаго топорика съ посеребреной рукояткой, а у карауль-беги тоже самое, съ тою только разницею, что рукоятка топорика обтягивается краснымъ сукномъ; вооруженіе панджа-баши сходно съ карауль-беги. Чины артиллериі имѣютъ такое-же вооруженіе, какъ и въ пѣхотѣ, только носятъ сабли не бухарскія, а русскія—въ желѣзныхъ ножнахъ.

Пѣхота размѣщается справа на лѣво и располагается въ развернутомъ фронтѣ по старшинству сотень, начиная съ 1-й — въ двѣ шеренги. Миръ-охуры становятся на правые фланги своихъ сотенъ; а карауль-беги на лѣвые. Четыре панджа-баши становятся сзади 2-й шеренги на одинъ шагъ отъ нея, равняясь съ правофланговымъ человѣкомъ баталіона, а прочие панджа-баши такимъ-же образомъ за лѣвымъ флангомъ баталіона. Десятники становятся въ первой шеренгѣ черезъ каждые 5 рядовъ. Въ баталіонѣ сарбазовъ имѣются два знамя: большое и малое, изъ которыхъ при раздѣленіи на полубаталіоны большое идетъ съ 1-мъ полу-баталіономъ, а малое со 2-мъ. Большое знамя состоитъ изъ древка, оканчивающагося вверху серебраюю шишкою, подъ которой кругомъ древка повѣшенъ черный коровій хвостъ, а подъ хвостомъ четырехъугольный кусокъ красной шолковой матеріи; малое знамя безъ хвоста и флагъ у него въ видѣ косынки. Большое знамя становится на одинъ шагъ впереди право-флангового миръ-охура 1-го полу-баталіона,

а малое знамя впереди право-флангового мири-охура 2-го полубаталиона. Подъ каждое знамя назначается по одному человѣку. — Ружейные пріемы въ пѣхотѣ употребляются слѣдующіе: на плечо, на краулъ, подъ курокъ, на руку, на правое плечо, и т. д. Заряженіе на 12 темповъ; пальба сотнями, дивизіонами, а также и вольное заряженіе и пальба. Шаги: тихій и скорый; при скоромъ берутъ ружье вольно; есть также бѣглый шагъ, при которомъ берутъ ружье на руку, — но только одна первая шеренга, а вторая въ это время держитъ ружье у лѣваго плеча, стоймя, отклоняя его нѣсколько въ лѣвую сторону. Построенія въ пѣхотѣ употребляются слѣдующія: справа и слѣва рядами, сотенные колонны на сотенныхъ дистанціяхъ и густыя сотенные колонны сотни отъ сотни, на одинъ шагъ. Передъ построеніемъ каре, весь баталіонъ предварительно разсчитываются на 8 сотенъ, по 125 человѣкъ въ каждой, самое-же построеніе каре изъ развернутаго фронта производится слѣдующимъ образомъ: передній фасъ составляется изъ 1 и 2 сотенъ, правый фасъ изъ 3 и 4, лѣвый изъ 5 и 6, и задній изъ 7 и 8, для чего 3, 4, 5, 6 сотни предварительно поворачиваются па лѣво кругомъ и заходятъ на свои мѣста плечами, а 6-й и 8-й слѣдуютъ рядами къ своему мѣсту и такимъ образомъ смыкаютъ каре; оба знамя становятся внутри каре. Для построенія каре изъ сотенной колонны на полныхъ дистанціяхъ 3 и 4 сотни заходятъ лѣвымъ плечемъ и составляютъ правый фасъ, а 5-я и 6-я подвигаются впередъ и потомъ заходятъ правымъ плечемъ и составляютъ лѣвый фасъ. Въ каждой сотнѣ находится три барабанщика и два флейтщика, а въ цѣломъ баталіонѣ, сверхъ сего, 4 трубача и 2 турецкихъ барабана. При баталіонныхъ ученихъ вся музыка строится вмѣстѣ и турецкие барабаны бьются тогда только, когда играютъ трубачи. Въ развернутомъ фронте музыка становится около право-флангового мири-охура въ колоннахъ, впереди колоннъ. Застрѣльщики выходятъ впередъ на 12 или 24 ща-

га, и въ цѣль изъ каждой сотни слѣдуетъ только первый и послѣдній ряды. Изготавляются застрѣльщики по команѣ, а выходить по барабану или по трубѣ, отзываются тоже по барабану, а всѣ повороты дѣлаютъ не иначе, какъ по команѣ. Застрѣльщиками командуетъ кто-нибудь изъ миръ-охуровъ, мѣсто котораго во фронтѣ занимаетъ его карауль-бени. Застрѣльщиковъ учать прикрываться мѣстными предметами и стрѣлять лежа. Ученія сарбазамъ въ Бухарѣ производятся только весной; форму сарбазы носятъ только на ученіяхъ и въ походѣ, въ остальное же время кто что хочетъ и долженъ носить непремѣнно лишь форменную шапку. Смотровъ эмира никогда не дѣлается. Во всю службу Суворова, сарбазамъ противъ непріятеля ни разу не привелось ни строить колоннъ, ни разсыпаться, ни употреблять вообще своего строя, а подходили они къ крѣпости сотнями, прикрывая орудія или безъ нихъ, но во всякомъ случаѣ нестройной кучей.

Артиллерія учились прежде при орудіяхъ, которыя также, какъ и порохъ, и всѣ снаряды находились при домѣ Шерукъ-хана, въ сарбазѣ-хане (казарма сарбазовъ), но съ годъ тому назадъ эмиръ раззорилъ домъ Шерукъ-хана и перевезъ всѣ орудія, лафеты, снаряды и порохъ въ самый городъ, гдѣ и помѣстилъ артиллерійскія принадлежности близъ своего дворца. Артиллеристы нынѣ обучаются только сабельнымъ пріемамъ и маршировкѣ. На каждое орудіе на ученіе въ прежнее время назначалось 10 человѣкъ, изъ которыхъ не съ банникомъ считался за старшаго и назывался дегъ-бashi (десантникъ). Ученіе съ орудіями, запряженными лошадьми, никогда не производится, да и самыя лошади доставляются подъ артиллерію, за нѣсколько только дней до выступленія въ походъ, беками, по раскладкѣ на ихъ счетъ, и потомъ къ нимъ-же опять возвращаются послѣ похода. Артиллерія эмира состоитъ изъ пушекъ, мортиръ и единороговъ. Самая большая пушка заряжается 10 ф. пороху и $\frac{1}{2}$ пудовыми яд-

ромъ и возится 28 лошадьми; мортиръ имѣется 4, въ коихъ двѣ большихъ $\frac{1}{2}$ пуд. калибра и двѣ малыхъ $\frac{1}{4}$ пудовыхъ; единороговъ 3: 10-ти, 15 и 20-фунтоваго калибра. Огонь сообщается заряду посредствомъ скорострѣльной трубки и, при стрѣльбѣ ядрами, ядро всегда кладется голое и отдельно отъ пороха, для котораго картузъ приготавляется изъ бязи. Изъ пушекъ самая малая имѣеть однофунтовый калибръ и возится 4 лошадьми. Всѣ орудія имѣютъ лафеты о 4-хъ колесахъ съ передковыми ящиками, которые во время похода идутъ пустыми, или если въ нихъ и везутся заряды, то холостые — собственно для вѣстовыхъ пушекъ; боевые же заряды и порохъ идутъ на верблюжьихъ вьюкахъ. По приходѣ на мѣсто каждого начальника и по отпраjkѣ лошадей, по сигналу трубы, стрѣляютъ двѣ вѣстовые пушки, по одному разу. Утромъ даются три сигнала: первый, барабанъ для пѣхоты и труба для кавалеріи и артиллеріи, — вставать; второй — ломать палатки и сѣдлать; третій — играть генераль-маршъ и выступать. Въ артиллеріи имѣется 6 трубачей. Въ орудія запираются первую пару лошадей въ дышло, и въ этой парѣ пристегиваются на постромкахъ всѣ прочія лошади тоже попарно; на каждой изъ упряженныхъ лошадей садится по артиллеристу, за исключеніемъ дѣгъ-башей и офицеровъ, которые ѿдѣгутъ верхами на особыхъ лошадяхъ. Непрѣдѣль походомъ даются всякому пенджа-башѣ и рядовому по тилль, для поправленія хозяйства, а въ походѣ отпускается на пропитаніе одна теньга на 3 дни, па каждого человѣка. Для перевозки пѣхоты на каждыхъ 10 человѣкъ дается $2\frac{1}{2}$ арбы, въ коихъ помѣщаются, сверхъ людей и ихъ имущества, и принадлежащіе имъ палатки; артиллеристамъ же для перевозки имущества и палатокъ полагается одна арба на 10 человѣкъ. Эмиръ или идѣтъ вмѣстѣ съ сарбаами или назначаетъ имъ какой-нибудь городъ, въ которомъ они должны къ нему присоединиться; кавалерія-же собирается по частямъ съ своими беками въ особо назначенномъ пункту. Ди-

вокъ войска никогда не дѣлаютъ, за исключеніемъ того мѣста, гдѣ назначенъ сборъ кавалеріи, тамъ дается одна дневка. Переѣзды въ арбахъ сарбазы дѣлаютъ отъ 21—48 верстъ въ сутки, останавливаясь на ночлеги близъ деревень и городовъ. Не доѣзжая нѣкотораго разстоянія до мѣста ночлега, выѣзжаетъ впередъ особый чиновникъ, называемый мирза - муфтаръ (ранжировщикъ), за которымъѣдутъ отъ пѣхоты и артиллеріи пенджа-баши (млад. унтеръ-офицеръ) съ жолнерными значками — для пѣхоты красными, а для артиллеріи черными. Мирза-муфтаръ выбираетъ мѣсто для ночлега, разбиваетъ лагерь, отмѣривая мѣсто для каждой части войскъ шагами и устанавливаетъ жолнеровъ, обозначая входы внутрь каре 4 значками, а мѣста для каждой сотни двумя. Сарбазы располагаются лагеремъ всегда въ каре, передній фасъ коего составляетъ артиллерія, снятая съ передковъ, отодвигаемыхъ за орудія на 4 шага внутрь каре, за передками разбиваются коновязи, за коновязями палатки, за палатками арбы — оглоблями внутрь каре. Прочие три фаса каре занимаетъ пѣхота, имѣя въ полѣ арбы, поставленные оглоблями внутрь каре, за арбами лошадей и потомъ палатки. Ружья поставляются въ козлы по десяткамъ, между палатками. Эмиръ располагается всегда въ каре, чаще около праваго фланга артиллеріи. Въ каре устраивается два входа: одинъ главный, въ серединѣ артиллеріи, шириной въ 12 шаговъ, а другой въ томъ фасѣ, противъ котораго располагается эмиръ. При главномъ входѣ становится и главный лагерный караулъ, состоящій изъ миръ-охура съ его пенджа-башами (чины эти дежурятъ поочередно, начиная съ 1 сотни). Изъ этого караула высылаются по очереди два пенджа-бashi, для охраненія малаго входа. Каждое утро дежурный миръ-охуръ доносить о благополучіи лагеря Шерукъ-хану. Внутри каре и вблизи одного изъ его фасовъ становится огромный шатерь изъ двойного холста, покрытаго лакомъ, въ которомъ складываются ящики съ порохомъ (въ 5 четв. длиною и шириной), ядра же кладутся

около шатра, въ мѣшкахъ. Для караула сего склада назначаются ежедневно отъ каждой сотни пѣхоты по 10 человѣкъ, изъ которыхъ и ставятся кругомъ склада часовые, на разстояніи 9 шаговъ другъ отъ друга; для общаго-же полеваго карауда лагеря ежедневно высылается отъ каждой сотни пѣхоты по 20 человѣкъ, подъ начальствомъ дегъ-башей, изъ коихъ 10 становятся впереди праваго, а 10 впереди лѣваго фланга своей сотни и въ 10 шагахъ отъ арбъ; часть этихъ караульныхъ стоитъ на часахъ, а прочие лежать. На фасъ артиллериі ставится свой караулъ: между каждыми двумя пушками по часовому. Въ серединѣ каре располагается палатка Шерукъ-хана и при ней оба знамя сарбазовъ; вблизи-же этой палатки вѣшается на козлахъ колоколь, при которомъ ставится особо назначаемый человѣкъ съ карманными часами, который и бѣть часы. Смѣна часовыхъ производится чрезъ $1\frac{1}{2}$ или 2 часа. Въ каре никто не впускается, даже не исключая посыльныхъ эмира (мехремовъ) безъ доклада объ этомъ дежурнымъ миръ-охуromъ Шерукъ-хану: за несоблюденіе-же сего правила дежурные при маломъ входѣ наказываются 75 розгами. Въ разстояніи 26 сажень отъ фасовъ каре сарбазовъ, окружая его со всѣхъ сторонъ, располагаются палатки кавалеріи, а на 25 шаговъ впереди своихъ палатокъ кавалерія высылаетъ свой карауль, состоящій изъ 4 или 6 знаменъ (каждое знамя въ 500 чел. съ бекомъ); этотъ послѣдній карауль уже окружаетъ и охраняетъ общее расположение арміи, здѣсь часовые, или сидя на лошади, или держа ее въ поводу, становятся другъ отъ друга на разстояніи 4 шаговъ и черезъ 4 человѣка въ пятый подаютъ сигналъ, крича: ушаръ (слушай) или беръбуль или-же гушуяръ-буль (стой осторожно). Кромѣ этихъ карауловъ, вблизи непріятеля, высылается версты на $1\frac{1}{2}$ отъ лагеря, на какое-нибудь возвышенное мѣсто, такъ называемый отъѣзжій карауль, состоящій не менѣе какъ изъ 4 знаменъ. Съ ранняго утра до полдня стоять одни знамена, а съ полдня и

до утра другіе подъ начальствомъ своихъ бековъ. Каравулы сарбазовъ осматриваются въ полночь рундомъ, въ который назначается дежурный у главныхъ воротъ миръ-охуръ, съ 3-мя сарбазами; сверхъ сего, для осмотра карауловъ ночью, посылаются отъ главнаго караула черезъ каждые два часа два пенджа-бashi. Рундъ, подходя къ десяткамъ, выставленнымъ впереди каждой сотни, опрашивается часовыми и отзыается гезма (рундъ), вслѣдствіе чего его останавливаютъ, вызываютъ дегъ-бashi, который спрашивается у рунда отзывъ (обыкновенно название города), послѣ чего рундъ идетъ далѣ.

Число кавалеріи, выставляемой въ поле собственно въ ханствѣ Бухарѣ, простирается до 40 т. всадниковъ, раздѣляющихся на полки, предводимые беками. Каждый бекъ, по требованію эмира, обязанъ выставлять вполнѣ снаряженный 500-й полкъ, въ которомъ имѣются большой и малый значки разныхъ цвѣтовъ,— каждый съ серебрянной вверху шишкой и коровьимъ хвостомъ. Каждому вновь призывающему на службу кавалеристу дается отъ правительства единовременно три тилли на покупку лошади и сѣдла, въ случаѣ же убытия лошади отъ падежа или въ сраженіи, казна выдается кавалеристу лошадь или деньги на покупку оной. Кроме сего, каждый разъ передъ выступленіемъ въ походъ даются каждому кавалеристу на содержаніе себя и лошади и на платье одну тиллю; а по прошествіи въ походѣ 30 дней другую и т. д. до конца похода. Въ каждомъ кавалерійскомъ полку имѣются слѣдующіе чины: миръ-охуры—сотенные начальники, карауль-беки—полусотенные, джаваччи—начальники 25 чел., мираза-бashi—унт.-офицеры и дегъ-бashi—десятники. Всѣ кавалеристы пользуются казенною землею, и собранный съ нея хлѣбъ идетъ въ ихъ пользу. Жатва съ этихъ полей дѣлится въ полку между каждымъ чиномъ особо, т. е. карауль-беки дѣлятъ между собой, миръ-охуры тоже и также поступаютъ дегъ-бashi. Каждый дегъ-бashi, по количеству даваемой ему земли, долженъ получать съ нея:

12 четвертей пшеницы весной, да изъ осеннаго сбора 12 четверт. джауры и хлопчатой бумаги или какимъ либо другимъ плодомъ, хотя-бы и дынами. Въ случаѣ, если-бы дегъ-бashi или другой чинъ, по неурожаю, получилъ хлѣба менѣе, чѣмъ ему полагается, то правительство на это не обращаетъ уже вниманія и никакого дополнительного вспоможенія не дѣлаетъ; обыкновенно всѣ кавалеристы отдаютъ свою землю обрабатывать свободнымъ землеишцамъ изъ $\frac{1}{4}$ или изъ $\frac{1}{2}$ сбора, но, большею частію, берутъ съ нихъ, не хлѣбомъ, а деньгами. Званіе бека по большой части бываетъ наслѣдственное; сынъ бека начинаетъ службу съ мирза-бashi и обыкновенно всѣ первые чины жалуются ему его отцемъ; въ званіе-же бека онъ возводится эмиромъ и получаетъ въ команду полкъ или послѣ смерти отца, или какой-либо по другой, назначенію эмира. Подчиненные беку кавалеристы отнюдь не считаются его рабами, а пользуются правами вольно-служащихъ.

Въ каждомъ кавалерійскомъ полку состоитъ 150 человѣкъ, съ фитильными ружьями на сошкахъ, которые для стрѣльбы каждый разъ слѣзаютъ съ лошадей; остальные-же люди вооружены только саблями и пиками, причемъ порохъ и свинецъ обязаны имѣть свой. Порохъ выдѣлываются, крупный и мелкій, въ Карши, Самаркандѣ и Бухарѣ, частные люди, у которыхъ эмиръ покупаетъ порохъ, смотря по его достоинству, отъ 4 до $6\frac{1}{2}$ тиллей за батманъ. На базарахъ продается $1\frac{1}{4}$ фунта пороха за 15 коп. сер. Селитру добываютъ изъ озеръ, находящихся около Бухары, уголь употребляется таловый; сѣру-же, а также каменную соль и свинецъ добываютъ въ горахъ, лежащихъ къ востоку отъ Карши. Литьемъ орудій занимается индѣецъ Насыръ-ханъ, проживающій въ Бухарѣ 7 лѣтъ и служившій 14 лѣтъ въ англійскихъ войскахъ въ Индіи. Эмиръ очень боится, чтобы индѣецъ не извелъ его какимъ-нибудь образомъ и давно-бы зарѣзалъ Насыръ-хана, если-бы имѣлъ кого-нибудь другаго для литья орудій. Кромѣ собственныхъ войскъ, эмиру во

время войны высылаются войска отъ вассальныхъ его владѣтелей. Съ годъ тому назадъ ему присыпались еще вспомогательные отряды отъ владѣтелей Анху, Майманэ и Акчи (близь Анху), но въ настоящее время эти владѣнія состоятъ подъ властю Герата, и потому въ нынѣшнемъ году къ нему являлись только два вассала: при походѣ изъ Ура-Тюне въ Ходжендъ прибылъ къ нему съ 500 всадниками независимый владѣтель Маччона (небольшая область изъ 3 до 4 городковъ въ самыхъ вершинахъ Заръавшана, въ горахъ), а черезъ двѣ недѣли послѣ него пришелъ съ 10,000 всадниковъ владѣтель Гиссара (изъ числа 10,000, двѣ тысячи имѣли ружья на сошкахъ съ фитилемъ, а остальные были вооружены пикиами и саблями). Этотъ послѣдній вассалъ объявилъ эмиру, чтобы онъ не слишкомъ полагался на преданность Маччонскаго владѣтеля, который только лишь сражался противъ бухарскихъ войскъ въ Ура-Тюне. Слѣдствіемъ такого навѣта было то, что эмиръ прогналъ отъ себя 500 маччонскихъ всадниковъ, отправилъ для управления въ Маччонъ своего бека, а самаго маччонскаго владѣтеля съ сыномъ привезъ въ Бухару и тамъ зарѣзалъ. Владѣтели Анху и Майманэ выставляли постоянно отъ 500 до 2,000 всадниковъ.

По окончаніи похода, эмиръ даетъ вассаламъ разные подарки, а ихъ войскамъ, всѣмъ чинамъ безъ разбора, жалуетъ по халату. Изъ своихъ-же войскъ даетъ по халату только высшимъ чинамъ, нижнимъ- же чинамъ обыкновенно никакихъ наградъ не раздаетъ.

Въ настоящемъ году эмиръ стоялъ до 9 дней подъ Ура-Тюне съ арміею въ 50,000 челов., при 15 орудіяхъ, въ 150 сажен. отъ города — на горѣ, внизу которой находится самая крѣпость. Пальбу изъ орудій производили всего только два раза, послѣ чего Коканцы бросили городъ и бѣжали, а жители, недовольные своимъ бекомъ, отворили немедленно ворота эмиру. Теперь Ура-Тюне и Заминъ уступлены Коканскимъ ханомъ Бухарѣ и тамъ управляютъ бухарскіе беки. Подъ Ходженомъ бухарцы стояли 15 дней,—ла-

геремъ, въ 2^{1/2} верстахъ отъ города, къ которому разъ пять подходили, но безуспѣши.

Къ Аму-Дарѣ Суворовъ ходилъ два раза въ 1841 и 42 годахъ, осенью. Въ первый разъ, дойдя до Аму-Дарьи, эмиръ простоялъ тутъ четыре дня, производя въ это время перестрѣлку съ Хивинцами, находившимися на противоположной сторонѣ рѣки — послѣ чего возвратился въ Бухару. Армія въ этотъ походъ была собрана въ составѣ 100,000, и въ нее не только были призваны всѣ войска, но даже купцы и крестьяне, такъ какъ эмиръ чрезвычайно боялся перехода Хивинцевъ на правую сторону рѣки. Причиною такого страха служило то обстоятельство, что весною 1840 г., когда эмиръ находился подъ Коканомъ, хивинскій ханъ Алла-Кулъ, правясь чрезъ Аму, страшнымъ образомъ опустошилъ многія бухарскія селенія: тонталъ людей лошадьми, кучами жегъ младенцевъ и множество мужчинъ иженщинъ увель съ собою въ плѣнъ, такъ, что некоторые изъ нихъ до сихъ поръ еще не возвратились изъ хивинскихъ владѣній, гдѣ они поселены въ окрестностяхъ Куна-Ургенча. Въ этотъ-же походъ Алла-Кулъ раззорилъ г. Каракуль и доходилъ до Чоръ-Шамбэ-Раметана, въ 32 верстахъ отъ Бухары (сѣвернѣе Каракуля въ 40 verst. отъ него, на караванной дорогѣ изъ Хивы въ Бухару).

Движеніе арміи эмира черезъ южную окраину песковъ Кызыль-Кумъ производилось эшелонами, тысячъ въ 10 каж-дый. Орудій было въ оба похода 12, а въ первый походъ, кромѣ того, было и 32 джезанлія, возившихся на верблюдахъ, съ которыхъ производилась и самая цальба изъ дже-зандей. Орудія везлись черезъ пески день и ночь на лямкахъ, и каждое орудіе тащили 200—250 человѣкъ, перемѣняв-шихся на каждой верстѣ; пѣхота арбъ не имѣла и шла пѣшкомъ. Во второмъ походѣ было всего 35,000 войска, при чемъ эмиръ простоялъ на Дарѣ только два дня. Кромѣ этихъ двухъ походовъ эмиръ ходилъ еще весною 1841 г. подъ Хазаръ-Аспѣ, но тогда никто изъ русскихъ плѣнныхъ

въ покодѣ не участвовалъ и сколько известно изъ разсказовъ самихъ Бухарцевъ, походъ этотъ кончился весьма неудачно. Эмиръ, переправясь чрезъ Аму, ниже Чарджуя, и обложивъ Хазаръ-Аспъ, послалъ свою конницу для разгрома Хивы, но конница эта была разбита на голову и эмиръ послѣ 10-ти-дневной осады, не взявши крѣпости, пошелъ назадъ за рѣку и притомъ съ такою скоростю, что остатки разбитой его кавалеріи не успѣли даже къ нему присоединиться и были совершенно уничтожены Хивинцами.

Городъ Шехри-Сабзъ расположено въ лощинѣ, въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ рѣки того-же имени, съ трехъ сторонъ и на расстояніи $2\frac{1}{2}$ верстъ окружаютъ городъ высокія горы—и только со стороны Бухары окрестная мѣстность города болѣе доступна. 14 лѣтъ продолжалась война эмира съ Шехри-Сабзомъ и, кромѣ властолюбія бухарского владѣльца, причинами къ войны служили еще слѣдующія обстоятельства: 1) еще до войны эмиръ и его сынь женились на двухъ родныхъ сестрахъ шехри-сабзскихъ владѣтелей, но жена эмира, видя холодность къ себѣ мужа, завела сношенія съ однимъ изъ шехри-сабзскихъ бековъ, проживавшихъ въ Бухарѣ и налонецъ съ нимъ бѣжалъ въ Шехри-Сабзъ, гдѣ и вышла за него замужъ; и 2) вслѣдъ за этимъ происшествіемъ явился къ эмиру изъ Кабула братъ шехри-сабзского владѣльца и просилъ эмира возвратить ему владѣнія его предковъ, обѣщая за это приличныя съ своей стороны вознагражденія. Отсюда произошла война, кончившаяся для эмира покореніемъ Шехри-Сабза, а для прежняго владѣльца тѣмъ, что онъ принужденъ былъ бѣжать въ Ташкентъ гдѣ и нынѣ находится. Лишившись одной жены изъ шехри-сабзского дома, эмиръ женился впослѣдствіи на другой сестрѣ шехри-сабзскихъ владѣтелей, женщинѣ замѣчательной красоты, отнятой имъ у одного изъ шехри-сабзскихъ бековъ, за которымъ она была замужемъ. Не смотря на то, что эмиръ, каждый разъ какъ посѣщаетъ эту женщину, дѣлаетъ ей огромные подарки, жизнь ея всетаки не мо-

жеть считаться счастливой, ибо, приходя къ ней, эмиръ каждый разъ приводить съ собою и одного изъ самыхъ любимыхъ своихъ мальчиковъ, и въ то время, когда жена его своими ласками успѣть взволновать въ старики кровь, онъ немедленно обращается къ своему мальчику и въ глазахъ жены удовлетворяетъ свою страсть на своемъ любимицѣ. Все, признаваемое эмпомъ, потомство его состоять изъ сына и 2-хъ дочерей, отданныхъ замужъ въ Бухарѣ. Сынъ эмира и наследникъ бухарского престола, Музофаръ-ханъ въ настоящее время имѣеть отъ роду 34 года, женатъ и имѣеть 3-хъ сыновей, 7, 9 и 12 лѣтъ, которые пріѣзжали нынѣшнимъ лѣтомъ въ Бухару просить у дѣда разрѣшенія на обрѣзаніе, на что и получили согласіе эмира и 2,000 денегъ на устройство праздника по этому случаю. Принцъ-наследникъ хорошъ собою, похожъ лицомъ на эмира; до 20 лѣтъ онъ жилъ постоянно въ Бухарѣ во дворцѣ отца, а потомъ назначенъ бекомъ въ Кермине. Принцъ—очень умный и добрый человѣкъ, но участія въ дѣлахъ государства эмиръ ему не даетъ изъ опасенія, чтобы наредъ не перешель на сторону принца. Во время войны принцъ командуетъ какимъ-нибудь резервомъ въ Самарканѣ или Джизахѣ; въ сраженіяхъ никогда не участвовалъ, а если и призываются въ армію эмира, то при лишь окончаніи компаний, причемъ видится съ сыномъ не болѣе часа. Пробѣжая чрезъ Кермине, эмиръ тамъ никогда не останавливается, избѣгая свиданія съ сыномъ, и принца въ Бухару никогда не призываетъ. Кроме Кермине въ вѣдѣніи принца находится и округъ Нурагата, въ которомъ кочуютъ Киргизы. Главный городъ этого округа—Нурата лежитъ къ сѣверу отъ Кермине въ 12 кмниахъ, населенъ Узбеками и Киргизами, изъ которыхъ составляетъ для защиты его гарнизонъ въ 500 человѣкъ. Нурата обведенъ стѣной, имѣеть прекрасную ключевую воду и черезъ него проходятъ караваны, идущіе изъ Акъ-Мечети въ Бухару. Отъ колодца Ювъ-Кудукъ, лежащаго на караванной дорогѣ изъ Бухары въ Казалу, Нурата от-

стоить къ востоку на 15-ть камней. По дорогѣ изъ Кермине въ Нурату и въ 6-ти камняхъ съвернѣе сего послѣдняго города лежитъ большое селеніе Мѣхъ, состоящее тоже въ вѣдѣніи принца. Въ окрестностяхъ Нураты и Джизаха кочуетъ очень много Киргизъ, съ которыхъ эмиръ береть два раза въ годъ пошлину: каждый разъ по одной скотинѣ съ 40. При дворѣ эмира до сихъ поръ живутъ два сына убитаго имъ коканскаго хана: старшій Усень-ханъ 28 лѣтъ и младшій Музофаръ-ханъ 25 лѣтъ, эмиръ просить имъ во владѣніе Ходжендъ, но коканскій ханъ постоянно въ этомъ отказываетъ. Бухарцы говорятъ, что они были-бы очень рады, если-бы Русскіе завладѣли Ташкентомъ (тогда-бы имъ легче было завоевать Коканъ), не смотря даже на то, что Ташкентцы постоянно и даже нынѣшній годъ присылали будто-бы просить эмира о принятіи ихъ въ подданство Бухары, говоря: чѣмъ намъ доставаться Русскимъ, мы лучше хотимъ быть въ подданствѣ у единовѣрного государя.

Всѣ дороги, по которымъ ходилъ эмиръ, измѣрены шагами его скороходовъ. Измѣреніе это дѣлается такимъ образомъ, что по проходѣ 9,000 шаговъ, составляющихъ ташъ (камень), скороходъ, ведущій лошадь эмира подъ узды говоритъ: ташъ, и тамъ кладутъ камень, затѣмъ ведеть подъ узды лошадь другой скороходъ и дѣлаетъ то-же самое и т. д.

Укрѣпленные пункты въ бухарскомъ ханствѣ, кроме Бухары, слѣдующіе: Джизахъ, окруженъ глиняною стѣною и защищается одной всего пушкой; жителей и кочующихъ вблизи Киргизовъ, которые въ случаѣ надобности собираются въ крѣпость для ея защиты, до 5,000. Джизахъ стоитъ въ лощинѣ на ключахъ, проходящихъ черезъ самую крѣпость, въ которой для сохраненія воды сдѣланы пруды. Самаркандъ окруженъ глиняною стѣною, но орудій не имѣть. Китта - Курганъ окруженъ въ свою очередь стѣною, имѣть 3 орудія 2-хъ и 3-хъ фунт. калибра,

6 крѣпостныхъ ружей и 500 человѣкъ бухарскаго гарнизона. Зіяддинъ, Янги-курганъ (между Зіяддиномъ и Кермине), Керминс, Миттанъ (въ 15 верстахъ къ сѣверу отъ Китты-Кургана), Карши и Усть-Ты (по дорогѣ изъ Хивы въ Бухару) окружены стѣнами, но орудій не имѣютъ. Караки, по дорогѣ изъ бухары въ Балхъ, на правомъ берегу Аму, окружены стѣною и имѣть одно орудіе 5 фунт. калибра. Здѣсь находятся лодки, состоящія въ вѣдѣніи каркинскаго бека, на которыхъ производится переправа черезъ Аму. Ура-Тюп е окружены стѣною, имѣть 3,000 человѣкъ бухарскаго гарнизона и 4 орудія: два большихъ и два маленькихъ и 12 крѣпостныхъ ружей. Чарджуй построенъ въ 2-хъ верстахъ отъ лѣваго берега Аму, снабжается водою изъ этой рѣки посредствомъ канавъ, расположено на низменномъ мѣстѣ и имѣть гарнизону 2,500 человѣкъ и одно чугунное орудіе 3-хъ фунтов. калибра.

По дорогѣ въ Коканъ на нѣкоторые припасы существовали слѣдующія цѣны: 10 споновъ сѣянай травы продавались отъ 10 до 20 копѣекъ ассигн., батманъ ячменя—4 тенъги, каменной соли 5 фунтовъ 4 коп. ассигн. Въ Бухарѣ, по большей части, продаются припасы: батманъ сарачинскихъ крупъ 28—31 тенъга, батманъ джугары 8 тенегъ, 20 фунтовъ баранины— $2\frac{1}{2}$ тенъги и говядины 5 фунт. 20 коп. ассигн.

Довѣренныхъ людей у эмира очень мало, въ настоящее время съ нимъ постоянно бесѣдуется въ Бухарѣ и во время походовъ любимецъ его Токсаба-мурза-тайгунъ, не занимающій никакой особой должности, но и его однажды эмиръ выгонялъ отъ себя палками. Сарбазами до Шерукъ-хана управлялъ бухарецъ Улу-бекъ-токсаба, а ранѣе сего послѣдняго персіянинъ изъ Тавриза Наибъ-Абдусамадханъ; Наибъ этотъ, оскорбленный эмиромъ, хотѣлъ было передаться шехри-саисскимъ владѣльцамъ, но эмиръ усилилъ перехватить переписку Наиба и тотчасъ-же его зарѣзалъ.

3.

Иванъ Ненилинъ, 60 лѣтъ отъ роду, казакъ сибирскаго войска № 4-го полка, взяты въ пленъ въ 1840 году, при уроч. Улу-Тау, вмѣстѣ съ Суворовымъ, Киргизами мятежника Кенисары Касимова. Черезъ 1½ мѣсяца по плененіи былъ препровожденъ въ подарокъ къ бухарскому эмиру; но когда эмиръ узналъ, что посланникъ его, пойхавшій съ Бутеневымъ, не былъ принятъ въ Россіи, то, разсердясь на русскихъ, продалъ Ненилина своему адъютанту (Пансатъ-бashi) за 22 червонца, у которого Ненилинъ и находился 7 мѣсяцевъ, живя въ помѣстии своего господина въ 8 верстахъ отъ Бухары при р. Джугунѣ, впадающей въ Заръавшанъ — въ деревнѣ Ичке-Тамъ. Черезъ 7 мѣсяцевъ, когда, командовавшій сарбазами, Наибъ (Шерукъ-хана тогда еще не было) просилъ эмира о пополненій сарбазовъ русскими плѣнными, былъ перевѣщенъ въ сарбазы и Ненилинъ. Онъ ходилъ 12-ть разъ подъ Шехри-Сябзъ, нынѣшній годъ подъ Ходжендъ и два раза къ р. Аму-Дарьѣ — противъ Хивинцевъ, вмѣстѣ съ Суворовымъ. Для литья орудій у эмира живетъ Кабулецъ Насыръ-ханъ, котораго всѣ признаютъ за англичанина,—но онъ въ этомъ не сознается. Насыръ-ханъ въ Бухарѣ уже лѣтъ 7, лѣтъ орудія отлично, гораздо лучше Шерукъ-хана и пользуется расположениемъ эмира, по необходимости въ такомъ человѣкѣ. Шехри-сябзскій владѣлецъ въ настоящее время живетъ въ Бухарѣ — имущество его сохранено, и въ добавокъ на содержаніе его даются всѣ сборы съ г. Каракула. О путяхъ, по которымъ ходилъ Ненилинъ въ походахъ, по слабой памяти, сообщить ничего не можетъ. О сарбазахъ и обѣ устройствѣ ихъ и артиллеріи показалъ то-же самое, что Суворовъ, съ слѣдующимъ добавленіемъ: карауловъ во дворцѣ эмира сарбазы не содержать, а только къ пороховому складу близъ дворца ежедневно наряжается 4 ряд., 1 ефр., 1 унт.-оф. и 1 оф. Зданіе, гдѣ

хранятся снаряды и порохъ, 2-хъ-этажное, окружено дворомъ а порохъ хранится въ самомъ зданіи въ глиняныхъ кувшинахъ, закрытыхъ плитами. Разрывные снаряды лежатъ пустыми и начиняются передъ выступлениемъ въ походъ; начинкой завѣдуетъ одинъ изъ артиллерийскихъ миры-охуровъ, Матусембекъ, родомъ персіянинъ. За годъ передъ симъ, перехвативъ письма Шерукъ-хана въ Персію, въ которыхъ ханъ писалъ, что пользуется огромнымъ влияніемъ въ Бухарѣ и что всѣ военные силы эмира находятся въ его рукахъ, — Эмиръ обобралъ всѣ имѣнія у Шерукъ-хана, засадилъ его въ темницу въ собственномъ дворцѣ — гдѣ ханъ высидѣлъ 6 мѣсяцевъ, и только передъ походомъ въ нынѣшнемъ году въ Коканъ получилъ свободу. Во время похода въ Коканъ, Ненилинъ слышалъ, что тамъ находится 7 человѣкъ англичанъ, которые учать коканскія войска стрѣльбѣ, и дѣйствительно стрѣльба ихъ въ нынѣшнемъ году была очень хороша, такъ что кокандцы изъ Ходженда подбили у эмира двѣ пушки. Въ то самое время, когда Кокандцы осаждали фортъ Перовскій, эмиръ тоже сталъ собирать войско и готовиться къ походу; но когда получилъ извѣстіе, что Кокандцы страшно разбиты, тотчасъ-же распустилъ свою армію, сказавъ: «Русскіе нынѣ стали очень проворны и сильны», — и впослѣдствіи, не смотря на неоднократныя предложения коканскаго хана и въ особенности хана хивинскаго, идти общими силами на Сыръ, постоянно отъ этого отказывался, говоря: «идите и дѣлайте сами, что хотите; меня-же Русскіе нетрогаютъ, и я не хочу съ нами тягаться.» Цѣны на дрова въ Бухарѣ существуютъ слѣдующія: верблюжій вьюкъ саксаульника 5—9 тенегъ, а ослиный — $1\frac{1}{2}$; бревно отъ 10 до 12 аршинъ длиною и въ отрубѣ 4 вершка — червонецъ.

4.

Василій Пшеничниковъ, 63 лѣтъ отъ роду, родился въ пермской губерніи, камышковскаго уѣзда, государственный крестьянинъ, служилъ въ линейномъ оренбургскомъ баталіонѣ, расположенномъ въ г. Троицкѣ, въ 4-й ротѣ, взять въ плѣнъ лѣтъ 40 тому назадъ, близь г. Троицка, на рыбной ловлѣ, Киргизами, которые увѣли его за р. Тоболъ. Тамъ плѣнnyй находился впродолженіи 6 мѣсяцевъ, потомъ былъ отвезенъ въ г. Бухару и проданъ одному купцу за 30 червонцевъ и лошадь. У купца жилъ 17-ть лѣтъ въ работникахъ, занимаясь земледѣліемъ; съ учрежденіемъ-же сарбазовъ взяты въ войско, съ уплатой хозяину 20 черв.; въ сарбазахъ находился 22 года и потомъ до отправленія въ Россію 2 года былъ въ отставкѣ. Сарбазовъ при учрежденіи было 500 человѣкъ, составленныхъ изъ Персіянъ и 30 Русскихъ. При взятіи Кокана у эмира было войска до 40,000 человѣкъ и 12 орудій. Походъ этотъ совершился весною; и въ Ходжендѣ тогда забрали 4 пушки, городъ ограбили и, простоявъ два днія, пошли въ Коканъ. Коканскимъ ханомъ былъ тогда Магометъ-Али-ханъ. По взятіи Кокана, городъ и окружающія его селенія отданы были на разграбленіе бухарской конницѣ, а дворецъ хана сарбазамъ, которые тутъ захватили 16 сундуковъ съ разными платьями и 30 женъ, а казну эмиръ взялъ себѣ. Ханъ бѣжалъ въ Магерланъ, но былъ тамъ схваченъ и потомъ привезенъ въ телѣгѣ въ Коканъ, где его и зарѣзали. Изъ сыновей хана, одного эмиръ зарѣзalъ въ Джизахѣ на обратномъ пути, а двоихъ съ матерью взялъ въ Бухару. Въ Коканѣ эмиръ пробылъ 14 дней. Коканъ величиною съ Бухару, построенъ на глинистомъ грунтѣ, улицы широки, вода ключевая, зданія такія-же какъ въ Бухарѣ, т. е. по большей части изъ глины и сырца. На слѣдующую весну эмиръ послалъ въ Коканъ 300 мастр., которые въ тотъ-же годъ были заложены въ

стѣну Коканцами,—бухарскій начальникъ убитъ и съ нимъ до 100 человѣкъ. Въ Ходжендѣ 2 стѣны на разстояніи одна отъ другой саж. 15-ть; впереди-же стѣны располагаются стрѣльцы за небольшимъ брустверомъ въ ростъ человѣка. Пушки стрѣляютъ черезъ амбразуры, продѣланныя въ по-дошвѣ стѣны. О походѣ въ Хазаръ-Аспѣ плѣнныи ничего положительного сказать не можетъ но той причинѣ, что эмиръ, разсердясь, что посланный съ Бутеневымъ бухар-скій посланникъ не былъ принятъ въ Россіи, распродалъ всѣхъ русскихъ, находившихся въ сарбазахъ въ то самое время, когда совершили походъ въ Хазаръ-Аспъ. О доро-гахъ въ Балхѣ и въ верховья Аму — никто не знаетъ, потому что тамъ никто не былъ и ходить съ караванами туда никому ни позволялось. Хорошая земля около канавъ и на высокихъ мѣстахъ подъ Бухарой продаются — танапъ 15 черв., а солончаки 2 и 3 черв. Лѣсь самородный въ родѣ ели—(по-бухарски арча) вывозится изъ горъ, лежащихъ за Самарканомъ и сплавляется по Зарь-авшану въ с. Курбунъ, въ одномъ ташѣ отъ Бухары, куда потомъ перевозится уже на арбахъ. Арча кладется въ основаніе домовъ и бревно саж. 2 длиною и $1\frac{1}{2}$ четв. толщиною въ отрубѣ стоитъ три тенѣги. Жители прибрежной мѣстности отъ Кермине до Самарканда по обоимъ берегамъ Зарьавшана, называемой Менкомъ, гонять въ Курбунъ осиновый и таловый лѣсъ, осиновая бревна, идущія на балки, длиною $2\frac{1}{2}$ саж., тол-щиною внизу 6 вершковъ—продаются по 5 тенегъ. Большой верблюжій выюкъ крупчаго саксаулу стоитъ 6 тенегъ; мел-каго кустарника (по-бухарски яушонъ и говрыкъ) верблюжій выюкъ продаются первого 2 тенегъ, а втораго 3 и $3\frac{1}{2}$.

5.

Павелъ Ярковъ, 36 лѣтъ отъ роду, государственный крестьянинъ оренбургской губерніи челябинскаго, уѣзда, дер. Карагаровой. Взять въ плѣнъ мятежными Киргизами Кенисары Касимова въ 1844 году, во время рыболовства на р. Тоболѣ, вмѣстѣ съ другимъ своимъ однодеревенцемъ. У Кенисары плѣнныя жили мѣсяца 3, потомъ Ярковъ отправленъ въ подарокъ къ бухарскому эмиру, а товарищъ его къ хивинскому хану; по приводѣ къ эмиру тотчасъ-же посланъ въ сарбазъ-хане, гдѣ и находился до настоящаго времени. Не смотря на то, что Ярковъ былъ простой мужикъ, его прямо поставили въ ряды сарбазовъ и учили наравнѣ съ старослуживыми, такъ какъ вообще отъ сарбазовъ особой отчетливости во фронтовомъ образованіи не требуется, и кто какъ умѣеть, такъ и служить, да притомъ-же другое русскіе плѣнныя заранѣе переводили ему всѣ команды и объясняли, что слѣдовало по нимъ исполнять, вслѣдствіе чего, и безъ одиночнаго ученія, Ярковъ дошелъ до одинакового военнаго образованія съ прочими сарбазами. Ярковъ ходилъ въ походъ подъ Шехри-Сябзъ и нынѣшній годъ подъ Коканъ. Во всѣ походы рукопашнаго боя ни разу не было; воинственного духу въ сарбазахъ никакого нѣтъ, при опасности прячутся въ ямы и при удачномъ выстрѣлѣ противника разбѣгаются. Разъ подъ Шехри-Сябзомъ эмиръ приказалъ устроить лѣстницы для штурма, но ихъ не употребляли, а сдѣлали больше для страха непріятеля.

6.

Федоръ Федотовъ, 50 лѣтъ, изъ польскихъ военно-плѣнныхъ, служилъ въ линейномъ оренбургскомъ баталіонѣ № 6-го, расположенному въ крѣпости Озерной, взять въ плѣнъ около станицы Маринской, во время осмотра кордона сѣна въ 1837 году. Черезъ 9 мѣсяцевъ и послѣ перевозки изъ аула въ аулъ отвезенъ въ Бухару, гдѣ и

проданъ за 20 тиллей эмиру, который тотчасъ-же отослалъ его въ сарбазъ-хане; послѣ-же непринятія въ Россіи Бухарского посла, отправленного съ Бугеневымъ, проданъ одному Бухарцу въ Бухарѣ за 36 четв., у которого и жилъ 9 мѣсяцевъ, а потомъ опять за ту же цѣну купленъ въ сарбазы. Ходилъ въ походъ 5 разъ—въ Кокань, да въ Шехри-Сабзъ ходилъ разъ до 20 и три раза къ Аму-Дарьѣ.

Городъ Коканъ очень обильно снабженъ водою; въ каждомъ домѣ въ срединѣ пола вырыта яма, обѣланная кирпичами и закрываемая камнемъ. Эту яму постоянно наполняетъ прекрасная проточная вода, проведенная по всѣмъ, безъ исключенія, жилимъ строеніямъ въ городѣ. По всей дорогѣ отъ Бухары до Кокана хлѣбопашество развито вездѣ очень сильно, только отъ Замина по дорогѣ къ Бухарѣ, таша на 2, лежитъ голая непаханная степь. Лошадей подъ артиллерію собираются отъ бековъ за 2 недѣли до выступленія въ походъ. Лошади нисколько не прѣѣзжены и по большей части изъ породы аргамаковъ. Цѣнность поставляемыхъ аргамаковъ простирается отъ 4 до 20 черв. за каждого. Цѣнность туркменскихъ лошадей, назначаемыхъ въ походъ, простирается отъ 20—30 до 50 черв., а карабайры стоятъ иногда и гораздо выше этой цѣны. Войско коканскаго хана составляетъ конницу, силою до 40,000. При взятии г. Кокана тамъ нашли до 100 мѣдныхъ пушекъ, изъ нихъ 8 на лафетахъ и 50 мѣдныхъ замбурековъ, не имѣющихъ лафетовъ. Замбуреки, при стрѣльбѣ, нѣсколько зарываются въ землю и такимъ образомъ устанавливаются. Длиною замбуреки $1\frac{1}{4}$ арш., къ дулу широкія и возятся на верблюдахъ; при пальбѣ ихъ сильно откидывается, вслѣдствіе чего Коканцы, приложивъ фитиль, тотчасъ-же бѣгутъ со страхомъ отъ замбурека. Въ Коканѣ эмиръ взялъ небольшую пушку, слитую изъ серебра и чугуна полосками, такимъ образомъ, что одна полоска была въ ней чугунная, другая серебрянная. Пушка эта вѣсила около 8 пудовъ и эмиръ, привезя ее въ Бухару, разбилъ и вытопилъ серебро.

Сарбазы у Кокандцевъ также имѣются, состоя изъ пѣхоты и артиллеріи, числомъ до 1000 человѣкъ. Сарбазы преимущественно составлены изъ бѣглыхъ русскихъ Татаръ, но попадаются въ нихъ и бѣглые Русскіе, изъ коихъ особынмъ значеніемъ пользуется козъ-бashi артиллеристовъ Николай Аришновъ—морякъ, бѣжавшій изъ Астраханіи въ Хиву, потомъ въ Бухару, а оттуда въ Кокандъ.

ПОКАЗАНІЯ АВГАНЦЕВЪ И ТУРКМЕНЪ,

сопровождавшихъ въ 1840 г. англійскихъ путешесвнниковъ Аббота и Шекспира изъ Герата въ Хиву и оттуда на Каспійское море ¹⁾.

1. Показанія Авганца Саметь-хана Мухаметханова.

30-го Маі 1840 года.

Зовутъ меня Саметь-ханъ, Мухаметхановъ сынъ, 38 лѣтъ, вѣры магометанской, сунитскаго толка, Авганецъ изъ роду Сагы-Зеи, родился въ городѣ Кандагарѣ, жилъ 12 лѣтъ въ Кабулѣ, а въ Гератѣ впродолженіи 24 лѣтъ, до сего времени. Назадъ тому шесть мѣсяцевъ отправились мы, всего 7 человѣкъ, кромѣ Трухменца, который присоединился къ намъ около стараго Ургенча, по приказанію шаха Камрана, съ англичаниномъ Абботомъ, который нынѣ задержанъ вмѣстѣ съ нами, неизвѣстно мнѣ зачѣмъ. Содержаніе въ дорогѣ мы получали отъ Аббота, по мѣрѣ надобности, на 8 человѣкъ по 5 буджаглей ²⁾ на 2 и

¹⁾ Показанія эти подтверждаютъ, между прочимъ, что не выкупилъ Шекспиръ, какъ писалъ, нашихъ плѣнныхъ, вывезенныхъ имъ въ Россію, а въ объясненіяхъ съ ханомъ и вліятельными лицами удостовѣрялъ только, что если ханъ отпустить плѣнныхъ, то и Русское правительство поступить также въ отношеніе Хивинскихъ плѣнныхъ.

²⁾ Голландскій червонецъ.

на 3 дня. Изъ Герата въ Хиву пріѣхали мы въ 28 дней, черезъ города Елатанъ и Мевръ (Мервъ), подвластные хану хивинскому. Лошадь мнѣ подарилъ шахъ Камранъ, я-же далъ свою ходжи Мухамеду Рахманову, а прочимъ товарищамъ были даны лошади отъ англичанина Тата, начальника англичанъ въ Гератѣ. Не дѣзжал до Хивы за версту, насы встрѣтили пять хивинскихъ всадниковъ, изъ коихъ кѣкоторые были вооружены копьями, другіе саблями и даже топорами, и отвели всѣхъ насы въ какой-то небольшой казенныи сарай. Въ одной половинѣ помѣстили Аббота, а въ другой насы. Сначала дней 5 никого къ намъ не допускали, но потомъ черезъ Трухменцевъ, которые носили траву для нашихъ лошадей, мы могли покупать пищу для насы и все, что хотѣли, имѣли свободный выходъ на рынокъ и ходили по городу. Аббота первые 5 или 6 дней тоже не выпускали, но потомъ онъ очень часто прогуливался по саду, бывшему близъ сарая, одинъ, безъ всякаго присмотра. По улицамъ онъ никогда не ходилъ, кромѣ того, когда его требовалъ ханъ; тогда хивинскіе есаулы сажали его на лошадь и провожали его до ханскаго двора, а мы двое всегда ходили за ними пѣшкомъ. Три человѣка были при насы для прислуги а двое стояли у дверей на часахъ, вооруженные одинъ ножемъ, а другой топоромъ. Въ Хивѣ прожили мы около 45 дней. Абботъ былъ у хана хивинскаго два раза, но я и товарищъ мой, мирза Абдулсаматъ Мегеметъялевъ, хотя и ходили съ нимъ, но оставались у дверей ханскихъ, и потому я не слыхалъ, о чёмъ онъ говорилъ съ ханомъ. Передъ отѣзломъ нашимъ изъ Хивы, ханъ не дарилъ ничѣмъ ни насы, ни Аббота и не отпустилъ денегъ на путевое продовольствіе, но во время пребыванія нашего въ Хивѣ иногда присыпалъ намъ мяса и пилаву. Изъ Хивы до Мангышлака дѣхали мы въ 39 дней и отъ Мангышлака до уроцища Сусанъ-Ата, отстоящаго, въ прямомъ направленіи, на одинъ день Ѣзы отъ (бывшаго) Ново-Александровскаго укрѣпленія, въ 8 дней, и тамъ, во время вечерней молитвы, напали на насы

Киргизы, неизвестного мнѣ рода, подъ предводительствомъ Сююнкары, въ числѣ 50 человѣкъ. Мнѣ разсѣкли топоромъ голову, всѣхъ прочихъ переранили, а Абботу отрубили одинъ палецъ, другой же висѣлъ только на кожице, но послѣ въ Ново-Александровскомъ укрѣпленіи отрѣзали, достовѣрно не знаю, самъ ли Абботъ или кто другой, а я отъ этого отказался. Киргизы взяли у насъ лучшее платье, деньги, бывшія у каждого изъ насъ по 20 — 30 буджаглей, у меня 38 бухарскихъ тиллей, ружье, данное мнѣ Абботомъ, два халата: суконный и бумажный и двѣ рубахи съ портами; но у Аббота, не знаю, сколько именно было взято денегъ и какія вещи, а думаю, что было похищено очень много. Съ уроцища Сусанъ-Ата Киргизы повели было насъ обратно къ Хивѣ и для этого представили хивинскому юзбашю, Мурадъ-Алію, кочевавшему на 2 дни Ѣзы отъ Сусанъ-ата; но Мурадъ-Алій предоставилъ на волю Аббота: Ѣхать-ли впередъ или воротиться, и потому мы отправились по направлению къ Ново-Александровскому укрѣпленію и пріѣхали туда на 5 день. Изъ Хивы до Ташъ-Гауза Ѣхали мы на 4 телѣгахъ о двухъ колесахъ, но въ Ташъ-Гаузѣ наняли 11 верблюдовъ съ платой до Мангышлака по $2\frac{1}{4}$ тиллы, и еще одного верблюда въ старомъ Ургенчѣ, который принадлежалъ Трухменцу Хидыру Курпину, задержанному вмѣстѣ съ нами, и котораго мы взяли болѣе для показанія дороги, обѣщаясь отпустить изъ Ново-Александровскаго укрѣпленія. Въ Мангышлакѣ прежніе 12 верблюдовъ остались, а наняли тамъ у Киргизовъ снова 3 верблюдовъ, но одинъ изъ нихъ, по худобѣ, шель безъ выюка. Изъ Ташъ-Гауза до Мангышлака Ѣхали съ нами около 15 конныхъ Трухменцевъ, не знаю для чего, но кажется ихъ аулы находятся около Мангышлака, гдѣ они и отстали отъ насъ.

Гератомъ нынѣ владѣетъ шахъ Камранъ, а прежній владѣтель Кабула, Достъ-Магомедъ-ханъ, бѣжалъ въ Бальхъ и теперь, какъ слышно, живеть въ Бухарѣ.

Отъ Киргизовъ мы слышали, что нась, будто-бы, велѣль ограбить хивинскій ханъ, но впрочемъ достовѣрно о томъ не знаю. Кромѣ этого ничего важнаго съ нами не случалось и ни о какихъ слухахъ ничего не знаю.

Въ дополненіе къ показанію, отобранному отъ Авганца Саметь-хана Мухаметъханова, 30-го мая, онъ прибавилъ:

Сколько именно Киргизы у кого отняли денегъ, я вѣрно не знаю, но слышалъ, что у товарищѣ моихъ прежде было у кого 10, у кого 30 буджаглей. Абботъ подариль мнѣ ружье двухствольное, работы европейской, которое теперь находится у коменданта Ново-Александровскаго укрѣпленія, подполковника Лихошерстова. На пути изъ Герата въ Хиву проѣзжали мы черезъ города Елатанъ и Мавръ (Мервъ), первымъ управляетъ, отъ имени хивинскаго хана, юзбашій Мадаминъ, а послѣднимъ не знаю кто. Больше никакихъ населенныхъ мѣсть не было. По выѣздѣ изъ Герата, впродолженіи шести дней вода была прѣсная, хорошая, а затѣмъ четыре дня—горькая, нездоровая и потомъ на 11-й день перѣѣхали черезъ рѣку Мавручахъ. Городъ Елатанъ построенъ при каналѣ, проведеннымъ изъ сей рѣки. Черезъ день мы приѣхали изъ Елатана въ Мавръ, отъ Мавра на два дня ъзы, воды нѣтъ—ни колодезной, ни рѣчной, а далѣе до Хивы есть колодцы на каждыхъ 20, 25 или 30 фарсангахъ. Караванъ въ день обыкновенно проходитъ на хорошихъ верблюдахъ 12 и 1,5 фарсанговъ, а мы, ъдучи день и ночь, проѣзжали 18 и 20 фарсанговъ. Отъ Герата до Мавра и 2 почлега далѣе за Мавромъ, лѣсу мало, а оттуда до Хивы довольно много. Изъ Герата выѣхали, по истеченіи рамазана, 17-го числа мѣсяца Шавата. У хана съ Абботомъ былъ я два раза, но былъ-ли Абботъ еще, я не знаю, потому что ъздили въ Ургенчъ, для починки сабель, жили тамъ три дня, и быть

можетъ, что Абботъ былъ у хана безъ меня. Абботъ, какъ мнѣ известно, никакихъ подарковъ Алла-Кулъ-хану не привозилъ и отъ него ничего не получалъ. У меня Киргизы отняли сверхъ всего прочаго, лошадь, но не возвратили.

Въ Хивѣ англичанъ, кромѣ Аббота, не было и теперь нѣтъ, но въ Бухарѣ, какъ слышно, есть одинъ, по имени Истадиръ, пріѣхавшій туда изъ Герата. Въ Гератѣ нынѣ живутъ 6 человѣкъ англичанъ: Упатъ, Шекспиръ, Лудинъ и Сандаль, а прочихъ двухъ не знаю. Войска англійскаго при нихъ нѣтъ. Приверженцевъ Достѣ-Мухамедъ-ханъ, кажется, въ Авганистанѣ не имѣтъ. Изъ братьевъ его я знаю четырехъ: 1-й Кугандиль-ханъ владѣлъ Кандагаромъ и 2-й Мирдиль-ханъ тоже жилъ въ Кандагарѣ, 3-й Джаббаръ-ханъ жилъ въ Кубалѣ вмѣстѣ съ Достѣ-Мухаммедомъ, а имя четвертаго забылъ.

2. Показаніе Авганца Мирзы Абдусамата Мегеметъяліева

30 Мая 1840 года.

Зовутъ меня Мирза Абдусаматъ, Мегеметъяліевъ сынъ, 50 лѣтъ, вѣры магометанской, сунитскаго толка, Авганиецъ, родился въ Гератѣ. Назадъ тому болѣе 6 мѣсяцевъ отправился по приказанію шаха Камрана, съ англичаниномъ Абботомъ, для отправленія при немъ письменныхъ дѣлъ, но, куда мы должны былиѣхать, никто не говорилъ. Изъ Герата въ Хиву пріѣхали въ 28 дней. Изъ Хивы до Мангышлака єхали 38 дней, изъ Мангышлака до уроцища Сусанъ-Ата кажется 7 или 8 дней, а съ Сусанъ-Ата киргизы везли насъ обратно къ Хивѣ 18 или 20 дней, но потомъ, когда отпустили, доѣхали до Ново-Александровскаго укрѣпленія въ 5 или 6 дней. Въ Гератѣ я ни-

какихъ бумагъ не писалъ, но только одинъ разъ сдѣлалъ надпись на бумагѣ, писанной самимъ Абботомъ па имя Тата. Другую писалъ я изъ Мангышлака къ хивинскому хану о томъ, что трухменецъ Асанъ-Батыръ довезъ насъ до Мангышлака въ 38, а не въ 16 дней, какъ обѣщалъ, что въ Мангышлакѣ для переправы не было судовъ, и мы перенесли много трудностей въ пути. Бумагу эту отдали трухменцу Асанъ-Батырю для доставленія хану и третью, кою увѣдомляли, что насъ разграбили киргизы. На одной сторонѣ было написано мною по-персидски, а на другой самимъ Абботомъ по-англійски къ англичанину Тату. Письмо это взялъ Абботъ, но отправилъ-ли его, я не знаю. По пріѣздѣ въ Хиву, Абботъ былъ у хана, но, сколько имѣю разъ, не знаю, а только мнѣ известно, что не болѣе 3-хъ или 4-хъ разъ. Всякій разъ я ходилъ съ нимъ къ хану, но оставался у дверей, и потому не знаю, о чемъ говорилъ онъ съ ханомъ, а разъ входилъ для перевода словъ и слышалъ, что ханъ спрашивалъ Аббота объ Англіи, Лондонѣ и Индіи, и просилъ у Аббота лекарства для уха, но Абботъ отказалъ изъ болѣзни, что ханъ, въ случаѣ недѣйствительности лекарства, подвергнетъ его отвѣтственности; а о Россіи ничего не говорили.

Ханъ Алла-Кулъ не знаетъ по-персидски, а Абботъ по-татарски, и потому одинъ разъ, для перевода словъ, призывали меня, но въ прочее время переводчикомъ между Абботомъ и ханомъ былъ хивинецъ Магометъ Киримъ, который знаетъ оба языка. Киргизы при урочищѣ Сусанъ-Ата отняли у меня: саблю, ножъ, 2 рубахи съ портами, кушакъ, 1 кадифе,¹⁾ очки, печать, 10 бухарскихъ тиллей, сѣдло съ приборомъ, 6 книгъ и чернильницу; но возвратили саблю и 2 книги. Одинъ изъ трухменцевъ, бывшихъ съ нами, Асанъ-Батыръ говорилъ, что взяли въ плѣнъ русскаго, по

¹⁾ Родъ халата, который надѣваютъ послѣ бани, купанія и проч.

имени Кара-Дильмачъ (киргизы такъ называли корнета Аитова) и везутъ въ Хиву, а на одномъ почлегъ близъ старого Ургенча сказали, что въ ту ночь провезли Кара-Дильмача.

У насъ мирзами называютъ тѣхъ, кто знаетъ грамотѣ и запоминается письмоводствомъ, счетоводствомъ и вообще состоитъ на службѣ по письменной части, но это не наследственное достоинство.

Въ Хивѣ, кромѣ Аббота, англичанъ не было и теперь нѣть, но въ Бухарѣ, какъ слышно, есть одинъ, по имени Истадиръ, пріѣхавшій туда изъ Герата, но болѣе ни о комъ не слыхалъ. Въ Гератѣ англичане живутъ въ дружбѣ съ шахомъ Камраномъ и оказываютъ ему пособія въ деньгахъ и во всемъ, въ чемъ онъ имѣетъ нужду. Главный начальникъ англичанъ въ Гератѣ Татъ; кромѣ него есть еще казначей, по имени мнѣ неизвѣстный, потомъ англичанинъ Шекспиръ, который наблюдаетъ за порядкомъ въ городѣ и въ окрестностяхъ. У каждого изъ нихъ по пяти и болѣе человѣкъ прислуги, но войска англійского и пушекъ нѣть. Въ управлѣніе народомъ англичане не вступаютъ, но иногда ходатайствуютъ о нѣкоторыхъ извѣстныхъ имъ людяхъ. Въ Кабулѣ, говорятъ, что есть англійское войско, но сколько именно, не знаю. Приверженцевъ у Достѣ-Магометѣ-хана много, изъ знатныхъ фамилій, но всѣ они лишины мѣстъ и большою частью имѣнія. У Достѣ-Магометѣ-хана, говорятъ, есть семь братьевъ; 1-й Кугандиль-ханъ владѣлъ Кандагаромъ, но, назадъ тому болѣе года, бѣжалъ въ Тегеранъ къ шаху, сыну Аббаса Мирзы; 2-й Мирдиль-ханъ тоже, кажется, въ Тегеранѣ, но вѣрнаго о немъ ничего сказать не могу, а прочие мало извѣстны, и потому я о нихъ не слыхалъ.

На пространствѣ отъ Герата до Хивы большаго недостатка въ водѣ мы не встрѣчали, потому что есть колодцы на каждомъ 20 или 25 фарсангахъ. Караванъ въ день обыкновенно проходить около 8 фарс., а мы, имѣя хорошихъ

лошадей, проѣзжали 10 и 12 фарс. Каждый фарсанъ имѣеть 12,000 шаговъ. Лѣсу между Хивою и Мавромъ довольно много. Изъ дикорастущаго, болѣе всего, тагъ, гязъ и кустарникъ харь (терновникъ). Города Елатанъ и Мавръ подвластны хану хивинскому, и первымъ отъ его имени управляетъ юзбаши Мадаминъ.

Дополнительное показаніе Авганица Мирзы Абдусамата-
Меметъяліева.

30 июня 1840 года.

Передъ отѣзdomъ изъ Хивы капитанъ Абботъ просилъ Мехтера, чтобы онъ ему далъ надежнаго провожатаго до мангышлакской пристани. Мехтеръ вы требовалъ Трухменца Асанъ-Батыра изъ рода Чаудуръ, который живетъ въ какомъ-то селеніи, отстоящемъ отъ Хивы на два дня пути, по дорогѣ къ Мангышлаку, и вслѣдъ емуѣхать съ нами. Отъ рода Асану лѣтъ за 50, росту онъ средняго и тученъ со-бою. Онъ имѣеть сына лѣтъ 30, который уже съ годъ какъ живетъ около Мангышлака, для того, чтобы наблюдать, не появятся ли тамъ россійскія войска изъ Астрахани черезъ море и чтобы, въ случаѣ появленія ихъ, тотчасъ дать знать въ Хиву. Онъ участвовалъ въ сожженіи, минувшему зимою, судовъ, обмерзшихъ льдомъ около Ново-Александровскаго упрѣщенія.

Отъ Герата до Хивы имущество наше было везено на наемныхъ верблюдахъ, сами-же мыѣхали на собственныхъ лошадяхъ. Верблюдовъ, по приѣздѣ въ Хиву, мы отпустили, но лошади остались при насъ и содержались при томъ строеніи, въ которомъ мы жили сами. На продовольствіе лошадей Алла-Кулъ присыпалъ иногда по нѣскольку сѣна, но, большему частью, мы содержали ихъ, покупая фуражъ на

собственные наши деньги. Изъ Хивы мы поѣхали на тѣхъ-же лошадяхъ, а имущество наше везли на верблюдахъ.

По выѣздѣ отъ Асанъ-Батыря около Куня-Ургенча, Абботъ нанялъ еще одного верблюда у Трухменца Кыдыра Курпина, который и самъ поѣхалъ съ нами верхомъ на собственной своей лошади, и теперь находится съ нами здѣсь. Въ окрестностяхъ Куня-Ургенча находятся соляные озера, которыя были осмотрѣны Абботомъ.

Асанъ-Батырь увѣраль насъ, дорогою, что мы найдемъ у Мангышлака готовыя россійскія суда для перебѣза въ Астрахань; когда-же мы, прїѣхавъ туда, ихъ не нашли, онъ просилъ у Аббота денегъ и обѣщался нанять лодку трухменскую, и дать намъ провожатыхъ, но Абботъ отъ этого рѣшительно отказался, сказавъ, что денегъ у него нѣть и, что онъ провожатымъ его не вѣритъ. Онъ рѣшился поѣхать въ Ново-Александровское укрѣпленіе, и, нанявъ верблюдовъ, мы пустились въ путь, но Асанъ-Батырь остался на мѣстѣ, не желаяѣхать съ нами.

Черезъ день, по отѣѣздѣ нашемъ отъ Мангышлака, напали на насъ какіе-то неизвѣстные намъ люди, ограбили, избили и нѣкоторыхъ изъ насъ поранили. Происшествіе это случилось недалеко отъ мѣста кочеванія киргизовъ Черкесъ Батыря и Арымъ-Бая, которые, услыхавъ шумъ и крикъ, прїѣхали къ намъ и остановили разбойниковъ. Они насъ пригрѣли, держали у себя дней съ 18-ть, и втечениіи этого времени, отобрали у грабителей часть отнятыхъ у насъ вещей и денегъ. Потомъ повезли насъ къ находившемуся отъ кочевья ихъ въ разстояніи одного дня пути трухменцу Мурадѣ-Алію, который съ 20 или 30 товарищами, трухменцами-же, собираясь подать съ киргизовъ. Онъ встрѣтилъ насъ самъ и объявилъ намъ, что, для спасенія насъ, пошлетъ въ Хиву, но Абботъ ему сказалъ, что онъ туда ни подѣ какимъ видомъ не поѣдетъ. Продержавъ насъ 3 дня, онъ наконецъ согласился отпустить насъ въ Ново-Александровское укрѣпленіе. Въ это время прїѣхали къ Му-

радъ-Алію, Асанъ-Батыръ и сынъ его, котораго мы здѣсь видѣли въ первый разъ.

Когда напали на насъ разбойники, у насъ было 10 лошадей, изъ которыхъ одна принадлежала трухменцу Кыдыру Кирпину, находящемуся здѣсь съ нами. Семь лошадей намъ возвратили, въ томъ числѣ и Кыдырову, а три лошади остались у грабителей. Возвращенныя 7 лошадей остались въ Ново-Александровскомъ укрѣплѣніи.

По ограбленію насъ, пріѣзжалъ къ намъ одинъ Авганецъ, именемъ Сали-Мухамедъ-Мулла-Хасановъ, который послѣ нашего выѣзда изъ Герата, былъ посланъ, чтобы узнать, гдѣ мы находимся и что съ нами сдѣгалось. Абботъ отправилъ его обратно съ извѣстіемъ о постигшемъ насъ несчастії.

Въ Хивѣ нашли мы въ плѣну Авганца Амиръ-бека, служившаго прежде у англичанина Тата въ Гератѣ. Онъ былъ посланъ отъ Тата съ бумагами въ Мешгедъ, но дорогою напали на него трухменцы, взяли его въ плѣнъ, повели въ Хиву и продали. Его тамъ переиздавали нѣсколько разъ, но мы его застали въ рабствѣ у Мехтера. Однажды онъ бѣгалъ, но его поймали и отрѣзали у него уши. Амиръ-бекъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ Авганцевъ, которые держатся шійтскаго толка, магометанской вѣры, впрочемъ въ Хивѣ держать въ плѣну и сунитовъ; я самъ видѣлъ члены до 50 Авганцевъ этой секты. На базарѣ я видѣлъ, какъ продаютъ земляковъ моихъ, уроженцевъ гератскихъ такъ-же сунитовъ. Когда я къ нимъ подходилъ для подачи милостыни деньгами или пищею, меня брали и отгоняли.

Абботъ выкупилъ Амиръ-бека и отправилъ его въ Гератъ съ письмами, которые передъ выѣздомъ изъ Хивы были у него отобраны и большою частьюдержаны. Объ этомъ рассказалъ намъ Сали - Мухамедъ - Мулла - Хасановъ, который встрѣтился съ Амиръ-бекомъ между Гератомъ и Хивою.

Хивинцы очень недовѣрчивы, почему чужеземцы въ Хивѣ подвергаются всегда крайней опасности. Мы нашли тамъ од-

ного достаточного индѣйца, у котораго Абботъ, по недостатку въ деньгахъ, хотѣлъ занять 100 червонцевъ съ тѣмъ, чтобы возвратить въ Гератъ 125. Индѣнецъ былъ на то согласенъ, но не рѣшился дать денегъ, боясь возбудить подозрѣніе. Послѣ того Абботъ обратился къ мехтеру, который на тѣхъ-же условіяхъ досталъ ему потребную сумму отъ какого-то купца.

Въ 1838 году, какъ я слышалъ отъ очевидцевъ, были убиты въ Хивѣ 6 человѣкъ чужеземцевъ, изъ которыхъ трое были мусульмане, а прочие англичане. Ихъ сочли за лазутчиковъ и, прежде лишенія жизни, пытали ихъ, домогаясь признанія, кто они и зачѣмъ пріѣхали.

Передъ отправленіемъ изъ Хивы я нанялъ одного выкупившагося на волю персіанина. Со втораго ночлега онъ уѣжалъ, оставивъ все свое имущество, говоря что слышалъ, будто наскъ всѣхъ велѣно убить.

Абботъ совѣтовалъ Мехтеру отдать всѣхъ русскихъ плѣнниковъ, но Мехтеръ сказалъ: «Мы отослали уже 170 человѣкъ, но русскіе не освобождаютъ ни одного изъ нашихъ и сверхъ того задерживаютъ нашихъ посланцевъ. Теперь русскихъ осталось уже очень немногого, а если найдутся, то мы ихъ отдадимъ».

Во время пребыванія нашего въ Хивѣ, приготовляли лафеты къ пушкамъ и припасали къ нимъ лошадей. Страха особенного въ хивинцахъ замѣтно не было, и они надѣялись отразить готовившееся нападеніе русскихъ.

Англичане въ Гератѣ всѣ одѣваются по-европейски, но бороды не бреются. Абботъ въ Хивѣ ходилъ къ хапу въ мундирѣ, съ бѣлою чалмою на головѣ, но вместо шлаги былъ у него кабульской работы поясъ, который пропалъ при нашемъ ограбленіи.

За позволеніе жить въ Гератѣ англичане платятъ владѣльцу по 10,000 рупій въ мѣсяцъ. Тать обязался заплатить сму 14 лакъ рушій, съ тѣмъ, чтобы онъ удержанъ часть для себя, часть отдалъ визирю своему, а остальную употреб-

быть на пособие народу, пришедшему отъ войны съ персіями въ крайнюю бѣдность. Деньги эти, если не всѣ, то по крайней-мѣрѣ часть, уже выплачены и издерживаются по назначению. Войско получаетъ жалованье, а бѣднымъ поселенамъ даютъ по небольшому количеству въ долгъ съ тѣмъ, чтобы они черезъ 3 или 4 года заплатили. Люди визиря собираютъ подати, но англичане совѣтуютъ не требовать ничего теперь, для того, чтобы народъ могъ поправиться.

Одинъ изъ англичанъ поправляетъ укрѣпленія Герата на счетъ англійского правительства, платя работникамъ ежедневно, по условію, деньги. Другой завелъ больницу, въ которой лечить безвозмездно больныхъ на свой счетъ. Еще одинъ изъ нихъ, именно Шекспиръ, измѣряетъ землю и извѣряетъ разстоянія между селеніями и уроцищами.

Вообще англичане устраиваютъ въ Гератѣ порядокъ, спокойствіе и безопасность. Многіе достаточные люди, выѣхавши въ Мешгедъ, черезъ письма спрашиваютъ никого другаго, какъ Тата, ручается-ли онъ за безопасность ихъ и неприкосновенность имущества въ случаѣ возвращенія.

3. Показаніе Туркменина Кыдыра Кирпина.

30 мая 1840 года.

Зовутъ меня Кыдыръ Кирпинъ сынъ, 49 лѣтъ, вѣры магометанской, сунитскаго толка, рожденъ въ Ташъ-Гаузѣ, Трухменецъ, изъ рода Чаудуръ. Назадъ тому около 4 мѣсяцевъ въ Старомъ Ургенчѣ отдалъ я верблюда для провоза тяжестей, принадлежащихъ англичанину Абботу, за $2\frac{1}{4}$ тилли и обѣщался указать дорогу до Мангышлака. Прочіе верблюды были наняты у другихъ Трухменцевъ. Всѣ они дошли до Мангышлака, а мой верблюдъ палъ, и потому я, не имѣя средства возвратиться, по просьбѣ Аббота, согласился

проводить его до Ново - Александровского укрепления. Не добѣжая до укрепления на одинъ день ъзды, напали на насы Киргизы, Адаевского рода, подъ предводительствомъ Суюн-кары и ограбили у англичанина Аббота и бывшихъ съ нимъ авганцевъ много денегъ и вещей, но меня не тронули. Авганды, вѣроятно съ позволенія Аббота говорили, что ѿдуть къ русскому императору, но зачѣмъ, они никому не говорили. Киргизы сказывали мнѣ, что ограбили англичанина по приказанію хивинского хана. Когда получили извѣстіе въ Хивѣ, что противъ Хивинцевъ выступили русскія войска, то Кушбеги, какъ говорили нѣкоторые, выступиль противъ Русскихъ съ 20,000, — 30,000 войска и 2 пушками, но не встрѣтивъ Русскихъ воротился съ большими урономъ людей, верблюдовъ и лошадей, такъ что почти все войско пришло пѣшкомъ. Въ дорогѣ на мѣстечкѣ Айбутиръ слышалъ я, что въ Хиву провезли какого-то русскаго Кара-Дильмача (Аитова).

Авганды, задержанные вмѣстѣ со мною, отъ Хивы до Мангышлака, ѿхали черезъ слѣдующія мѣста: городъ Казаватъ, Шавадъ, Ташъ-Гаузъ, Клычъ-Нязъ, Старый Ургенчъ гдѣ и я присоединился къ нимъ, потомъ урошице Айбутиръ, колодцы: Табынъ, Ильтджа, Каракынъ, Сай-Кудукъ, Башъ-Углы, Сингакъ, Сумса, Уръ, Беки, Аджи-Башъ, Аджъ-Урякъ, Канга, Чуйли и Кядикъ, на морскомъ берегу. Отъ Айбуира до колодца Табына 2 дня ъзды: воды нѣть, а травы, называемой юманъ и буюргунъ, довольно много. Отъ колодца Табына до колодца Ильтджа пять дней ъзды, воды нѣть, кроме дождевой, которая стоитъ 10 и даже 15 дней. Отъ Ильтджа до Караакына 4 дня ъзды, воды нѣть, юману и буюргуну много, но саксаулъ попадается рѣдко. Отъ Караакына до Сай-Кудука 4 перехода, юману и буюргуну много, а саксаула нѣть и далѣе не растетъ. До Башъ-Углы 3 перехода, до Спигака тоже три, а до Сумса 2 перехода. Отъ Сумса до колодцевъ Уръ и Беки по 3 денныхъ перехода, и до Аджи-Баша два дня ъзды. Отъ Аджи-Баша до Аджъ-Уряка 1 переѣздъ, а до Канги 2, трава есть. До Чуйли 2 дня ъзды, а до Кядика однодне-

впій переходъ. На Чинѣ поднялись при Айбугирѣ, а спустились при колодкѣ Каракынѣ. Отъ Стараго Ургенча до Манышлака, по причинѣ холода и бурановъ, ѿхали 26 дней, но въ хорошое время на верблюдахъ доѣзжаютъ въ 20 дней, а на лошадяхъ и въ 10 дней. Отъ Манышлака до Сусалы-Ата ѿхали 7 дней; здѣсь разграбили насть киргизы и держали у себя 20 дней, но когда отпустили, пріѣхали въ Ново-Александровское укрѣпленіе въ 3 дня.

4. Показаніе Авганца Али-Мухаммеда Мухаммедь-Шерифова.

30 мая 1840 года.

Зовутъ меня Али-Мухаммедь, Мухаммедь-Шерифовъ синь, 34 лѣтъ, вѣры магометанской, шіитскаго толка, Авгапецъ, изъ рода Бурдураны-Юсуфъ-Зен, находился 12 лѣтъ, въ плѣну у Хивинцевъ и откупился въ мѣсяцѣ Мухарремѣ, прошлаго года за 52 червонца. Въ плѣнѣ взятъ Аймаками изъ горъ близъ Герата, гдѣ находился на службѣ и проданъ Туркменцу, живущему на Таджанѣ, по имени Сафа-Ходже за 42 тилли, а имъ перепроданъ въ хиву Абдуллѣбеку, брату нынѣшняго хивинскаго кушбегія Ата-Мурадѣбека, у котораго и жилъ все время нахожденія въ плѣну. Изъ Герата выѣхали мы въ мѣсяцѣ Шаватѣ (въ концѣ января), назадъ тому 7 мѣсяцевъ. Еще до пріѣзда нашего въ Хиву слышалъ я, что русскіе въ нынѣшнемъ году усилили войска, находящіяся въ Ново-Александровскомъ укрѣпленіи до 100,000 человѣкъ, и что хотять идти въ Хиву. По этому кушбегій собралъ изъ киргизовъ, туркменцевъ, каракалпаковъ, узбековъ и ямутовъ, всего около 10,000 человѣкъ войска и отправился противъ русскихъ, но войско Кушбегія понесло ужасный уронъ въ людяхъ, верблюдахъ и лошадяхъ отъ необыкновенныхъ холодовъ и возвратилось безъ успѣха, спустя десять или болѣе дней, послѣ нашего прибытія въ

Хиву. Во время пребыванія нашего въ Хивѣ замѣтно было, что занимаются исправлениемъ пушекъ. Изъ нихъ годныхъ къ дѣйствію, на колесахъ, видѣлъ я 8 пушекъ, а около 20 были ни къ чему негодны: у нѣкоторыхъ вышиблены края, у другихъ казенная часть, но разорванные онѣ порохомъ или разбиты, по неосторожности, я утверждительно сказать не могу. Во время нахожденія моего въ плѣну въ Хивѣ, я зналъ многихъ русскихъ; у хозяина моего Абдуллы-бека были: Василій, Павелъ, Демьянъ, Андрей, Иванъ и Сидоръ, послѣдніе два умерли, а Павель откупился. Киргизы на мѣстечкѣ Сусанъ - Ата отняли у меня: ножъ, рубаху съ портами, нагрудникъ, наскѣченный серебромъ, и халатъ, но послѣдній возвратили. Саблю, кошье и лошадь отобрали въ Ново-Александровскомъ укрѣплении. Въ самой Хивѣ мнѣ нѣкоторые благопріязненные Хивинцы говорили, что Англичанина Аббота ханъ велѣлъ убить; объ этомъ я говорилъ Абботу, и онъ разсмѣявшись, сказалъ, что теперь уже дѣлать нечего, а надобно щѣхать въ Ново-Александровское укрѣпленіе. Абботъ у хана былъ три раза, но, привозиль-ли подарки хану, я не знаю.

5. Показанія Авганца Хаджи-Мухаммеда Муллы-Рахманова.

31 мая 1840 года.

Зовутъ меня Хаджи - Мухаммедъ, сынъ муллы Рахмана, вѣры магометанской, сунитского толка, родился въ Гератѣ, отъ рода имѣю 21 годъ, Авганецъ, изъ рода Сагы-Зеи. Изъ Герата выѣхали по окончаніи мѣсяца Рамазана, кажется 15 или 16 Шавата (въ концѣ января), по приказанію Камрана, для сопровожденія Англичанина Аббота. Для чего Абботъ єздилъ въ Хиву и съ какою цѣлію прїѣхалъ сюда, я не знаю. Абботъ, какъ я знаю, былъ у хана два раза, но о чёмъ

говорилъ съ нимъ, ии отъ кого узнать не могъ. Во время бытности нашей въ Хивѣ былъ слухъ, что ханъ Алла-Кулъ намѣренъ поступить съ нами дурно, но, что именно хотѣлъ сдѣлать, убить или посадить въ тюрьму, не слыхалъ. Основываясь на этомъ, Абботъ послѣшилъ выѣхать изъ Хивы въ Ново-Александровское укрѣпленіе. Киргизы при Сусанъ-Ата у меня отняли: чуху¹⁾, рубаху съ портами, чалму, ичиги и лошадь, данную мнѣ Саметъ-ханомъ, по денегъ у меня не было. Огняли-ли Киргизы деньги у Аббота и сколько, я не знаю, и также мнѣ непрѣистно, откуда онъ взялъ деньги, которая теперь у себя имѣетъ. О подаркахъ Аббота хану хивинскому, я ничего не слыхалъ и не знаю. Въ Хивѣ былъ слухъ, что Алла-Кулъ высылалъ противъ Русскихъ 8,000 войска, но что оно возвратилось безъ всякаго успѣха и отъ чрезмѣрнаго холода потерпѣло большой уронъ.

6. Показаніе Авганца Махмуда Исмайлова.

30 мая 1840 года.

Зовутъ меня Махмудъ, сынъ муллы Исмаила, 20 лѣть, вѣры магометанской, сунитскаго толка, родился въ Зияратъ-Гязѣ, Авганецъ изъ рода Асанъ-Зен. Изъ Герата мы выѣхали, какъ я помню, 15 Шавата (въ концѣ января), перваго мѣсяца послѣ Рамазана, по приказанію шаха Камрана, для сопровожденія Англичанина Аббота, который не знаю, куда и съ какою цѣллю отправился, и зачѣмъ сюда пріѣхалъ. Изъ Герата до Хивыѣхали мы чрезъ Пеинды, Елатанъ и Мавръ. Первое небольшое селеніе, а послѣдніе, хорошие города. Отъ Киргизовъ я слышалъ, что до 100,000

¹⁾ Халатъ особеннаго покрова.

человѣкъ русскаго войска выступило противъ Хивы, но о хивинскомъ войскѣ ничего не слышалъ.

Показаніе Авганца Якупа Юсуфова

30 мая 1840 года.

Зовутъ меня Якупъ Юсуфовъ сынъ, 45 лѣтъ, вѣры магометанской, сунитскаго толка, родился въ Гератѣ. Изъ Герата отправился съ Англичаниномъ Абботомъ, по приказанію шаха Камрана, неизвѣстно мнѣ съ какою цѣллю. Изъ Герата до Хивы ѿхали мы чрезъ Бабаджи, Кушкъ, Елатанъ и Мавръ—довольно большия города, въ коихъ еженедѣльно бываютъ торговые сѣѣзы; прочія же, встрѣчавшіяся по дорогѣ мѣста—незначительныя селенія. На всемъ пространствѣ отъ Герата до Хивы недостатка въ водѣ и топливѣ не встрѣчали, и безводныхъ пространствъ не было болѣе, какъ на два дня ѿзды. Въ Хивѣ я былъ долго боленъ, и потому ничего о Хивѣ и о пріемѣ ханомъ Алла-Куломъ Аббота, сказать не могу.

Упомянутые Авганцы, пріѣхавши вмѣстѣ съ Абботомъ, по разнорѣчію показаній ихъ о томъ, сколько разъ былъ Абботъ у хана Алла-Кулла, были сведены на очную ставку и показали:

30 мая 1840 года.

1-й Саметъ-хантъ Мухамметъ-хановъ говоритъ, что былъ у хана съ Абботомъ два раза, но утвердительно сказать не можетъ, потому, что на три дня ѿздили въ Ургенчъ. 2-й Мирза Абдусаметъ Мегеметъ-Аліевъ хорошо не помнить, но

говорить, что не болѣе 3-хъ или 4-хъ разъ, а всѣ прочія утверждаютъ, что три раза. О подаркахъ Аббота хану, такъ и отъ хана Абботу, никто ничего на знаетъ. Въ Ново-Александровскомъ укрѣпленіи у нихъ отобрали: шесть лошадей, четыре сабли, одно ружье, одинъ топоръ, семь ножей и кинжалъ и копье.

7. Показаніе Авганца Низамеджика Нурмегеметева.

24 июня 1840 года.

Зовутъ меня Низамеддинъ Нурмегеметевъ сынъ, вѣры магометанской; сунитскаго толка, родился въ селеніи Ширѣ, на полдня южнѣ отъ города Газни, Авганецъ, изъ рода Ибрагимъ-Зеи. Я не помню, сколько лѣтъ жилъ въ Ширѣ и потомъ въ Нанѣ, а оттуда перешелъ въ Кандагаръ и былъ постельникомъ четыре года у начальника Кандагара, Рандиль-хана Панидыханова, а потомъ два года у Мегеметь-Садыка Кугандиль-ханова, племянника Дось-Мегеметь-хана, а другія шесть лѣтъ у разныхъ лицъ, живущихъ въ Кандагарѣ, и между прочимъ, вторично у Мегеметь-Садыка Кугандиль-ханова. Въ прошломъ году, по приходѣ англійскихъ войскъ въ Кандагаръ, я вмѣстѣ съ Кугандиль-ханомъ, Рандиль-ханомъ, Мильди-ханомъ и Миръ-Афзаль-ханомъ, сыномъ Пурдиль-хана, которые отправились въ Тегеранъ къ шаху, доѣхалъ до города Кушкѣ - Нуходѣ, а тутъ отсталъ отъ нихъ и, возвратившись въ Кандагаръ, вступилъ въ службу къ Англичанину Абботу, съ платою мнѣ по десяти рупій въ мѣсяцъ, и вмѣстѣ съ нимъ прїѣхалъ въ Гератъ. Изъ Герата, не знаю по чьему приказанію и съ какою цѣлію, онъ поѣхалъ въ Хиву, но дорогой говорилъ мнѣ, что онъ посланъ отъ своего государя къ россійскому императору. Изъ Герата выѣхали въ мѣсяцъ Шаватѣ (въ январѣ) и, прїѣхавъ въ Хиву, прожили тамъ

сорокъ дней, но впрочемъ вѣрно не знаю, потому что все время пребыванія нашего въ Хивѣ былъ боленъ, и по этой причинѣ, не могу сказать навѣрное, сколько разъ Абботъ былъ у хана Алмакула и ни отъ кого не слыхалъ, о чёмъ онъ говорилъ съ ханомъ.

Въ Хивѣ кромѣ Аббота, Англичанъ не было и теперь нѣтъ, а въ Бухарѣ есть - ли, я не знаю. Въ Гератѣ есть десять или двѣнадцать человѣкъ Англичанъ, именъ ихъ я не знаю, кроме Тата, главнаго ихъ начальника; всѣ они чиновники, имѣютъ прислугу, но войска англійскаго и пушекъ нѣтъ. Сколько войска въ Кандагарѣ, я не знаю, потому что, по входѣ его въ Кандагарѣ, я немедленно выѣхалъ изъ него. Кандагаромъ владѣеть шахъ чрезъ посредство Англичанъ; что дѣлается въ Кабулѣ и сколько тамъ Англичанъ, я вѣрно не знаю, но только слышалъ, что и туда отправлено англійское войско. Досъ-Мегеметъ-ханъ бѣжалъ изъ Кабула, но неизвѣстно мнѣ, гдѣ находится. У Досъ-Мегеметъ-хана шесть братьевъ: 1-й Фети-ханъ былъ визиремъ при шахѣ Камранѣ, владѣтелѣ Герата, но, по повелѣнію его, лишенъ зрењія и, не знаю, сколько лѣтъ назадъ тому, умеръ, 2-й Мирдиль-ханъ, 3-й Шурдиль-ханъ, 4-й Кугандиль-ханъ, 5-й Раидиль-ханъ и 6-й Мирдиль-ханъ: изъ нихъ Шурдиль-ханъ и Пурдиль-ханъ умерли, а Кугандиль-ханъ, Кандиль-ханъ и Мирдиль-ханъ уѣхали въ Тегеранъ. Больше ни о чёмъ не слыхалъ.

Показаніе Авганица, прибывшаго въ августѣ 1840 г. вмѣстѣ съ Шекспиромъ и хивинскимъ посланникомъ, сопровождавшимъ отпущеныхъ изъ Хивы напиихъ плѣнныхъ,—Худай-Берды Касимъ-али-бекова.

29 сентября 1840 года.

Зовутъ меня Худай-Берды, Касимъ-али-бековъ сынъ, отъ роду имѣю тридцать шесть лѣтъ, вѣры магометанской, су-

нитского толка, уроженец гератский, читать по-персидски могу, но писать не умею. На восемнадцатом году вступил я въ службу къ Фетхали-хану, секретарю шаха Камрана и, прослуживши у него три года, по смерти его, служилъ у Ата-Меметь-хана, который тоже вскорѣ померъ, а послѣ него остались три сына, которые теперь въ Гератѣ сердарами (начальники войскъ), прочее время служилъ у старшаго сына Ата-Меметь-хана, Динъ-Меметь-хана и средняго сына Гулямъ-хана. Во время нашествія Персіянъ на Гератъ, я уходилъ въ городъ Меймунъ близь Шабиргана, и потомъ, возвратившись въ Гератъ, назадъ тому около года, вступилъ въ службу къ Англичанину Шекспиру. Не знаю, для чего Шекспиръ ъездилъ въ Хиву, но только слышалъ, что онъ требовалъ выдачу русскихъ плѣнныхъ и поручился хану Алла-Кулу, что если онъ выдастъ всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, то и купцовъ его не премѣнило отпустятъ изъ Россіи. Въ Хивѣ мы жили пятьдесятъ дней. Шекспиръ очень часто бывалъ у хана, но о чёмъ говорилъ съ нимъ, я не слыхалъ ни отъ кого. Во время пребыванія въ Хивѣ, мы ежедневно получали отъ хана сорочинское пшено, масло и мясо, а для лошадей сѣно и овесь. Ханъ при отпуске плѣнниковъ изъ Хивы, далъ каждому человѣку по батману муки и на разные расходы: какъ-то на наемъ верблюдовъ и на прочее, отпустилъ Шекспиру на 2,000 голландскихъ червонцевъ. Въ Ташъ-Гаузѣ и въ Куне-Ургенчѣ для плѣнниковъ нанято было 208 верблюдовъ. Дабы плѣнники не могли растеряться и отстать, Шекспиръ раздѣлилъ ихъ на отдѣленія по тридцати человѣкъ, и каждый староста отдѣленія обязанъ былъ ежедневно пересчитывать и доносить о ихъ числѣ и здоровью Шекспиру. Въ подарокъ Алла-Кулъ хану я знаю достовѣрно, что Шекспиръ привезъ изъ Герата гнѣдаго жеребца арабской породы, но о цѣнѣ не слыхалъ, а только Шекспиръ его хвалилъ. Другихъ подарковъ никакихъ не видѣлъ. Объ Абботѣ я ничего не слыхалъ. Во время отправленія Аббота въ Хиву, я находился въ войскѣ,

посланномъ для усмирения взбунтовавшихся горцевъ, Аймаковъ изъ племени Таймуни. Въ этомъ войскѣ, состоявшемъ изъ 2,000 человѣкъ Авганцевъ, находились: главный начальникъ Англичанъ въ Гератѣ Татъ, Шекспиръ и Сандалъ. Въ Гератѣ, какъ я слышалъ, остались только Татъ и Натъ, а Сандалъ уѣхалъ въ Кандагаръ. Англійскихъ солдатъ въ Гератѣ нѣть, по Татъ и другіе имѣютъ около 100 человѣкъ прислуги изъ индійцевъ и авганцевъ, которыхъ они у себя содержать на жалованыи. Въ Гератѣ Англичане построили больницу, принимаютъ всѣхъ больныхъ и содержать ихъ на свое мѣсто иждивеніи.

Укрѣпленіе Герата уже съ годъ продолжаютъ ноправлять наемщиками изъ разныхъ народовъ, съ платою каждому работнику по двухъ-абаснику въ день. Работа кончится не раньше трехъ лѣтъ. Ровъ глубиною прежде былъ 10 аршинъ; а теперь дѣлаютъ его въ 20 аршинъ; въ ширину-же около 30 аршинъ. Валъ шириной около 50 шаговъ и имѣеть множество каменныхъ башенъ. Возмущеніе Аймаковъ кончилось тѣмъ, что они, услыхавъ о приближеніи войска, выслали отъ себя парламентеровъ изъ знатныхъ фамилій, которые подарили Тату десять лошадей и говорили, что они выѣхали на встрѣчу, положивши только на слова Тата, а впизиу они не повѣрили-бы: визирь хотѣлъ задержать ихъ, но Татъ не согласился; они-же съ своей стороны обѣщались на будущее время не возмущаться. Въ Кабулѣ, въ Кандагарѣ и въ Баміянѣ, какъ въ провинціяхъ, покоренныхъ Англичанами, говорятъ есть англійскіе солдаты и артиллерія, но сколько именно, не слыхалъ. О Досъ-Меметѣ ханѣ, говорить, что онъ живетъ въ Бухарѣ съ семействомъ, но достовѣрно не знаю и не слыхалъ, какого о немъ мнѣнія бывшіе его подданные.

Изъ Герата до Хивы, мы ѿхали въ числѣ 35 человѣкъ, а изъ Хивы въ числѣ 20 человѣкъ.

ПУТЕВОЙ ЖУРНАЛЪ

переводчика Армянина Турпаева, посланного въ 1834 г. изъ Ново-Александровскаго уврѣ-
пленія въ Хиву ¹⁾).

(ПЕРЕВОДЪ СЪ АРМЯНСКАГО).

25 іюля.

25-го іюля, съ вожатымъ Киргизомъ Баймухаметъ Ман-
нымъ и рабочимъ Киргизомъ-же Шиндау Балтасовымъ от-
правился изъ Ново-Александровска.

26 іюля.

26-го числа, по закатѣ солнца, доѣхали до Эчки-Кыгыргана, мѣста расположенія аула вожака Баймухамета, обще
съ 30 кибитками Адаевцевъ. На пути къ Эчки-Кыгыргану находятся два прѣсные колодца: первый, называемый Чен-

¹⁾ Сверхъ довольно любопытныхъ подробностей, заключающихся въ журналѣ, замѣчательно, что подобный посланецъ, не облеченный особыннмъ значенiemъ, благодаря только личному характеру и предъявленію, что ёдетъ по порученію русскаго коменданта, совершилъ путь безпрепят-
ственно, не подвергаясь никакимъ обидамъ, ни со стороны встрѣчныхъ ко-
чевниковъ, ни самихъ хивинцевъ и ихъ правленія.

гола, въ 25-ти верстахъ оть Ново-Александровска, а другой Басаръ въ 40 верстахъ. Оба колодца, по словамъ Киргизовъ, имѣютъ глубины по 17-ти маховыхъ сажень. При колодцахъ сидятъ адаевскіе аулы, при каждомъ по 10-ти кибитокъ. Въ Эчки-Кыгырганъ четыре колодца, одинаковой мѣры съ предыдущими, съ весьма обильною водою. Отъ Ново-Александровска до Эчки-Кыгыргана, примерно, 45 верстъ. На вопросъ Киргизовъ куда мы ёдемъ, отвѣчали, что вѣрно отправиться въ Хиву; далѣе Киргизы спрашивали о причинѣ и надобности поѣздки: я отвѣчалъ, что ёду къ управляющему дѣлами хивинской торговли беги-Ніязу-диванъ-бегию, для приглашенія хивинскихъ купцовъ въ Ново-Александровскъ съ товарами, а также для извѣщенія о томъ-же кочующихъ по тракту Киргизовъ и Туркменъ. Киргизы объявили, что старшина ихъ Маи, по призыву хивинскаго хана, уѣхалъ въ Хиву и что за нимъ пріѣзжалъ нарочный Киргизецъ табынскаго рода Ніязъ. Я спрашивалъ, почему Ніязъ не пріѣзжалъ въ Ново-Александровскъ и почему они не дали намъ о томъ знать? Киргизы отвѣчали, что онъ былъ присланъ тайно, узнать, не имѣютъ-ли они сообщенія съ Русскими, не дѣлаютъ-ли имъ вспоможенія, а по сему изъ боязни не рѣшились извѣстить о немъ. Ніязъ ночью подѣзжалъ близко къ крѣпости, видѣль стоящія въ ней кибитки, говорилъ Киргизамъ о негодованіи хана за даваемыхъ Русскимъ верблюдовъ, и на слѣдующій день съ старшиною Маей отправился въ Хиву. Киргизы совѣтовали мнѣ дождаться Маи и тогда уже ѿхать въ Хиву. Я отвѣчалъ, что мнѣ нельзя нарушить приказанія, и какъ поѣздка моя не имѣеть для нихъ ничего предосудительного, то просилъ не удерживать. Они отзывались съ похвалою о начальникѣ укрѣпленія, благодарили за хорошую расплату съ вожаками верблюдовъ, расположение къ ихъ старшинамъ и подарки. Ханъ объ этомъ слышалъ, сердится, и Киргизы боятся худыхъ послѣдствій. Мнѣ дали пять лошадей, принесли извиненіе за продержку

двухъ дней и просили не доводить объ этомъ до свѣдѣнія начальника укрѣпленія. На прошаніи старался я ихъ успокоить, увѣрялъ, что ханъ сердиться не будетъ и просилъ, чтобы они по примѣру прежнихъ сношеній съ Русскими, ходили въ Ново-Александровскъ, гдѣ строится укрѣпленіе для общей пользы Хивинцевъ, Туркменъ и Киргизовъ.

28 июля.

28-го въ полдень, съ прежними моими вожатыми, выѣхалъ я изъ Эчки-Кыгыргана; въ 7 часовъ вечера достигли до пяти колодцевъ, при уроціщѣ Бешчингравѣ; здѣсь расположено 20 адаевскихъ кибитокъ, при коихъ скота 18,000 головъ разнаго рода; колодцы глубже тремя саженями Эчке-Кыгырганскихъ, при которыхъ, какъ и при первыхъ, лежать каменные колоды для водопоя. Всѣ эти 20 кибитокъ съ большимъ избыtkомъ удовлетворяются водою изъ 5-ти колодцевъ. Киргизы спрашивали, куда мы ѿдемъ? я отвѣчалъ: въ Хиву. Они радовались водворенію Русскихъ и сближенію торговли, сказывали, что слышали о начальникѣ крѣпости, котораго называютъ Карель (г. Карелинъ), знаютъ, что онъ даетъ подарки Киргизамъ, и спрашивали, дастъ-ли и имъ? Я отвѣчалъ: ведите на работу верблюдовъ, за которыхъ дадутъ хорошую плату, а старшинѣ подарятъ. Чрезъ три часа выѣхали мы изъ Бешчинграва и, отѣхавъ примерно 15 verstъ, въ степи ночевали.

29 июля.

29-го рано отправились, и въ 10-мъ часу утра доѣхали до Джангизъ Кудука (одного колодца), воды въ немъ немного и на вкусъ солона, тутъ расположены четыре адаевскія кибитки. Напоивъ въ колодцѣ лошадей, мы, по совѣту Баймамбета, не останавливаясь, поѣхали до прѣснаго колодца Артагали, къ которому прибыли въ полдень. При семъ колодцѣ сидятъ 20 адаевскихъ кибитокъ, 2000 головъ

скота, который по очереди поять съ утра до полуночи. Колодезь имѣеть глубины 23 сажени. Вода по значительномъ уменьшениі становится иѣсколько соленою, когда-же набѣгаешьъ, то снова дѣлается прѣсною. Тутъ принали нась отлично: поставили шатерь изъ краснаго, толстаго сукна и спрашивали Баймамбета, кто я? Вожакъ сказалъ, что астраханскій Эрмели-ногай. Меня называли мулла эльчи (посланникъ); говорили, что дѣды и отцы ихъ не видали въ здѣшнемъ краѣ Русскихъ и потому не знаютъ, будетъ-ли имъ то полезно или нѣтъ? Я увѣрялъ, что всѣ рода киргизские находятся подъ покровительствомъ Россіи, слѣдственно нельзя думать, чтобы одно поколѣніе было исключено изъ сего правила, что крѣпость выстроена для торга съ Хивинцами, Туркменами и Киргизами, и что въ ней для порядка находится начальникъ, который не допустить никого до обиды. Киргизы этому весьма радовались, жаловались на притѣсненія хивинскаго хана, по приказанію, котораго, за три года передъ тѣмъ, были они ограблены при чемъ до 400 человѣкъ Киргизовъ перерѣзаны, и сорокъ женщинъ увлечены въ неволю. Сверхъ того обременяютъ ихъ налогами при вывозѣ хлѣба и товаровъ, и берутъ съ каждого верблюда по пяти и болѣе рублей; хвалили русское правительство и желали единственно зависѣть отъ него. Черезъ два часа отправились въ путь; въ сумерки доѣхали до колодца Акъ-Курухъ, имѣющаго воду прѣсную и 12 сажень глубины; кибитокъ не было. Напоивъ лошадей и отдохнувъ, отправились далѣе; проѣхавъ 30 verstъ, на дорогѣ ночевали.

30 іюля.

30 іюля въ 10-мъ часу прибыли къ колодцу Джангыс-Чинграу; качество воды и глубина тѣ-же, что и въ Акъ-Курухѣ; кибитокъ не было. Отсюда въ сумерки достигли трехъ колодцевъ Кошъ-Ата, глубиною по 20 сажень; вода прѣсная; при каждомъ каменные колоды; въ правой сторонѣ

отъ колодцевъ стоять каменное, небольшое кладбище; ки-
битокъ нѣтъ. По словамъ вожатыхъ, въ этихъ колодцахъ
можно поить до трехъ тысячи скота. Тутъ пробыли мы че-
тыре часа, и вожакъ сказывалъ, что теперь колодцевъ не бу-
детъ до Табынъ-су; другіе въ сторонѣ, въ 15 верстахъ отъ
дороги. Всю ночь слѣдуя, передъ разсвѣтомъ, на дорогѣ
отдохнули.

31 іюля.

31-го іюля въ полдень доѣхали до колодца Табынъ-су, имѣющаго глубины 15-ть саженъ, и воду прѣсную; ауловъ нѣтъ. Тутъ встрѣтили мы десять адаевскихъ Киргизовъ, слѣдовавшихъ съ 20-ю верблюдами, навьюченными хлѣбомъ и товарами. Киргизы объявили, что возвращаются изъ земли Каракалпаковъ, куда їздили для торговли. Въ свою очередь спрашивали они насъ: куда єдемъ? мы отвѣчали, что посланы въ Хиву начальникомъ русской крѣпости. Адаевцы сказали, что слѣдовать туда невозможно, потому что водою покрыто всѣ дороги: мы возразили, что пока своимъ глазами не увидимъ, воротиться не смѣемъ. Разставаясь, вожакъ ихъ сказалъ, что съ Айбуғыра должно намъ пово-
ротить вправо на туркменскую дорогу. Простившись съ Киргизами, проѣхали три колодца, также Табынъ-су, на-
зывающееся и расположенные не вдалекѣ одинъ отъ другаго.
Отдыхали на дорогѣ, по обѣимъ сторонамъ которой ра-
стеть большой саксауловый лѣсъ, начавшійся съ первого
колодца Табынъ-су. Вожакъ объявилъ, что въ лѣсахъ этихъ,
при большой дорогѣ, скрываются разбойники, которые про-
ѣзжающихъ грабятъ, почему, при солнечномъ закатѣ, сво-
ротили вправо и юхали до разсвѣта стороныю.

1-го августа.

На разсвѣтѣ, 1-го августа, выѣхали на большую до-
рогу, отдохнули, и въ полдень доѣхали до Айбуғыра. Въ

этомъ мѣстѣ обрывъ Усть-Урта весьма крутъ; отъ подошвы, къ Хивѣ, начинаются низменныя мѣста и протекаетъ рѣка Айбуғыръ-Дарья, нѣкогда, по словамъ вожаковъ, принимавшая въ себя Аму-Дарью. Нынѣшнимъ лѣтомъ, при сильномъ разливѣ сей послѣдней, потопило всѣ низменныя мѣста на большое пространство, причемъ залило и прямую хивинскую дорогу. Вода дошла до самаго обвала Усть-Урта, съ вершины котораго до разлива теперь не болѣе 60-ти сажень. Чтобы напоить лошадей, мы спустились узкою одноподъездной дорогой. Ежегодно Каракалпаки приходятъ зимовать въ здѣшніе камыши и саксауловые лѣса; но теперь всѣ эти мѣста подъ водою. Во 2-мъ часу поворотили мы вправо на кладбище Ибрагимъ-ата, до котораго около 50-ти верстъ; въ полночь добѣхали до этого мѣста. Здѣсь оканчивался разливъ, и мы ночевали.

2-го августа.

2-го августа спустились съ высоты Усть-Урта въ хивинскія владѣнія, на низменную песчаную почву. Ёхали дорогою, и въ 1-мъ часу достигли до туркменскихъ ауловъ, въ числѣ ста кибитокъ, которыхъ были расположены на узкихъ каналахъ, проведенныхъ изъ вышесказанныхъ разливовъ. Туркмены занимаются посѣвомъ хлѣба и огородныхъ овощей. Они принали насъ хорошо, зарѣзали барана и спрашивали откуда и куда мы ёдемъ. Я отвѣчалъ также, какъ и Киргизамъ, при колодцѣ Артагали 29-го юля. Туркмены весьма радовались заведенію при Кызылъ-Ташѣ русской крѣпости, говоря, что о томъ уже слышали. Ханъ, по появлѣніи Русскихъ, сдѣлался къ нимъ, Туркменамъ, отмѣнно добрь: дѣлаетъ подарки, жалуетъ въ юзъ-бапи и болѣе не притѣсняетъ. Думая, что я ёду съ требованіями, просили, чтобы ни въ чемъ не уступалъ, ибо ханъ теперь боится, сдѣлался уступчивъ и имъ будетъ лучше. Навѣдывались, неѣ - ли въ крѣпости ихъ однородцевъ. Я отвѣчалъ, что

нѣтъ, но что по окончательномъ устройствѣ укрѣпленія, безъ сомнѣнія, пріѣзжать станутъ. Туркмены ласково выспрашивали меня, убѣждая сказать правду, и, потрепавъ рукою по спинѣ, примолвили: не бойся ничего, мы рады Русскимъ! скажи заѣмъ ѿдешь въ Хиву. Я отвѣчалъ, что посланъ извѣстить по тракту Киргизовъ, Туркменъ и Хивинцевъ объ устраиваемой торговой крѣпости, чтобы, буде кому угодно, пріѣзжали съ товарами, на что Туркмены возразили, что ханъ не только Хивинцамъ, но и Киргизамъ запретилъ туда ѿздить. Я спросилъ о причинѣ, они отвѣчали, что это для того, чтобы Киргизы, не задолго передъ тѣмъ Хивинцами обиженные, не перешли на русскую сторону. Я увѣрялъ, что Русскіе, по волѣ начальства, строятъ укрѣпленіе для свободнаго и удобнѣйшаго торга со всѣми Азіатцами; что Киргизы вымѣниваютъ нужное и возвращаются по кочевкамъ, и что Русскіе нужды въ нихъ не имѣютъ. Пробывъ два часа въ первыхъ туркменскихъ аулахъ, отправились мы въ дальнѣйшій путь. Въ сумерки доѣхали до уроцища Куня-Ургенчъ, мѣста, на которомъ стояла древняя столица хивинскаго ханства. Здѣсь видны развалины каменнаго дворца и еще нѣсколько уцѣльла круглая каменная башня, имѣющая 20 сажень высоты, внутри коей до самаго верху идетъ витая лѣстница. Объ этой башнѣ сказываются, будто строилъ ее какой-то святой, который, по окончаніи работы, получилъ крылья и улетѣлъ. Вблизи отъ мѣста находятся каменные большія могилы. При Кунѣ, или Куня-Ургенчѣ сидить 20 кибитокъ Ногаевъ; вода держится въ небольшихъ каналахъ, проведенныхъ изъ Айбугыра; занимаются посѣвомъ хлѣбовъ и овощей. Двое изъ Ногайцевъ, подошедъ, спрашивали, что мы за люди и куда ѿдемъ? имъ отвѣчали какъ и прочимъ; за симъ спросили они, нѣтъ-ли въ Россіи манифеста? Я, не зная хорошенъко, сказалъ, однако же, что есть. Вожакъ просилъ растолковать, что такое манифестъ? я отвѣчалъ, что это милостивое прощеніе прежнихъ проступковъ. Въ Кунѣ-Ургенчѣ соединяются всѣ дороги, изъ коихъ одна большая

ведеть въ Хиву, а потому, во всякое время года, находятся тутъ, четыре довѣренныхъ хивинскихъ смотрителя которые всѣхъ, слѣдующихъ въ Хиву, переписываютъ. Проѣзжающіе платятъ пошлину и получаютъ пропускные виды на обратный проѣздъ непремѣнно черезъ Кюнь - Ургенчъ. Здѣсь мы ночевали. Ночью услышали крикъ, и на вопросъ о причинѣ, сказали мнѣ, что кабаны травятъ овощи и что караульные ихъ гонятъ. Изъ Кюнь - Ургенча поѣхали мы болышио дорогою и въ 9-мъ часу прибыли въ каналу Чаркракуку, проведенному изъ Айбугира. Каналъ шириною пять, а глубиною слишкомъ полторы сажени. На немъ нашли мы большую лодку съ четырьмя Хивинцами для переправы; каждый проѣзжающій платить по 25 копѣекъ съ лошади, которыхъ помѣщается на лодкѣ по 10-ти. Каналъ глубокъ только при водоразлитіи Айбугира; въ самые сухіе годы воды въ немъ неѣть или бываетъ очень мало, такъ что броды повсемѣстны. По переправѣ черезъ каналъ, я хотѣлъ заплатить перевозчикамъ, но Хивинцы отказались, говоря, что съ посланцевъ денегъ не берутъ. Отъ Чаркракука слѣдовали до Ташъ-Гауза, встрѣчая по обѣимъ сторонамъ дороги, многіе каналы и частные Туркменскіе аулы, которыхъ отъ Кюнь-Ургенча до Ташъ-Гауза насчиталъ я до 2,000 кибитокъ; при каждомъ почти селеніи стоитъ, во всей готовности, по одной лошади изъ аргамаковъ. Вожатые сказывали, что Туркмены владѣютъ жалованною отъ хана землею, которая раздѣлена на малые участки, по числу душъ мужскаго пола каждого семейства, полагая примѣрно по 30 саженъ на каждую; участокъ земли обозначается насыпью въ аршинъ вышиною. Туркмены сѣютъ хлѣбъ и овощи.

3-го августа.

Во 2-мъ часу ночи доѣхали до Ташъ-Гауза, первого города, населенаго Туркменами. Здѣсь вожакъ мой узналъ, что отецъ его Мая возвратился изъ Хивы и находится въ

домъ юзъ-бashi Кошмамбета. Отыскавъ Маю, слышали мы отъ него, что, по прибытии въ Хиву, явился онъ въ пріемный домъ къ служащему при ханѣ вельможѣ метеру (мехтеръ), гдѣ находился беги-Ниязъ, диванъ-бегій (управляющей торговлей). На поклонъ старика, Метеръ сказалъ ему сердито: ты теперь сталъ Русский; а беги-Ниязъ поздравляяль его съ принятиемъ русской вѣры. Мая спросилъ, почему называютъ его Русскимъ? вельможи отвѣчали, что считаютъ его такимъ потому, что даетъ Русскимъ помошь верблюдами и заставляетъ Киргизовъ на нихъ работать. Мая возразилъ: дѣйстително бѣдные Киргизы даютъ верблюдовъ, но за то Русские хорошо имъ платятъ. Потомъ провели его къ хану, который также упрекалъ старика въ связи съ Русскими и требовалъ отчета. Мая представилъ, что Русские, по прибытии, освѣдомились о старшинѣ; Киргизы показали на него; послѣ чего пригласили его въ лагерь. Не видя ни обидѣ, ни притѣсненій, не смѣлъ онъ отказаться. По прибытии въ крѣпость, начальникъ объявилъ ему, что, по волѣ государя императора, основывается городъ и пристань для торговли съ Хивинцами, Туркменами и Киргизами, просилъ жить мирно и честно, и буде хотятъ, ѿздѣтъ на мѣну въ укрѣпленіе; затѣмъ отдаравтъ, отпустилъ. Ханъ тоже отпустилъ Маю, приказавъ ему дожидаться въ Хивѣ рѣшенія. Двѣнадцать дней у хана были совѣты и въ послѣдній призвали Маю. Ханъ приказывалъ Адаевцамъ соединиться съ Табынцами и сдѣлать на русскую крѣпость нападеніе. Мая отказывался, говоря, что Адаевцы трусливы. Ханъ называлъ храбрыми Табынцевъ, на что старикъ сказалъ: когда пойдутъ они, то и мы принуждены будемъ за ними сдѣлывать. Тутъ началь выхваливать храбрость своего рода тотъ Табынскій шпіонъ Ниязъ, который подъѣзжалъ къ русской крѣпости. Ханъ далъ Маю повелѣніе, по прибытии въ ауль, откочезать къ Мангышлаку, и отпустивъ, приказалъ дожидаться въ городѣ Ташъ-Гаузѣ трехъ человѣкъ: Хивинца юзъ-башу Амамбая, долженствовавшаго ѿхать до аула Маи, съ кото-

рымъ велѣно отбочеватъ ему отъ русской крѣпости: Табынскаго рода, старшину Джамбуру Асау-Баракова, которому ханъ подарилъ 30 червонцевъ (отецъ его Асау-Баракъ, почетнѣйший старшина своего рода, бывшій прежде аманатомъ въ Хивѣ) и Ніяза (шпиона), который живетъ въ Хивѣ и находится въ должности сборщика податей. Мая дождался ихъ уже третій день.

4 августа.

4-го августа, оставя на квартире трехъ лошадей при работнике Шиндау-Балтасовѣ, выѣхали изъ Ташъ-Гауза въ городъ Шабатъ (Шаватъ). По обѣимъ сторонамъ дороги расположены хивинскіе глиняные дома, саженяхъ въ 50-ти одинъ отъ другаго. При закатѣ солнца доѣхали до города Шабата, въ который не вѣзжая, ночевали въ одномъ хивинскомъ домѣ, знакомомъ вожаку Баймухамету. Насъ приняли хорошо, и сдѣлали обыкновенный вопросъ, куда ѿдемъ и для чего дѣлается крѣпость? я отвѣчалъ тоже, что говорилъ прочимъ. Они одобрили предпріятіе, разсуждая: купцы наши ѻздѣть въ Оренбургъ и Астрахань, обидѣ не видять, а потому надѣемся, что и тутъ будетъ хорошо. Впрочемъ не скрыли опасеній и погодованія хана на то, что крѣпость строится безъ его позволенія. Я говорилъ, что мѣсто не представляетъ никакихъ особыхъ выгодъ или удобствъ; тамъ нѣть ни рѣкъ, ни плодородной земли; единственное желаніе Россіи основать прочную и обоюдно - выгодную торговлю. Хивинцы съ этимъ согласились.

5 августа.

На другой день выѣхали изъ Шабата и видѣли на дорогѣ такіе-же дома, какъ и на пути до этого города. Въ полдень, не доѣзжая до Хины 5-ть верстъ, остановились въ небольшомъ предмѣстіи и вѣхали на дворъ къ управляющему хивинскою торговлей беги-Ніязу диванъ-багю. Тот-

часъ доложили ему, что я присланъ изъ новой русской крѣпости; нась принялъ въ особенной комнатѣ, и угощали часъ, виноградомъ, яблоками, дынями и арбузами. Черезъ короткое время позвали къ беги-Ніязу, ввели въ пріемную комнату, посреди которой сдѣлано было возвышенное мѣсто; на немъ сидѣлъ беги-Ніязъ, а за нимъ стояли до десяти человѣкъ Хивинцевъ. Взошедшіи, я, по Хивинскому обыкновенію, поклонился, и мы, взявшись за руки, спрашивали другъ друга о здоровье. Беги-Ніязъ посадилъ насъ близъ себя на возвышенномъ мѣстѣ. Первымъ вопросомъ его было: кѣмъ я посланъ? я отвѣчалъ: его высокоблагородіемъ начальникомъ торговой крѣпости и пристани Григоріемъ Силовичемъ Карелинымъ, извѣстить купцоў, что устроена, при уроцищѣ Кызыль-Ташѣ, новая, торговая, Ново-Александровская пристань, куда могутъ приходить они свободно, получая черезъ то великія выгоды и совершая, вмѣсто одного оборота въ годъ черезъ Астрахань, четыре и даже шесть. Торговые люди будутъ какъ сами, такъ и ихъ имущество въ совершенной безопасности; и какъ вы приближенный вельможа и первое лицо по торговымъ дѣламъ при ханѣ, то господиномъ Карелинимъ поручено мнѣ просить васъ лично позволить купцамъѣздить съ товарами въ русскую крѣпость, дабы такимъ образомъ усилить торговлю и дружескія сношенія и если вы этого желаете, то неудобно ли послать къ начальнику довѣренного человѣка. Беги-Ніязъ, одобряя мою рѣчь, отвѣчалъ: высокостепенный ханъ гнѣвается, что крѣпость дѣлается безъ его позволенія, говоря, что видно Русскіе не почитаютъ его ханомъ и государство его независимымъ. Я представилъ, что, ничего не зная по сему предмету, въ объясненіе входить не могу и не смѣю, но при отправлѣніи, слышалъ отъ начальника, что польза отъ сближенія торговли съ Русскими слишкомъ велика и очевидна для Хивинцевъ, Туркменъ и Киргизъ, для того, чтобы находили они въ этомъ что-либо предосудительное, и что на противъ должны радоваться такому со-

съдству. Беги-Ніязъ спросилъ, не имѣю-ли я какой бумаги? Я показалъ ему, данный мнѣ господиномъ Карелинымъ на Русскомъ языкѣ, открытый листъ для свободнаго проѣзда до Хивы, причемъ сказалъ, что имѣю отъ начальника приглашеніе па татарскомъ языкѣ, къ купцамъ того каравана, который поѣхалъ въ Астрахань, о прїездѣ въ Ново-Александровскъ съ товарами. Беги-Ніязъ взялъ обѣ мои бумаги и положилъ въ шапку; потомъ, обратясь къ вожаку, спрашивалъ во много-ли дней прибыли мы въ Хиву? и когда Баймухаметь сказалъ въ 7 дней, то беги-Ніязъ вскрикнулъ, погладилъ себя по бородѣ и сказалъ: скоро, хорошо! и въ ту-же минуту приказалъ Хивинцу Ишназару отвести меня въ прежнюю комнату и угощать какъ можно лучше, а самъ съ вожакомъ Баймамбетомъ выѣхалъ изъ дому. Чрезъ три или четыре часа Баймамбетъ, пришедши ко мнѣ, говорилъ, что съ беги-Ніязомъ ѿздилъ въ Хиву къ хану, по выходѣ отъ котораго сказывалъ ему беги-Ніязъ, что высокостепенный ханъ приказалъ воротить Маю, и па него, Баймамбета, очень сердится. Тутъ мы почевали.

6-го августа.

На другой день, приставленный ко мнѣ Хивинецъ Ишназаръ сказался зятемъ беги-Ніяза и объявилъ, что ему приказано быть при мнѣ для развлечения. Я просилъ его съѣздить вмѣстѣ на хивинскій базарь; но онъ старался отклонить меня отъ того, представляя, что тамъ ничего нѣть занимательнаго. Постигая причину отказа, я сказалъ, что у насъ въ Россіи всѣ прїезжающіе ходятъ по базарамъ свободно; Ишназаръ возразилъ, что онъ бывалъ въ Оренбургѣ и Астрахани, и что Россію никакъ нельзя сравнить съ Хивою. Ханъ всегда посланиковъ, до самого окончанія дѣла, держитъ въ заперти въ одномъ мѣстѣ Ишназаръ вывѣдывалъ у насъ съ Баймухаметомъ, нѣть-ли въ крѣпости кого изъ магометанъ или астраханскихъ купцовъ. Я

отвѣчалъ, что изъ Астраханцевъ только одинъ я, а изъ магометашъ синь Карауль-ходжи, служащій переводчикомъ; я же приглашенъ начальникомъ для посылокъ, потому, что знаю татарскій языкъ и веду небольшую торговлю.

7 августа.

7-го августа пришелъ ко мнѣ знакомый Хивинецъ Алдашъ, торговавшій въ Астрахани; я сообщилъ о цѣли своей поѣздки, и Алдашъ объявилъ, что для нихъ предпріятіе весьма полезно, но, повидимому, ханъ не расположены допускать ихъ до Русскихъ.

8 августа.

8-го августа въ полдень Баймухаметъ поѣхалъ въ Хиву навѣдаться, не прибылъ-ли его отецъ и черезъ три часа возвратился съ нимъ и однимъ Туркмениномъ, Казою называемымъ, у которого Киргизы Адаевскаго рода похитили 60 верблюдовъ. Мая успѣлъ мнѣ сказать только, что Баймухамета велико остановить; о большемъ-же будетъ говорить на дорогѣ. Черезъ полчаса беги-Ніязъ позвалъ меня, Маю, Баймухамета и Туркмана Казу; посидѣвъ немногого, вручилъ мнѣ письмо и приказалъѣхать съ Маей, причемъ объявилъ, что Баймухаметъ долженъ остаться; поручилъ кланяться господину Карелину и доставить ему письмо. Я спросилъ, не имѣтъ-ли еще чего приказать? Больше ничего, отвѣчалъ диванъ-беги, что нужно, въ письмѣ писано. Я изъявилъ желаніеѣхать съ Баймухаметомъ, но беги-Ніязъ отозвался, что за нимъ есть дѣло; но что черезъ 20 дней его отпустятъ. Мы откланялись и вышли. На дворѣ имѣлъ я случай потихонько спросить Баймухамета о причинѣ задержанія. Онъ успѣлъ только сказать, что ханъ чрезмѣрно сердится за скорый прїездъ въ Хиву. При разставаніи, по просьбѣ его, далъ я ему изъ отпущеныхъ мнѣ начальни-

комъ депегъ, одинъ полуимперіалъ и отправился съ Маєй въ обратный путь.

9 августа.

9-го августа прибыли въ городъ Ташъ-Гаузъ, гдѣ оставались наши лошади при товарищѣ Балтасинѣ. Дорогою Мај разсказывалъ мнѣ, что его воротили, по поводу жалобы помянутаго Туркмена Казы на покражу Адаевцами 60 верблюдовъ; ханъ сказалъ: до прибытия Русскихъ, Адаевцы не дѣлали воровства, а теперь, какъ видно, въ надеждѣ на нихъ, становятся дерзкими. Затѣмъ приказалъ ему оставленную часть цени за убѣйство въ четвертомъ году Туркменъ, тысячу хивинскихъ червонцевъ немедленно заплатить, 60 верблюдовъ возвратить, откочевать съ своими однородцами къ Мангышлаку, не имѣть съ Русскими никакого сообщенія и меня проводить въ крѣпость съ другимъ Киргизомъ; по исполненіи же всего этого, прибыть въ Хиву, гдѣ ханъ обѣщался возвратить ему прежнее довѣріе и малость.

10 и 11 августа.

10 и 11 августа, пробыли мы въ Ташъ-Гаузѣ въ ожиданіи 3-хъ спутниковъ, въ сопровожденіи которыхъ новелль мнѣ ханъ Ѳхать обратно. Здѣсь сообщилъ мнѣ Мај, что Туркменинъ мулла Муратъ желаетъ со мною говорить. Мы видѣлись; онъ просилъ передать начальнику крѣпости, господину Карелину, поклонъ и объявилъ слѣдующее: лѣтъ за 30 передъ симъ одноземцемъ его, Туркменомъ: Иралбекъ, Турага, Оценефисъ и Ходжа-Берди, стѣсненные грабежами и нападеніями Киргизовъ, отправились въ Россію и ходатайствовали у государя императора о дозволеніи возвратиться въ ея предѣлахъ. Государь, снисходя на ихъ всѣнѣжайшую просьбу, явилъ имъ благодѣяніе, всѣмилостивѣйше дозволивъ переселиться въ астраханскія степи. Тогда множество

ауловъ съ имуществомъ перебрались въ Россію. Туркмены, памятуя таковую милость бѣлого царя, дерзаютъ на новую просьбу: за два года нередь симъ, по велѣнію хана, принуждены они были переселиться въ теперешнія мѣста, на которыхъ отъ малаго числа даниной земли и разныхъ притѣсненій, Туркмены пришли въ крайнюю бѣдность. Въ прошломъ году многіе изъ нихъ умерли отъ голода: Хивинцы-же вместо всноможенія брали съ нихъ по 7 рублей за пудъ муки. Желая, какъ единаго блага, возвращенія на Мангышлакскій кряжъ, убѣдительно просятъ начальника новой крѣпости войти въ ихъ положеніе и довести до высочайшаго свѣдѣнія о бѣдствіяхъ, ими терпимыхъ. Когда-же послѣдуетъ всемилостивѣйшій отзывъ, то для лучшаго удостовѣренія просилъ прислать къ нему, муллѣ Мурату, одного изъ астраханскихъ Туркменъ съ бумагою; тогда онъ со всѣми Туркменами навсегда оставитъ предѣлы ханства. Если-же Русские станутъ селиться на Мангышлакѣ, то по полученіи о томъ основательнаго извѣстія, всѣ Туркмены въ одну ночь туда откочуютъ. Наконецъ прибавилъ, что, имѣя ежегодныя спопшнія съ астраханскими Туркменами, онъ знаетъ, сколь ведутъ они жизнь, покойную въ сравненіи съ каторгою ихъ бытъ подъ игомъ Хивы истинная каторга. Подъ непосредственнымъ начальствомъ муллы Мурата состоятъ 200 туркменскихъ кибитокъ; способностями снискалъ онъ влияніе нацъ всѣми однородцами, знаетъ ихъ намѣренія и весьма ими уважается. Я увѣрилъ его, что все переданное имъ сохраню въ тайнѣ и доложу своему начальнику; разказывалъ о присоединной жизни водворенныхъ въ Россіи Туркменъ и наконецъ просилъ совѣтовать своимъ соотечѣщамъѣздить къ намъ для торговли; ему-же предлагалъ послать къ господину Карелину довѣренаго человѣка. Онъ отвѣталъ, что посыпать человѣка и писать бумагу теперь опасается, не зная, какъ Русскими примется подобное дѣло и какъ скоро получитъ онъ отзывъ; между-тѣмъ можетъ дѣло огласиться, и онъ погибнетъ. Прибывшій въ Ташъ-

Гаузъ, одинъ изъ трехъ ожидаемыхъ спутниковъ Мая, Хивинецъ юзъ-башн Амамбай объявилъ, что старшина Джамбура скоропостижно умеръ, а Нязъ (шіюнъ) боленъ. Мы отправились тогда вмѣстѣ съ киргизскимъ караваномъ, следующимъ изъ Хивы. Туркменецъ Казы, претендующій по дѣлу 60 верблюдовъ, отиравился въ свой ауль, а вмѣсто себя послалъ до аула Мая двухъ Туркменъ, именъ которыхъ не знаю. На пути изъ Ташъ-Гауза почевали въ туркменскомъ аулѣ, въ числѣ 100 кибитокъ. Мая объявилъ, что здѣсь желаетъ со мною видѣться одинъ туркменскій старшина Абдалъского рода, называемый, сколько могу припомнить, Каинъ-ходжа. Не совсѣмъ довѣряя, выпытывала я у старика, нѣть-ли тутъ какого подлога, но Мая удостовѣрилъ меня, что памѣренія Туркменъ чисты. Утромъ видѣлся я съ старшиною, который спачала освѣдомился о здравии живущихъ въ Астрахани Туркменъ Акмамбета-бека, бывшаго въ первой экспедиціѣ съ господиномъ Карелинымъ, на восточномъ берегу Каспийскаго моря, въ 1832 году, и Челдыра-Муллою. Я, зная сихъ Туркменъ, сказалъ, что они здоровы. Далѣе вступила онъ со мною въ пространный разговоръ, во всѣхъ отношеніяхъ сходный съ тѣмъ, какой имѣль я съ Муратомъ-муллою (въ Ташъ-Гаузѣ), горько жалуясь на бѣдственное положеніе одиородцевъ. Я успокоилъ его, давъ обѣщаніе обо всемъ донести начальнику, господину Карелину. Въ оба пути гдѣ только имѣль случай видѣться и разговаривать съ Туркменами, я могъ удостовѣриться, что всѣ они искренно рады Русскому въ здѣшнемъ краю вдоворенію, питаясь надеждою на лучшую будущность. Въ семь-же завѣяль меня и спутникъ мой Мая. Простясь съ Каинъ-ходжей, отправились мы въ дальнѣйшій путь; при переѣздѣ черезъ Чаркракуцъ подарилъ я перевозчикамъ три рубля, за что они были очень благодарны. Не доѣзжая до Кюнь-Ургенча, почевали на дорогѣ въ туркменскомъ аулѣ у юзъ-башн Хошъ-Мамбета, имѣющаго въ своемъ завѣданіи до 200 кибитокъ. Хозяина не застали, но въ тотъ-же часъ за нимъ послали; въ ожиданіи его, легъ я у кибитки.

Хошъ-Мамбетъ пріѣхалъ, вошелъ въ кибитку, поздоровался съ Маей и спрашивалъ о новостяхъ и разговорахъ съ ханомъ. Тотъ отвѣчалъ, какъ было. Я притворился спящимъ и слушалъ ихъ разговоръ. Хошъ-Мамбетъ продолжалъ, что спустя два дня по прибытии Маи въ Хиву, ханъ присыпалъ гонца возвѣстить Туркменамъ, чтобы аламанъ ихъ (войско) черезъ пять дней быть готовъ къ выступлению; но Туркмены съ неудовольствиемъ отзывались худобою лошадей. Маи возразилъ, что хотя обѣ этомъ ничего въ Хивѣ не слыхалъ, но замѣтилъ, что ханъ замышлялъ что-то противъ Русскихъ или Киргизовъ. Хошъ-Мамбетъ подтвердилъ догадку Маи, присовокупивъ, что теперь ханъ оставилъ это намѣреніе; потомъ спросилъ обо мнѣ и получивъ въ отвѣтъ, что я, посланный отъ Русского начальника, принесъ овощей и хлѣба. Меня разбудили. Хошъ-Мамбетъ дружески поздоровался со мною и извинился, что мы не застали его дома; сказалъ, что за счастіе почитаетъ видѣть у себя посланца изъ отдаленной русской страны; просилъ отдохнуть, сильно суетился и, желая потѣшить меня, позвалъ музыканта и первого иѣсенника, подъ конецъ зарѣзalъ барана и собралъ Туркменъ. Тутъ явился музыкантъ съ огромной балалайкой и началъ играть, воспѣвая сначала, по обычаю Туркменъ, подвиги древнихъ богатырей, а потомъ восхваляя русского императора и хивинскаго хана, и радуясь, что черезъ согласіе между ними будетъ свободная торговля на общее благо и въ утѣшеніе народа. Пиръ кончался на разсвѣтѣ. Я подарилъ пѣвшу полное одѣяніе. Хошъ-Мамбетъ извинился, что не имѣлъ средсвъ угостить лучше. Я сердечно благодарили его и всѣхъ туркменскихъ стариковъ, за радушный приемъ, оказанный мнѣ повсюду ихъ однородцами.

14 августа.

14 августа доѣхали до Юнь-Ургенча, гдѣ видѣлись съ пятнадцатью Хивинцами, возвращавшимися изъ Астрахани;

изъ нихъ одинъ купецъ, по имени Норлыбай, былъ мнѣ знакомъ. Съ Хивинцами слѣдовало шестеро Киргизовъ, знакомыхъ моему спутнику.

Отъ 15 до 24 августа.

Отъ Кюпъ-Ургенча слѣдовали мы весьма тихо, переходя самыя малыя разстоянія съ частыми дневками до колодцевъ — Кошъ-Ата, куда прибыли 24 августа. На пути отъ Ибрагимъ-Ага къ Айбуғиру, у спуска къ водѣ, дождаль насыпъ ишіонъ Ніязъ съ однородцемъ Бектасомъ. При трехъ колодцахъ Кошъ-Ата нашли мы до 20 кибитокъ Киргизовъ табынского рода. Я провѣтъ ночь у колодцевъ, а Мая съ Ніязомъ и хивинскій юзъ-баши Амамбай въ табынскомъ аулѣ.

23 августа.

25 августа Амамбай и Ніязъ остались. Я приглашалъ первого въ крѣость, увѣряя, что онъ будетъ хорошо принятъ, но Амамбай уклонился отъ этого, говоря, что онъ знаетъ Русскихъ и не сомнѣвается въ полной безопасности, побоится прогнѣвить хана. Онъ разкѣзъ, что за 14 лѣтъ передъ симъ, по порученію хана, ъздилъ собирать оброкъ съ Киргизовъ, но былъ имъ задержанъ и доставленъ къ бывшему хану Арунгазію, который препроводилъ его въ Оренбургъ. Тамъ хотя и содержали подъ карауломъ, но проповѣствовали его хорошо и впослѣдствіи, найдя невиннымъ, отправили въ Астрахань, а оттуда въ Тифлисъ. Не имѣя возможности покинуть изъ сего города въ Хиву, обращенъ онъ былъ въ Астрахань. Генераль Ермоловъ, начальствовавшій въ Грузіи, далъ ему 50 червонцевъ на путевые расходы, снабдивъ кромѣ того одеждой и всѣмъ нужнымъ. Оттуда возвратился онъ съ купцами на родину. Ханъ зная, что онъ долго жилъ въ Россіи и въ дѣлахъ омыгель, прозвавъ его, спрашивалъ: съ какимъ намѣреніемъ, по мнѣнію

его, Русские построили городъ? Амамбай отзывался, что цѣли угадать не можетъ и ничего о томъ не слышалъ, ибо въ Россіи не какъ въ хивинскомъ ханствѣ, дѣла содержатся въ тайнѣ и вѣдаетъ ихъ единственно то лицо, которому поручено исполненіе. Ханъ предложилъ ему бхать открытымъ образомъ въ укрѣпленіе, но онъ отказался, представляя, что, по старости, ему трудно будетъ дожидаться отвѣта изъ Россіи. Но съ какимъ именно порученіемъ хотѣлъ послать его ханъ, того Амабай не открылъ. Вѣсто побѣдки въ укрѣпленіе, приказалъ ему ханъ отправиться съ Маей, чтобы былъ свидѣтелемъ при откочеваніи его съ ордою, сборъ 1,000 хивинскихъ червонощевъ (16,000 руб.) и возврашеніе Туркменамъ 60 верблюдовъ. На прощаніи Амамбай говорилъ, что ежели-бы начальнику понадобилось писать въ Хиву, то присыпалъ-бы бумаги къ нему, въ аулъ Киргиза Бутакары, расположенного близь Машышлака; въ заключеніе поручилъ мнѣ просить у начальника о присылкѣ ему чаю, сахару и фунта леденцу. Продолжая путь съ двумя новѣренными отъ Казы и Маей, выспрашивалъ я у сего послѣдняго,—не было-ли какого замѣчательнаго разговора на ночлегѣ у Табынцевъ? Старикъ отвѣчалъ что на переданное Низомъ, ханскоѣ повелѣніе откочевывать дальше, Табынцы съ ропотомъ отказались, говоря: гдѣ намъ еще кочевать? На пути къ колодцу Артагали ночевали.

26 августа.

26 августа Туркмены узнали, что одинъ адаевскій Киргизъ собираетъ угнанныхъ 60 верблюдовъ, почему туда и отправились. Тогда-же извѣстился я, что въ Ново-Александровское укрѣпленіе прїѣзжалъ г. оренбургскій военный губернаторъ и за одного выбѣжавшаго къ намъ магометанскаго плѣнника пожаловалъ въ вознагражденіе хозяину 500 рублей. Киргизы сказывали, что его превосходительство убѣждалъ ихъ жить мирно, приказалъ возвратить Туркмен-

намъ 60 верблюдовъ и никогда на подобныя грабительства не отваживаться, слѣдующіе же изъ Хивы караваны не обижать. Туркмены, слыша то, весьма радовались, обѣщаюсь быть мирными и добрыми сосѣдями.

27 августа.

27 августа прибыли въ Эчке-Кигыргапъ, въ ауль Ман, который объявилъ своимъ однородцамъ ханскую волю. Огорченные Адаевцы долго совѣтовались между собою, признавали новѣніе притѣснительнымъ и объявивъ, что Русскіе обидѣ имъ не дѣлаютъ, разошлись съ разными намѣрѣніями. Мая, провожая меня, обѣщался какъ-нибудь украдкой пріѣхать въ крѣпость.

28 августа.

Изъ аула его я отправился 28 августа съ Киргизами Теленчиемъ, Огамбекомъ и работникомъ Шиндау Балтасинымъ; на дорогѣ ночевалъ, а 29 августа прибылъ въ Ново-Александровское укрѣпленіе.

Управляющій торговлею беги-Ніязъ-диванъ-бегій имѣетъ домъ въ предмѣстіи Хивы, въ 5 верстахъ отъ ханскаго дворца, глиняный, на четырехъ саженяхъ по переднему фасаду. Дворъ четвероугольникомъ, каждый бокъ котораго въ 30 сажень. На дворѣ у него видѣлъ двухъ русскихъ плѣнныхъ, первому не болѣе 17, а другому 30 лѣтъ. Молодой имѣть случай говорить со мною по-русски; онъ сказалъ что похищенъ съ оренбургской линіи Киргизами, 5 лѣтъ тому назадъ, что плѣнники слышали о заселеніи въ здѣшней странѣ Русскими и что многие плѣнные желаютъ со мною видѣться, но ихъ къ тому не допускаютъ. Я утѣшалъ его,

что можетъ статься Русскіе будуть по торговымъ отношеніямъ вѣздитъ въ Хиву, и тогда положеніе ихъ улучшится. Далѣе говорить намъ помѣшаль одинъ Хивинецъ, и пльниникъ скрылся.

Отъ Хивы до города Шабата 15-ть верстъ, въ немъ находится до 200 небольшихъ глиняныхъ домовъ, расположенныхъ безъ всякаго порядка; бываетъ базаръ. Городъ обнесенъ глинянымъ валомъ, который частію обрушился.

Огъ Шабата до города Шабара около 30-ти верстъ. Оба города во всемъ между собою сходны.

Отъ Шабара до Ташъ-Гауза 15-ть верстъ. Въ семь послѣднемъ городѣ 300 глиняныхъ домовъ, равно безобразно расположенныхъ. Стѣнъ нѣть. Въ немъ живутъ Туркмены. Въ день моего прїѣзда въ Ташъ-Гаузъ былъ базаръ, и я ходилъ по оному: видѣлъ продажу халатовъ, бязи, выбойки, кумача, шелковыхъ хивинскихъ матерій, лѣса, скота и хлѣба. Купцы всѣ изъ Хивинцевъ. Пройдя далѣе, увидѣлъ, повѣшеннаго за кражу 4-хъ халатовъ, человѣка. Ташъ-Гаузъ окружень превосходными садами. Я былъ въ одномъ изъ нихъ и видѣлъ до 1,000 разныхъ фруктовыхъ деревьевъ.

Аму-Дарья или просто хивинская Дарья протекаетъ на югъ въ 15-ти верстахъ отъ самой Хивы и изобилуетъ всякаго рода рыбью. Изъ нея проведено 5 главныхъ каналовъ. Одинъ таковой каналъ пересѣкаетъ дорогу подъ городомъ Шабатомъ, а другіе находятся въ разныхъ недальныхъ разстояніяхъ отъ дороги и городовъ. Каждый до 2-хъ сажень ширины и $1\frac{1}{2}$ сажени глубины. Изъ этихъ главныхъ каналовъ проведено множество малыхъ для удобнѣйшаго орошения пашень и садовъ.

Отъ Кюнь-Ургенча до Айбугира по обѣимъ сторопамъ дороги, на значительномъ пространствѣ тянугся саксауловые лѣса, въ которыхъ держатся большія стада кабановъ и годъ отъ году увеличиваются; есть также лисицы и другіе звѣри. Отъ Айбугира до Эчки-Кыгыргана идетъ большая

отличная дорога совершенно ровная, по которой вовсе нѣтъ овраговъ, ни возвышений. Есть только впадины, въ которыхъ весною и осенью, отъ дождей и снѣговъ, держится много воды. Травы, исключая юлшина (кормовой полыни) не имѣются. Отъ Айбуыра до Эчки-Кыгыргана встрѣчаются саксауловые лѣса только при Табынъ-Су, на протяженіи 60-ти верстъ по дорогѣ.

Каракалпаки — смиренный народъ, находящійся въ крайне жалкомъ положеніи отъ утѣсненій Хивинцевъ; недавно еще казнилъ ханъ четырехъ ихъ старшинъ, приказавъ перерѣзать имъ горло. Каракалпаки очень рады приближенію Русскихъ и намѣрены, въ случаѣ войны, откочевать къ Россіи.

На второй день моего прѣзыва въ Хиву — прибыло туда десять человѣкъ Персіянъ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, котораго всѣ почитали за Русскаго. Слухъ носился, что Персіяне прїѣхали изъ города Мешеда просить о размѣнѣ пленныхъ.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ

изъ дѣла Московскаго Сенатскаго Архива, объ
отправлениіи Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго
полка Капитана Князя Бековича-Черкасскаго на
Каспійское море и въ Хиву, въ 1714—1717 гг. ¹⁾.

Въ указѣ императора Петра I, дашномъ, 17-го мая 1714 года, на Березовыхъ островахъ, предъявленномъ княземъ Бековицемъ-Черкасскимъ казанскому губернатору 13-го августа того-же года, сказано, что князь Черкасскій посылается въ Астрахань, и оттуда далѣе на Каспійское море, для «кѣотораго нужнѣйшаго дѣла,»—почему повелѣвалось дать въ его распоряженіе отрядъ изъ 1,500 чел. и деньгами 5000 руб. на расходы.

Отрядъ этотъ простирался въ дѣйствительности до 1,760 чел и въ составѣ его поступило: 1,000 чел. изъ Астрахани (драгунъ и пѣхотныхъ солдатъ); 100 ящиковъ (уральскихъ) казаковъ, бывавшихъ въ Хивѣ, а остальные драгуны и пѣхотные солдаты были взяты изъ такъ называемыхъ пизо-

¹⁾ Дѣло это служило, безъ сомнѣнія, однимъ изъ основныхъ матеріаловъ при составленіи г. Поповымъ обозрѣнія сношеній Россіи съ Хивой и Бухарой при Петре Великомъ; но не менѣе того, оно не вошло въ число сообщенныхъ имъ документовъ.

выхъ городовъ: Самары, Саратова, Дмитровска, Царицына и Казани. При отрядѣ находилось 8 мѣдныхъ и 3 чугунныхъ орудій, при коихъ было прислуги: 14 чел. артиллеристовъ и 17 стрѣлковъ.

Отрядъ былъ снабженъ также и инженернымъ инструментомъ, а именно было дано ему: 600 лопатокъ и 300 кирокъ.

Для поднятія отряда, съ продовольствіемъ и тяжестями, было отдано въ распоряженіе кн. Черкасскаго: 20 брегантинъ, 64 струга, 37 лодокъ, 1 буса и отъ флота 2 шхуны съ 8-ю орудіями, (4 мѣдныхъ и 4 чугунныхъ), всего 124 судна.

28-го октября 1714 года князь Черкаскій отправился въ море изъ Астрахани, куда возвратился 3-го декабря того-же года, не имѣвъ возможности продолжать плаванія, по случаю появленія льда на пространствѣ между устьями рр. Волги и Урала, причемъ три судна съ провіантами затерло въ устьѣ сей послѣдней рѣки, а два — въ устьѣ р. Терека.

25-го апрѣля 1715 года князь Черкаскій вновь отправился въ Каспійское море, откуда возвратился въ Астрахань 9-го октября, а 5-го ноября того-же года поѣхалъ съ донесеніемъ къ императору въ г. Ригу.

Изъ дѣла не видно: что совершилъ князь Черкаскій въ 1715 году и сколько возвратилось съ нимъ въ Астрахань людей и судовъ, только упоминается: 1) что онъ былъ въ Тюкъ-Караганѣ и 2) что, по возвращеніи изъ похода въ 1715 году, сдано лишь 7 мѣдныхъ орудій, а остальные показаны въ расходѣ, безъ означенія, гдѣ и на что именно были употреблены.

Независимо отъ означенного указа, предъявленнаго казанскому губернатору княземъ Черкасскимъ, былъ данъ еще, въ маѣ-же мѣсяцѣ 1714 года, указъ правительствующему сенату. Въ этомъ послѣднемъ указѣ упоминается, во первыхъ, обѣ отправленіи кназа Черкасскаго на Каспійское

море для отысканія устья Аму-Дарыи, а во вторыхъ, о прі-
исканіи средстъ въ склоненію кавказскихъ народовъ на
нашу сторону, согласно съ письмомъ князя Черкасского по
сему предмету.

Въ письмѣ этомъ, выставляя независимое положеніе пле-
менъ, обитающихъ по Кубани и Тереку, и воинственный
ихъ характеръ, а также намѣреніе Турецкаго султана при-
влечь ихъ на свою сторону, — князь Черкасскій предпола-
гаетъ предупредить въ этомъ дѣлѣ Турецкое правительство.
Въ случаѣ успѣха предвидѣть большое вліяніе на Персію,—
уничтоженіе процковъ Турціи и обеспеченіе собственныхъ
границъ.

Изъ дѣла не видно: какія были приняты мѣры вслѣдствіе
такого письма князя Черкасского о привлечениіи кавказскихъ
горскихъ племенъ на нашу сторону.

По личномъ объясненіи императора съ княземъ Черка-
скимъ, данъ былъ 14-го февраля 1716 года въ г. Либавѣ
правительствующему сенату указъ объ отправленіи князя
Черкасского на Каспійское море и далѣе посломъ къ хивин-
скому хану; «къ хану-же бухарскому и монголу индѣйскому
велѣно было послать купца.»

Въ то-же время государь императоръ изволилъ собствен-
коручно начертать инструкцію князю Черкасскому. Сущность
этой столь извѣстной инструкціи заключается: 1) въ устрой-
ствѣ крѣпости на 1,000 чел. на Каспійскомъ морѣ, при преж-
немъ устьѣ Аму-Дарыи; 2) въ изслѣдованіи прежняго русла
этой рѣки; 3) въ устройствѣ крѣпости у плотины, обратившей
воды Аму-Дарыи въ Аральское море; 4) въ склоненіи хивин-
скаго хана къ подданству; 5) въ назначеніи къ нему отряда
русской гвардіи, если-бы онъ того пожелалъ; 6) въ розысканіи
золота у г. Иркети; 7) въ отправленіи по Аму-Дарѣ въ Бу-
хару и далѣе въ Индію посла; 8) въ склоненіи бухарскаго
хана на сторону Россіи; и затѣмъ 9, 10, 11 и 12-й пункты
заключаютъ въ себѣ распоряженія, вносящія нѣсколько

пам'нившіяся относительно состава отряда и вообще спаряженія экспедиції.

Вслѣдствіе распоряженія сепата, а также по особымъ требованиемъ князя Черкасскаго, было дано въ его распоряженіе:

Три полка, каждый въ 1200 чел.	3600	чел.	
Драгунъ	659		
Яицкихъ казаковъ	1500		
Гребенскихъ казаковъ	500		
Артиллеристовъ	43		
Инженеровъ	4		
		Итого	
		6240	чел.

Сверхъ того разныхъ лицъ, какъ-то: нѣсколько дворянъ Астраханской губерніи, купцовъ, вожатыхъ, переводчиковъ и ироch. около 110 чел.

Всего 6350 человѣкъ, не считая офицеровъ и нижнихъ чиновъ морскаго вѣдомства.

Этотъ общій итогъ выведенъ на основаніи свѣдѣнія, доставленного княземъ Черкасскимъ астраханскому оберъ-команданту, по случаю требованія провіанта на наличное число людей.

При отрядахъ находились 6 медныхъ и 9 чугунныхъ орудій.

Инженернаго инструмента отпущенено: 1638 лопатъ, 1500 заступовъ, 650 кирокъ и 500 топоровъ.

Каждому солдату велѣно было дать: по одной шубѣ, рыбы по $\frac{1}{3}$ пуду и вина и уксусу по ведру. Казакамъ и драгунамъ вьючныхъ лошадей, на каждыхъ двухъ человѣкъ по одной, и кромѣ того, было куплено 200 верблюдовъ.

Для перевозки отряда къ берегамъ Каспійскаго моря, велѣно было дать всѣ готовыя суда, имѣвшіяся на лицо въ Астрахани, Казани и вообще въ низовыхъ городахъ рѣки

Волги, а также построить новые, согласно съ требованіемъ Черкасскаго, которому однокожъ вмѣнено было въ обязанность ограничиться самою необходимую постройкою новыхъ судовъ, дабы не вводить казну въ излишнія издержки и не замедлить отправленіемъ экспедиціи; для чего онъ и долженъ былъ обращать готовыя суда два или три раза, для перевозки войскъ и продовольствія.

Изъ доставленной выписки астраханскимъ оберъ-комендантомъ видно, что было приготовлено для экспедиціи 1716 и 1717 годовъ — 147 судовъ разной величины и названий; но въ сей выпискѣ не упомянуто: включены ли въ это число суда, находившіяся въ распоряженіи князя Черкасскаго въ 1715 году, или сказанное число показываетъ только суда, вновь приготовленныя для экспедиціи, вслѣдствіе указа 1716 года.

Для экспедиціи 1716 и 1717 годовъ истрачено 183,157 руб., а съ издержками 1714 и 1715 годовъ — всѣ расходы простираются до 218,095 руб.

Изъ донесенія астраханскаго оберъ-коменданта видно, что князь Черкасскій отиравился въ третій разъ на Каспійское море, 20-го сентября 1716 года; но о построеніи крѣпостей на восточномъ берегу этого моря, о времени его возвращенія въ Астрахань, о выступленіи въ Хиву и о печальной развязкѣ экспедиціи — никакихъ офиціальныхъ донесеній въ найденномъ дѣлѣ не находится. Только одни показанія спасшихся лицъ заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія о совершенныхъ предпріятіяхъ въ 1716 и 1717 годахъ. Показанія эти состоять въ слѣдующемъ:

Выступивъ 20-го сентября 1716 года изъ Астрахани¹⁾, князь Черкасскій прибыль 9-го октября въ Тюкъ-Караганъ,

¹⁾ Въ дѣлѣ не упоминается, на сколькихъ судахъ и какія именно бывши войска; только видно изъ дальнѣйшихъ показаній, что уральские и гребенскіе казаки не участвовали въ этой поїздкѣ.

гдѣ высадилъ войска на песчаную косу, не имѣвшую ни удобной земли, ни свѣжей воды, ни лѣсу. Не смотря на эти невыгоды, онъ заложилъ тамъ крѣость, названную впослѣдствіи крѣостью св. Петра, въ которой оставилъ полковника Хрущова полкъ.

Изъ Тюкъ-Карагана князь Черкасскій отправилъ флота поручика Кожина въ Астрабадъ, куда онъ долженъ былъ отвезти флота-же подпоручика Давыдова, назначенаго посломъ къ бухарскому хану. Почти въ то-же время князь Черкасскій послалъ Туркменца ходжу Нефеса, бывшаго впослѣдствіи вожатымъ при отрядѣ, и съ нимъ двухъ Астраханцевъ дворянца Званскаго и Николая Федорова, для осмотра прежняго русла Аму-Дарьи и плотины, обратившей воды этой рѣки въ Аральское море.

Сдѣлавъ эти распоряженія, князь Черкасскій отправился 23-го октября, съ оставшимися при немъ войсками къ Краснымъ водамъ, куда прибылъ 3-го Ноября и заложилъ крѣость, построеніе которой поручилъ полковнику Фандербидену съ двумя полками.

На Красныхъ водахъ возвратились къ князю Черкаскому: поручикъ Кожинъ, донесшій ему, что подпоручика Давыдова не впустили въ Астрабадъ, по случаю бывшаго тогда бунта въ Персіи; что касается до ходжа Нефеса съ посланными при немъ Астраханцами, то сіи послѣдніе объявили, что ходжа Нефесь, по прибытіи на уроцище, находящееся въ двухъ верстахъ отъ Аму-Дарьи, привелъ ихъ на земляной валъ вышиною въ $1\frac{1}{2}$ аршина, шириной въ 3 сажени и длиною верстъ въ пять, устроенный Хивинцами для обращенія будто-бы водъ Аму-Дарьи въ Аральское море. Пройхавъ по этому валу и еще степью верстъ около 20, они прибыли къ прежнему руслу Аму-Дарьи, по которому бѣхали три дни до другаго уроцища. На обояхъ берегахъ того русла они видѣли развалины прежнихъ жилищъ и слѣды проведенныхъ къ нимъ канавъ. Отъ уроцища Ата-Ибрагима, опасаясь по-

гопи Хивинцевъ, ходжа-Нефесъ не повель ихъ по руслу до моря, но поѣхалъ прямо на Красныя воды.

Желая имѣть достовѣрныя свѣдѣнія о существованіи этого русла, князь Черкасскій приказалъ астраханскому дворянину Тарасовскому осмотрѣть съ Туркменами означенное русло отъ Каспійскаго моря до уроцища Ата-Ибраима, но Туркмены отказались указать дорогу.

Въ заключеніе Астраханецъ Николай Федоровъ присоѣдѣнилъ, что при возвращеніи своемъ изъ плѣна въ Астрахань, лѣтъ тридцать тому назадъ, онъ видѣлъ прежнее русло Аму-Дарьи, которое въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ перебѣжалъ, — было шириной сажень съ 50.

Отъ Красныхъ водъ князь Черкасскій отправился 17-го декабря сухимъ путемъ, черезъ Тюкъ-Караганъ, въ Астрахань, куда прибылъ 20-го февраля 1717 года. Конвой его состоялъ изъ 100 человѣкъ солдатъ и 60 человѣкъ Туркменъ.

По возвращеніи въ Астрахань, онъ приступилъ къ окончательнымъ распоряженіямъ къ походу и получилъ въ то-же время свѣдѣніе отъ посланныхъ имъ въ Хиву Астраханцевъ — Ивана Воронина и Алексѣя Святаго — о непріязненныхъ намѣреніяхъ хивинскаго хана Ширгазы, который, и по увѣдомленію калмыцкаго хана Аюки, приказалъ своимъ подвластнымъ быть въ готовности къ походу.

Въ концѣ апрѣля или началѣ маѣ 1717 года князь Черкасскій отправилъ изъ Астрахани сухимъ путемъ въ Гурьевъ городокъ 1500 уральскихъ и 1500 гребенскихъ казаковъ, при коихъ находились и лошади драгуновъ. Отрядъ этотъ присоединился къ казакамъ и князь Черкасскій съ 500 драгунъ, приѣхавъ изъ Астрахани моремъ.

Тотчасъ, по прибытии въ Гурьевъ, князь Черкасскій поѣхалъ за партіею Каракалпаковъ, отбившихъ у нашихъ казаковъ табунъ лошадей и захватившихъ до 60 человѣкъ въ плѣнъ. Погоня эта увѣнчалась успѣхомъ: табунъ и плѣн-

ные были отбиты и кромъ того взято у непріятеля нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ.

Послѣ сего войска, собранныя у Гурьева-городка, провели четыре недѣли въ приготовлешіяхъ къ походу, а около 20-го іюня выступили въ степь ¹⁾). Подробный составъ отряда, при коемъ находилось 7 орудій, неизвѣстенъ: но числительность онаго простиравася до 3000 человѣкъ.

О колесномъ обозѣ не упомянуто; лошадей-же, по приблизительному исчислению; было около 6000.

Главнымъ вожатымъ былъ калмыкъ Мангланъ-Кагикъ, данный Аюкой-ханомъ, и при немъ 10 человѣкъ его единоземцевъ ²⁾.

Путь слѣдованія отряда обозначаецъ слѣдующимъ образомъ:

Огъ Гурьева-городкашли малою новою дорогою до рѣки Эмбы, оставивъ большую дорогу въ лѣвой сторонѣ на одинъ переходъ. Измѣненіе это сдѣлано собственно въ томъ вниманіи, что по новому направленію находилось болѣе воды и корма для лошадей. По переправѣ черезъ рѣку Эмбу, шли вверхъ по ней до урочища Богачаша, а потомъ по большой караванной дорогѣ до озеръ, образуемыхъ рѣкою Аму-Дарьей, верстахъ въ 250 отъ Хивы.

Всего отрядъ находился въ движениіи около 8 недѣль и, прибывъ 15-го авгуаста къ озерамъ, обнесъ въ тотъ-же день лагерь валомъ со рвомъ.

Отдѣлившіеся отъ отряда 30 человѣкъ казаковъ для ловли рыбы были немедленно схвачены Хивинцами.

¹⁾ Съ княземъ Черкасскимъ отправился въ походъ и хивинскій посланикъ, купецъ Ширимъ Узбековъ, пріѣзжавшій въ Астрахань въ 1716 году, для продажи ханскихъ товаровъ.

²⁾ Кроме того при отрядѣ находилось 70 юртовскихъ татаръ; при самомъ-же князѣ Черкасскомъ состояли: два его брата съ 20 узденями, князь Замановъ, астраханскій дворянинъ Керейтовъ, еще 20 астраханскихъ дворянъ и 13 астраханскихъ купцовъ.

Во время слѣдованія отряда по степи произошли между прочимъ слѣдующія обстоятельства:

1) У колодца Чирдана, на половинѣ пути, вожатый Манглай-Кагикъ, съ двумя одноземцами, тайно ушелъ изъ отряда. Впослѣдствіи открылось, что онъ съ 4 человѣками отправился окольными дорогами въ Хиву, для предупрежденія хана о слѣдованіи Русскихъ, а остальные 6 человѣкъ возвратились къ Аюбѣ-хану.

2) Съ привала у колодца Яргызу, отстоявшаго въ 300 верстахъ отъ колодца Чирдана, князь Черкасскій отправилъ дворянина Керейтова, съ 100 человѣками казаковъ, въ Хиву для извѣщенія хана, что онъ идетъ посломъ отъ россійскаго императора.

3) У колодца Яргызу было оставлено до 1000 человѣкъ казаковъ съ усталыми лошадьми, а на половинѣ дороги бросили много провіанта, взятаго на полгода, по случаю падежа значительного числа выночныхъ лошадей.

4) Во время пребыванія отряда на уроцищѣ Акуль-рѣкѣ,¹⁾ гдѣ выжидали присоединенія оставленныхъ у Яргызу казаковъ, — за конми были посланы верблюды, — прибыли къ князю Черкасскому: два посланныхъ отъ хивинскаго хана и одинъ отъ Керейтова. Посланые привезли ему отъ имени хана: лошадь, бархатный кафтанъ и другіе подарки. Вѣроятно не желая выказать малочисленность отряда, князь Черкасскій принялъ посланныхъ отъ хана, по присоединеніи казаковъ, оставленныхъ на Яргызу.

Изъ показаній видно, что Керейтову былъ сдѣланъ ханомъ благосклонный пріемъ; но когда прибылъ въ Хиву вожатый Манглай-Кагикъ, то Керейтова и находившихся при

¹⁾ Судя по числу переходовъ, сдѣланныхъ отъ этого уроцища до озеръ, образуемыхъ Аму-Дарьей, должно полагать, что оно находится верстахъ въ 120 отъ Аму-Дарьи.

немъ людей тотчасъ-же посадили подъ арестъ, причемъ ханъ сталъ набирать войско.

О численности противопоставленныхъ силъ отряду Черкасского показания весьма разнствуютъ; однако можно предполагать, что Ширгазы-ханъ имѣлъ въ сборѣ до 15,000 человѣкъ, но безъ артиллеріи.

Съ этимъ войскомъ ханъ атаковалъ отрядъ князя Черкасского, 16-го августа, но вынужденный послѣ трехдневнаго боя отступить отъ лагеря безъ всяаго успѣха, прислалъ для переговоровъ двухъ приближенныхъ лицъ, Кулумбая и Назыръ-ходжу, съ увѣренiemъ, что войска атаковали Русскихъ безъ его приказанія, и что если князь Черкасскій пришелъ посломъ, а не съ непріязненою цѣлію, то онъ просить его явиться къ нему въ лагерь. Въ знакъ-же искренности обѣщанія, что отряду не будетъ сдѣлано никакого вреда, присланніе цѣловали коранъ въ присутствіи всѣхъ.

Колумбай и Назыръ-ходжа были назначены для переговоровъ, по указанию самого князя Черкасского, который объявилъ хану черезъ астраханскихъ юртовскихъ Татаръ, Измайл-Мурзу и Куз-Була, что онъ только съ ними вступить въ переговоры. Ширгазы изъявилъ на это согласіе, и въ удостовѣреніе того, что Хивинцы напали на лагерь Русскихъ безъ его приказанія, наказалъ двухъ изъ нихъ, въ присутствіи нашихъ посланныхъ, приказавъ прорезнуть одному черезъ ноздри, а другому — черезъ ухо тонкія вевеки и водить ихъ на показъ передъ лагеремъ.

Довѣрясь вѣроломнымъ обѣщаніямъ Хивинцевъ, князь Черкасскій, вмѣстѣ съ княземъ Замановымъ, отправился, подъ прикрытиемъ 700 человѣкъ драгунъ и казаковъ къ хану Ширгазы, поручивъ начальство надъ оставшимся войсками маюру Франкебергу.

Лишь только князь Черкасскій прибылъ въ непріятельскій лагерь, гдѣ ему было приготовленъ шатеръ, разстояніемъ въ 250 саженяхъ отъ хансаго, какъ Хивинцы расположились такимъ образомъ, чтобы онъ не могъ болѣе

соединиться съ войсками, оставшимися подъ начальствомъ маюра Франкеберга.

Ширгазы, не принявъ князя Черкасского, сдѣлалъ переходъ въ 10 верстъ, по направлению къ Хивѣ, и только на другой день пригласилъ его къ себѣ, вмѣстѣ съ княземъ Замановымъ. Свиданіе ихъ продолжалось нѣсколько часовъ, впродолженіи которыхъ были представлены хану грамота и подарки. Подарки эти въ тотъ-же день были возвращены ханомъ, который велѣлъ сказать, что въ грамотѣ всѣ вещи показаны цѣлыми, а поднесенные ему разорваны на куски, каждый въ пять аршинъ. Князь Черкасскій сильно сѣтовалъ за подобный безпорядокъ на князя Заманова, завѣдавшаго подарками; на что сей послѣдній отвѣчалъ, что онъ допустилъ такую экономію, дабы имѣть средства къ возвращенію на Ураль¹⁾.

Слѣдующіе два дня послѣ свиданія князя Черкасского съ Ширгазы, хивинское войско находилось въ движеніи, по направлению къ Хивѣ и остановилось у рѣчки Порсу Сунгуль.

Князь Черкасскій, съ своимъ прикрытиемъ, слѣдовалъ среди Хивинцевъ. Хотя маюръ Франкебергъ расположился отъ непріятельскаго лагеря только въ двухъ верстахъ, но Хивинцы строго наблюдали, чтобы вѣренный ему отрядъ никакимъ образомъ не соединился съ прикрытиемъ князя Черкасского.

На другой день, по прибытии на р. Порсу-Сунгуль, хивинскій ханъ объявилъ чрезъ своихъ приближенныхъ, что такъ какъ онъ своего отряда въ одномъ мѣстѣ продовольствовать не можетъ, то предлагается раздѣлить его на

¹⁾ Изложенное здѣсь о подаркахъ основано на показаніяхъ нѣсколькихъ лицъ. Уральскій-же казакъ, Татаринъ Уразметъ Ахметьевъ, находившійся въ числѣ 700 членъ, взятыхъ княземъ Черкасскимъ при отправлении въ хивинскій лагерь, показываетъ, что хивинскій ханъ возвратилъ только подарки, поднесенные ему отъ имени князя Черкасского, подарки же, представленные отъ государя, принялъ.

пять частей, которые и поставить по квартирамъ въ пяти городахъ.

Князь Черкасскій довѣрился этому вѣроломному предложенію и, удержавъ при себѣ 200 чел., остальныхъ, находившихся при немъ драгунъ и казаковъ, раздѣлилъ на 4 части. Въ то-же время онъ послалъ приказаніе черезъ дворянина Званскаго и маюру Франкебергу о раздѣленіи вѣреннаго ему отряда на 5 частей. Не довѣряя словамъ Званскаго, маюръ Франкебергъ отправился самъ къ князю Черкасскому, чтобы лично удостовѣриться въ дѣйствительности приказанія. Къ сожалѣнію князь Черкасскій подтвердилъ слова Званскаго и раздѣленіе отряда на части было сигналомъ къ его истребленію. Части, составлявшія отрядъ маюра Франкеберга, были уничтожены спустя нѣсколько часовъ по ихъ раздѣленіи, когда ихъ едва только успѣли отвести на нѣсколько verstъ отъ лагернаго мѣста, по разнымъ направленіямъ. Части- же, составлявшія прикрытие князя Черкасскаго, были уничтожены на другой день. На каждого изъ Русскихъ нападало не менѣе трехъ Хивинцевъ, которые защищавшихся рубили, а не оказывавшихъ сопротивленія вязали.

Едва князь Черкасскій былъ лишенъ защитниковъ, ханъ Ширгазы тотчасъ-же приказалъ казнить: сперва дворянина Экономова, а наконецъ и самаго князя Черкасскаго, упрекавшаго хана въ вѣроломствѣ. Первымъ двумъ отрубили просто головы, а князя Черкасскаго раздѣли прежде до пага, а потомъ отрубили голову, причемъ распороли и животъ. Отрубленныя у этихъ трехъ жертвъ головы были отосланы въ Хиву, и повѣшаны у Аидарскихъ воротъ на висѣлицѣ.

Въ числѣ лицъ, съ коихъ сняты были показанія, только двое было Русскихъ, а остальные—Татары. Изъ показаній сихъ послѣднихъ видно:

- 1) что братья князя Черкасскаго были отпущены хивинскимъ ханомъ невредимыми.
- 2) что почти всѣ магометане, находившіеся при отрядѣ

и обреченные уже на казнь, были прощены по ходатайству старшаго духовнаго лица въ Хивѣ; и

3) что спасшіеся Татары встрѣчали въ Хивѣ и на дорогѣ только однихъ молодыхъ солдатъ, коихъ вели связанными. Это послѣднее обстоятельство даетъ поводъ заключить, что всѣ офицеры и дворяне, а также старые солдаты, оказавши сопротивленіе, погибли подъ ударами Хивинцевъ.

По полученіи извѣстія о гибели отряда князя Черкасскаго, всѣльно было крѣпость Св. Петра, т. е. построенную въ Тюкъ-Караганѣ, удерживать до послѣдней крайности. Въ этой крѣпости находилось 11 пушекъ: 3 мѣдния, 8 чугунныхъ, а гарнизонъ ея, въ концѣ ноября 1717 года, состоялъ изъ 597 чел. Для полученія воды рѣли черезъ каждые три дня новые колодцы, а старые засыпали, потому что вода въ нихъ дѣлалась негодною къ употребленію.

Что касается до Красноводской крѣпости, то извѣстно только одно, что хивинскій ханъ, недовольствуясь истреблениемъ отряда князя Черкасскаго, подстрекалъ Туркменъ атаковать эту крѣпость. Ограничившись сначала въ августѣ мѣсяца нападеніемъ на команду, высланную за дровами,— причемъ были взяты въ пленъ 20 чел.—, Туркмены впослѣдствіи, въ сентябрѣ, подступили къ самой крѣпости съ моря и съ сухаго пути, и ворвались въ нее. Хотя они были оттуда вытѣснены, однако на мѣстномъ военномъ совѣтѣ было решено оставить крѣпость, изъ которой гарнизонъ, (численность его неизвѣстна), и отправился 3-го октября 1717 года на 13-ти судахъ подъ начальствомъ полковника Фандербидена. По выходѣ въ море, эскадра эта претерпѣла сильную бурю, разогнавшую всѣ суда, изъ коихъ одна буса погибла, но люди большою частю спасены. Изъ этихъ судовъ: три бусы съ 400 чел. зимовали въ низовой; шѣсъко-офicerовъ и солдатъ, находившихся на двухъ бусахъ, разбитыхъ у устья р. Куры, зимовали на уроцішѣ Бермакъ; полковника Фандербидена, съ 5-ю судами, отбросило

въ Баку, и наконецъ около Гилянъ разбило одну шняву и одну бусу.

Астраханскій оберъ-коменданть, бывъ увѣдомленъ о гибельномъ положеніи гарнизона, оставилъ Красноводскую крѣпость, сдѣлалъ распоряженіе о доставленіи ему продовольствія и судовъ къ переѣзду въ Астрахань. Сколько-же изъ этихъ несчастныхъ возвратилось въ отечество, о томъ въ дѣлѣ свѣдѣнія не находится.

Независимо отъ предметовъ, относящихся собственно до экспедиціи князя Черкасскаго, въ найденномъ дѣлѣ заключаются также слѣдующія свѣдѣнія:

1) Показаніе, снятное съ пѣкоего Андрея Семенова, находившагося при купцѣ Малниковѣ, которыйѣ ъздилъ, въ концѣ XVII столѣтія въ Персию и Индію съ разными товарами, снабженный отъ посольскаго приказа грамотами и подарками къ шаху персидскому и моголу индійскому. Показаніе это не заключаетъ въ себѣ ничего особенно замѣчательнаго, кроме того, что Малниковѣ, употребивъ на поѣздку пять лѣтъ, умеръ на обратномъ пути въ Шемахѣ а всѣ собраныя имъ свѣдѣнія о Персіи и Индіи пропали.

Путь его слѣдованія былъ слѣдующій: изъ Астрахани моремъ къ Низовой пристани; оттуда сухимъ путемъ чрезъ Шемаху въ Испагань и Бендеръ-Абасъ; изъ этого послѣдняго водою въ Бендеръ-Суротъ, а оттуда въ Бурайпуръ, гдѣ расположено было въ лагерѣ около 60,000 чел. подъ предводительствомъ могола индійскаго. Изъ Бурайпура Маликовъ отправился въ Агру, (Акъ-Паработъ тоже), а оттуда въ Шаму-Набомъ или Дили. Изъ этого города онъѣздили въ деревню Хуржи. Закупивъ тамъ разные товары, возвратился опять въ Агру, откуда чрезъ Бендеръ-Сурать отправился тѣмъ-же путемъ въ Шемаху, гдѣ умеръ.

Моголь индійскій, имѣвшій, по словамъ Андрея Семенова, около 100 лѣтъ, взамѣнъ привезенныхъ ему подарковъ, послалъ съ Малиновымъ небольшаго слона. Былъ доставленъ этотъ слонъ въ Россію, изъ дѣла не видно.

Купецъ Малиновъ несколько разъ былъ приглашаемъ для объясненія съ шахомъ персидскимъ и моголомъ индійскимъ.

2) Распоряженіе объ отправленіи подполковника Волынского, назначенаго посломъ въ Персію, изъ Астраханіи къ западнымъ берегамъ Каспійскаго моря безъ задержанія, не взирая на большую потребность судовъ для экспедиціи князя Черкасского.

3) Указъ Петра I отъ 10-го мая 1716 года о ласковомъ пріемѣ бухарскаго посла, удержаніи его до возращенія государя поз-за границы и сообщеніи князю Черкасскому цѣли, съ которой онъ присланъ, и

4) Донесеніе, въ концѣ 1717 года, правительствующему сенату казанскаго губернатора о намѣреніи кубанскаго хана Баты-Гирея идти на грабежъ къ Саратову и Астраханіи вмѣстѣ съ Кубанцами и жителями Тerek'a. Казанскій губернаторъ предупреждалъ, что если полученное имъ свѣдѣніе о намѣреніи Баты-Гирея окажется справедливымъ, то онъ не отвѣчаетъ за охраненіе вѣренного ему края, въ которомъ, за откомандированіемъ полковъ для экспедиціи князя Черкасского, осталось мало войскъ, въ особенности же въ Астрахани, гдѣ малочисленный гарнизонъ безсмѣнно содержалъ караулы. Изъ дѣла не видно, какія были сдѣланы распоряженія вслѣдствіе такого донесенія.

О КАРАВАННОЙ ДОРОГѢ

изъ Мангышлака въ Хиву.

И. Ф. Бларамбергъ, въ своемъ топографическомъ и статистическомъ описаніи восточнаго берега Каспійскаго моря¹⁾), говоритъ, между прочимъ, о четырехъ караванныхъ дорогахъ отъ восточнаго и съверно-восточнаго береговъ Каспія въ Хиву: — 1) Мангышлакской, 2) Сары - Камышъ - Іольской (отъ Балхансаго залива) 3) Дегели - Іольской (съ полуострова Дарджи) и 4) Орта-Куй-Іольской (отъ южнаго берега Хивинскаго залива). Послѣднимъ тремъ изъ нихъ помѣщены довольно подробные дорожники; о первой - же Мангышлакской — сказано только, что караваны употребляются на слѣдованіе єю 29 дней, что дорога эта безлѣсна, и что черезъ одинъ или два перехода встречаются по ней колодцы съ болѣе или менѣе прѣсною водою. Между-тѣмъ дорога эта имѣетъ въ настоящее время несравненно большее значеніе передъ другими поименованными: єю собственно производятся торговыя спопенія наши съ среднею Азіею черезъ Астрахань, тогда какъ остальные пути имѣютъ пока только личное значеніе для прибрежныхъ Туркменъ, отправляющихся по онымъ въ Хиву, для закупа разныхъ потребностей.

Вотъ тѣ свѣдѣнія о Мангышлакской дорогѣ, которыя я имѣлъ случай получить въ пребываніе мое на Мангышлакскомъ полуостровѣ, лѣтомъ, 1859 г.

¹⁾ Записки Имп. Русск. Геогр. Общ., кн. IV.

1) Отъ Мангышлака до Канга около двухъ дней пути. Водою запасаются въ Мангышлакѣ. Почва земли каменистая. Вправо и влѣво горы средней величины (Канга-Баба), въ горахъ есть лѣсъ и пастбища.

2) Отъ Канга до Баки-Худука 4 дня пути. Воду берутъ на часть дороги въ Канга и затѣмъ достаютъ ее изъ колодцевъ, вырываемыхъ по всему пути, на глубинѣ не болѣе 3 сажень; вода въ нихъ вездѣ хорошихъ качествъ. Почва твердая и холмистая. Травы вообще хорошіе. На всемъ протяженіи растетъ кустарникъ.

3) Отъ Баки-Худука до Буръ-Худука день пути. Дорога ровная и песчаная. Колодцы роются на 5 саженяхъ глубины. Травы хорошія. Съ этого перехода начинается саксауловый кустарникъ, замѣняющій дрова.

4) Отъ Буръ-Худука до Сенгека или до Бишъ-Оглу день пути. Дорога ровная и песчаная. Колодцы роются на глубинѣ 2 или 3 саж. Вода прекрасная. Травы тоже. Саксаулу много.

5) Отъ Сенгека или отъ Бишъ-Оглу до Сай-Худука 2 дня пути. Водою запасаются въ Бишъ-Оглу; большіе караваны берутъ ее сверхъ того изъ колодцевъ по сторонамъ дороги. Почва ровная известковая и мѣстами каменистая. Травы хорошія. Саксаулу достаточно.

6) Отъ Сай-Худука до Каракынъ, или все тоже, до Караг-Худука три дня пути. Водою запасаются въ Сай-Худукѣ. Колодцевъ по дорогѣ нѣть. Почва каменистая. По обѣимъ сторонамъ дороги голыя, каменистые, довольно высокія горы, называемы Каракынъ, видимы еще изъ Бишъ-Оглу. Травы дурныхъ качествъ и въ небольшомъ количествѣ. Саксаулу вовсе нѣть. Вместо дровъ употребляютъ кустарникъ юкишъ и кизякъ. Вода Худука или колодца Каракынского соленаго вкуса и вредна людямъ, но животные ее пьютъ охотно. Поэтому караваны запасаются достаточнымъ для людей количествомъ воды въ Сай-Худукѣ.

По выходѣ изъ Каракына идетъ подъемъ на Кыръ-Дагъ, гору высокую и крутую:

7) Отъ Кыръ-Дага до Эль-Таджа 4 дня пути. Колодцы по сторонамъ дороги, на всемъ переходѣ не ближе какъ верстахъ въ 5, 7 и 10 въ сторону, и некоторые на 20 саж. глубины, но вода хорошая. Почва земли твердая. Мѣстность отсюда вплоть до хивинскихъ границъ идетъ совершенно ровная. Травы хорошихъ качествъ; саксаулъ много.

8) Отъ Эль - Таджа до Табынъ - Худука 4 дня пути. Водою запасаются для людей въ Эль-Таджѣ. Колодцевъ ни на дорогѣ, ни по сторонамъ нѣть. Верблюды и лошади идутъ безъ воды до Табынъ-Худука. Почва земли твердая и мѣстами каменистая. Травы и саксауль находятся по всей дорогѣ. Никто не кочуетъ здѣсь ни зимою, ни лѣтомъ.

9) Отъ Табынъ-Худука до Айбуғыра 4 дня пути. Водою запасаются въ Табынъ-Худукѣ. Колодцевъ также нѣть ни на дорогѣ, ни по сторонамъ. Почва твердая и совершенно ровная, травы и саксауль растутъ вдоль всей дороги. Никто и здѣсь не кочуетъ ни зимою, ни лѣтомъ.

Отъ Айбуғыра караванная дорога идетъ хивинскими владѣніями, сначала кочевьями Туркменъ, потомъ Каракалпаковъ и наконецъ черезъ различные хивинские города. Отъ Айбуғыра путь караванный хороший повсюду.

10) Отъ Айбуғыра до г. Старого-Ургенча 3 дня пути.

11) Отъ Старого-Ургенча до Ташъ-Гауза два дня.

12) Отъ Ташъ-Гауза до Хивы на Шаватъ и Казаватъ 3 дня пути.

Означенные пункты: Баки - Худукъ, Буръ - Худукъ, Сиптекъ и Бишъ - Оглу, Сай - Худукъ, Каракынъ, Эль - Таджъ и Табынъ-Худукъ—обозначаютъ большіе колодцы, у которыхъ, по изобилію воды , караваны останавливаются. Изъ нихъ

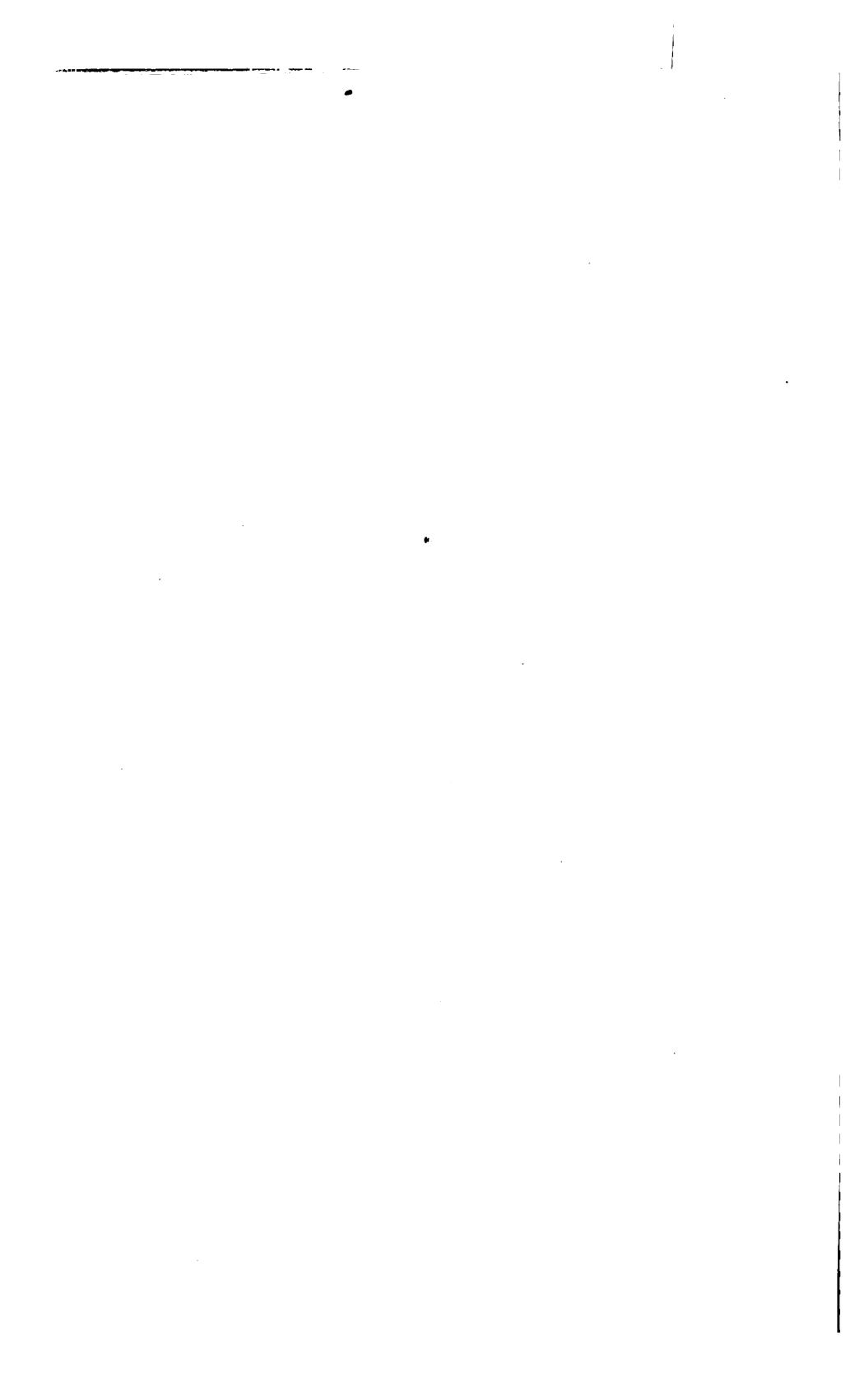
особенно привольны Сенгекъ и Бишъ-Оглу, почему караваны отдыхаютъ тутъ обыкновенно дни по два.

Переходы разсчитаны съ отдыхами.

Дожди по описанному пути согласно показаніямъ возчиковъ, бываютъ иерѣдко, въ особенности же на переходахъ до Буръ-Худука и до Бишъ-Оглу, такъ что дождевая вода замѣняетъ иногда колодезную.

НѢСКОЛЬКО ДОРОЖНИКОВЪ

черезъ наши киргизскія степи въ среднюю Азію и
между Бужарой, Коканомъ, Шекри-Сабзомъ, Чард-
жуемъ, Ташкентомъ и пр.

ОТЪ ОРЕНБУРГА ДО БЫВШАГО ЭМБЕНСКАГО
УКРѢПЛЕНИЯ.

Число верстъ.	
	Отъ Оренбурга по Бердяно-Куралинской линіи до озера Караванного
20	Форпостъ Половинный или Рудниковский (р. Бердянка)
28	Форпостъ Ханский (р. Бердянка)
42	Озеро Караванное (въ долинѣ р. Илека)
	Отъ озера—Караванного до бывшаго Эмбенского укрѣпленія.
33	Озеро въ долинѣ р. Илека
33	Озеро въ долинѣ р. Илека (на правой сторонѣ).
30	Р. Илекъ на лѣвой сторонѣ при устьѣ р. Тангра-Бергени
40	Р. Илекъ (на лѣвой сторонѣ противъ горы Акъ-Тюби)

	Число верстъ.
Р. Илекъ (урочище Бишъ-Тамакъ)	26
Р. Исенбай	34
Р. Тикъ-Темиръ (урочище Бурма)	30
Р. Тикъ-Темиръ	30
Устье рѣчки Кульдененъ-Темиръ (на лѣвой сторонѣ)	32
Озеро Тагалы и Куйгунъ-куль (на плоской возвышенности между рѣкъ Темира и Эмбы)	22
Р. Умба (около могиль Беть-ходжа)	27
	Съ правой стороны въ этомъ мѣстѣ въ р. Илекъ впадаетъ р. Якши - Каргала, обильная своими лугами и доставляющая хорошія зимовыя мѣста для Киргизъ изъ средней части Орды.
	Мѣсто весьма удобное для дневки.
	Уроцище Бишъ-Тамакъ носитъ название отъ соединенія пяти рѣчекъ: Тамбы, Исенъ-Батаръ, Таванталь, Чили и Сенбая, а по изобилию своему въ трапажъ и удобству зимовокъ извѣстно почти всей Малой Ордѣ.
	На этомъ переходѣ встрѣчаются четыре рѣчки: Батнакты, Стокъ-Су, Талбы и Янгизъ-Алагъ.
	Переходъ чрезъ водораздѣль рр. Илека и Тикъ-Темира.
	На переходѣ встрѣчается р. Чили.
	На этомъ переходѣ переправы: чрезъ р. Тулганай, па которой былъ осмотрѣнъ пунктъ для укрѣпленія полковникомъ Бларамбергомъ въ 1846 году, и при самомъ ночлегѣ чрезъ р. Кульдененъ-Темиръ.
	Въ 1846 году бывшимъ корпуснымъ командиромъ генераломъ Обручевымъ, предполагалось вы-

	Число верстъ.	
Бывшее укр. Эмбенское (р. Аты- Джасы).	23	строить на этомъ мѣстѣ укрѣпле- ніе. Обозрѣніе пункта было возло- женено на полковника Бларамберга.
Всѣхъ переходовъ 13, а верстъ	452	Переправа чрезъ р. Эмбу. Укрѣпленіе Эмбенское было воз- ведено въ 1839 году полковникомъ Жемчужниковымъ.

ОТЪ БЫВШАГО ЭМБЕНСКАГО УКРЫШЕНИЯ, ЗАПАДНЫМЪ
БЕРЕГОМЪ¹⁾ АРАЛЬСКАГО МОРЯ, ДО Г. ХИВЫ.

НАЗВАНИЕ НОЧЛЕГОВЪ.	Число верстъ.	ПРИМѢЧАНІЯ.
Отъ бывшаго укр. Эмбенского до р. Аты-Джаксы (на правой сторонѣ при устьѣ Кокжеты).	22	Переправа въ бродъ черезъ рѣчу Аты-Джаксы въ двухъ мѣстахъ послѣднее у самаго ночлега. Кормъ плохой.
Родникъ Джанды (на правой сто- ронѣ)	31	
Род. у горы Намазъ Тау	23	{ Корму очень мало.
Родн. пройдя гору Карабе Тау.	36	
Род. Чеганъ (на правомъ берегу противъ горы Ходжа-Бергенъ)	28	{ Кормъ прядочный; р. Чеганъ течеть плесами.
Р. Чеганъ	26	
Родн. Ачутасты (на Усть-Уртѣ)	26	При выступлениі съ ночлега пе- ренесли чрезъ р. Чеганъ; далѣе подъемъ изъ Усть-Уртѣ, удобный для телъгъ.
Копани Соръ-Кудукъ (Куль Ку- дукъ)	40	Воды достаточно, корму мало.
Уроч. Тюбя Кудукъ	39	{ Воды въ прѣсныхъ коп. до- статочно, кормъ прядочный.
Пески Исенъ-Чагыль	15	

¹⁾ О пути вдоль восточнаго берега имются следующія свѣдѣнія:
Отъ Кося-Арала до устья Кувшина—2 дня ѣзды. Воды на протяженіи пути нѣтъ.
• • • • • до залива Учъ-Уткуль—1 день ѻзды. Вода горькая.
• • • • • Кунай тоже { Вода въ копаняхъ.
• • • • • Бусай тоже
• • • • • колодецъ Биктау тоже
• • • • • залива Акъ-Сага—1 день, при скорой ѻзѣ.
Отсюда до г. Кинчака 6 дней ходу.

НАЗВАНИЕ НОЧЛЕГОВЪ.	Число верстъ.	ПРИМЪЧАНІЯ.
Уроч. Каска-Джуль (на берегу Аральского моря)	36	Копани впизу подъ Усть-Уртомъ, спускъ къ нимъ удобенъ. Переходъ этотъ необходимо сдѣлать съ приваломъ на половинѣ разстоянія, и для этого, если можно запастись водою на ур. Каска-Джуль.
Родн Акты-Кенды-Ауліе	38	Спускъ съ Усть-Урта къ род. Акты-Кенды не очень затруднителенъ. Корму почти нѣтъ.
Родн Акъ-Булақъ	35	Здѣсь два удобные спуска въ родникъ, корму нѣтъ.
Развалины Давлетъ Гирея	42	Спускъ къ водѣ довольно круты: на самомъ берегу подъ Усть-Уртомъ мѣстами пѣтается кормъ Толилива по всему Усть-Урту довольно.
Родникъ-Каска	50	Спускъ къ роднику удобенъ. Корму очень мало. На половинѣ разстоянія необходимо сдѣлать привалъ.
Уроч. Аджибай Аксуатъ	40	Спускъ къ заливу Ар. моря удобенъ, вода въ немъ прѣсная. Корму нѣтъ.
Уроч. Кара-Гумбетъ	34	Здѣсь удобный спускъ съ Усть-Урта Вода въ озерѣ Ай-Бугирскомъ прѣсная, корму мало.
Ночлегъ на берегу озера Ай-Бугирского	31	Корму нѣтъ.
Тоже	28	Тоже.
Тоже	28	{ Тоже.
Ночлегъ на берегу залива Акъ-Чеганакъ	24	

НАЗВАНИЕ НОЧЛЕГОВЪ.	Число верстъ.	ПРИМЪЧАНІЯ.
Ночлегъ на берегу озера Ай-Бугирскаго	28	На 26 верстъ удобный спускъ Ай-Бугиръ.
Бывшее укр. Кызъ-Кала	38	Вода проводится изъ канавъ, соединяющихъ укр. съ озер. Ай-Бугирскимъ. Корму. иѣть.
Городъ Куна-Ургенчъ	28	
Ханскій домъ Чербакъ	38	Въ 4 верстахъ отъ г. Куна-Ургенча переправа въ бродъ чрезъ протокъ Саркракукъ.
Городъ Ильали (Джеланди).	30	
Городъ Ташаусъ	28	
Городъ Амбаръ	19	
Городъ Шахъ-Абатъ	14	
Городъ Хива	29	
Всѣхъ переходовъ 30, а верстъ	1393	

ОТЪ БУХАРЫ ДО КОКАНА, ЧАРДЖУЯ, ШЕХРИ-СЯБЗА,
ГИССАРА, ДЖИЗАХА И ТАШКЕНТА.

Къ показанию пленнаго Суворова.

Н А З В А Н И Е Н О Ч Л Е Г О ВЪ.	Число верстъ.	О С О В Ы Я П Р И М ъ Ч А Н И Я .
Селеніе Сары-Шуль	18	На рѣкѣ Заръавшанѣ. дорога ровная.
— Арабъ-Хане	45	
— Джусъ-Хане	35	
— Зеяддинъ	40	
Городокъ Катта-Курганъ	32	
Селеніе Дабедъ	28	
Урочище Сасыкъ-Булакъ	32	Вода здѣсь изъ ключей, мѣсто гористое и здѣсь кочуютъ Киргизы.
Городокъ Янги-Курганъ (Сайбы)	32	
Городокъ Джизахъ	32	
— Пишагаръ	36	
Коканскій городъ Заминъ	24	{ Вода изъ ключей.
Раззоренный Караванъ-Сарай Саватъ.	32	
Крѣпость Ура-Тюпе	40	
Итого верстъ	426	
Переходовъ	13	

НАЗВАНИЕ НОЧЛЕГОВЪ.	Число верстъ.	ОСОБЫЙ ПРИМѢЧАНІЯ.
Селеніе Читтарыкъ	36	Вода изъ ключей.
Селеніе Акъ-Су	32	На рѣкѣ того-же имени, впадающей въ Сыръ.
Рѣка Сыръ	24	
Караулка Танги, въ ущельи между горами и р. Сыромъ	24	Весь переходъ идетъ по р. Сыру.
Г. Ходжандъ	20	Переправа въ бродъ черезъ небольшую рѣчку.
Итого верстъ	136	
Переходовъ	5	
Селеніе Каракъ-Чикумъ	32	Не въ далекъ отъ р. Сыра.
Городъ Мегремъ	28	На небольшой рѣкѣ.
Городокъ Коны-Бодомъ	36	Вода изъ ручья.
— Бишъ-Арыкъ	28	Тоже.
Г. Коканъ	20	
Итого верстъ	144	
Переходовъ	5	
А всего верстъ	706	
Переходовъ	23	
Отъ Бухары до Чарджуя.		
Селеніе Шарь-Исламъ	24	Дорога ровная, вода изъ Заръавшанской канавы.
Городокъ Каракуль	82	На рукавѣ Заръавшана.

НАЗВАНИЕ НОЧЛЕГОВЪ.	Число верстъ.	ОСНОВНЫЙ ПРИМѢЧАНІЯ.
Колодецъ въ пескахъ Кызылъ-Кумъ	36	
Селеніе Дангизъ на окраинѣ песковъ	28	Вода изъ канавы, проведенной изъ Аму.
Р. Аму противъ Чарджуя	32	
Итого верстъ	152	
Переходовъ	6	
Отъ Бухары до Шехри-Сабза.		
Уроч. Читтарыкъ близь селенія. Зераватъ-Маалля	16	Дорога ровная, — вода изъ Зарьавшанской канавы; на переходѣ встречаются черезъ канавы три мостика и одинъ въ Читтарыкѣ.
Сарай-Караулъ	24	Дорога идеть по пескамъ и черезъ небольшія кремнистые горы; вода изъ 5-ти колодцевъ — горькая.
Городокъ Ходжа-Муоракъ	48	Дорога ровная, городокъ стоитъ на канавѣ, проведенной изъ той рѣки, которая идеть черезъ Карши и Шехри-Сябзъ.
Селеніе Косонъ	24	Дорога ровная, селеніе стоитъ на вершинѣ той канавы, которая идеть черезъ Ходжа Муоракъ.
Городъ Карши	32	На Ш.-Сябзской рѣкѣ, имѣющей здѣсь до 25 саж. ширины — вода хорошая.
Гора Кара-Кунуръ	8	Вода проведена изъ Ш.-Сябзской рѣки.

НАЗВАНИЕ НОЧЛЕГОВЪ.	Число верстъ.	ОСНОВНЫЙ ПРИМѢЧАНІЯ.
Урочище Кара-Тепа	40	Здѣсь кочуютъ Киргизы, вода изъ канавы, проведенной изъ Ш.-Сябзской рѣки.
Городокъ Чираеки	32	По дорогѣ встречаются небольшіе овраги; городъ стоитъ на правой сторонѣ Ш.-Сябзской рѣки.
Г. Шехри-Сябзъ	24	На половинѣ перехода переправа въ бродъ черезъ Ш.-Сябзскую рѣку, по грудь лошади.
Итого верстъ	248	
Переходовъ	9	
Отъ Шехри-Сябза до Гиссара.		
Яль-Кобакъ городокъ	24	Дорога ровная, — вода изъ горной рѣки.
Городокъ Гузарь	32	На ключахъ, — дорога ровная.
Узбекское селеніе Дейнау . .	40	Дорога ровная, на ключѣ, вытекающемъ изъ горъ Юрчи.
Башъ-Гиссаръ (предмѣстіе Гиссара)	40	Дорога ровная.
Итого верстъ	136	
Переходовъ	4	

Здѣсь до Гиссара показана дорога кружная; если-же слѣдоватъ съ одними конными и верблюжими выюками, безъ повозокъ, то къ Гиссару слѣдуютъ по горной дорогѣ черезъ снѣговые горы въ три дня: сначала по долинѣ Улачъ на городокъ того-же имени, лежащій въ снѣговыхъ горахъ, на разстояніи 40 верстъ. Отсюда перевалъ черезъ снѣговые горы и потомъ спускъ къ Гиссарской рѣкѣ, къ г. Гиссару—32 версты.

Н А З В А Н И Е Н О Ч Л Е Г О ВЪ.	Число верстъ.	О С О Б Й А П Р И М І Ч А НІЯ.
Отъ Джизаха до Ташкента.		
1-й колодезь Джизахъ-Сарай	35	Здѣсь выстроенъ сарай, коло- дезь находится въ лощинѣ и, кромѣ своей воды, получаетъ воду отъ тающаго снѣга и дождей.
2-й колодезь Олескеръ-Диванъ- Беги-Сардова	28	
3-й колодецъ Сангинъ-Сардова	30	
4-й переходъ къ переправѣ че- резъ р. Сыръ на высотѣ Таш- кента	28	
Отъ рѣки-же Сыра до Ташкента считается два дня караванного хо- ду. По всему этому пути можно ѣздить и на арбахъ.		

ОТЪ БУХАРЫ ВЪ КОКАНЪ И ШЕХРИ-СЯБЗЪ.

Къ показанию пленного Пшеничникова.

НАЗВАНИЕ НОЧЛЕГОВЪ.	Число верстъ.	ОСОБЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.
Городокъ Кунъ-Мачаръ	20	На канавѣ изъ Зарыавшана, имѣть много лавокъ; продается много сѣянной травы.
Селеніе Бустонъ	24	Вода та-же; бываетъ базарь.
— Хомъ-Чербакъ	20	Водата-же; имѣть лавки; дорога до этого селенія ровная, но въ дождь очень грязная.
Чулъ-Мавикъ-Большой камен- ный сарай для каравановъ, имѣ- еть лавочки или комнаты	20	Вода изъ канавы, проведенной изъ Зарыавшана.
Сарай въ окрестностяхъ Кереш- не и въ 2-хъ верстахъ отъ сего города	25	Вода та-же.
Еще близъ одной деревни въ	30	Вода та-же.
Селеніе Таусъ	25	Вода та-же; имѣть лавки, до- дорога до Тауса гориста, но подъемы и спуски не высоки и не круты.
Базарь.	30	Вода изъ ключа, впадающего въ Зарыавшанъ. На базарѣ этомъ по- стоянныхъ жителей нѣтъ, а разъ въ недѣлю собираются сюда для торговли окрестные жители.
Городъ Катты-Курганъ, величи- ною въ половину Бухары	35	На канавѣ изъ Зарыавшана.
На берегу Зарыавшана	33	Здѣсь бываетъ разъ въ недѣлю базарь, есть лавки, но жителей нѣтъ, на базарѣ продаются много сѣянной травы.

НАЗВАНИЕ НОЧЛЕГОВЪ.	Число верстъ.	ОСОБЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.
Селеніе Аббисіяхъ	37	На ключѣ того-же имени, вода очень хорошая; есть лавки и производится постоянная торговля.
Въ $\frac{1}{2}$ верстѣ за Самаркандомъ .	40	Вода изъ Зарыавшана, дорога ровная.
Переправа на правую сторону Зарыавшана, въ бродъ по колѣно, а иногда и по грудь лошади.		
Г. Джизахъ	16	Дорога гористая, идетъ по ущелью вдоль берега ручья, темущаго черезъ Джизахъ; грунтъ дороги каменистый
Крѣпость Заминъ	40	Вода изъ ключа, дорога ровная; есть подножный кормъ, но мало.
Небольшая крѣпость Іомъ . . .	20	На ключѣ дорога ровная.
Селеніе Саватъ	25	Вода изъ ключа, дорога ровная.
Кр. Ура-Тюп	30	На ключѣ, дорога ровная.
Итого верстъ	460	
Переходовъ	17	
Отъ Ходжента:		
Городокъ Мягренъ	30	Вода изъ ключа, подножного корму много.
— Каракъ-Чикумъ	50	Вода изъ ключа, подножного корму много.

НАЗВАНИЕ НОЧЛЕГОВЪ.	Число верстъ.	ОСОБЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.
Городокъ Коны-Бодонъ, въ горахъ	28	Мѣста вездѣ ровныя Ширина. Сыра доходитъ здѣсь до 150 сажень. Фарватеръ идетъ подъ правымъ берегомъ, у лѣваго-же очень мелко. Лѣсу нигдѣ нѣтъ по рѣкѣ, берега мѣстами песчаны.
Селеніе Бишъ-Арыкъ	28	Вода изъ ключей, дорога ровная, травы много.
Г. Коканъ	6	
Итого верстъ	122	
Переходовъ	5	
Отъ Бухары въ Шекри-Сабзъ.		
Небольшое селеніе Куракъ	20	Вода изъ канавы, идущей изъ Зарывшана, трава сѣянная привозится изъ окрестныхъ деревень; дорога глинистая, но ровная.
Карауль-Сарай	24	Подноожного корму нѣтъ; дорога каменистая, встречается на переходѣ высокая гора, на ночлегѣ есть три колодца, но вода въ нихъ соленая.
Конъ-Сардова-Сарай	28	Дорога ровная, въ двухъ мѣстахъ есть пески, трава сѣянная — изъ окрестныхъ деревень; на ночлегѣ колодцы съ каменными сводами; въ колодцы стекаетъ снѣговая вода, которая въ жаркое время высыпаетъ.

НАЗВАНИЕ НОЧЛЕГОВЪ.	Число верстъ.	ОСОБЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.
Городокъ Ходжа-Муоракъ	32	Травы нѣтъ, дорога ровная, вода изъ Каршинской рѣки, на дорогѣ встрѣчаются 2 колодца и вырытый прудъ.
Селеніе Кипъ	32	Встрѣчается неимного песковъ, дорога ровная, вода изъ Каршинской рѣки.
Г. Карши	24	Дорога ровная, подножного корму нѣтъ.
Уроч. Чимкать	30	Вода изъ 2 колодцевъ, пахнетъ тиною.
Уроч. Кара-Тепа	30	4 колодца и вырытый прудъ; вода пахнетъ тиною и горька. Дорога ровная
Городокъ Чирачки	24	Дорога гориста и камениста, спуски круты; орудія спускаются на людяхъ; вода изъ Шехри-Сябзской рѣки; рѣка эта занимается въ Шехри-Сябзѣ плотиной.
Пистаханъ, раззоренный горо- докъ	36	На Шехри-Сябзской рѣкѣ, дорога ровная.
Городокъ Кавнашикъ	28	Дорога ровная. Вода изъ Шехри-Сябзской рѣки
Уроч. Кайнаръ	32	Дорога ровная, вода проведена изъ Шехри-Сябзской рѣки.
Городокъ Дува	28	На р. Дувѣ, впадающей въ Шехри-Сябзскую рѣку. Дорога гориста. (Дува отъ Самарканда семь ташей.)
Селеніе Ходжа-Канатты	16	Вода изъ ключа и есть подножный кормъ; дорога ровная.

НАЗВАНИЕ НОЧЛЕГОВЪ.	Число верстъ.	ОСОБЫЙ ПРИМѢЧАНІЯ.
Ночлегъ у 2 горъ на р. Каймакъ-Тепя	24	Дорога ровная и переправа че-резъ р. Каймакъ-Тепя въ бродъ, по грудь лошади. Вирочемъ рѣка эта по временамъ пересыхаетъ.
Муйноводъ	28	Дорога ровная, вода изъ ключей.
Шехри-Сябзъ	4	
Итого верстъ	440	
Переходовъ	17	

ОТЪ БУХАРЫ ВЪ КОКАНЪ, ШЕХРИ-СЯБЗЪ И КЪ
АМУ-ДАРЬЕ.

Къ показанию пленного Федотова.

НАЗВАНИЕ ПОЧЛГОВЪ.	Число верстъ.	ОСОБЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.
Селеніе Сары-Пуль	18	На Зарьавшанѣ, дорога ровная.
— Хашты	32	На канавѣ Рудь, проведенной изъ Зарьавшана, — трава съянная (по-бухарски юнчка).
Не доходя селенія Арабъ-Хане .	48	На р. Карасу (вершина р. у Джизаха у Арабъ-Хане, ее совѣль разбираютъ по полямъ), вода хорошая; на переходѣ встрѣчаются небольшие пески и одна гора, не- высокая, но каменистая.
Селеніе Мазаръ-Хане	40	На р. Карасу.—дорога ровная.
— Джаусъ-Хане	48	На р. Карасу,—дорога ровная.
— Карабальскъ	48	На ключѣ, впадающемъ въ Ка- расу—дорога ровная. Отъ Хашты и до Карабальска встрѣчаются очень хороший подножный коры.
Крѣпостца Яны-Курганъ	48	На рѣчкѣ, образующейся изъ ручьевъ и текущей потомъ черезъ Джизахъ, дорога немнога гориста и есть крутые спуски и подъемы, но орудія слѣдуютъ постоянно на лошадяхъ.
Городъ и крѣпость Джизахъ	24	Дорога постепенно подымается на высокія горы, подойдя же къ Джизаху круто спускается къ этому городу; грунты дороги каменистый. Горы идутъ по направлению къ Куратѣ, отстоящей отъ Джизаха въ 12 шагахъ. Вправо отъ Джизаха

ПАЗВАНІЕ ПОЧЛЕГОВЪ.	Число верстъ.	ОСОВЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.
		заха (иля въ него изъ Бухары) ташей на 7, находится раззоренна эмиромъ кр. Пилогарь, въ окрестностяхъ которой есть прекрасные кормы и развито хлѣбопашество.
Черезъ Заминъ въ кр. Іомъ	56	На ключѣ, дорога ровная. Въ Заминъ проходишь ключь въ бродъ.
Городокъ Саватъ	24	На ключѣ, дорога ровная.
Крѣпость Ура-Тюле	24	Вода изъ горной рѣчки, проходящей черезъ самую крѣпость. Подъ самой Ура-Тюле встрѣчаются высокія горы, подъемы и спуски очень круты, такъ что необходимо тормозить орудія. Отъ Карабаныка и до Ура - Тюле попадается на почлагахъ прекрасный подножный кормъ, сохраняющійся до глубокой осени.
Итого верстъ	410	
Переходовъ	11	
Ключь Акъ-Су	56	Дорога ровная и подножный кормъ есть вездѣ.
Крѣпость Янди-Курганъ	16	На рѣкѣ, вода совершенно бѣлая, молочная, но хорошаго вкуса; дорога ровная.
Городъ Ходжендъ	32	Дорога ровная. Не доходя 8 верстъ до города, надо проходить ущельемъ между горами и р. Сыромъ, шириной сажень въ 15. Городъ расположень на ровномъ мѣстѣ.

НАЗВАНИЕ НОЧЛЕГОВЪ.	Число верстъ.	ОСОБЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.
Крѣпость Каракимкумъ . . .	40	Дорога ровная и идетъ по берегу Сыра.
— Махремъ-Курганъ . . .	24	Вода изъ ключей, впадающихъ въ Сыръ; дорога ровная, идетъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ р. Сыра
Крѣпостца Коны-Бодонъ . . .	32	На рѣкѣ того-же имени, впадающей въ Сыръ. Дорога ровная и вездѣ по дорогѣ отъ самого Ходжена есть прекрасный подножный кормъ.
Ночлегъ въ 32-хъ верстахъ отъ Коны-Бодона	32	Дорога песчаная съ гальками, Вода изъ Сыра, отстающего отъ ночлега на 2 версты.
Г. Коканъ	32	Дорога ровная.
Итого верстъ . . .	264	
Переходовъ . . .	8	
А всего верстъ . . .	674	
Переходовъ . . .	49	

НАЗВАНИЕ НОЧЛЕГОВЪ.	Число ночлегъ.	ОСНОВНЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.
Отъ Бухары до Шехри-Сибзъ.		
Уроц. Куракъ на степи	20	Вода проведена изъ Зарьавшана и кромѣ того вблизи ночлега есть большое озеро. Подножного корма нѣтъ. Дорога ровная.
Карауль-Сарай, селеніе	24	Дорога песчаная, встрѣчаются горы, подъемы, на которыхъ изъ Бухары пологи, а спуски круты, вода въ Карауль-Сарай получается изъ Сардовы (крытый бассейнъ) и 3-хъ колодцевъ, изъ которыхъ въ 2-хъ соленая.
Ходжа-Муоракъ	48	Вода изъ рѣки, текущей черезъ Карши, а по дорогѣ есть три Сардомы, да въ Ходжа-Муоракѣ выкопанный прудъ. Горъ нѣтъ, дорога песчаная.
Селеніе Коронъ	32	Вода изъ рѣки, протекающей черезъ г. Карши, дорога нѣсколько песчаная.
Г. Карши	24	Дорога ровная, подножного корму нѣтъ нигдѣ.
Кара-Тепе (насыпной холмъ) . .	48	Здѣсь вочують Узбеки; вода проведена изъ Каршинской рѣки, дорога ровная на половинѣ перехода есть два колодца, но вода въ нихъ соленая.
Городокъ Шракчи	24	Вода изъ рѣки, протекающей черезъ Шехри-Сибзъ и Карши; дорога гористая, и подъемы очень круты.
Крѣпость Катта-Курганъ	16	Вода изъ рѣки, протекающей черезъ Шехри-Сибзъ, дорога ровная.
Наибъ-Тепе, крѣпостца	24	На Шехри-Сибзской рѣкѣ.

НАЗВАНИЕ НОЧЛЕГОВЪ.	Число верстъ.	ОСОВЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.
Городъ Шехри-Сабзъ	4	
Итого верстъ	264	
Переходовъ	10	
Другая - же дорога отъ Бухары въ обходъ города съ лѣвой его стороны ведетъ отъ Чиракчи.		
Городокъ Каланчикъ	24	На Шехри-Сабзской рѣкѣ, до- дорога ровная.
Крѣпость Пистоханъ	16	На каналѣ изъ Шехри-Сабзской рѣки, дорога ровная.
Городокъ Дува-Бы	48	На рѣкѣ того-же имени. На 32 верстѣ отъ Пистохана встрѣчается родникъ, за которымъ начинаются горы, идущія до самаго Дува-Бы.
Гора Каймакъ-Тепа	40	На рѣкѣ, вѣщющей черезъ Катта- Курганъ, встрѣчаются небольшія горы и на срединѣ перехода канава.
Урочище Маймоноводъ	12	На Шехри-Сабзской рѣкѣ. Здѣсь переходъ на лѣвую сторону этой рѣки въ бродъ по песчаному ложу на глубинѣ $\frac{1}{2}$ четверти. Ширина рѣки здѣсь доходитъ до 200 сажен., но есть мѣсто и узкое.
Намбъ-Тепа	20	Дорога ровная.
Шехри-Сабзъ	4	
Отъ Бухары до Аму-Дары.		
Селение Шарь-Исламъ	20	Дорога ровная, но пыльная, и въ грязь движение по ней затруд- нительно, подиожного корумпировать.

НАЗВАНИЕ НОЧЛЕГОВЪ.	Число верстъ.	ОСОБЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.
Селеніе, передъ входомъ въ пески	16	
Ночлегъ у озера по выходѣ изъ песковъ	24	Шли песками, подпрягая подъ каждую пушку въ помощь лошадямъ по 100 человѣкъ. Въ озерѣ вода горькая, получали воду изъ каналы р. Аму.
Аму-Дарья	24	Расположились на рукавѣ Аму, ниже Черджуя, версты на четыре, рукавъ глубиною по лоясь человѣка и шириной 12—15 саж. Трава здѣсь сѣянная (по бухарски юрумка), жнуть ее 2 и 3 раза въ годъ, а сѣютъ въ 5 лѣтъ одинъ разъ.
Итого верстъ	120	
Переходовъ	5	
По разсказамъ Кабульцевъ, приходящихъ въ Бухару съ караванами, пространство отъ Карши до Аму-Дары они проходить въ 4 дни, отъ рѣки до Балха въ 2 дни и отъ Балха до первого Кабульского города Ташъ-Кургана въ 4 дня.		

С В Ъ Д Ъ Н I Я

**о мѣстахъ расположенія Киргизскихъ родовъ Орен-
бургскаго края.**

№	НАЗВАНИЕ РОДОВЪ.	ЛѢТНІЯ И ЗИМНІЯ КОЧЕВЪЯ.
	Западной части. овласти.	
1	Табынскій родъ.	Лѣтомъ кочуетъ по рѣкамъ, Чингирлау, Улентѣ, Чидертѣ, Калдыгайтѣ, Булдуртѣ, Хобдѣ, Кыилу, Ишь-Кырылгану. Туманчу, Уилу, Якишибаю, Анкатѣ и на урочищахъ Кантъ-киль, Томант-тамъ, Зимою противъ Илецкаго городка, форпостовъ: Затоннаго, Сухорѣчинскаго, Озерскаго, Ново-Илецкаго, Студеновскаго, Кожехаровскаго, Линевскаго, Бураннаго, Иртепскаго, Редутскаго, и при нѣкоторыхъ другихъ еще мѣстахъ Уральской линіи; также по рѣкамъ: Калдыгайтѣ, Чингирлау, Булдуртѣ, Хобдѣ и на вершинахъ р. Илека; наконецъ на урочищахъ Бузовы, Созлы, Тамды, Кара-Тюбя и при озерахъ Тляулакуль.
2	Кирдеринскій родъ.	Лѣтомъ по рѣкамъ Анкатѣ, Чидертѣ, Барбасъ-Тау и около озера Чалкарь-Куль Уйректе-Куль. Зимою при Уральской линіи противъ форпостовъ: Рубежнаго, Абisenскаго, Кожехаровскаго, Гниловскаго, Кошъ-Уральскаго, Кругло-Озерскаго, Чегановскаго и противъ города Уральска.
3	Тиминскій родъ.	Лѣтомъ по рѣкамъ Анкатѣ, Чидертѣ, Борбасъ-Тау, Улентѣ. Зимою при Уральской линіи противъ форпостовъ: Январевскаго, Кирсановскаго, Кинделинскаго, Иртескаго, Бородинскаго, Студенскаго и противъ Раниевскихъ хуторовъ.
4	Алачинскій родъ.	Лѣтомъ по рѣкамъ Калдыгайтѣ, Булдуртѣ, Якишибаю, Киндектѣ, Карагачъ, Чибынтѣ, Кинджагаръ и Сагызъ-сая. Зимою при урочищахъ Байгутты, Сунали, Ярекамышъ, Янгасъ-Огачъ, на рѣкѣ Яхшибай и озерахъ Исентемиръ-куль и Битпакъ-куль и противъ Калмыковской крѣпости.

№	НАЗВАНИЕ РОДОВЪ.	ЛѢТНІЯ И ЗИМНІЯ КОЧЕВЪЯ.
5	Часть Таймова отѣнія Чиклинскаго рода.	Лѣтомъ по рѣкамъ Яхшибаю, Калдыгайтѣ и Булдуртѣ. Зимою на озера Сунали-куль.
6	Байба-Ктинскій родъ.	Лѣтомъ по рѣкамъ Калдыгайтѣ, Булдуртѣ, Улентѣ, Чидертѣ, Жимпите, Кызыль-Агачу и Анакаты. Зимою на озерахъ Соналыкуль. Тузлы-куль и Сасыкъ-куль, также въ камышахъ, при устьѣ р. Уленты и при Уральской линіи противъ форпостовъ Абищенскаго и Горячинскаго.
7	Танинскій родъ	Лѣтомъ по рѣкамъ Булдуртѣ, Улентѣ и Анакаты. Зимою при Уральской линіи, начиная отъ Каршинскаго форпоста до Тополинской крѣпости; нѣкоторые же изъ нихъ снимаютъ зимовки у другихъ Киргизовъ, съ платою, стоящою по мѣстности.
8	Кызылкуртовъ родъ.	Лѣтомъ по рѣкамъ Яешибаю, Джи-канлы и на озерахъ Косъ-куль. Зимою при Уральской линіи, противъ крѣпости Кулагинской и форпоста Гребенщиковскаго.
9	Маскарскій родъ.	Лѣтомъ по рѣкамъ Яешибаю и Джи-канлы и около озера Джите-куль. Зимою въ камышахъ Карап-Кумлевскихъ.
10	Исыковъ родъ.	Лѣтомъ по рѣкамъ Уилу, Кыилу, Калдыгайтѣ, Булдуртѣ, на Джитекуль, Яешибаѣ и Ярмѣ. Зимою по рѣкамъ Уилу, Каракулю, Сагизу и Эмбѣ, по смежнымъ берегамъ и островамъ Каспійскаго моря, по пескамъ Тайсуганъ.
11	Черкесовъ родъ.	Лѣтомъ по рѣкамъ Калдыгайтѣ и Булдуртѣ. Зимою по берегамъ Каспійскаго моря, у Гурьев-городка.
12	Исентемировъ родъ.	Лѣтомъ на вершинѣ Уила, по рѣчкамъ Яхшибаю, Калдыгайтѣ и Булдуртѣ. Зимою въ камышахъ Карабау и Сарыкуль.

№	НАЗВАНИЕ РОДОВЪ.	ЛѢТНІЯ И ЗИМНІЯ КОЧЕВЪЯ.
13	Берчевъ родъ.	Лѣтомъ все Киргизы Берчева рода проводятъ лѣто, начиная отъ устья р. Урала и направляя свои кочевья вверхъ по Уралу, доходить до Калмыковской крѣпости, а отсюда отъ устья реки Яшибая до вершины оной по разнымъ притокамъ, по направлению къ Уилу, Каракую и Карабау. Частью кочуютъ еще въ окрестностяхъ песковъ Атанаѣтъ Кульмакъ. Зимою же сосредоточиваются преимущественно при Уральской линіи противъ крѣпости Баксайской, форпостовъ: Яманхалинского, Кандауровского, Зеленского, Кармановского и при крѣпости Тополинской. Зимуютъ также на урочищахъ Карабавъ и Каракудъ.
14	Тазовъ родъ.	Лѣтомъ кочуетъ по рѣкамъ Сагызу, Уилу и Яшибая. Зимою при Уральской линіи, противъ Гурьева-городка, а нѣкоторые на урочищѣ Чанки и по берегу моря.
15	Китинскій родъ.	Лѣтомъ по рѣкамъ Эмбѣ, Сагызу, Уилу, и на вершинахъ Хобды. Зимою по берегу моря, нѣкоторые въ пескахъ Тайсуганъ.
16	Чиклинскаго рода Уджрайское отдѣленіе.	Лѣтомъ на вершинахъ рекъ Уила и Сагыза. Зимою по рекѣ Уилу, въ пескахъ Баркинъ-Кумъ и по берегу моря.
17	Чумичли-Табынскій родъ.	Лѣтомъ, при рѣкахъ Эмбѣ и Сагызу, по Усть-Урту и въ пескахъ Самъ. Зимою за Усть-Уртомъ на мѣстѣ, называемомъ Учь-Авданъ, близъ Хивинскихъ владѣній.
18	Адаевскій родъ.	Лѣтомъ по рѣкамъ Эмбѣ, Сагызу, въ пескахъ Самъ на Усть-Уртѣ, и въ особыхъ случаяхъ въ пескахъ Тайсуганъ. Зимою при морѣ на Бузачи, Караганѣ, Тюль-Актавѣ, Корашавѣ и на Карабау.

№	НАЗВАНИЕ РОДОВЪ.	ЛѢТНІЯ И ЗИМНІЯ КОЧЕВЪЯ.
	Средней части. ОВЛАСТИ.	
1	Чиклинскій родъ.	Лѣтомъ, по урочищамъ Большомъ и Маломъ Барсукахъ, на урочищѣ Кукъ-Араль, около Аральскаго моря, и на вершинахъ Эмбы. Зимою на урочищахъ Кукъ-Араль Кукъ-Тарнакъ и Куланды-Тюпъ. Отдѣленія-же этого рода, Чуреневское и Назаровское, кочуютъ лѣтомъ по притокамъ Большой и Малой Хобды по Чить-Буртѣ, по урочищамъ Бишъ Тамакѣ и Исенбаю. Зимою по Эмбѣ отъ урочища Кумаргань-Домошли-Исберъ.
2	Дюрткаринскій родъ.	Лѣтомъ и зимою по рѣкамъ Иргизу и Сыръ Дарьѣ, часть по берегамъ Аральскаго моря и въ Каракумахъ.
3	Чумекъевскій родъ.	Лѣтомъ, по рѣкамъ Сыръ-Дарьѣ, Куванъ-Дарьѣ и Иргизу и на урочищахъ Тургаю и Каракуму. Зимою по рѣкамъ Сыръ, Куванъ и Яна-Дарьямъ и въ песчаныхъ Кызыль.
4	Табынскій родъ	Лѣтомъ, по рѣкамъ Илеку, Большой, Средней и Малой Хобдѣ, Кызылу, Убали-Буртѣ, Берданкѣ и Курали. Зимою по рѣкамъ Илеку, Уралу и Хобдѣ.
5	Таминскій родъ.	Лѣтомъ и зимою кочуютъ смѣжно съ Табынцами.
6	Джагалбайлинскій родъ.	Лѣтомъ кочуетъ по рѣкамъ Тогузаку, Кызыль-Чилику, Кара-Таилѣ, Камышавъ, Таджара-Аятъ, Дамдуру Бугутау Тагила-Бутаку, Акъ-джару, Күяну, Ургану, Кутз-Бияку, Кумаку, Тоболу, Кызыль-Кайну, Мамутѣ, Уисуль-Карѣ, Ибейтѣ, Куагачу, Тираклѣ, Кусъ-Истыку, Каргаль и Чуртанлѣ. Зимою при рѣкахъ Имшектѣ, Гумбейкѣ, Курасану, Сарымсаклу, Ярлу, Ори,

№	НАЗВАНИЕ РОДОВЪ.	ЛѢТНІЯ И ЗИМНІЯ КОЧЕВЬЯ.
	Восточной части ОВЛАСТИ.	Буртъ Арчаялы-Аятъ. Также противъ станицъ: Янгельской Сыртинской, Увельской, Кизильской, Орловской, Таналыцкой, Тереклисской, Калпацкой, Губерлинской, Банной, Хабарной, Ильинской и Николаевской.
1	Аргынскій родъ.	Лѣтомъ, по верхнимъ частямъ рѣкъ обоихъ Тургаевъ и притомъ вообще по всѣмъ тѣмъ рѣкамъ, озерамъ и мѣстечкамъ, которая лежать между рѣками, Тургаемъ и Тоболомъ, равно по всѣмъ таковымъ-же, владающимъ въ рѣку Убагань съ лѣвой ея стороны. Зимою по рѣкамъ Тургаю и Убагану, на озерахъ Сары-копы, Карсакъ-башѣ, Каракулѣ, Сысынѣ, Эбелею, Казанъ-Басы по займищамъ Суярганъ, Алкау, Каракулѣ и Якишибаю на урошищѣ Казанъ-башѣ; въ пескахъ Тосунѣ и при Аманъ-Карагайскомъ борѣ.
2	Тюмень-Китинскій родъ.	Лѣтомъ, по верхнимъ частямъ рѣкъ обоихъ Тургаевъ и притомъ вообще по всѣмъ тѣмъ рѣкамъ, озерамъ и мѣстечкамъ, которая лежать между рѣками Тургаеъ, Тоболомъ; также по всѣмъ таковымъ-же, прилегающимъ къ рѣкѣ Убагану съ лѣвой ея стороны. Зимою по рѣкамъ Убагану, Теректѣ и по Тургаймъ; при озерахъ Сексенбай, Копѣ, Ярманъ, Кары-Тубекъ, Каракамишъ, Соры-копы, Куюкъ, Чумеклы, Татембекѣ, Ускеконѣ, Большомъ Алакулѣ, Каракамишѣ, Каракамышѣ, Балганѣ, Тюмебаѣ, Каурузими-Карагаѣ и Кармуюнѣ.
3	Кипчакскій родъ.	Лѣтомъ, по правую сторону рѣки Тобола, смежно съ Аргынцами. Также по озерамъ, лежащимъ между рѣками Тоболомъ, Чуртанды, Джилкуваромъ, Аятамъ и Тагузакамъ, равнымъ образомъ между старою и новою линіями, затѣмъ по рѣ-

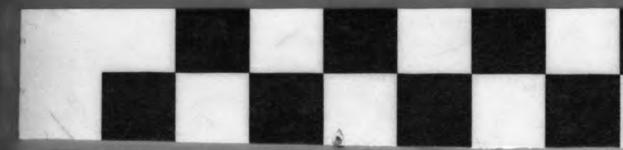
№	НАЗВАНИЕ РОДОВЪ.	ЛѢТНІЯ И ЗИМНІЯ КОЧЕВЬЯ.
4	Кирейский родъ	камъ Сырь-Дарьѣ. Джиланчикъ и по Тургаймъ и около горы Карагатау. Зимою по рѣкамъ Тоболу, Чуртанды, Джилкувару, Тогузакамъ, Кумсайгану, Сырь-Дарьѣ и Джиланчику; при крѣпостяхъ Устьуйской, Петропавловской, при станцияхъ Варваринской, до укрепленія Наслѣдника и въ окрестностяхъ Джулека до самаго Туркестана.
5	Яппаскій родъ.	Лѣтомъ по рѣкамъ Тоболу, Убагану, смежно съ Аргынами и Кипчаками. Зимою по рѣкамъ Тоболу и Убагану, отъ Устьуйской крѣпости до отряда Прорывнаго и до такового же Озернаго и отъ послѣднаго до Алабужскаго, а также по озерамъ, лежащимъ по обѣимъ сторонамъ нижней части рѣки Убагана, примѣрно въ 40 верстахъ отъ линіи.
6	Алтынскій родъ.	Лѣтомъ по рѣкамъ Сырь-Дарьѣ, Тургай, Тоболу и Аяту и между старою и новою линіями. Зимою по рѣкѣ Сырь-Дарьѣ, на камышахъ и займищахъ Кувану, между Акъ-мечетью (форть Петровской) и могилой Куркута и на пескахъ Карап-Кумт, смежно съ Кипчаками, а также между новою и старою линіями.

mechanical *gasoline* *or* *gas* *in* *the* *car* *on* *the* *way* *to* *work*. d. M.H.-48

UNIVERSITY OF MINNESOTA

3 1951 P01 104 170 J

3 1951 P01 104 170 J